

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Ответственные редакторы:

Б. А. ВАЛЬСКАЯ, Ю. В. МАРЕТИН

Сборник подготовлен Восточной комиссией Географического общества СССР. В него вошли статьи, посвященные исследованию различных вопросов географии, этнографии, археологии, нумизматики, лингвистики и искусства стран бассейна Тихого океана — восточных районов СССР, северо-западного побережья Америки, Кореи, Японии, Китая, Индонезии и Австралии. В книге также помещены материалы путешествий и экспедиций к берегам северо-востока Сибири и Дальнего Востока.

1-6-2
7-68

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. VI

Страны и народы бассейна Тихого океана

*Утверждено к печати
Восточной комиссией Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Редактор Г. М. Юдина. Технический редактор М. А. Полуян. Корректор Г. В. Стругова

Сдано в набор 24/IV 1968 г. Подписано к печати 27/IX 1968 г.
А-08547 Формат 70 × 108 1/16 Бум. № 1 Печ. л. 16,5 Усл. п. л. 23,1 Уч.-изд. л. 22,08
Тираж 1800 экз. Изд. № 1939 Зак. № 668. Цена 1 р. 59 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

В. В. Антропова, Ч. М. Таксами

**КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО АН СССР ПО НАРОДАМ
ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СССР**

Сокровищницей этнографических коллекций СССР является старейший музей страны — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР, 250-летие которого отмечалось в 1964 г. Он был основан Петром I в 1714 г. как Кунсткамера и явился первым русским музеем и научным учреждением страны. Тогда же начался систематический сбор коллекций по различным областям знаний, в том числе и этнографическим. Как самостоятельный музей Кунсткамера просуществовала до 30-х годов XIX в. К этому времени ее собрания настолько увеличились, что на их основе (с 1818 по 1836 г.) организуется несколько отраслевых самостоятельных академических музеев, в том числе и Музей этнографии (1836 г.). В здании бывшей Кунсткамеры — одном из красивейших памятников XVIII в. в Ленинграде — остался только Музей этнографии.

В 1879 г. его слили с Анатомическим музеем и он стал именоваться Музеем антропологии и этнографии¹. Под этим названием музей существует и по настоящее время.

За 250 лет музеем были собраны ценнейшие коллекции. По количеству экспонатов он занимает одно из первых мест в мире среди этнографических музеев. Из отечественных коллекций музея наиболее многочисленны сибирские, в их число входят большие собрания предметов культуры и быта коренного населения Тихоокеанского побережья советского Дальнего Востока. Описанию этих собраний и посвящена данная статья. Но прежде чем перейти к нему, нам хотелось бы дать краткую характеристику быта, культуры и лингвистической принадлежности этих народов.

* * *

Коренное население Тихоокеанского побережья советского Дальнего Востока по своему языку и культуре неоднородно. По языковому признаку, который положен в основу классификации народов, оно принадлежит к разным лингвистическим группам.

В тунгусо-маньчжурскую языковую группу входят народы, населяющие бассейн р. Амура и его притоков, — нанайцы (прежнее назва-

---

¹ Далее именуемый МАЭ.

ние — гольды), ульчи, орочи, удэгейцы, негидальцы. Все они говорят на родственных языках и имеют много общего в хозяйстве и культуре. Основными видами их хозяйственной деятельности в прошлом являлись речное рыболовство и охота на пушного и морского зверя. В зависимости от местности доминировала та или другая отрасль, например у ульчей и орочей получил развитие морской зверобойный промысел. Сходство отдельных элементов культуры указанных народов наблюдается в жилище, одежде (например, халат из рыбьей кожи), средствах передвижения (особый тип собачьей нарты, однотипная лодка-берестянка), в орнаментальных мотивах и во многом другом.

К тунгусо-маньчжурской группе относятся еще ороки, обитатели острова Сахалина. Они занимались рыболовством, охотой на пушного и морского зверя. Техника этих промыслов мало отличалась от амурской. Большое значение в хозяйстве ороков имело и оленеводство, что сближало их с тунгусскими народами — эвенками и эвенами. В материальной культуре ороков также прослеживаются тунгусские элементы (например, корьевой чум).

Промежуточное положение между амурскими народами и собственно тунгусами (эвенками и эвенами) занимают негидальцы, жившие по рекам Амгуни и Амуру. Их традиционная культура соединяет в себе тунгусские и амурские элементы. Основное занятие — рыболовство и охота, как у амурских народов, но в отличие от последних негидальцам было известно еще оленеводство. В жилище и одежде наблюдались разные варианты. Жилище было представлено как амурским (корьевой шалаш с двускатной крышей), так и тунгусским (конический чум) типами, это же было характерно и для одежды — наличие амурского халата из рыбьей кожи и тунгусского нагрудника.

К собственно тунгусам относятся эвены (ламуты) и эвенки (тунгусы).

Эвены расселены по Охотскому побережью в Хабаровском крае, в Магаданской и Камчатской областях. Они были кочевниками — оленеводами и охотниками, и лишь небольшая группа жила оседло на Охотском побережье и занималась промыслом морского зверя и рыболовством. Олень служил кочевникам средством передвижения во время охотничьего промысла, а весь их быт был хорошо приспособлен к длительным передвижениям — переносное жилище, различные типы выючных сум, особая колыбель для перевозки детей, распашная меховая одежда с расходящимися лапами, удобная для верховой езды на оленях, и т. д.

Эвенки, проживающие во многих районах Хабаровского края, Приморской и Сахалинской областей, как и эвены, являлись охотниками и оленеводами.

К амурским народам, в первую очередь к нанайцам и орочам, очень близки по культуре нивхи (прежнее название — гиляки), но резко отличаются от своих соседей по языку, который исследователи не могут отнести ни к одной языковой группе. Нивхи подразделялись на материковых, или амурских, живущих по нижнему течению Амура и Амурскому лиману, и обитателей о-ва Сахалина. Исконными занятиями нивхов были рыболовство и морской зверобойный промысел, охота играла у них меньшую роль, чем у других народов Амурского бассейна.

К языковой группе северо-восточных палеоазиатов относятся народы, населяющие северную часть Тихоокеанского побережья. Это — чукчи, коряки и ительмены. Чукчи составляют основное коренное население Чукотского национального округа Магаданской области. По хозяйственному признаку они подразделялись на две группы — оленеводов-кочевников (оленные чукчи) и оседлых охотников на морского зверя (при-

морские чукчи). В отличие от хозяйства тунгусских племен для хозяйства чукчей было характерно крупнотабунное оленеводство, с которым был связан кочевой уклад жизни, вызванный необходимостью передвижения стад на новые пастбища, богатые ягелем. Материальная культура чукчей-олeneводов в общих чертах мало отличалась от культуры приморских чукчей. Для обеих групп была характерна глухая меховая двойная одежда, меховой полог внутри жилища и т. д. Средством передвижения кочевых чукчей была оленья упряжка, оседлых — собачья.

Культура другого народа из группы северо-восточных палеоазиатов, коряков, в целом родственна чукотской. Коряки составляют основное население Корякского национального округа (Камчатская область) и, как чукчи, подразделялись по роду своей деятельности на кочевников-олeneводов и оседлых рыболовов и охотников на морского зверя.

Ительмены (старое название камчадалы), последние из народов палеоазиатской группы, в XVII в. населяли весь Камчатский полуостров. К концу XIX в. они ассимилировались с русскими, восприняв их язык и культуру. В настоящее время лишь небольшая группа ительменов, живущая на западном побережье Камчатки, сохранила еще свой язык и национальное самосознание. Вещественные материалы самобытной культуры ительменов, хранящиеся в музеях, имеют особое значение как памятники исчезнувшей культуры.

Эскимосско-алеутская группа народов на советском Тихоокеанском побережье представлена эскимосами и командорскими алеутами. Хозяйство и быт эскимосов мало отличались от хозяйства и быта приморских чукчей.

В XIX в. на о-ве Сахалине и Курильских островах жили еще айны — народ, стоящий особняком от других племен Сибири.

Коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии, отражают традиционную культуру и быт почти всех названных выше народов. На основании этих коллекций можно характеризовать разные типы хозяйства населения, орудия охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла, оленеводства, технику этих промыслов и т. д. В материальной культуре наиболее всесторонне представлены одежда, утварь, средства передвижения (как подлинные экспонаты, так и модели), жилище (преобладают модели). Имеются также богатейшие материалы по искусству народов тихоокеанского круга — различные орнаменты, резьба по кости, костяная и деревянная скульптура и др. Искусство этих народов чаще носит прикладной характер, поэтому кроме самостоятельных экспонатов материалы по искусству в изобилии можно найти на многих предметах домашнего обихода.

Большую ценность представляют многочисленные экспонаты, отражающие примитивные религиозные верования. По ним можно судить о древних анимистических представлениях, обрядах, культе животных, обычаях, связанных с рождением и смертью, и т. д. Наконец, уникальные материалы по шаманству могут многое дать исследователям, занимающимся начальными формами и происхождением религии.

Этнографические коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Тихоокеанского побережья, как и по другим народам Сибири, являются результатом более чем двухвековой собирательской деятельности Музея. В этой работе первое место занимают специальные научные экспедиции, которым наряду с изучением отдельных народов поручался сбор вещественных материалов по этнографии и фотографиям. Роль экспедиций в собирании коллекций особенно возросла в советский период.

В комплектовании коллекций по народам Тихоокеанского побережья приняло участие большое количество лиц. Имена многих из них остались известны только узким специалистам. В числе собирателей дореволюционного периода были видные этнографы-сибиреведы С. П. Крашенинников, Л. И. Шренк, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг, Б. О. Пилсудский и др.; ученые других специальностей — географ Р. Маак, зоолог и археолог И. С. Поляков; геологи и топографы — И. П. Толмачев, К. И. Богданович, С. Г. Кусов, А. Г. Мягков; знаменитые мореплаватели и путешественники — Ф. П. Литке и его соратники по кругосветным путешествиям, В. К. Арсеньев — широко известный ученый, путешественник и писатель; чиновники отдельных областей Дальнего Востока, например, Н. Л. Гондатти.

Особо следует отметить собирательскую деятельность препаратора Зоологического музея И. Г. Вознесенского, специально командированного для пополнения коллекций академических музеев, в том числе и этнографического.

Немалый вклад был внесен также и добровольными пожертвованиями. Много экспонатов было прислано Музею местной интеллигенцией Дальнего Востока, энтузиастами-краеоведами, врачами В. Н. Кириловым и П. И. Супруненко, а также простыми людьми, иногда даже неграмотными. Для примера приведем дословно выдержку из письма, написанного в 1912 г. местным жителем Камчатки А. А. Щенниковым: «...прошу ваше превосходительство неотказат моей прозбы принят в дар музея мной привезенные вещи»².

В советское время коллекции увеличились главным образом за счет научных экспедиций, возглавляемых специалистами-этнографами. Среди них первое место занимают работники Музея антропологии и этнографии и Института этнографии Академии наук СССР — И. И. Козьминский, Н. К. Каргер, С. В. Иванов, Н. А. и А. Н. Липские, А. В. Смольяк, М. Г. Левин и другие, в разное время работавшие в стенах Музея или Института. Некоторые из них и по настоящее время являются сотрудниками этого Института.

В конце 20-х — начале 30-х годов в собирательской деятельности Музея приняли участие студенты-этнографы Ленинградского университета Е. А. Крейнovich, А. С. Форштейн, С. Н. Стебницкий и другие. Посланные университетом на длительную практику в районы Крайнего Севера, они обычно привозили оттуда этнографические экспонаты.

В Музее антропологии и этнографии насчитывается около 10 тыс. предметов быта и культуры народов советского побережья Тихого океана. Дать подробное их описание в небольшой статье невозможно, поэтому постараемся охарактеризовать самые ценные поступления.

Наиболее многочисленны собрания по этнографии народов Амурского бассейна и о-ва Сахалина. Первая комплексная коллекция из этих районов, поступившая от академика Л. И. Шренка, насчитывает свыше 300 предметов быта и культуры нивхов, нанайцев, ульчей, ороков. В ней отражена материальная культура этих народов, в особенности одежда и утварь, народная техника, орудия промыслов; многочисленны материалы по искусству и религии (изображения различных духов и др.). Она собрана в 1853—1856 гг., когда Л. И. Шренк возглавлял Амурскую академическую экспедицию. Результаты экспедиции он опубликовал в трехтомном труде — в 1881 г. на немецком языке, а в 1883—1903 гг. — на русском³. Иллюстрациями к этому труду служили многие предметы

² МАЭ, документы к описи № 1942.

³ Л. И. Шренк. *Об инородцах Амурского края*, тт. I—III, СПб., 1883—1903,

Ульчский халат из рыбьей кожи.
Из собраний Р. Маака (Колл. МАЭ)

коллекции. Заслуга Л. И. Шренка не ограничивается только его исследованиями и личными сборами. Будучи в течение ряда лет (с 1879 по 1894 г.) директором Музея антропологии и этнографии, он много сделал для расширения собирательской деятельности Музея в целом.

К середине прошлого века относятся сборы географа и путешественника по Сибири Р. Маака. Во время экспедиции на Амур, организованной Русским географическим обществом, им была собрана большая коллекция (около 200 предметов), главным образом предметов одежды нанайцев и ульчей, во многом дополняющая коллекцию Л. И. Шренка.

Большой вклад в изучение народов Амурского бассейна и о-ва Сахалина был сделан политическим ссыльным, впоследствии выдающимся сибиреведом — этнографом Л. Я. Штернбергом. Менее известен он как собиратель. В 1889 г. Л. Я. Штернберг за активное участие в организации «Народная воля» был сослан на о-в Сахалин, где впервые столкнулся с «живой» этнографией и занялся изучением нивхов (гиляков). Л. Я. Штернберг прежде всего известен как автор работ о социальном строе этого народа. Всесторонне изучить древние и современные (т. е. конец XIX в.) формы общественной и семейной жизни нивхов ему помог случай. Во время предварительного заключения он познакомился с классической работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эта работа помогла начинающему исследователю во многом правильно проанализировать некоторые древние институты первобытнообщинного строя нивхов, в частности групповой брак, родовую организацию и др. Исследование Л. Я. Штернберга о групповом браке у нивхов стало известно Ф. Энгельсу и получило его одобрение⁴.

После возвращения из ссылки в 1897 г. жизнь и научная деятельность Л. Я. Штернберга становятся неотделимы от Музея антропологии

⁴ Ф. Энгельс, *Вновь открытый пример группового брака*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 364—367.

и этнографии. Он возглавил всю работу по сибиреведению. Благодаря его энергичной деятельности Музей организует экспедиции в малоисследованные районы Сибири, в обязанности которых входит также сбор коллекций по определенной программе. Он устанавливает связь с местными учеными и краеведами, всячески поощряя их собирательскую деятельность, добывая для этого необходимые материальные средства, рассылает нужные программы и инструкции. Под его руководством впервые проводится научная регистрация сибирских коллекций Музея.

В 1910 г. Л. Я. Штернберг принимает участие в работе Амурской экспедиции; посещает поселки нивхов, нанайцев, орочей, негидальцев и наряду с изучением культуры и языка этих народов приобретает различные бытовые вещи. Им была собрана для Музея комплексная коллекция по хозяйству, быту, верованиям и искусству нанайцев (свыше 400 предметов). В ней представлены предметы охоты, народная техника и материальная культура; имеются также образцы вышивок и другие материалы по искусству. Религиозные представления нанайцев могут быть иллюстрированы большим количеством изображений различных духов, имеющих в этой коллекции, предметами шаманского культа, комплексом предметов, употребляемых на псминках, и многими другими.

Коллекция по этнографии нивхов, доставленная Л. Я. Штернбергом, насчитывает свыше 175 единиц. Наиболее интересны в ней предметы культа. Негидальские собрания Л. Я. Штернберга (около 130 предметов) дают некоторое представление о занятиях, материальной культуре, прикладном искусстве и верованиях этого народа.

Кроме названных здесь больших поступлений Л. Я. Штернберг привез небольшое число экспонатов и по другим народам Амурского бассейна и о-ва Сахалина.

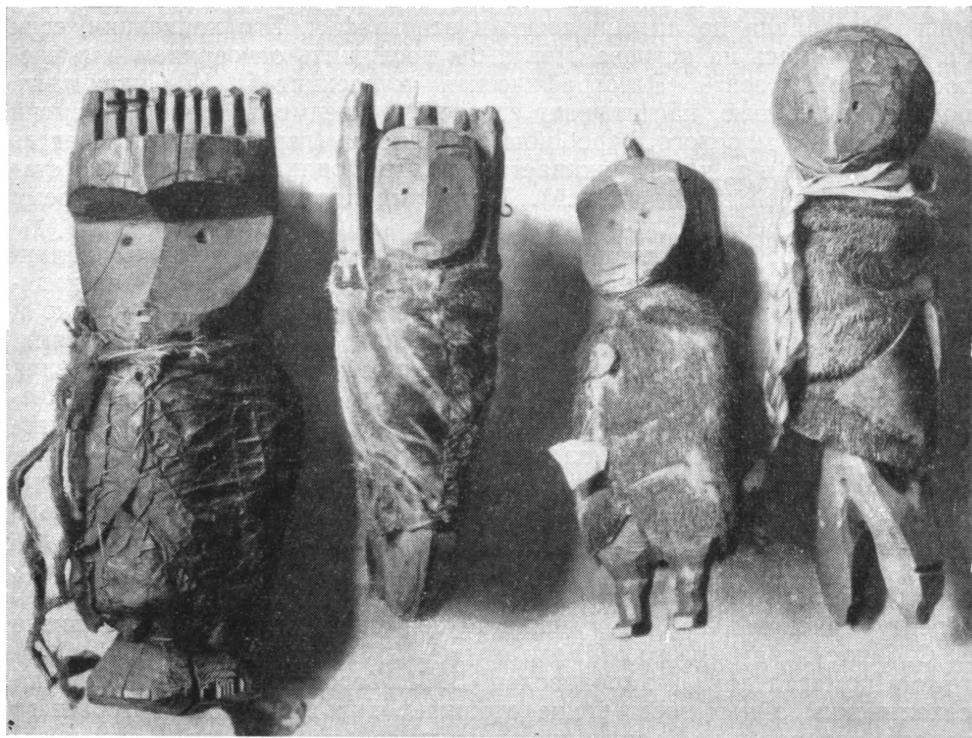
Амурская экспедиция помимо этнографического изучения и сбора коллекций засняла большое количество негативов, иллюстрирующих быт населения. Этой экспедицией закончились полевые работы Л. Я. Штернберга, но не окончилась его собирательская деятельность.

В 1911—1914 гг. Музей обогащается ценными предметами по этнографии удэгейцев, полученными от В. К. Арсеньева.

В. К. Арсеньев, впоследствии автор широко известной книги «Дерсу Узала», был тесно связан через Л. Я. Штернберга с Музеем антропологии и этнографии. Он не только сам собирал коллекции, но и привлекал к этому делу других людей. Он был большим и бескорыстным энтузиастом-собирателем. В одном из писем к Л. Я. Штернбергу В. К. Арсеньев пишет: «Считаю Вас долгом уведомить, что свои сборы по этнографии я *никогда не продаю* (курсив автора письма), а жертвую. Продажу вещей в Музеи — я не допускаю. Музеи — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно»⁵. Из своего путешествия по уссурийской тайге он прислал наземную гробницу знатного удэгейца с богатым инвентарем, шаманское дерево и другие предметы культа. Уникальным экспонатом является шаманское дерево, или тотемный столб (по определению В. К. Арсеньева). Это высокий раздвоенный столб около 6,5 м высоты. На нем вырезаны изображения птиц, змей, голов. Подобные столбы сооружались в честь родовых духов и являлись, по представлениям удэгейцев, их вместилищем. Другим уникальным предметом, по определению В. К. Арсеньева «изумительно интересная вещь»⁶, является берестяная коробка, увешанная костями

⁵ В. А. Арсеньев, *Жизнь и приключения в тайге*, М., 1957, стр. 219.

⁶ Там же, стр. 216.

Изображение духов. Ороки.
Из собрания И. С. Полякова (Колл. МАЭ)

penis'a медведя. Такие кости хранили удэгейские женщины, якобы как напоминание о происхождении от медведя и как амулет от бесплодия.

В эти же годы для Музея собирал коллекции у удэгейцев Н. В. Кирилов — врач и общественный деятель⁷. Он по роду своей работы посещал многие районы Сибири и Дальнего Востока, и поэтому Л. Я. Штернберг привлек его к участию в собирательской деятельности. Кирилов доставил в Музей шаманские вещи, изображения духов и различные металлические орудия удэгейцев, в том числе шаманские столбы. Они орнаментированы разными раскрашенными фигурами животных и снабжены скульптурными изображениями птиц.

По этнографии народов о-ва Сахалина кроме Л. И. Шренка и Л. Я. Штернберга значительные коллекции были собраны зоологом и археологом И. С. Поляковым. Он доставил в Музей в 1883 г. первую коллекцию по культу ороков и предметы по быту сахалинских нивхов.

Большое собрание предметов по быту нивхов было получено от доктора П. И. Супруненко в 1890 г. О его собирательской деятельности упоминает Чехов: «...по немногим оставшимся экземплярам, в высшей степени изящным, и по рассказам я мог судить о богатстве коллекции и о том, сколько знания, труда и любви затрачено доктором Супруненко на это полезное дело. Он начал собирать коллекцию в 1881 г. и за десять лет успел собрать почти всех позвоночных на Сахалине, а также

⁷ Е. Д. Петряев, Н. В. Кирилов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока, Чита, 1960.

много материала по антропологии и этнографии. Его коллекция, если бы она осталась на острове, могла бы послужить основанием для превосходного музея»⁸. Этнографическая коллекция П. И. Супруненко, подаренная Музею, насчитывает свыше 200 предметов одежды, орудий рыболовства и морского зверобойного промысла (гарпуны и др.), средств передвижения и т. д. Заслуживает внимания подлинный экземпляр старинной собачьей нарты (саней). Такой тип нарты в настоящее время вышел из употребления.

Богатые собрания хранятся в Музее по культуре и быту сахалинских айнов. Небольшие поступления и отдельные предметы были доставлены еще в конце XIX в. И. С. Поляковым, П. И. Супруненко и другими собирателями вместе с нивхскими и орокскими коллекциями, но фактическую основу айнских собраний составляют поступления Б. О. Пилсудского. Б. О. Пилсудский, автор нескольких этнографических работ о народах Сахалина, был народовольцем. Вынужденный из-за своих убеждений в 1902 г. покинуть столицу, он принимает предложение Музея заняться изучением айнов и собрать вещественные памятники их культуры. Поездка Б. О. Пилсудского затянулась на несколько лет. В конце 1906 г. он пишет Л. Я. Штернбергу из Токио: «Я не торопился возвращаться, а теперь уже вполне выяснилось, что ехать в Россию, где царствует небывалый еще произвол озлобленной темной клики, чересчур рискованно»⁹. Поручение Музея было с успехом выполнено Б. О. Пилсудским (всего собрано свыше 1000 предметов). В этой работе ему помогал другой народоволец, В. Л. Серошевский. Коллекция по сахалинским айнам всесторонне отражает культуру этого интересного народа, которая в настоящее время почти совсем утрачена. В ней представлены утварь, одежда, средства передвижения и другие предметы, относящиеся к быту айнов. Имеется много уникальных вещей, например резные надгробные памятники и собрание различных «инау»¹⁰.

Кроме перечисленных выше коллекций по этнографии народов Амурского бассейна и о-ва Сахалина в Музее имеются еще небольшие собрания: Б. О. Пилсудского, Н. И. Берлинга, супругов С. Г. и К. М. Кузовых — по сахалинским нивхам и орокам, Н. Е. Ефремова — по нанайцам, а также некоторые другие.

В советский период собирательская деятельность Музея получила новое направление. Благодаря увеличению государственных ассигнований на экспедиционную работу стало больше возможностей для планового сбора коллекций.

С конца 20-х годов в районы Амурского бассейна и на Сахалин было организовано несколько экспедиций. В их программу входил сбор экспонатов, отсутствующих в Музее.

В 1926 г. работала Горино-Амгунская экспедиция. Ее участниками были молодые советские ученые, ученики В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга — И. И. Козьминский и Н. К. Каргер. Они собрали большую комплексную коллекцию (около 400 предметов) по этнографии горинских нанайцев, обособленной группы, известной еще под названием самагиров. В ней хорошо представлен охотничий промысел — орудия охоты, полный костюм, снаряжение охотника и другие предметы, интересные для характеристики хозяйства горинских нанайцев, так как в отличие от других групп нанайцев у самагиров доминировала охота, а не ры-

⁸ А. П. Чехов, Собрание сочинений, т. 10, М., 1963, стр. 163.

⁹ МАЭ, документы к описи № 700.

¹⁰ Инау — пучки стружек или искусно заструженные с одного конца палочки — ритуальные предметы. Прежде они были очень широко распространены в быту айнов.

боловство. В коллекции имеются уникальный женский свадебный костюм нанайки; много предметов культа, отражающих древние верования и обряды; большое количество образцов вышивок и трафаретов для них. Вещественные материалы экспедиции были дополнены большим количеством негативов, заснятых в полевых условиях И. И. Козьминским.

В 1936—1937 гг. около 1500 предметов по этнографии нанайцев поступило в Музей от супругов Н. А. и А. Н. Липских, участников Амурской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР. Часть этой коллекции состоит из инвентаря шаманских погребений, остальные предметы заполняют пробелы, имеющиеся в прежних собраниях по нанайцам. Следует отметить экспонаты по социальной культуре — головные уборы нанайских старшин с атрибутами и др.

Из других поступлений можно назвать коллекцию М. А. Каплан по материальной культуре нанайцев и особенно коллекцию А. С. Эстрина, собранную в 1931 г. А. С. Эстрин — по профессии рабочий-слесарь, случайно попав на Амур, заинтересовался народной техникой нанайцев и собрал по этой теме около 500 предметов: экспонаты по примитивному кузнечеству, обработке рыбьей кожи, столярному и слесарному ремеслу и др. Отдельными предметами представлены различные стадии обработки того или иного материала, например, последовательные этапы обработки рыбьей кожи, изготовления железных наконечников и т. д. Имеются также орудия, употребляемые на различных стадиях обработки, и экземпляры готовых изделий и их полуфабрикаты.

Из более поздних приобретений Музея по нанайцам заслуживают упоминания рисунки на местную тематику, выполненные нанайским художником Андреем Бельды, получившим высшее художественное образование. Так были значительно расширены нанайские собрания.

В меньшей степени, чем нанайские собрания, пополнялись коллекции по другим народам Амурского бассейна и о-ва Сахалина, хотя и среди них имеются ценные поступления.

Экспонаты по морскому зверобойному промыслу и собирательству нивхов (в количестве 125 предметов) были доставлены в 1931 г. участником Дальневосточной комплексной экспедиции Академии наук СССР — Е. А. Крейновичем. От него также поступили рисунки медвежьего праздника, выполненные нивхами. На них изображен весь ритуал древнего обычая убийства медведя.

В 1931 и в 1934 гг. собрания по амурским нивхамполнились коллекцией С. Г. Козина (предметы охотничьего и морского зверобойного промыслов, орудия труда, утварь, украшения от халатов, археологические памятники). Интересны ковши, употребляемые нивхами на медвежьем празднике. На них нанесены рисунки пиктографического характера, иллюстрирующие сцены убийства медведя. С. Г. Козиным доставлены также подлинныестолбы, служащие опорой для поперечных балок в старинных нивхских жилищах. Столбы богато орнаментированы.

Предметы, связанные с медвежьим праздником нивхов, были собраны Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедицией Института этнографии Академии наук СССР, работавшей в 1947 г. в районах расселения ульчей, нивхов, ороков и негидальцев. Участники ее собрали значительные этнографические коллекции, а М. Г. Левин и И. П. Лавров обнаружили так называемый «медвежий» амбар одного из нивхских родов. В амбаре находился набор ритуальной посуды с пиктографическими знаками, медвежьим черепом и другие атрибуты медвежьего праздника. Этот инвентарь теперь находится в Музее.

Последнее поступление нивхских предметов относится к 1957 г.

Оно было подарено Музею нивхами¹¹. Это предметы традиционной культуры, в настоящее время вышедшие или выходящие из употребления, но хранящиеся у населения как реликты старины.

Небольшие собрания ульчских предметов, которыми располагал Музей до революции, в 1927 г. были пополнены большой коллекцией, собранной участниками Амурской экспедиции Н. К. Каргером и С. В. Ивановым. Их коллекция насчитывает свыше 300 предметов и большое количество негативов. В ней хорошо представлены предметы культа, утварь и орнамент этого народа.

В 1947 г. около 130 предметов по быту (одежда, орудия труда и промысловая утварь, орнамент) и главным образом культу ульчей поступило от Амуро-Сахалинской экспедиции (собиратель — А. В. Смоляк). Для изучения примитивных религиозных верований представляет интерес собрание ритуальной посуды, употреблявшейся прежде для «кормления» духов. Так, блюда в виде скульптурных изображений нерпы, косатки, камбалы предназначались для «кормления» р. Амура. Это обеспечивало, по представлениям ульчей, удачу в рыбном и морском зверобойном промыслах; из посуды в виде изображений птиц совершались жертвоприношения хозяину тайги. К той же категории предметов относятся и ковши, предназначенные для медвежьего праздника ульчей.

По этнографии орочей коллекции собирались в 1929 г. участниками Ороческой этнографической экспедиции — И. И. Козьминским и В. А. Аврориным. Из уникальных предметов, привезенных названными исследователями, можно отметить шаманский костюм и рисунок шамана с изображением вселенной (какой ее представляли орочи)¹². Эта экспедиция засняла большое количество негативов.

Негидальские коллекции Л. Я. Штернберга были дополнены в 1935 г. его ученицей К. М. Мыльниковой и в 1947 г. участницей Амуро-Сахалинской экспедиции А. В. Смоляк.

Собрание айнских предметов было пополнено в 1947 г. участниками Амуро-Сахалинской экспедиции М. Г. Левиным и И. П. Лавровым. На старых заброшенных мольбищах, где прежде айны устраивали медвежий праздник, они нашли ритуальную посуду, ритуальные стрелы и колчаны, ножи, пояса из крапивного волокна, инау и большое количество скульптурных изображений медведей из древесных корней. Фигурки медведей, по заключению С. В. Иванова и М. Г. Левина, исключительно интересны «с точки зрения семантики изображений»¹³.

Начало систематическим сборам этнографических коллекций по северо-восточным палеоазиатам было положено участником Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) студентом С. П. Крашенинниковым, впоследствии выдающимся русским ученым. Изучая природу и население далекой Камчатки, С. П. Крашенинников собрал для Кунсткамеры большую коллекцию предметов быта аборигенов полуострова — ительменов и коряков, а также курильских айнов¹⁴.

¹¹ Об этой коллекции см. Ч. М. Таксами, *Дар нивхов Музею антропологии и этнографии*, — «Сб. МАЭ», т. XXII, М. — Л., 1964.

¹² Последний предмет опубликован в кн.: В. А. Аврорин и И. И. Козьминский, *Представления о переселении души и путешествиях шаманов, изображенных на «карте»*, — «Сб. МАЭ», т. XI, М. — Л., 1949.

¹³ С. В. Иванов и М. Г. Левин, *Старинные культовые изображения медведей и сахалинских айнов*, — «Сб. МАЭ», т. XXII, М. — Л., 1964, стр. 216. Об этой же коллекции имеются сведения в статье: И. П. Лавров, *Об изобразительном искусстве нивхов и айнов*, — «Краткие сообщения Института этнографии», вып. V, М. — Л., 1949.

¹⁴ К сожалению, коллекция С. П. Крашенинникова, как и большинство других этнографических собраний Кунсткамеры, погибла во время пожара в 1747 г.

Чукотская одежда.
Из собрания И. Г. Вознесенского (Колл. МАЭ)

Позднее, в конце XVIII — начале XIX в., собрания по этнографии народов крайнего северо-востока пополняются поступлениями из кругосветных путешествий. При отсутствии в те времена надлежащего учета музейных экспонатов трудно установить количество таких поступлений и имена непосредственных их собирателей.

Большие поступления были получены от Ф. П. Литке после кругосветного путешествия, совершенного им на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. Пребывание шлюпа у берегов Чукотского полуострова позволило научному составу экипажа судна собрать коллекцию по быту чукчей¹⁵. Кроме самого Ф. П. Литке коллекционированием, судя по документации отдела Сибири Музея, занимались доктор Мертенс и профессор минералогии, он же рисовальщик, Постельс. Экспедиция доставила большое количество орудий охоты — стрелы, колчаны, луки, предметы рыболовства, изделия из моржового клыка и др. В этой кол-

¹⁵ По-видимому, часть предметов была приобретена у азиатских эскимосов.

лекции интересен набор старинных стрел с костяными и каменными наконечниками, а также замшевые, богато орнаментированные колчаны.

Большой вклад в собрания Музея внес выдающийся собиратель начала XIX в. И. Г. Вознесенский. Будучи простым препаратором Зоологического музея, он отправился в специальную командировку в так называемую Русскую Америку для сбора зоологических, ботанических и этнографических коллекций. Его поездка длилась 10 лет (с 1839 по 1849), из которых почти четыре года (с 1845 по 1849) он посвятил сбору материалов по северо-востоку Сибири, побывал на Чукотском полуострове, Камчатке и на Курильских островах. И. Г. Вознесенский привез для Музея богатейшие этнографические коллекции по быту коренного населения Русской Америки середины XIX в., и, как отмечено М. В. Степановой, они занимают «первое место в ряду подобных собраний в зарубежных музеях»¹⁶.

Этнографические собрания И. Г. Вознесенского по северо-востоку Сибири значительно уступают его коллекциям из Русской Америки¹⁷, но, несмотря на это, они очень ценны. Он стремился приобретать не только раритеты и курьезные вещи, а собирать вещественные памятники, дающие представление о культуре изучаемого народа. В Музей И. Г. Вознесенским были доставлены предметы по быту приморских чукчей, коряков и ительменов, а также курильских айнов. Большинство их являются уникальными, так как относятся к началу XIX в. В коллекции имеется подлинный экземпляр старинной ительменской собачьей нарты (саней) со всеми приспособлениями для езды — упряжью, костяными привязями для собак и лыжами, которыми прокладывали путь. В Музее имеются еще три экземпляра нарт подобного типа из коллекции Кунсткамеры¹⁸. Этими немногими предметами ограничиваются памятники традиционной культуры ительменов, которая к концу XIX в. была почти полностью утрачена¹⁹.

Из корякских сборов И. Г. Вознесенского можно отметить скульптуру из моржовой кости, приобретенную им у аляutorских коряков.

В конце XIX в. в Музей поступила богатейшая комплексная коллекция по быту чукчей (свыше 1000 предметов) от начальника Анадырской области Н. Л. Гондатти. Она включала полные комплекты мужской, женской и детской одежды; средства передвижения (нарты, лыжи и др.); модели жилищ; утварь (комплект старинной деревянной и костяной посуды, лампы-жирники, обивалки и т. д.). Достаточно полно представлены предметы материального производства чукчей, связанные с оленеводством, а также орудия морского зверобойного промысла и охоты, собирательства, домашних занятий и пр. В список предметов культа входят атрибуты шамана, изображения различных духов, связки домашних «охранителей», ритуальные предметы, употреблявшиеся на обрядовых праздниках (ритуальная посуда, различные изображения и др.), предметы, связанные с похоронным обрядом, и много других. Богато отражено в коллекции искусство — оригинальная скульптура из моржового клыка. Заслуживают внимания два панциря: один из мор-

¹⁶ М. В. Степанова, *И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение Северо-Запада Америки*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. LXXVI, вып. 5, 1944, стр. 277.

¹⁷ Судя по архивным документам, собрания И. Г. Вознесенского были более многочисленны, но, к сожалению, не были своевременно зарегистрированы и попали в разряд беспаспортных коллекций.

¹⁸ В. В. Антропова, *Старинные камчадалские сани*, — «Сб. МАЭ», т. X, М.—Л., 1949.

¹⁹ Насколько нам известно, коллекции по быту ительменов начала XX в. в других музеях отсутствуют.

живой кожи, другой из железных пластинок — оба являются уникальными.

Вместе с чукотской коллекцией Н. Л. Гондатти были доставлены предметы (около 500 единиц) культуры и быта кереков, малоизученной группы коряков. Среди них уникальное собрание резной кости — скульптурные изображения различных животных и целых охотничьих сцен, фигурки людей и т. д. В этой же коллекции имеются одежда кереков, предметы хозяйственного назначения, культа и др.

Собраниями Н. Л. Гондатти было положено начало сборов предметов быта населения р. Анадыря, известного в литературе как анадырцы и марковцы. Это потомки аборигенного населения р. Анадыря — в основном юкагиры, которые смешались с русскими и восприняли их язык. В XIX в. они составляли локальные группы ассимилированного населения. Марковцы и анадырцы заимствовали многие элементы русской материальной и духовной культуры. Коллекция, привезенная Н. Л. Гондатти по быту анадырцев, отражает специфику этой смешанной группы населения. В ней представлены одежда, орудия промыслов и другие предметы. Обработка коллекций, привезенных Н. Л. Гондатти, была поручена В. Г. Богоразу, который сделал их научное описание и опубликовал в Сборнике Музея антропологии и этнографии²⁰.

К первому десятилетию XX в. относятся два крупных поступления предметов по быту приморских чукчей. Первое собрание (около 200 предметов) было доставлено в 1901 г. членом золотоискательской экспедиции А. Г. Мягковым, второе (свыше 300 предметов) — в 1910 г. капитаном М. Я. Кожевниковым и геологом И. П. Толмачевым. В этих коллекциях имеются одежда, орудия морского зверобойного промысла и рыболовства, предметы домашнего обихода, средства передвижения и большое количество скульптуры из моржового клыка. Часть предметов этих коллекций, по-видимому, приобретена у азиатских эскимосов.

В 1900—1901 гг. на крайнем северо-востоке Азии работала Северо-тихоокеанская экспедиция Джексона, организованная Нью-Йоркским музеем естественных наук и Петербургской академией наук. В задачу экспедиции входило всестороннее изучение народов северо-востока Сибири и сбор этнографических коллекций.

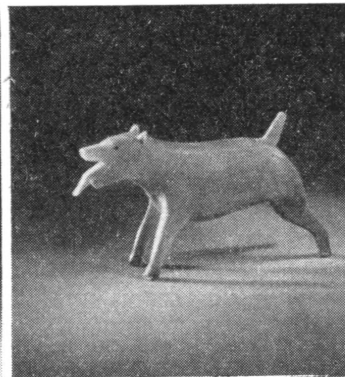
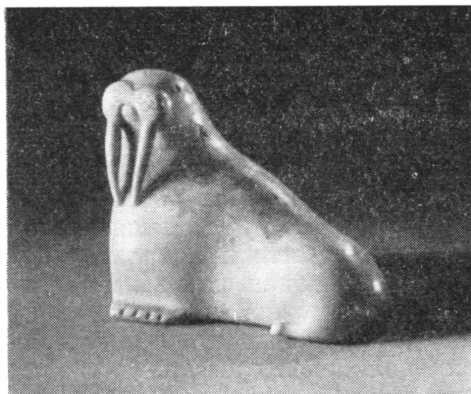
В числе ее участников были русские этнографы-сибиреведы — В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон. Творческий путь обоих исследователей напоминает путь Л. Я. Штернберга. Подобно Л. Я. Штернбергу, В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон попали в ссылку как члены «Народной воли»: первый — в Колымский край, второй — в Якутию. Как и Л. Я. Штернберг, в ссылке они впервые познакомились с «живой» этнографией и вернулись оттуда специалистами-этнографами.

При организации Джезуповской экспедиции В. Г. Богоразу было поручено заняться изучением населения Анадырского края, а В. И. Иохельсону — коряками. Во время полевой работы они собрали богатейшие коллекции, но лишь небольшая их часть поступила (в 1905 г.) в Музей антропологии и этнографии.

Коллекция, собранная В. Г. Богоразом по быту анадырцев (около 100 предметов), превосходит собрания Н. Л. Гондатти, а коллекция В. И. Иохельсона (около 200 единиц) по корякам составляет основу всех корякских собраний музея.

Из других дореволюционных поступлений по этнографии народов крайнего северо-востока можно отметить следующие: корякский погре-

²⁰ В. Г. Богораз, *Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти*, — «Сб. МАЭ», т. II, СПб., 1901.

Скульптура из моржового клыка и бараньего рога (Чукчи и коряки)

бальный костюм, доставленный в 1910 г. А. Афанасьевым; эскимосскую скульптуру из клыка моржа — от врача Н. В. Кирилова, упоминавшегося выше; предметы быта коряков и ительменов и археологические памятники Камчатки — от Г. А. Крамаренко.

В послереволюционные годы собрания Музея пополнились корякской коллекцией С. Н. Стебницкого. С. Н. Стебницкий — воспитанник Ленинградского университета и ученик В. Г. Богораза — прожил несколько лет среди коряков, хорошо изучил их язык. В Музей он привез коллекцию по быту коряков восточного побережья Камчатки — одежду, детские игрушки и другие предметы.

В 1929 г. были получены этнографические вещи по азиатским эскимосам (одежда, орудия промыслов, средства передвижения) от другого ученика В. Г. Богораза — А. С. Форштейна, который также прожил несколько лет среди чукчей и эскимосов.

В 1933 г. краеведом Корякской культбазы Н. Н. Билибиным были подарены Музею интереснейшие экспонаты — каменные орудия, изготовлять которые умели в 20-х годах лишь старики коряки.

Из поступлений послевоенных лет можно назвать коллекцию И. С. Гурвича (сотрудника Института этнографии), собранную им во время экспедиции в Корякский национальный округ. В ней отражена материальная культура коряков, старинные ритуальные предметы, употреблявшиеся прежде на обрядовых праздниках, и др.

К этому же времени относится приобретение богатого собрания (свыше 300 предметов) художественных изделий из моржового клыка, выполненных резчиками уэленской мастерской. В этой коллекции имеются гравированные клыки, мелкая скульптура (главным образом фигурки животных), различные современные бытовые предметы — ручки для письма, ножи для разрезания бумаги, пудреницы, шпильки и другие вещи, украшенные гравировкой и скульптурными фигурками. Гравировка на клыках отражает не только традиционные занятия чукчей и эскимосов, но и культуру этих народов, их новый быт. Интересны клыки с изображением общественно-политических событий, как, например, празднование Дня Победы 9 мая 1945 г., выборы в Верховный Совет СССР и др.²¹ С художественной стороны эта коллекция свидетельствует о возросшем мастерстве чукотских и эскимосских резчиков, наглядно показывает успехи в развитии национального искусства чукчей и эскимосов за годы Советской власти.

В заключение хочется сказать, что богатейшие коллекции по этнографии народов Тихоокеанского побережья, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР, являются ценными научными памятниками. Они служили и продолжают служить источником для многих исследователей, занимающихся вопросами истории и этногенеза этих народов. Археологам музейные коллекции помогают в определении, уточнении и датировке археологических находок. Неиссякаемым источником музейные коллекции служат художественным организациям, которые широко используют красочный орнамент (особенно народов Амурского бассейна) в швейной, текстильной и местной промышленности.

---

²¹ В. В. Антропова, *Современная чукотская и эскимосская резная кость*, — «Сб. МАЭ», т. XV, М.—Л., 1953.

Р. С. Разумовская

**ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИНДЕЙЦЕВ-ТЛИНКИТОВ ПОБЕРЕЖЬЯ АЛЯСКИ
В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Собрание по тлинкитам в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в г. Ленинграде очень велико (около 300 предметов) и разносторонне представляет материальную и духовную культуру этого племени. По своему научному значению это собрание занимает одно из первых мест в ряду аналогичных в музеях Америки и Европы¹.

Тлинкитские коллекции МАЭ² были составлены в период с 70-х годов XVIII в. до начала XX в., т. е. на протяжении около полутора столетий. К числу наиболее старинных относятся отдельные предметы из собрания английского мореплавателя Дж. Кука (70-е годы XVIII в.), а также коллекции русских путешественников Г. И. Сарычева и И. Биллингса (№ 562, 1785—1793 гг.), В. М. Головнина (№ 539, 1817—1818 гг.), Ю. Ф. Лисянского (№№ 536 и 2454, 1826—1829 гг.).

Около трех четвертей всех тлинкитских вещей составляет систематически подобранная коллекция сотрудника Академии наук И. Г. Вознесенского (№№ 570, 571, 593, 620, 2448, 2520 и 2539 40-х годов XIX в.). Значительна коллекция по тлинкитскому шаманству (№ 211), присланная в 1891 г. игуменом Г. Чудновским.

Тлинкитское собрание МАЭ включает в себя орудия труда (каменные и костяные орудия, принадлежности охоты и рыболовства); предметы быта (утварь деревянную, каменную и плетеную); образцы ткачества и плетения, одежду, оружие и доспехи, культовые и обрядовые принадлежности.

Собрание каменных орудий труда невелико: оно содержит два каменных молотка, топор, три долота и нож. Однако это — старинные предметы, которые употреблялись еще до торговли с русскими. Один из молотков (№ 5795-7) — тяжелый, для вбивания свай или столбов, с черной рукояткой, вырезанной в виде человеческой головы. Второй (№ 564-3) — небольшой, кремневый, служил для разбивания мозговых

---

¹ Наиболее значительные тлинкитские коллекции хранятся в Американском музее естественной истории, Национальном музее США, Музее американского индейца, Канадском национальном музее, Британском музее, Музеях народного искусства в Берлине и Гамбурге.

² МАЭ — сокращенное название Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого.

костей³. Его рукоятка представляет собой необработанную трубчатую кость.

По заказу русских путешественников тлинкитами было выполнены восемь моделей лодок с веслами (№№ 593-53, 54; 2520-2, 3; 4105-9—12). Это модели лодок-однодеревок, достигавших 30 м в длину. Одна из них (№ 2520-2) — с фигурами трех гребцов и рулевого, лежащего на носу. На бортах лодок красной и черной красками нанесены символические изображения тотемов владельцев.

Коллекция деревянных крючков для ловли палтуса со дна содержит 8 предметов. Крючки имеют вид рогаток, состоящих из двух стержней различной длины, скрепленных обмоткой из расщепленного корня. На коротких стержнях укреплен костяной или железный (на более поздних крючках) зубец для приманки. Длинный стержень, имевший магическое назначение, — резной, в виде птичьей или звериной (№ 2539-2) головы; иногда он представляет собой изображение духа (№ 2039-5). На одном из крючков (№ 2539-3) вырезано изображение морского зверя. Спина его имеет вид лодки, в которой помещен охотник, гарпунирующий камбалы.

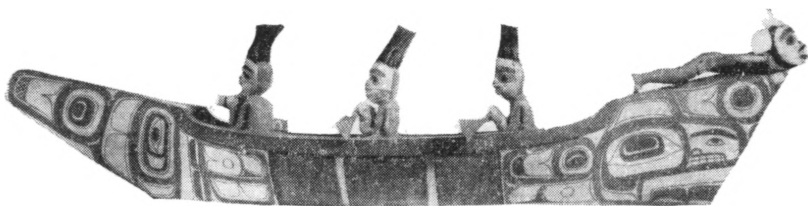
Собрание тлинкитских бытовых предметов отличается исключительной полнотой. Среди них — сосуды из одного куска дерева, употреблявшиеся для хранения жира и в качестве тарелок, маленькие сосуды — детские игрушки. Обычно они имели форму животных, птиц или лодок; некоторые сосуды вырезаны в виде нескольких фигур, искусно скомпонованных. Довольно часто поверхность их дополнительно украшена резными геометрическими фигурами, а край инкрустирован мелкими ракушками. Изделия эти выполнены, как правило, с большим мастерством в характерном тлинкитском стиле, сочетающем условность изображения с большой выразительностью. Особенно интересны в этом плане сосуды № 2539-17 — бобр, перекусывающий палку, или № 2539-19 — плывущий бобр с палкой в зубах, а также № 2539-20 — детская игрушка в виде бочонка, нижняя часть которого имеет вид лежащего полубобра-получеловека, с поджатыми передними лапами. Если перевернуть игрушку дном вверх, получается изображение человека с поднятыми руками.

В МАЭ имеются четыре ящика для хранения ценностей и домашних вещей, изготовленных из распаренной доски, надрезанной в трех местах, с отдельно вставленным дном. Стенки их покрыты резным орнаментом и раскрашены. В двух случаях (№№ 211-1 и 337-18) две противоположные стенки представляют собой барельефы бобровых голов. Края ящиков инкрустированы раковинами.

Сосуды — светильники из черного сланца (в нашем собрании их пять) имеют вид плоских тарелок. Иногда дно и наружные стенки покрыты резным растительным и геометрическим орнаментом, напоминающим тончайшее кружево (на стенках сосуда № 2539-26 и в особенности на маленьком светильнике № 2539-37).

В коллекциях МАЭ насчитывается 15 ложек из рога горного козла. В нескольких случаях ручки ложек — резные, выполненные с удивительным мастерством, представляющие собой очень сложную композицию из звериных, птичьих и человеческих фигур и лиц. Рассмотрев это сочетание, можно прочесть мифическую историю рода владельца ложки. Например, на ручке ложки № 2539-34 снизу вверх последовательно вырезано пять изображений. Три нижних, барельефных, — человеческое

³ Некоторые предметы этой, а также других коллекций описаны в работе: Ф. К. Волков и С. И. Руденко, *Этнографические коллекции из бывших Российско-Американских владений*, СПб., 1910.

Модель лодки-однодеревки (Колл. МАЭ, № 2520-2)

лицо, голова орла и передняя половина тела рыбы; два верхних, объемные, — орлиная голова и символическое изображение стрекоты.

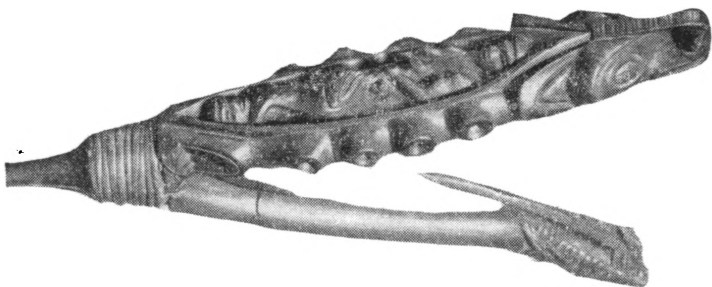
В музее хранятся семь деревянных и пять сланцевых тлинкитских курительных трубок. Деревянные трубки довольно грубой работы, иногда без орнамента. Сланцевые — предназначались на продажу и поэтому орнаментированы особенно затейливо, хотя их орнамент лишен символического смысла. Нагромождение звериных, птичьих и человеческих фигур в самых неожиданных сочетаниях на этих изделиях вызвано желанием мастера удовлетворить вкусы покупателей, имеющих смутное представление о «настоящем» тлинкитском стиле.

Кроме деревянной и каменной утвари тлинкитов, в музее хранятся 15 плетеных предметов домашнего быта: корзины для сбора ягод, женские рабочие корзины, футляры для хранения игральные палочки, подставки для тарелок, водонепроницаемый кубок и другие изделия. Эти вещи сплетены из расщепленного елового корня⁴.

Тлинкитские большие корзины для сбора ягод имеют цилиндрическую форму и расширенное устье. Индейцы называют их «висящими вокруг шеи спереди тела», так как их носили на ремне на груди. Для украшения изделия тлинкиты вплетали в стенки цветную соломку (этот способ орнаментации называется «фальшивой вышивкой»). Корзина № 4291-7 «вышита» таким образом светло-желтой, оранжевой, красной и черной соломкой. Орнамент расположен пятью сплошными круговыми полосами: на первой (сверху), третьей и пятой полосах изображены узоры «сельдерей, разрезанный для жевания», «следы бурого медведя» и соединенные горизонтальные линии («соединенные вместе»). На второй и четвертой полосах «вышит» непрерывный зигзаг («след хода древесного червя»), дополненный рисунком «капли». Свободное пространство между краем корзины и верхней узорной полосой, между орнаментальными полосами и под ними частично заполнены узорами «листья крапивы» и «дикий сельдерей».

Наиболее древними плетеными изделиями собрания являются женские рабочие корзины. Они имеют цилиндрическую форму и снабжены крышкой с надставкой-погремушкой. К их числу относится корзина (№ 337-5), стенки и крышка которой покрыты «фальшивой вышивкой» желтой и оранжевой соломкой. Орнамент заполняет всю поверхность стенок и крышки. На стенках он расположен двумя широкими поясами. Сочетание узоров на обоих поясах одинаковое: две половинки параллелепипеда, соединенные основаниями или вершинами (рисунки «зуб большой акулы» и «хвост ласточки») и фигура в виде нескольких вставленных друг в друга букв «п» («тулья женской шляпы»).

⁴ Названия плетеных изделий, способов плетения, а также названия узоров вышивкой приводятся по работе: O. T. Emmons, *The Basketry of the Tlingit*, — «Memoirs of the American Museum of Natural History», vol. III, p. 11.

Деревянный крючок для ловли палтуса с резным стержнем, изображающим морского зверя (Колл. МАЭ, № 2539-3)

Удивительно прочны и тонки стенки водонепроницаемого сплошь украшенного соломкой кубка № 2539-14. Такие сосуды тлинкиты называли «маленькое ведерко» или «кубок для соленой воды», так как шаманы пили из них морскую воду с магической целью.

Плетеная корзина в форме сосуда с крышкой (№ 211-35^{a-b}); плетеная табакерка, вышитая цветной соломкой рисунком «горного склона» (№ 211-35); плетеный бокал на ножке (№ 211-35²); футляр для стеклянной фляжки (№ 211-35⁵ a-b) появились, несомненно, под влиянием русских.

Собрание тлинкитских корневых шляп, хранящееся в МАЭ, весьма обширно (18 предметов). Почти все эти шляпы сплетены из расщепленного елового корня и имеют форму усеченного конуса. Исключение составляет шляпа № 337-3, точно повторяющая форму русского цилиндра с лентой вокруг тульи. Некоторые уборы украшены надставками из цилиндров, указывающих на высокий ранг владельца шляпы.

Тулья шляпы чаще всего сплетена способом «плотно вместе» (или «оплетением»). Этот последний способ дает плетение особенно тонкое и плотное. Поля изготовлены из более грубого волокна комбинированным способом, сочетающим способы «плотно вместе» и «шершавый, как кожа на спине лягушки». Встречаются также другие комбинации разных способов плетения. В результате на полях шляп получаются геометрические фигуры в виде полос, сетки или ромбов, включенных один в другой.

Почти все шляпы нашей коллекции расписаны знаками тотемов владельцев. Приведем несколько примеров. На тулье шляпы № 2520-14 нанесено стилизованное изображение глаз, ног и крыльев — знаки ворона⁵. На тулье шляпы № 2520-15 — глазные и геометрические фигуры в сочетании с четырехпалыми лапами — знаки лягушки. Роспись на шляпе № 2520-17 — знаки мертвого ястреба (перевернутое лицо, клювы и ноги) и стрекозы (сегментированное тело); № 2520-21 — знаки косатки (спинные плавники); № 2520-27 — краснокрылого дятла (хвостовые перья, повторенные четырежды). Доктор О. Т. Мэйсон называет эти сочетания знаков «переходом от рисунка к пиктограмме»⁶. Вполне понятно, что расшифровка и прочтение этого тлинкитского письма имели бы огромное значение для изучения пиктографического письма в целом.

⁵ Смысловое значение тлинкитских знаков см. в работе: F. Boas, *Primitive art*, 1927.

⁶ О. Т. Mason, *Basket-Work of the North American Aborigines*, — «Annual Report of the Regents of the Smithsonian Institution for the Year 1884», pt II, Washington, 1885, p. IX, f. 14.

Плетеная женская рабочая корзина
(Колл. МАЭ, № 337-5)

Роспись на шляпе иногда заменяется «вышивкой» соломкой. В иных случаях орнамент приобретает те же формы, что и на плетеных предметах домашнего обихода (например, узор на шляпах № 539-34, № 633-10).

Особую ценность имеет небольшая коллекция тлинкитских плащей-чилкат⁷. Шесть плащей (№№ 2520-4 — 9 — четыре шерстяных и два из перьев) происходят из собрания Кука, один (№ 593-26) — из собрания Вознесенского, два (№№ 5795-16, 17) — по-видимому, относятся к 40-м годам XIX в.

Перьевые плащи-чилкат (№№ 2520-8 — из темных мягких перышек и 2520-9 — из светлых) имеют основу из

растительного волокна, а перья укреплены на ней сплетением концов расщепленных стерженьков вокруг волокон основы. Остальные плащи из коллекции Кука — шерстяные. Основа — волокна, обмотанные шерстью, уток — черные и белые шерстяные нити. На изнаночной стороне двух чилкат (№№ 2520-4 и 2520-5) очень густо нашиты полосы меха выдры. Лицевая сторона шерстяных плащей украшена орнаментом из черных геометрических фигур в виде буквы «п», вставленных одна в другую (№ 2520-41); черных прямоугольников, включенных один в другой (№ 2520-5 и 2520-6) и сплошным рисунком из черных, примыкающих друг к другу прямоугольников, заполненных сеткой или зигзагообразными линиями (№ 2520-7). На всю лицевую поверхность, кроме того, прикреплены полосы меха выдры или пучки бахромы.

Три плаща 40-х годов сотканы из цветной шерсти: белой, черной, светло-зеленой и желтой. На них — сложнейшие символические сочетания звериных, птичьих и человеческих лиц, геометрических и глазных фигур (означающих тотемы владельца и его духов-покровителей)⁸.

В коллекции музея имеется только один тканый передник (№ 593-28), изготовленный тем же способом, что и плащ, с аналогичным узором.

Кроме плащей-чилкат и передника одежда тлинкитов представлена в МАЭ замшевым плащом (№ 593-27), парой кожаных штанов (№ 211-27), тремя парами мокасин (№№ 337-41; 4105-16¹⁻² ; 4105-27¹⁻²) и двумя парами сапог (№№ 4105-17^{аб} и 4105-26¹⁻²), наголенниками (№ 593-29) и двумя куртками (№№ 211-21 и 2454-10). Плащ и наголенники вышиты иглами дикобраза. Куртки, надевавшиеся воинами под панцирь (№ 211-21 — с одним рукавом и № 2454-10 — без рукавов), сшиты из цельного куска лосиной замши и украшены символической росписью красной, голубовато-зеленой и черной красками.

⁷ Чилкат — название племени, от которого происходят эти плащи.

⁸ См.: О. Т. Emmons, *The Chilkat blanket*, — «Memoirs of the American Museum of Natural History», vol. 11, pt IV, 1907; F. Boas, *Primitive art*.

Коллекция тлинкитского оружия и доспехов⁹, отличаясь большим количеством предметов (19 шлемов, 6 наличников, 6 панцирей и один нарукавник, 12 железных кинжалов и один костяной, 7 пар ножен, один топор и один наконечник копья), замечательна своей комплектностью; она дает возможность представить тлинкитского воина в полной боевой готовности.

В МАЭ экспонируются шесть пластинчатых панцирей (№№ 2454-4—8 и 5795-8), состоящих из дощечек и палочек, плотно обмотанных сухожилиями. Оплетение сухожилиями придавало панцирю эластичность и делало его хорошей защитой даже от пуль, не говоря уже о стрелах. Каждый панцирь состоит из двух половин, прикрывавших живот и спину воина и скрепленных кожаными ремешками. Передняя половина сверху имеет щиток для защиты груди. Спереди, в центре панциря, оставлено неоплетенное пространство для расписного орнамента, изображавшего духа и тотемические знаки. Так как назначение рисунка было магическим, его наносили как на лицевую, так и на внутреннюю сторону панциря — ближе к телу воина (например, № 2454-5) или просто на внутреннюю сторону (№ 2454-4, № 2454-7). Панцирь № 2454-8 имеет орнамент только на наружной стороне, а № 2454-6 не закончен — неоплетенное пространство для рисунка не заполнено.

Пластинчатый нарукавник прикрывал левую руку воина (№ 2454-9), а правая рука, державшая оружие, оставалась неприкрытой.

Деревянный шлем с очень толстыми стенками (весом от 1,7 до 3 кг) защищал голову. Он служил также для устрашения врага и, по мнению тлинкитов, имел магическую силу, так как являлся вместилищем духа-охранителя. По этим двум причинам тлинкиты старались придать шлему (также и наличнику) как можно более страшный и фантастический вид. Иногда шлем представляет собой ярко раскрашенное резное изображение уродливого человеческого лица (например, № 571-14 — «куштак-мускинича» — «злой дух или леший», по выражению собирателя Вознесенского; или № 571-15, который, согласно указанию того же собирателя, «олицетворяет злого духа»). Нередко шлемы имеют вид головы полузверя-получеловека. Шлем № 2454-12, судя по плавникам, заменяющим уши, широкому носу и пасти с острыми зубами, изображает человека-акулу; шлем № 571-16 — человека-ястреба. К этой группе шлемов относится и редкий экземпляр (№ 2454-12) в виде человека-зверя с двумя дополнительными антропоморфными масками в углах рта. Возможно, это злой дух — Какахете, пожирающий детей.

Вторую группу шлемов составляют шлемы-маски в виде голов животных, птиц или рыб. №№ 2454-15 и 2454-16 имеют вид тюленей; № 2454-14 — медвежьей; №№ 2454-15 и 2454-19 — волчьих; №№ 2454-18 и 683-9 — бараньих голов. № 571-18 изображает голову ястреба (суда по изогнутому клюву, упирающемуся концом в рот). Иногда шлем является олицетворением двух разных животных или зверя-рыбы, зверя-птицы (№ 2454-17 — волк-рыба, судя по хвостовому и боковым плавникам; № 2454-11 — с орлиным клювом и плавниками вместо ушей — рыба-орел).

К концу XVIII в. старинное оружие тлинкитов заменили железные и стальные кинжалы и мечи, а также огнестрельное оружие. Поэтому в МАЭ, при всей древности его коллекций, оказался лишь один каменный наконечник копья с о-ва Ситхи (№ 564-4), выполненный в палеолитической технике. Лук и стрелы (боевые) отсутствуют.

⁹ Коллекция описана С. А. Ратнер-Штернберг в статье «Музейные материалы по тлинкитам», — «Сборник МАЭ», т. IX, Л., 1930.

Шлем-маска в виде волчьей головы
(Колл. МАЭ, № 2454-15)

В музее хранятся 11 кинжалов и один меч. Самый древний из кинжалов (№ 593-3) — железный, с одним клинком и рукояткой, расходящейся в виде двойной развилки. Кинжал № 633-34 — железный, с двумя клинками. Второй клинок представляет собой изображение человеческого лица, причем острием клинка служит край лба. К этому кинжалу близки по типу №№ 2454-2 и 337-23. №№ 633-33 и 633-35 — настоящие двойные кинжалы, имеющие по два однотипных клинка каждый.

Коллекция культовых и обрядовых принадлежностей тлинкитов очень велика и подобрана систематически¹⁰. Она включает маски и наголовники участников обрядовых плясок, дере-

вянные и костяные женские калужки, фамильные гербы, деревянные церемониальные ложки, церемониальные ковши из рога горного барана, служившие меркой для рыбьего жира при инициации юношей.

Деревянных ложек, которыми пользовались на праздниках, в музейном собрании — девять. Обычно они раскрашены красной или черной краской или покрыты резьбой. Узор, несомненно, имеет символический смысл и, возможно, иногда является иллюстрацией мифа. Например, на внутренней поверхности ложки № 2539 нарисована косатка с раскрытой пастью, со спинным плавником и хвостом, ее тело и спинной плавник одновременно изображают ворона с распростертыми крыльями, под ним можно различить перевернутую (т. е. мертвую) птицу и глазную фигуру с сетками (знак бобра).

Собрание масок и наголовников МАЭ — одно из крупнейших в мире (39 масок и 17 наголовников). Наголовник обычно представляет собой деревянное резное условное изображение тотема или духа, насаженное на кожаный колпак или каркас из китового уса. Оно разрисовано яркими красками и украшено перьями, кусками кожи, тюленьими усами и цветными тряпочками.

При всем разнообразии форм наголовников среди них можно различить несколько типов. Первый тип — два шаманских головных уборовосьмирожника: один (№ 211-11¹⁻²) представляет собой рога горного козла, укрепленные на кожаной ленте; другой — деревянную имитацию козлиных рогов, которые во время пляски с шумом ударялись друг о друга. Ко второму типу можно отнести головные уборы, которые являются условным или довольно реалистичным изображением тотема: № 2448-2, например, — голова волка; № 2448-18 — ворона; № 2448-3 — косатки, с кожными лопастями (плавниками, спинным и боковыми); № 571-20 — комар, его голова снабжена длинным хоботком, а гибкое тело и крылья изображают кожаные придатки. Третий тип наголовника — кожаный или матерчатый цилиндр на каркасе из китового уса, на котором спереди прикреплено деревянное барельефное изображение то-

¹⁰ Коллекция описана С. А. Ратнер-Штернберг в статье «Музейные материалы по тлинкитскому шаманству», — «Сборник МАЭ», т. VI, Л., 1927; т. VIII, Л., 1929.

тема. Цилиндры были наполнены орлиным пухом, и во время пляски пух осыпал танцоров, как снежные хлопья. Такие головные уборы надевали во время праздника предков. К этому типу относятся: № 2448-19 — зорон; № 2448-20 — сидящий бобр; № 2448-21 — ястреб, сидящий на спине бобра.

Особую силу тлинкиты приписывали наголовнику с волосами умерших шаманов. Таков (№ 211-12) убор из орлиных шкурок на цветной хлопчатобумажной подкладке, на котором спереди укреплена орлиная нога, поверх насажены два козьих рога, а сзади свешиваются волосы старого шамана.

Маски — изображения духов — могли принадлежать только шаманам. Одна из таких шаманских масок — вместилищ духа (№ 211-3) — мастерски выполненное резное изображение мужского лица с открытым ртом и торчащим кончиком языка (символ жизни и силы у тлинкитов).

Очень большая группа масок (раскрашенные изображения женских лиц) принадлежит женщинам-шаманкам. Например, маска № 211-6 — «кляхтых-шават» (женщина с калужкой). По свидетельству Чудновского, она употреблялась при лечении. Однако в основном маски этого рода имели церемониальное назначение.

Нередко шаманские маски, изображая главного духа, содержали в себе также знаки духов менее значительных — помощников главного. Например, маска № 2448-17 изображает акулу, на ее кожаных боковых плавниках и на хвосте — дополнительные знаки; маска № 2448-1 — бобра с антропоморфными фигурами на ушах. Такие же фигуры на ушах волка на маске № 211-4.

По свидетельству братьев Краузе¹¹, особенно ценились миниатюрные маски. В МАЭ их две, и обе антропоморфны: № 536-21a и «маска смерти» (№ 536-21b). Их прикрепляли на верх головного убора, надеваемого на некоторых церемониях.

Кроме наголовника и маски костюм шамана составляли нагрудник и передник. В музее хранятся два замшевых передника: один (№ 211-16a) — украшен бахромой из кожаных ремешков и козьими копытцами на концах, верхний край обшит полосками меха выдры, на лицевой стороне нарисованы человеческое лицо и четыре красные рыбы, а также сетчатый узор — знак бобра; другой (№ 211-16b) — без опушки и без орнамента, украшен множеством медных наперстков, подвешенных на ремешках.

Кожаный нагрудник (№ 211-17), возможно, является уникальным. Он имеет вид овала с вырезом для головы. На переднике укреплены предметы, которым приписывалась магическая сила: полированные круглые, просверленные посередине кусочки кости, костяные трубочки, медвежьи зубы и топорковые клювы с орлиным пухом.

К костюму шамана относятся ожерелье и каменное кольцо, которое шаман носил на шее. Ожерелье (№ 211-38) состоит из отполированных ребер животных, костей рыбы, костяной пластинки с символическим изображением акулы и ножа, нанизанных на ремень. Каменное кольцо (тсак) имеет вид свернувшейся змеи со второй головой вместо хвоста.

Из принадлежностей камлания в МАЭ хранится также один бубен (№ 211-18), семь колотушек к нему (№ 211-18²⁻⁸) и две стрелы (лук утрачен).

Почти все погремушки, хранящиеся в музее (их 17), сделаны в виде птиц. Часто на спине птицы лежит шаман (это изображает его

¹¹ Krause, *Die Tlingitindianer*, Jena, 1885, S. 203.

полет в страну духов). Например, № 586-7 — погремушка в виде вороны, на спине которого лежит шаман, упирающийся ногами в голову лягушки. Нередко язык шамана всунут в рот лягушки (№№ 2448-23, 2448-22) — это шаман, сосущий голову лягушки. По мнению тлинкитов, голова лягушки содержит яд, который дает шаману злокозненную силу. На погремушке № 2448-24, на спине ворона, распластался злой демон — Какахете.

Фамильные гербы — символическое изображение истории рода — были также обязательной принадлежностью церемонии. МАЭ располагает четырьмя гербами, из них два — это вырезанные из дерева изображения мифических предков рода (№ 638-21 — птица-лягушка, № 633-22 — голова медведя). Такие гербы выставляли перед входом в дом. Третий герб — на куске кожи (№ 2448-29), расписанный красками (композиция с лягушкой в центре). Эти гербы прикрепляли к одежде. И наконец, четвертый герб (№ 2448-30) — прямоугольная доска с ящиками для камней на оборотной стороне. Он служил еще и погремушкой, на лицевой стороне его — условное изображение медведя, нанесенное красной и черной краской на неокрашенный фон.

Коллекция церемониальных и культовых принадлежностей МАЭ может быть использована не только для изучения верований тлинкитов, но и для постановки и решения ряда общих вопросов, связанных с первобытными верованиями, в особенности вопроса о развитом тотемизме.

В целом коллекция по тлинкитам имеет большую научную ценность. Отражая культуру первобытного племени, собрание МАЭ вместе с тем исторично: оно составлялось в течение полутора столетий и поэтому дает возможность проследить постепенное изменение хозяйственной жизни и быта тлинкитов на протяжении значительного отрезка времени.

Разнообразие предметов, содержащихся в собрании, позволяет использовать его для разностороннего изучения жизни индейцев, их хозяйственной деятельности, развитого ремесла, военных столкновений, общественного строя, верований.

Замечательной особенностью рассматриваемого собрания является также то обстоятельство, что изучение его дает материал для разрешения многих общих этнографических проблем. К их числу относятся вопросы хозяйственной жизни общества на стадии распада родо-племенных отношений, проблемы первобытных верований и первобытного искусства, вопрос о пиктографическом письме и многие другие.

Ч. М. Таксами

ТУНГУССКИЕ НАРОДЫ НА САХАЛИНЕ

В нашей исторической и этнографической литературе не уделялось достаточно внимания тунгусским народам, населяющим Сахалин. Поэтому каждое сообщение о них представляет определенный интерес. В данной статье мы хотим рассказать о тунгусских народах: эвенках, ороках, негидальцах, проживающих на о-ве Сахалин в настоящее время. Основным материалом для статьи послужило посещение автором о-ва Сахалин в 1961 г.

В статье основное внимание уделяется характеристике современной жизни эвенков и ороков, а что касается негидальцев, то мы их не выделяем отдельно, так как большинство их семей смешано с ороками и эвенками.

Эвенки — самая многочисленная и наиболее широко расселенная народность из так называемых малых народностей Северной Сибири. Общие размеры территории их расселения определить трудно (приблизительно она составляет около четверти всей Сибири и Дальнего Востока). Границами поселения эвенков служат на западе Обь-Иртышский водораздел; на востоке — побережье Охотского моря и Сахалин; на юге — р. Верхняя Тунгуска (Ангара), оз. Байкал и р. Амур; на севере — территория, населенная эвенками, якутами, долганами и ненцами. Из 30 тыс. населения эвенков на Сахалине проживает около 300 человек.

Первые эвенки пришли на Сахалин, видимо, в начале XIX в., вслед за предками нынешних ороков, от которых, возможно, узнали, что остров богат не только хорошими пастбищами, но и охотничьими угодьями, пушным зверем и дикими оленями. Длительное время они кочевали между материковой и островной землей, а в конце XIX — начале XX в. окончательно поселились на Сахалине. Поселились они вдоль всего западного побережья, где и кочевали: одна группа — от мыса Зеленого Гая на север острова, другая — немного южнее, в районе мыса Тык и залива Виахту. Почти каждую зиму эвенки выезжали на восточное побережье, богатое охотничьими угодьями, для добычи оленя и соболя.

По рассказам многих пожилых эвенков можно судить, каким путем шло заселение ими острова и каков был сам процесс заселения. Приведем некоторые из них.

1. Трофимов Афанасий. Отец его был из рода Дыр, крещеный, а мать была по национальности якутка, приехали они на Сахалин в конце XIX в. всей семьей, имея всего одну нарту, в которую была запряжена олень-матка. На Сахалине отец несколько лет кочевал, занимаясь охотой. Затем вернулся на материк, в район г. Николаевска. В 1900 г. опять приехал на Сахалин на окончательное поселение.

2. Павлов Георгий. Родители его прибыли с Охотского побережья. Род их носил название Ыдян.

3. Афанасьев Борис. Его дед приехал на Сахалин из районов р. Буреи. Был он из рода Мыцы.

4. Прокопьев Афанасий из рода Коница. Дед его прибыл с Охотского побережья.

5. Чинков (из рода Ыдян). Его деды переселились откуда-то из районов Нижнего Амура.

6. Слепцов (из рода Дерин) приехал на Сахалин в 1947 г. из Аяно-Майского района.

7. Владимиров Иван. Дед его приехал из района Чумикана.

8. Павлова. Ее отец, прежде чем поселиться на Сахалине в конце XIX в., длительное время кочевал на Охотском побережье материка, в районе селения Тывлино.

9. Чепалов (из рода Бухта). Его дед переселился на Сахалин из верховьев р. Амгуни.

10. Владимиров Иван. Отец приехал в конце XIX в. из района Чумикана.

Большинство нынешних эвенков Сахалина — потомки тех, которые переселились из районов Тугура, Чумикана, верховьев Амгуни и даже Буреи. Мы встретили на Сахалине представителей родов: Дыр, Ыдян, Лалагир, Мыцы, Коница, Дери, Бухта, Бута, Ыдинкан.

По сообщению Ю. А. Крейновича, на Сахалин пришли представители родов: из Чумикана — Лалагир, Эгинкагир, Коница, Джер; из Амгуни — Джукчагир, Бытун; из Бурукана — Буга; из Буреи и Бурукана — Эджен¹.

Все эвенки Сахалина поддерживают родственные связи с эвенками Амгуни, Охотского побережья, Кульчи и других мест.

Очень интересную характеристику хозяйственной деятельности эвенков конца XIX — начала XX в. дал Л. Я. Штернберг. По его сообщению, излюбленным местом поселения тунгусов на западном побережье был район между селениями Виахту и Лангр, где находились богатые пастбища. В жаркие летние месяцы эвенки раскидывали свои чумы по берегу моря близ селений Тык, Лахи, Ванги, Погоби и Ныйде. В августе они перебирались на восточный берег, к устью Тыми, заливу Чайво и Кехрво, где сушили кету. На зимний сезон эвенки перемещались ближе к предгорьям, где занимались исключительно охотой на соболя, диких оленей и медведей. Охота на диких оленей доставляла эвенкам обильную мясную пищу и продукты для сбыта. Пушнину вывозили для продажи в г. Николаевск-на-Амуре². Такой образ жизни эвенки вели вплоть до организации колхозов.

В настоящее время эвенки проживают в двух селениях на западном побережье Сахалина — в Береговых Лангерях (Рыбновский район) и Виахту (Александровский район).

¹ Ю. А. Крейнович, *Расселение туземного населения северной части о-ва Сахалина*, — «Дальне-Восточное статистическое обозрение», 1928, № 12(51), Хабаровск — Благовещенск, 1929, стр. 1—10.

² Л. Я. Штернберг, *Путешествие на Крайний Север о-ва Сахалина*, — «Сахалинский календарь и материалы к изучению о-ва Сахалина», Сахалин, 1895, стр. 39—40.

Береговые Лангери. Эвенкам этого селения за последние 30 с лишним лет пришлось менять несколько раз место своего жительства. В 1933 г. северные группы, кочевавшие от мыса Тык на север, объединились в колхоз «Новый путь» и обосновались в селении Ныйда вместе с нивхами и несколькими семьями якутов. Жили они здесь до 50-х годов. К сожалению, из-за неосторожности членов какой-то геологической исследовательской партии сгорел большой участок пастбища и население было вынуждено со своими стадами обосноваться в верховьях р. Лангра.

В 1957 г. в селении Лангери проживали 23 семьи эвенков с населением в 104 человека. Основным занятием было оленеводство. В колхозе насчитывались 2504 оленя. Попутно колхозники-олeneводы охотились на диких оленей и соболя, а женщины занимались изготовлением изделий из оленьей шкуры для продажи. В своем хозяйстве колхоз имел одну машину, электростанцию, радиостанцию и другую технику. В 60-х годах в связи с развитием нефтяной промышленности в верховьях р. Лангра эвенки обосновались в ее устье — в нивхском селении Береговые Лангери. Здесь для эвенков и нивхов было построено более 20 жилых домов, магазин, клуб, баня и т. п.

В 1960 г. эвенкийский колхоз «Новый путь» вошел в состав вновь организованного оленеводческого совхоза «Оленевод», куда были включены на правах отделения орокский колхоз «Вал» и эвенкийский колхоз селения Виахту. Центральной усадьбой совхоза стало Виахту.

В 1962 г. в селении Береговые Лангери жили и трудились 11 тунгусских семей — эвенки, несколько семей нивхов, а также русские и одна якутская семья. Эвенкийское и смешанное с ними население трудится в отделении совхоза. Одни работают пастухами, другие — на стройке и подсобных работах.

Осенью 1962 г. в оленьих стадах насчитывалось 3570 голов, в них весной того же года было получено 990 голов приплода. Летом оленей пасут одним стадом на свободном выпасе, (на территории между реками Лангром и Чингаей). В зимнее время постоянного пастбища нет; в 1962 г., например, олени паслись на территории, прилегающей к р. Луполову и соседних с нею рек, где находились до весны. Здесь же проходил и отелочный период. С мая стада снова передвигались на север.

Осенью часть оленей подгоняют к г. Охе на Сахалине, где забивают на мясо и сдают государственным торгующим организациям, которые в течение года продают его в сельском магазине, так что население всегда имеет возможность приобрести его.

В 1962 г. в личном хозяйстве эвенков числилось более 50 голов оленей. В основном их имеют пожилые и семейные люди. Молодые оленеводы-пастухи занимаются охотой на медведя, диких оленей и соболя. Мясо и пушнину продают государству, что приносит им дополнительный доход к основной заработной плате.

Расположены Лангери в удобном месте. До него из г. Охи и ближайших селений можно добираться на автомашине.

Селение Виахту — центр оленеводческого совхоза — стало застраиваться с 1957 г. Это самый отдаленный населенный пункт в Александровском районе, до которого трудно добираться: специальной дороги нет, а бурный Татарский пролив не всегда гостеприимен. Несмотря на это, в Виахту переехали эвенки из расположенного от него в 18 км селения Оленевод, часть нивхов из селения Старые Виахту и Трамбаус. Проживает в нем и несколько русских семей.

При заселении поселка часть домов была перевезена из селения Оленевод. Заново были построены государством около 10 жилых до-

мов, восьмилетняя школа-интернат, клуб, медпункт, детские ясли и сад, баня, магазин, пекарня. В 1961 г. был заложен фундамент нового детсада и проектировалось строительство большого интерната и 19 жилых домов. На средства совхоза были построены мастерская, гараж, склад, овощехранилище и другие хозяйственные строения. Всего в селении Виахту проживало около двадцати эвенкийских семей. Самые распространенные фамилии — Диноковы, Владимировы, Начеткины.

Основное хозяйство эвенков селения Виахту — оленеводство. Им заняты как среднее, так и старшее поколения. Олени находятся на свободном выпасе, стада перегоняют с одного места в другое в зависимости от сезона.

Олени стада пасутся на территории от Уанды до мыса Тык; в летнее время они движутся на побережье, зимой уходят в лес. Период гона проходит обычно в районе мыса Тык. Пастухи во время выезда на пастбище живут в палатках, но у них есть домик, который служит им центральной базой, где хранятся различные снаряжения и продукты. Оленеводы построили себе еще избушку-склад для хранения мяса добытых оленей, откуда его вывозят на самолете или вертолете в промышленные и рабочие центры. Бьют оленей на мясо и для местного населения, а затем продают в магазине.

В отделении совхоза в Виахту в 1961 г. было небольшое молочное хозяйство и огород. Молоко, особенно в зимнее время, целиком уходило на обеспечение детских яслей и школы-интерната. В огороде в основном выращивали картофель для общественного питания.

Организована в совхозе и пошивочная мастерская, где шьют дохи, обувь, шапки, рукавицы, в первую очередь для пастухов, а также для продажи населению. Имеется и своя техника: пять тракторов и две автомашины. Гужевого транспорт представлен 15 рабочими лошадьми и 6 головами молодняка.

До организации коллективных хозяйств каждая эвенкийская семья кочевала со своими немногочисленными оленями (по сообщению большинства эвенков, каждая семья имела не более 50 голов) на определенной территории. Эвенки очень бережливо выращивали поголовье оленей в своих стадах. Забивали их на мясо и шкуры только при крайней необходимости и только диких оленей, которых на Сахалине в то время было много. Для того чтобы отличить одно стадо от другого, на ушах оленей ножницами делались разрезы — семейные отметки — *илкыни*.

С организацией колхоза все стада были объединены и оленеводы сообща кочевали на большой территории. В местах своих постоянных стоянок они устраивали большие навесы для оленей. В летнее время вокруг своих чумов зажигали многочисленные костры-дымокуры от комаров, слепней и гнуса. Заботу о стаде проявляли все колхозные семьи, связанные между собой родственными узами. Мужскому населению помогали члены их семей — женщины, дети и старики, кочевавшие вместе с пастухами.

В 50-х годах в связи с окончательным оседанием оленеводов, а затем и с организацией совхозов в оленеводческом хозяйстве стала ощущаться нехватка пастухов. Связано это с тем, что в поселках стали жить почти все члены семей (дети учиться в школах, женщины и старики оставаться дома). Молодежь, которая прежде занималась оленеводством, предпочитает теперь работать в поселке строителями, на заготовке и распилке леса, механиками, трактористами, шоферами и на других подсобных работах. Непосредственно пастухи — это преимущественно люди старшего поколения, этим и вызваны трудности с кадрами. Есть и другие трудности, связанные с территорией кочевья. Если вплоть до

Способ перевозки детей верхом на оленях.
Селение Виахту. 1961 г.

40—50-х годов эвенки кочевали на определенных землях, по западному побережью острова, распределяя пастбища по сезонам, то теперь все эти маршруты приходится менять каждый год. Дело в том, что на острове бурно развивается нефтяная, угольная, лесная и другая промышленность. На путях кочевья, на местах пастбищ строятся рабочие поселки, что в какой-то степени затрудняет ведение оленеводческого хозяйства.

Между тем оно, так же как и береговое рыболовство нивхов, имеет большое значение для народного хозяйства. Оленеводство эвенков имеет также большое транспортное значение. Оленьим транспортом пользуются как местное население, так и геологоразведочные партии, приезжающие в эти районы. В летнее время на оленях передвигаются верхом, а зимой — в нартовой упряжке. Верхом ездят также женщины и дети.

Мужские ездовые седла-*нымы* — широкие, длинные. На женских седлах подкладные доски шире и меньше по длине, а передние кости *орон* выше, задние — ниже. Детское седло *дурыкы* — небольшого размера: чтобы дети сидели на них устойчиво, им спереди и сзади подкладывают подушки и привязывают ремнями к седлу. Грузовое вьючное седло *ымыгын* отличается от ездового своим размером и конструкцией. Вьючным мешком служит берестяная корзиночка (береста двойная) *урма*, обшитая нерпичьей шкурой. Грудных детей с люльками также навьючивают на оленей. При этом с одной стороны укрепляют люльку, а с другой — вьючный мешок.

В нарты (*толгоки*) запрягают обычно пару оленей, правый — *нерон*, левый — *диңму*. Одного оленя запрягают только при гонках. В этом случае подпруги проходят между ног. У эвенков имеются и маленькие гоночные нарты, называемые, как и большие, толгоки.

До сих пор эвенки широко применяют в быту оленьи шкуры, из которых шьют обувь, дохи, рукавицы и другие предметы одежды и утвари.

Живут оленеводы-пастухи, находящиеся при стаде, в белых брезентовых палатках как летом, так и зимой. Отапливаются каминами. Теперь среди эвенков нет традиционных конических чумов и они живут в срубных домах русского типа. В последние годы для них построено несколько десятков стандартных одно-двухквартирных домов из двух-трех комнат с верандой. Эвенки гордятся чистотой своих квартир и их убранством.

Сейчас трудно отличить эвенкийские квартиры от квартир русского населения, с которым они живут и трудятся вместе. Во всех эвенкийских домах имеются кровати, платяные шкафы, портьеры, шторы, зеркала, и т. д. Во всех домах горит электрический свет, имеется радио или радиоприемник.

Наряду с проникновением современной культуры в быт эвенков они сохраняют многие элементы своей самобытной культуры, в частности национальную одежду, пищу, средства передвижения и т. д.

Сахалинские эвенки были крещены еще до поселения на остров, а отдельные семьи крестились уже на Сахалине. Старейшая жительница селения Виахту Павлова еще помнит, как при крещении священник опускал ее голову в воду. Крещенные эвенки хоронили покойников по православному обычаю и над могилой ставили крест. В дореволюционное время при установке чума на новом месте эвенки выносили иконы, молились, а затем устраивали угощение.

Все эвенки имеют русские фамилии, имя и отчество, полученное при крещении. Но в то же время все они хорошо помнят свой род, поддерживают с сородичами постоянную связь и соблюдают все нормы и обычаи родовой организации.

Сахалинские эвенки хорошо владеют как своим родным, так и русским языком. Ороки, негидальцы и якуты, вступившие в брак с эвенками или вышедшие за них замуж, также хорошо владеют эвенкийским языком. Вместе с тем стал наблюдаться факт, когда эвенкийские школьники говорят только на русском языке.

Дети эвенков учатся в педагогическом и медицинском училищах г. Александровска-Сахалинского, в Хабаровском медицинском и педагогическом институтах, в технических училищах в г. Охе. Среди них имеются и окончившие Ленинградский педагогический институт.

Ороки — небольшая группа, принадлежащая к тунгусским народам и раньше всех поселившаяся на Сахалине, изучена сравнительно мало, и среди исследователей, занимавшихся этим вопросом, пока нет единого мнения о происхождении этой группы народов.

Одни ученые, как, например, Г. Н. Невельской³, предполагали, что ороки это удские тунгусы, перекочевавшие в XV—XVII вв. с материка на Сахалин, другие, например Л. И. Шренк⁴, утверждали, что ороки — часть ульчей (иначе известная как мангуны — шренковские мангуны), в прошлом оленеводов, кочевавших в отрогах Станового хребта. Потеряв оленей, они пришли на Амур и стали заниматься рыболовством. Небольшая их часть отделилась от своих одноплеменников и переселилась на Сахалин.

Правда, можно предполагать, что первыми переселились на остров амгунские тунгусы — негидальцы, путь которых на Сахалин лежал через земли шренковских мангунов; последние, познакомившись с негидальцами во время их перекочевки, также вслед за ними поселились на Сахалине.

³ Г. И. Невельской, *Подвиги русских морских офицеров на Северо-Востоке Азии*, М., 1947, стр. 237.

⁴ Л. И. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, т. I, СПб., 1883, стр. 138.

Советский исследователь Г. М. Василевич⁵ считает, что оленеводы-орочи из районов Приамурья переселились на богатый кормами и зверем Сахалин. Здесь они сохранили тот же тип оленеводства, но стали называться ороками.

Вопрос об этническом составе ороков до сих пор не решен. В их культуру, несомненно, проникли элементы русской, эвенкийской, негидальской и ульчской культуры. Тщательное исследование всех этих элементов даст нам возможность выявить этнический состав нынешних ороков и пути формирования этой группы.

Мы считаем, что ороки Сахалина, видимо, представляют собой группу тунгусского народа, сформированную сравнительно недавно, возможно, в XVIII—XIX вв. Предки нынешних ороков постепенно переселились на Сахалин из разных районов. Первоначально, видимо, перешли, как мы уже говорили выше, на остров негидальцы и часть отколовшихся нынешних ульчей, которые, потеряв оленеводство, стали заниматься охотой, морским промыслом и рыболовством. Нынешние ороки мало что помнят об этом переселении, и сохранилось это в памяти народа главным образом в виде легенд.

Ороки не сразу поселились на Сахалине, который они называют *нучи-на* — маленькая земля, долгое время они переходили с материка (*дай-на* — большой земли) на остров и обратно. Многие семьи достигали низовьев рек Чоми, Тыми и др., некоторые даже возвращались на свои прежние места — на озеро Орель, Амгуни, Удыль, Аян.

Нынешние ороки, по нашему мнению, это конгломерат нескольких тунгусских групп, переселившихся на остров из бассейна Нижнего Амура. Ядром их являются группа негда (соотечественники нынешних негидальцев) и шренковские мангуны, переселившиеся на Сахалин. К ним впоследствии примкнули эвенки. Даже сами ороки из своей среды выделяют группу ульта, негда и эвенков. И поэтому не удивительно, что в культуре ороков мы находим элементы культуры рыболовов, охотников и оленеводов, при преобладании культур оленеводческого и охотничьего населения.

Поселившись на Сахалине, ороки длительное время кочевали по острову, с восточного побережья на западное вдоль р. Тыми, в верховьях Пороная, а оттуда и на материк. Этим же путем они возвращались обратно. Часть ороков с восточного побережья отправлялась на юг до залива Терпения.

Позднее, с поселением эвенков в XVIII—XIX вв. вдоль западного побережья, ороки постепенно перестали двигаться в западном направлении и окончательно осели в районе низовьев р. Пороная и залива Терпения. При этом на первых порах между ороками и местным населением — айнами возникали недоразумения и стычки.

В дореволюционное время жизнь ороков была тяжелой. Имея в своем хозяйстве небольшое количество оленей, они кочевали с целью добычи пропитания. Весной охотились за нерпой (ее мясо шло в пищу, а шкура — на изготовление одежды). В летнее время в устьях рек и на берегу заливов ловили рыбу, которую не только сразу употребляли в пищу, но и заготавливали юколу на зиму. Зимой занимались охотой, били пушных зверей и диких оленей, которых на Сахалине было очень много. Они паслись в лесах восточного побережья между заливом Терпения и п. Пограничное.

Кочуя, ороки выбирали хорошие пастбища для домашних оленей,

---

⁵ Г. М. Василевич, *Самоназвание орочен, его происхождение и распространение*, — «Известия Сибирского отделения АН СССР», сер. общ. наук, вып. 3, 1964, № 9.

так как они их очень берегли и забивали на мясо только в редких случаях.

В конце XIX — начале XX в. ороки Сахалина расселялись двумя группами — северной и южной.

Северные ороки кочевали вдоль заливов всего северо-восточного побережья Сахалина — Пильтунского, Чайвинского, Ныйвинского, Набильского и Луньского. В 20-х годах в этих районах было зафиксировано пять локальных групп ороков, каждая из которых кочевала по определенной территории.

I группа в 17 человек, состоявшая из представителей рода Муигыты, кочевала в районе Луньского залива. Зимой они жили в тайге на берегу р. Ясрун-и, впадающей в Луньский залив, с наступлением весны переезжали на косу к морю, где охотились на тюленей. Летом и осенью жили в Кезьбагир-во, расположенном на мысу косы на берегу залива, где занимались рыбной ловлей.

II группа, состоявшая из представителей двух родов — Торысы и Сюкто, кочевала в районе Набильского и Ныйского заливов. Зимой они жили в устье р. Имчина, впадающего в р. Тымь, а летом в Бутаво на Охотском берегу, расположенном севернее пролива Набильского залива.

III группа, состоящая из рода Дагинен, кочевала в районе залива Даги. Зимой эта группа ороков жила в тайге на берегу р. Даги, весной переезжала на косу к берегу моря, где охотилась на нерпу. Летом жила на о-ве Гекчомвоур, а осенью по р. Томи.

IV группа делилась в свою очередь на две группы, состоявшие из представителей родов Синахуду, Гетта и Баярус, кочевавшие в районе залива Чайво. Одна группа ороков, численностью в 22 человека, зимой жила в верховьях р. Вал на Адаву, весной — вблизи Ванршк-во на берегу моря и охотилась на тюленей. Летом она жила на берегу залива в Уль-во, а осенью — на берегу р. Аскассая или Вала, где ловила рыбу. Другая группа ороков (в 32 человека) осенью и зимой жила на р. М. Гороме, иногда уезжая на зиму к верховьям р. Вал на Адаву, где жила по притоку р. Вала — р. Уи. Весной она перекочевывала к морю на косу, напротив о-ва Аги-во, где охотилась на тюленей. Летом жила вблизи М. Горомая, где ловила рыбу.

V группа, состоящая из представителей родов Баярус и Намиса, кочевала в районе залива Кекр-во, или Пильтун. Осенью она жила на правом берегу р. Сабы, зимой — там же или переезжала к верховьям рек, например, Ныль-во (впадающей в залив Байкал), весной — немного севернее своих летников Аги-во, где охотились на тюленей, а летом — в летниках Аги-во, на берегу залива, где занимались рыбной ловлей⁶.

Перекочевка с места на место была связана со сменой времен года и хозяйственными занятиями. Весной ороки переселялись к морю, где занимались охотой на нерп. Летом и осенью селились непосредственно на берегу заливов и в устьях рек, где ловили рыбу. Зимой уходили в тайгу, где пасли оленей и охотились.

Южные ороки Сахалина также расселялись небольшими группами в низовьях р. Пороная, вдоль залива Терпения и Невского озера. Обычно в одном месте селились три-пять семей, немногим более 30 человек, причем в весенне-осеннее время они жили на берегу залива и в устьях рек, где наряду с оленеводством занимались морским промыслом и рыболовством, зимой уходили в лес и занимались охотой на диких оленей и пушных зверей, а небольшое количество домашних оленей, находившихся на свободном выпасе, перегоняли к местам своих кочевков.

⁶ Ю. А. Крейнович, *Расселение туземного населения...*

Орокская женщина с сыном, Б. Горомай,
Северный Сахалин. 1928 г. (МАЭ, И—1738-78)

Пушнину, оленье шкуры и шкуры нерп ороки сбывали купцам (как японским, так и русским) в обмен на продукты питания, промышленные товары, ружья и охотничьи припасы. Иногда купцы давали товары в кредит, в счет будущей добычи. Один раз в году ороки принимали участие в ярмарке, организуемой в селении Уанда или на мысе Тык.

Во время посещения южных ороков в 1895 г. Н. Попов встретил на р. Сольное пять семей с населением 16 человек (пять мужчин, пять женщин и шесть детей), из которых трое ушли на работу к японскому рыбопромышленнику. Эти пять семей имели стадо всего в 50 оленей, несколько долбленых лодок и небольшую рыболовную сеть⁷. Недалеко от поселения Тихменевского была стоянка ороков, на которой проживало пять семей с населением 32 человека. Почти все взрослое население этого селения летом работало у японских рыбопромышленников. Эта группа ороков имела стадо около сотни голов оленей.

Во время японской оккупации Южного Сахалина поголовье оленей у ороков резко сократилось, из-за того что японцы нередко употребляли в пищу мясо орокских оленей. Сами ороки не забивали на мясо домашних оленей, а употребляли в основном мясо диких. Интерес к орокским оленям проявляли японцы еще до оккупации. Так, в конце XIX в. Н. Попов, находившийся среди ороков, писал, что японцы не прочь были тайком поохотиться на орокских оленей, что заставляло последних переселяться в более глухие места⁸.

Резко сократилось поголовье орокских оленей и в результате хищнических действий якута Винокурова — владельца большого стада оленей. Винокуров запрещал пастухам бить на мясо оленей из своего стада,

⁷ Н. Попов, *Река Поронай и ее инородческое население*, — «Сахалинский календарь и материалы к изучению о-ва Сахалина», отд. II, 1895, стр. 6—9.

⁸ Там же.

а заставлял убивать чужих, попавших в его стадо. Много таких оленей он продал японцам, выдавая за своих. За короткий срок Винокуров сделался владельцем почти всех оленей Южного Сахалина. Многие ороки, лишившись оленей, вынуждены были заниматься только рыболовством.

Материальное положение ороков, как и всех малых народов, было в досоветское время очень тяжелым. Об этом писали многие очевидцы. Это показало и обследование, проведенное на Северном Сахалине в первые годы Советской власти. Кочуя со своим небольшим хозяйством, они вели жалкое существование. Их благополучие зависело от удачной охоты и хорошего промысла. В годы плохих промыслов население вынуждено было вести полуголодный образ жизни. К тому же среди них были распространены многие болезни, что приводило к их вымиранию.

Ороки Сахалина были сплошь неграмотны. Перепись 1926 г. зафиксировала только одного человека, считавшего себя грамотным. Под грамотными в то время подразумевались люди, умевшие только расписываться и в лучшем случае читать по слогам. В период японской оккупации в селении Отасу в течение нескольких лет функционировала единственная начальная школа, где обучались дети в основном оседлых ороков.

В настоящее время ороки северной группы живут оседло и компактно в одном селении Вал (только отдельные семьи живут в других населенных пунктах), построенном при Советской власти. С 1959 г. рядом с поселком возник новый населенный пункт. К нашему посещению в 1961 г. в нем было построено 20 трехкомнатных домов со всеми пристройками, почта медицинский пункт, строились клуб и школа. Все это государство бесплатно передало в пользование орокам. Кроме того, в связи с развитием нефтепромыслов рядом с новым Валом был еще воздвигнут новый рабочий поселок. Таким образом, селение Вал состоит теперь из трех поселков и представляет собой крупный благоустроенный населенный пункт. В 1961 г. в нем проживали 34 семьи (численностью в 126 человек), которые называют себя ороками. Там же проживают эвенки — 15 семей (численностью в 36 человек), нивхи — 3 семьи (численностью в 13 человек) и 32 человека русских, чувашей и татар.

Основное занятие населения — оленеводство. Олени стада находятся на свободном выпасе. В летнее время пасутся вдоль заливов, в холодное — уходят в лес. Чтобы держать оленей более компактно, часть оленей (маток и телят) держат на привязи. В период отела обычно мобилизуют все население совхоза и делают все возможное для сохранения приплода.

По роду своей работы оленеводы вынуждены часто посещать стада оленей, и в летнее время в поселке остаются только те члены семьи, которые связаны с производственной работой, остальные, включая детей, предпочитают уходить вместе с пастухами к оленьим стадам. В зимнее время вместе с пастухами кочуют одна-две семьи, а их женщины работают чумработницами.

Семьи оленеводов живут при стадах в белых брезентовых палатках (каждая семья живет в отдельной палатке), в которых устанавливают переносные железные камины. В палатках широко используются как постельные принадлежности олени шкуры, а также и спальные мешки.

Еще в 30-х годах в селении Вал был создан оленеводческий колхоз, который в послевоенное время был реорганизован в отделение оленеводческого совхоза «Оленевод». Во время нашего посещения в 1961 г. здесь были две оленеводческие бригады, в которых находилось 6500 голов оленей. В период отела в них трудились 30—32 человека.

Осенью оленей подгоняют к городу и сдают туши на мясо, главным

образом в г. Охе, торгующим организациям, оставляя себе только шкуры. С 1939 по 1960 г. оленеводы селения Вал сдали государству на мясо около 10 тыс. голов. В настоящее время совхоз ежегодно планирует убой оленей, мясо которых продается в магазине поселка.

Оленеводы-пастухи занимаются также охотой на пушного зверя, медведя и диких оленей. За счет последних совхоз частично выполняет мясopоставку государству. Сдают государству и мясо медведя; пушнину же продают заготовительным организациям.

В последние годы, кроме оленей, в совхозе появились шесть коров, из них три дойные. Это дало возможность круглый год обеспечивать молочной продукцией (молоком, творогом и сметаной) рабочих совхоза и их детей. Ежегодно расширяется и огородное хозяйство. В совхозе сажают картофель, капусту, лук и другие овощи.

В рационе ороков наряду с оленьим мясом большое место занимают покупные продукты (хлеб, крупа, консервы), а летом рыба, которую употребляют в пищу в свежем виде. Некоторые семьи заготавливают ее и на зиму в соленном виде или в виде юколы.

В селении имеется мастерская промкомбината, выделяющая оленьи шкуры, из которых шьют унты, тапочки, рукавицы, теплые чулки, ушанки и т. д. В мастерской работают пять человек из орокских и эвенкийских семей.

В подсобном хозяйстве совхоза содержались три лошади, которых круглый год использовали на гужевом транспорте. Говоря о транспортных средствах ороков, следует упомянуть и о лодке, которую раньше более широко использовали (долбленные лодки — *монко*). Во время нашего пребывания мы обнаружили в селении Вал всего три лодки, с которых пожилые ороки занимались ловом рыбы для личных нужд.

Основная часть населения ороков как в зимнее, так и в летнее время носит покупную одежду и обувь, но наряду с этим еще широко использует национальную, сшитую из оленьих шкур. Так, пастухи носят доху — *санияк*, шапки-ушанки — *авун*, длинные торбазы (меховая обувь) из камуса (шкур с ног оленя) — *муругун-муру*, под которые надевают теплые чулки из оленьего меха — *доктон*. Летом ходят в обуви из дымленых шкур. Повсеместно носят меховые рукавицы — *коколло* и перчатки из замши — *т'арбак-тарбаки*.

Ороки селения Вал теперь уже плохо помнят о своих родовых связях, но тем не менее некоторые старики в своих рассказах приводят любопытные факты, освещающие жизнь предков нынешних ороков.

Еще в досоветское время все ороки, как и эвенки, были крещены. В этом плане интересно следующее сообщение А. Александрина: «Обходя юрты, мы заметили в каждой из них скромно висящие на ремешках иконки. Оказывается, что, за исключением одного взрослого, все крещены и носят, наряду со своими собственными, христианские имена, с трудом припоминая их и до неузнаваемости коверкая. Так, на вопрос одного ороченa, он скороговоркой отвечал, что его звать „Иванандреем“, как ни старались объяснить ему, что он, вероятно, ошибается и что он одно из двух: или Иван, или Андрей, тот стоял на своем Иванандрей. Оказалось что же? У него есть брат, который также себя называет Иванандреем и выходит, что один из них Иван, а другой — Андрей, но кто именно Иван, и кто Андрей — неизвестно»⁹.

Имеется сообщение о крещении ороков и у Н. Попова, видевшего ороков в конце XIX в. «Почти все орочены, живущие по Пороною, христиане „крещеные“ и носят христианские имена; впрочем, к религии они.

⁹ А. Александрин. *Из поездки по рр. Б. Тымы и Набиль*, — «Сахалинский календарь, август 1896», о-в Сахалин, 1897, стр. 100, 101

в противоположность тунгусам, относятся безразлично и им кажется, что если они и крестились, так только потому, что думали, что так „полагается по русскому закону“. В сущности они тоже язычники: между собою редко называют друг друга христианскими именами, предпочитая более понятные им языческие, и хотя в некоторых юртах держат иконы, но не прочь при удачном лове принести жертву языческому божеству или, в пример айнец и гиляк, водрузить идола из стружек — „илау“»¹⁰.

В начале XX в. ороки по традиции хоронили умерших на деревьях, сколачивая гроб из досок из двух выдолбленных колод, устанавливаемых на подвесных мостках. Крещенные ороки хоронили умерших по русскому обычаю, устанавливая над могилой крест.

В селении Вал очень много смешанных браков. В смешанных семьях говорят на русском, эвенкийском и на языках ульта. Тунгусские народы говорят между собой на своем эвенкийском языке, ульта хорошо знают эвенкийский язык, а эвенки, как правило, понимают язык ульта, но говорить на нем не могут. Все ороки хорошо говорят по-русски. Возможно, некоторые перешли на Сахалин, уже хорошо зная русский язык.

Образование дети ороков получали на Ноглинской культбазе, которая была открыта в начале 30-х годов. Несколько лет назад, с 1959 г., на основе этой культбазы была организована восьмилетняя национальная школа-интернат санаторного типа. В этой школе дети обучаются начиная с подготовительного класса и проходят курс начальной и восьмилетней школы. После этого одни продолжают учебу в средней школе здесь же в Ноглинках, другие уезжают на учебу в крупные города.

Мы довольно подробно осветили историю основания и жизнь селения Вал, но нам хотелось бы привести еще некоторые материалы, сообщенные старейшей жительницей селения Вал Марией Соловьевой (она себя причисляет к народу негда), помогающие в какой-то мере раскрыть истоки формирования ороков.

Вот что сообщила Мария Соловьева.

Ее первый муж Соловьев Михаил был негидальцем из рода Нягинярр. После его смерти она вышла замуж за Чинкова из эвенкийского рода Ыдян. От двух мужей у нее родилось 9 детей: из них один женился на эвенкилке из рода Ыдян, а одна — вышла замуж за эвенка из рода Дери, но все они считаются ороками. По словам все той же Соловьевой, в селении Вал проживают представители орокского рода Муктигыр, носящие фамилию Егоров. Как Соловьевы, так и Егоровы по паспорту ороки, но считают себя негда. Живут в этом селении несколько семей Егоровых — эвенки из рода Ыдян, некоторые из них женились или вышли замуж за негда и ульта, но считаются ороками.

В заключение нам бы хотелось немного остановиться на быте ороков Южного Сахалина.

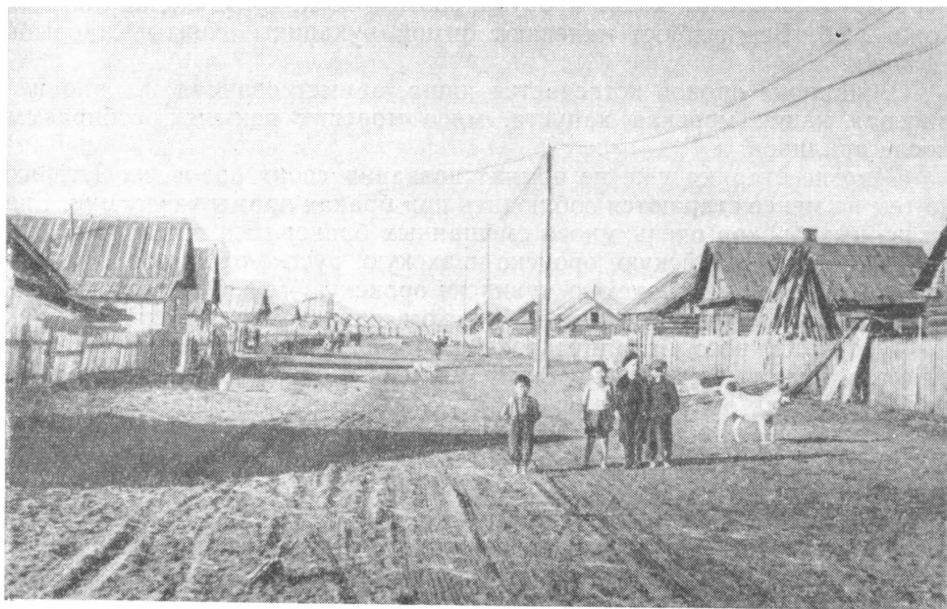
Всего *южных ороков* около 200, часть их (преимущественно молодые люди) была вывезена японцами на Хоккайдо в 1945—1947 гг. В настоящее время орокское население живет в селениях Речное, Устье, г. Поронайске и его окрестностях. В г. Поронайске ороки работают на рыбкомбинате (в сетеповивочной мастерской, копильном цехе, рыбообработчиками), на лесотарном комбинате, в коопзверопромхозе и других предприятиях. Несколько семей ороков живут недалеко от станции Баюклы и занимаются оленеводством (в стаде насчитывается около 1000 оленей).

Более близко познакомились мы с ороками селения Речное (их было около 40), они работали вместе с нивхами и нанайцами в рыболовец-

---

¹⁰ Н. Попов, *Река Поронай и ее инородческое население*, стр. 11—12.

Селение Речное (Таран), Южный Сахалин. 1961 г.

кой бригаде колхоза «Дружба». Ороки вместе с нивхами составляют основное рыболовецкое население бригады «Новый путь», так как нанайцев осталось всего лишь несколько семей (остальные возвратились на Амур на прежнее местожительство). Рыбу (сельдь, корюшку, горбушу и навагу) сдавали на Поронайский рыбокомбинат, часть в обработанном виде. Бригада «Новая жизнь» имеет свою базу по обработке рыбы, на которой работают преимущественно члены семей.

Колхозники добывают также морских зверей, правда, в небольшом количестве и преимущественно для личных нужд. Бьют их из огнестрельных ружей и ловят ловушками в виде вентеров с большими крыльями, хотя последние применяются в настоящее время редко. Некоторые рыбаки в зимнее время занимаются охотой на лисиц, соболя, выдр, оленей и др. Охотников с каждым годом становится все меньше, и охотничий промысел падает, так как люди предпочитают заниматься рыбным промыслом, приносящим более хороший доход.

В настоящее время у южных ороков в личном пользовании нет оленей. Нет оленей и в общественном хозяйстве ороков, проживающих в селениях Речное и Устье. Ороки этой группы до недавнего времени кочевали с небольшими стадами оленей, сохраняя тип тунгусского оленеводства, некоторые элементы которого нами описаны выше.

Село Речное — благоустроенный поселок. С 1947 г. здесь было построено более 40 добротных срубных домов, некоторые из них двухквартирные. В селении имеются начальная школа, клуб, детские ясли-сад, медпункт, магазин. Все дома радиофицированы и электрифицированы. От селения до г. Поронайск ходит регулярно автобус.

У южных ороков, так же как и у северных, не сохранились двускатные корьевые шалаши — *каура* и конический чум — *аунда*, покрытый шкурами или рыбьей кожей, употреблявшиеся раньше повсеместно.

Ороки носят в основном покупную одежду, и только небольшая часть

взрослого населения ходит в обуви, сшитой из камусов оленя, лося или кожи рыб. Все рыбаки надевают зимой рукавицы, сшитые из рыбьей кожи.

В рационе ороков встречается пища, заимствованная у японцев: рисовая каша, морская капуста, мясо морских ракушек, собираемых после приливов.

Многие старики уже не помнят названия своих родов, их историю, но тем не менее стараются соблюдать при браках нормы экзогамии. Среди южных ороков очень много смешанных браков. Здесь мы встречали семьи орокско-нанайскую, орокско-нивхскую, русско-орокскую, японско-орокскую, корейско-орокскую, тувинско-орокскую и др. Ороки этого района одинаково хорошо говорят на русском, японском и орокском языках.

Ороки Южного Сахалина также подвергались крещению русскими и поэтому все имеют русские фамилии, имя и отчество. В период японской оккупации они получали японскую фамилию, которая означает место, откуда они прибыли. Так, Накагава означает средняя река, внутренняя река, Огава — маленькие речки, Кузава — маленькие протоки, Китазима — север и др.

Советское государство оказывает орокам всяческую помощь в деле воспитания детей. Как мы уже говорили выше, в селении Речное имеются ясли-сад и начальная школа, в селении Устье — восьмилетняя школа, в г. Поронайске — средняя школа. Все дети ороков воспитываются дошкольными учреждениями и учатся в школах; причем они находятся на полном государственном обеспечении. Многие ороки учатся в педагогическом и медицинском училищах г. Александровска, многие работают учителями и фельдшерами в своих родных селениях на Сахалине.

Б. А. Вальская

ПУТЕШЕСТВИЕ Ф. В. БЕРЕЖНОГО ПО СЕВЕРО-ВОСТОКУ СИБИРИ в 1821—1822 гг. И ЕГО ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ

В 1883 г. в Архив Географического общества СССР поступил подлинный путевой журнал колымского купца Федора Васильевича Бережного¹, принимавшего активное участие в колымском отряде экспедиции 1820—1824 гг., направленной для описи северных берегов Сибири на восток от р. Колымы до мыса Шелагского и для открытия неизвестной земли Андреева в северо-восточной части Северного Ледовитого океана. Экспедиция возглавлялась Ф. П. Врангелем. Он и лицейский товарищ А. С. Пушкина Ф. Ф. Матюшкин описали и произвели съемку побережья Сибири и устья р. Колымы до о-ва Колючина, окончательно установили, что Азия отделяется от Америки Беринговым проливом, и по распросам удивительно точно нанесли на карту севернее мыса Якан неизвестный остров, открытый Лонгом только в 1867 г. и названный именем Врангеля.

Бережной проживал в Средне-Колымске и, как многие жители Колымы, занимался промыслом мамонтовой кости. Узнав об экспедиции Врангеля и Матюшкина, он просил «приобщить» его к ней, так как он давно «имел желание оказать отечеству посиленные опыты своего усердия»².

Путешествие Бережного, как это видно из путевого журнала, началось с 22 марта 1821 г., когда он вместе с Врангелем и Матюшкиным отправился в поездку по льду Северного Ледовитого океана для отыскания неизвестной земли Андреева к северу от Медвежьих островов. Вот что пишет по этому поводу Врангель: «Колымский купец Бережной добровольно вызвался ехать с нами на двух собственных своих нартах и со своим кормом»³. В этой поездке принимали участие отставной унтер-офицер Решетников и матрос Нехорошков.

Зная местные условия и понимая значение экспедиции, Бережной оказывал путешественникам постоянное содействие, снабжая их продовольствием и средствами передвижения, часто совершенно безвозмездно. Вместе с экспедицией он прошел свыше 3730 км.

¹ «Путевой журнал купца Федора Васильевича Бережного в сопутствовании с экспедицией для описи земель Ледовитого моря...»,— Архив Географического общества СССР, р. 76, оп. 1, № 3.

² Ю. Давыдов, *Фердинанд Врангель*, М., 1959, стр. 30.

³ Ф. П. Врангель, *Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицией, под начальством флота лейтенанта Врангеля*, М., 1948, стр. 189.

27 марта 1821 г. караван экспедиции, состоявший из 22 нарт с собачьими упряжками, вышел с большим трудом из лабиринта торосов и льдов на ледяную равнину Восточно-Сибирского моря, где казак Котельников убил огромного медведя (весом около 600 кг), выскочившего из-за высокой льдины. Уставшие путешественники остановились на ночлег. Лагерь экспедиции, писал Врангель, расположился следующим образом: в середине помещалась походная палатка Врангеля и Матюшкина, «составляя как будто главную квартиру», около нее «располагались четыре небольшие четырехугольные палатки, вроде пологов, принадлежащие купцу Бережному и некоторым из зажиточных проводников. Кругом ставились нарты, и к ним привязывались собаки; они могли таким образом охранять весь лагерь от ночных нападений белых медведей»⁴.

Продвигаясь на север от мыса Малого Баранова, Врангель и его спутники неожиданно увидели неизвестную землю, которая оказалась самым восточным островом из группы Медвежьих островов. По этому поводу Бережной записал в своем журнале следующее: «30 марта. На дневке. Описывали тот остров в окружность на 42 версты. Нашли на оном острове два полоза саношных, оленьи рога ветхие. Примечанию достойное: на южной стороне острова в каменном утесе медная и железная руда, и множество гнезд птичьих, и перей. Наименовали остров Четырехстолбовым, ибо на нем действительно четыре величайшие каменные столбы, из коих к востоку два видны на 15 и более верст».

Дальнейшее продвижение экспедиции на северо-восток затруднялось непроходимыми торосами. Врангель отправил обратно 6 транспортных нарт. Теперь «вместо унтер-офицера Решетникова, предводительствовавшего возвращавшимися нартами,— замечает Врангель,— остался у нас купец Бережной»⁵.

16 апреля экспедиция находилась севернее 71° с. ш. Из-за необычайных торосов и непроходимых полыней Врангель вынужден был вернуться. На обратном пути члены экспедиции описывали Медвежий острова. 24 апреля, как указывает Бережной, «при свирепой со снегом погоде выехали на матерую землю к устью речки Агафоновой». За 36 дней экспедиция Врангеля прошла 1210 км и сделала важное открытие — о существовании зимой в Северном Ледовитом океане незамерзающей полыньи.

10 мая 1821 г. Бережной по поручению Врангеля отправился к устью р. Баранихи для строительства на берегу Восточно-Сибирского моря продовольственной базы экспедиции. Его сопровождали отставной сержант Решетников и четверо рабочих, имен которых Бережной не приводит. 21 июня они доехали до «Края Лесов», где заготовили лес для постройки полога и палатки. В начале июля группа достигла устья р. Большой Баранихи, выстроила становище, заготовив для экспедиции лебедей, гусей и юхолы (несъедобной части вяленой рыбы) для собак.

6 августа Бережной поехал к Песчаному мысу, расположенному на о-ве Айон. «Отъехав от ночлега,— писал Бережной,— вверх по реке Баранихе, переправились в 20-ти верстах [через] впадающую при устье Баранихи речку, которую именovali Бережной, по причине: ибо на пенеброде оной упала подо мною лошадь и едва не утопила».

11 августа путешественники «доехали на весьма обширную и мнимую прежде колымскими жителями реку, называемую Большая река». «Однако далее по замечанию моему,— писал Бережной 12 августа,— признали [ее] морским проливом».

⁴ Там же, стр. 191.

⁵ Там же, стр. 198.

Перейдя через Малый Чаунский пролив, путешественники достигли о-ва Айон, который расположен в северо-западной части Чаунской губы. В «песчаном яру» этого острова они рассчитывали найти «мамонтовые запасы», но их не оказалось. 15 августа им уже «виден был ушедший в море» Шелагский мыс. «Но той ночью,— как пишет Бережной,— сделалась свирепая с западу со снегом погода, и выпало снегу на четверть аршина, и начался мороз». Это заставило Бережного вернуться к Баранихе.

Только через два месяца пути Бережной достиг Нижне-Колымска, где встретился с Врангелем и передал ему свой путевой журнал. За период с 10 мая по 10 октября Бережной прошел более 1000 км по «неизвестным никому местам».

Весной 1822 г. Врангель отправился в третью поездку по морскому льду для исследования района, расположенного к востоку и северо-востоку от Медвежьих островов. Бережной приготовился сопровождать Врангеля, но, как пишет он в своем путевом журнале, Врангель объявил ему, что у него «очень недостаточное путевого корму и у жителей более такого в продаже не имеется. Просил меня приготовленное количество путевого корму уступить экспедиции за плату, а самому остаться в Нижне-Колымске». Кроме этого, Врангель просил Бережного побывать на чукотской ярмарке в Островном и уговорить переводчика чукотского языка Мордовского сопутствовать им летом во время путешествия по Чауну. Бережной пишет, что он все просьбы Врангеля выполнил и отдал «путевой корм» бесплатно. 18 марта Бережной отправился на ярмарку и уговорил Мордовского сопровождать экспедицию за 100 рублей.

Летом 1822 г. Врангель готовился к новым путешествиям для описания морского берега от устья Колымы до мыса Большого Баранова камня. Выезд экспедиции задерживался из-за отсутствия лошадей, так как летом олени не способны совершать трудные переходы. В деревне Пантелеевке, пишет Врангель, он неожиданно встретил «неутомимого купца Бережного, нашего спутника во второй поездке по Ледовитому морю, и он выручил нас из большого затруднения. Несмотря на всевозможные старания, не мог я достать себе в Нижне-Колымске лошадей, необходимых для дальнейшего путешествия, и, вероятно, провел бы все короткое лето в тщетных поисках, если бы Бережной сам не предложил нам 10 из своих лошадей, решительно отказываясь от всякой за то платы. Он ехал к Чаунской губе за мамонтовыми костями и, узнав, что Матюшкин также предполагает посетить те места, добровольно вызвался ему сопутствовать»⁶. За эту помощь экспедиции Бережной получил благодарность.

30 июня 1822 г. в путевом журнале Бережного начинается новая глава «Вояж с г. Матюшкиным от Пантелееихи к Островной крепости и далее». Матюшкин по поручению Врангеля летом 1822 г. должен был описать бассейн Большого и Малого Анюя и пространство у Чаунской губы. Кроме того, целью поездки было знакомство и меновая торговля с чукчами. Караван экспедиции отправился на 16 вьючных и верховых лошадях по направлению к Островному (Островной крепости), расположенной на Малом Анюе.

4 июля при переправе через ручей группа Матюшкина заметила огромный мамонтовый клык весом около двух с половиной пудов, примерзший ко дну ручья, но из-за отсутствия необходимых орудий не смогла его поднять.

10 июля они доехали до урочища Обром, где жили русские и юкагиры. Тут к экспедиции присоединился переводчик Мордовский.

---

⁶ Там же, стр. 258.

21 июля группа доехала до экспедиционной базы на р. Баранихе, где уже находился Врангель со своими спутниками. Оттуда Матюшкин и Бережной отправились к Чаунской губе. Тут Бережной нашел много мамонтовых костей, но мало клыков. Занялись охотой на оленей и «линяющих гусей». «Проведя здесь два дня в напрасных изысканиях,— писал Матюшкин,— Бережной решил ограничить свое путешествие только торговлей с чукчами, прекратив дальнейшие поиски мамонтовых костей». Шесть недель путешественники бродили по тундре в поисках земель, на которых живут чукчи. В последний момент Мордовский заявил, что он не знает, где их искать, и 14 августа экспедиция решила возвратиться в Нижне-Колымск. На обратном пути трудности усилились. Продо­вольствие кончилось. Осталось несколько сухарей и немного рыбы. К тому же путешественники заблудились и не могли найти путь к р. Малому Анюю. Долго они бродили по каменной тундре без пищи. Наконец увидели лес и р. Анюй, где наловили рыбы и пополнили свои запасы.

В сентябре 1822 г. достигли урочища Обром. «Бережной объявил мне,— писал Матюшкин,— что он намерен прожить здесь несколько недель, отдохнуть от трудного путешествия и дать лошадям время оправиться и собраться с силами на здешнем хорошем лугу». Матюшкин на плоту спустился вниз по Малому Анюю до Нижне-Колымска.

17 октября Врангель в присутствии участников экспедиции и окружного исправника Тарабукина объявил Бережному благодарность за его труды и усердие.

Весной 1823 г. Врангель готовился к четвертой поездке по морскому льду, и Бережной вновь «заготавливался к выезду с экспедицией в море». Но 12 февраля Врангель попросил Бережного уступить ему 12 лучших своих собак с нартой и чумом и путевой корм, а самому остаться в Нижне-Колымске до прибытия экспедиции. «Тем самым,— писал Бережной,— учиню я гораздо более усердия экспедиции, нежели собственным моим выездом, и он только останется довольным и донесет перед правительством, что в необходимых случаях экспедиции ощутительны мои споможения».

Бережной опять отдал собак и продовольствие безвозмездно.

1 ноября 1823 г. после трехлетнего пребывания в Нижне-Колымске Врангель выехал в Средне-Колымск. Здесь он вновь встретился с Бережным. «Мы наняли лошадей,— писал Врангель,— у нашего старого знакомого купца Бережного и вместе поехали в Якутск». Бережной доставил участников экспедиции до Верхоянска за 32 дня. Не сменяя лошадей, они проехали свыше 1200 км. «Такое путешествие,— писал Врангель,— может дать понятие о крепости здешних лошадей».

Путевой журнал Бережного, вероятно, был передан в Архив Географического общества А. Аргентовым, известным исследователем Якутского края⁷, который, как свидетельствует надпись в конце текста, в 1845 г. «журнал сей читал со вниманием».

Журнал Бережного сохранился в виде тетради, состоящей из 26 листов. Каждая страница разделена на три графы: в первой отмечался месяц и число; во второй кратко описывались ход путешествия, погода, трудности пути. Кроме этого, Бережной описывает растительный и животный мир Арктики и называет места, где он находил бивни мамонта. В третьей графе Бережной отмечал пройденное расстояние.

Журнал Бережного публикуется без разделения на графы. Дата из первой графы «месяц и число» ставится в публикации в начале опи-

⁷ См. подробнее Б. А. Вальская, *Путешествие Андрея Аргентова на северо-восток Сибири в 1850 г.*,— «Страны и народы Востока», вып. 11, 1965, стр. 172—188.

сания каждого дня путешествия. Ввиду крайней архаичности языка и недостаточной грамотности Бережного в текст внесены некоторые уточнения, которые помогают современному читателю понять мысль автора.

Путевой журнал Бережного представляет несомненный интерес для истории исследования Арктики, так как содержит подробный маршрут путешествия по мало исследованной и трудно доступной ее части. Кроме того, он полезен как документ, характеризующий одного из участников экспедиции, который, как писал Матюшкин, «многолетней опытностью и совершенным знанием края» содействовал изучению территории северо-восточной Сибири.

Краткое описание этого журнала было опубликовано нами еще в 1948 г.⁸ В связи с тем, что в настоящее время уделяется большое внимание изучению вклада местного населения в исследование северо-востока Сибири⁹, необходимо полностью опубликовать путевой журнал Бережного, являющийся ценным документом для изучения истории исследования Сибири местными жителями.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ КУПЦА ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРЕЖНОГО¹⁰

В сопровождении с экспедицией для описи земель Ледовитого моря под предводительством начальника оной г. флота лейтенанта и кавалера барона Врангеля, начатый с марта месяца 22 числа 1821 года от крепости Нижне-Колымской.

22 марта из Нижне-Колымской крепости выехали к речке Черноусовой (30 верст).

23 марта выехали к речке Походской (40 верст).

24 марта выехали на устье реки Колымы, на урочище Сухарное (55 верст).

25 марта в Сухарном дневали.

26 марта выехали к Малому Баранову (40 верст).

27 марта от Баранова поехали в море к северу, держа курс, склоненный к востоку. Отъехав 17 верст, увидели, стоя на паберде¹¹, идущего с моря на землю белого медведя, которого убили. Ночевали (17 верст).

28 марта держа тот же курс на север, выехали 36 верст.

29 марта от ночлега выехав семь верст, увидели землю. От севера к западу, куда поворотили путь, выехали 30 верст и достигли оной (41 верста).

30 марта — на дневке. Описывали тот остров в окружность на 42 версты. Нашли на оном острове два полоза саношных, олени рога ветхие¹². Примечанию достойное: на южной стороне острова в каменном утесе медная, и железная руда, и множество гнезд птичьих и перей. Наименовали остров Четырехстолбовым, ибо на нем действительно четыре величайшие каменные столбы, из коих к востоку два видны на 15 и более

⁸ «Известия Всесоюзного Географического общества», вып. 3, 1948, стр. 277—279.

⁹ М. А. Кротов, *Аборигены — якуты соратники русских землепроходцев и путешественников*, — «Вопросы географии Якутии», вып. 3, 1963, стр. 133—148; С. Е. Мостаков, *Участие местного населения в географическом изучении северо-востока Сибири (XVII — начале XX в.)*, М., 1965 (Автореф. дисс.).

¹⁰ Архив Географического общества СССР, ф. 76, оп. 1, № 3. В рукописи написано: «Путевой журнал купца Федора Васильевича Бережного».

¹¹ Паберд — передышка в езде на собаках.

¹² Врангель писал: «Находка наша была доказательством, что остров зимой и летом посещается оленями» (Ф. П. Врангель, *Путешествие по северным берегам Сибири...*, стр. 192).

верст. Однако в сложности полагали от Малого Баранова Камня до острова 105 верст.

31 марта от означенного острова держали курс между севером и востоком. Однако, за препятствием великим со снегом западного ветра, остановились на ночлег, выехав 28 верст.

1 апреля держали курс прямо на север. При благоприятной погоде и без препятствия торосов выехали 40 верст.

2 апреля, держа северный курс, выехали оттоль. Обратили 3 завозных нарты (35 верст).

3 апреля, отъехав от ночлега 12 верст, с великою трудностью от рассолу¹³, доехали до тали, где всюду видна была вода, а лед не более двух, в оных местах и менее вершков; глубины были на 13 сажень. Отколь сделав поворот обратно на одну версту, поехали к востоку и, отъехав пять верст, ночевали (18 верст).

4 апреля дневали. Г. начальник экспедиции Врангель ездил для осмотра к северу удобного проезда. Однако, не нашел оного, ибо всюду виден был разломанный от шторму лед. К вечеру по захождению солнца, держа курс к востоку, возле лома льда, выехали до восхождения солнца 20 верст.

5 апреля с первого часу дня выехали 3 версты, и от непроходимых торосов ночевали, и тут везомый на завозных нартах путевой корм оставя, обратили 9 нарт, в числе коих и моя нарта.

6 апреля. Возле лом льда. К полдню выехали 20 верст.

7 апреля. Возле тот же лежащий, между востоком и югом, лом. Через ледяные щели, кои сажени по две и по три, переезжая оные с трудом выехали 40 верст.

8 апреля. Возле тот же лежащий лом, который держал свою наклонность более к югу. Выехали 35 верст. Отколь увидели матёрую землю, в расстоянии на 50 и более верст. Ночевали.

9 апреля. Возле те же препятствующие ломовые щели. Ехавши достигли необычайных и непроходимых торосов, лежащих к востоку. От ночлега в 9-ти верстах сделали поворот прямо к югу, всего того дня проехали 32 версты.

10 апреля — день пасхи. Дневали.

11 апреля за болезнью сотника Татаринова дневали же.

12 апреля. От упоминаемых выше препятствующих непроходимых льдов, а к тому же и по малости уже путевого корму, сделали поворот обратно к оставке корму, держа курс прямо к оной, к северу с наклоном к западу, выехали 52 версты.

13 апреля по тому ж вышесказанному курсу выехали 45 верст.

14 апреля, сделав небольшое склонение курса от севера к востоку, доехали к оставке корму. Сего числа выехали 55 верст.

15 апреля дневали для роздыху собак.

16 апреля тоже дневали для роздыху собак.

17 апреля направили путь о кои прежде сказанному Четырехстолбовому острову обратно. Между югом и западом выехали 35 верст.

18 апреля держали курс к западу на 10 верст, но от препятствия больших торосов поворотили на юг. Выехали всего 30 верст.

19 апреля держали курс между югом и западом. Достигли сказанный выше Четырехстолбовый остров. Ночевали; на северной стороне оного нашли ветхий лыжелук и нартенных полозей шойду, то есть заплату. Выехали того дня 55 верст.

---

¹³ Рассол — морская вода, выступившая поверх льда.

20 апреля держали курс к западу, при пасмурной погоде увидели остров, отстоящий в 19 верстах. Достигли оного ¹⁴. Ночевали.

21 апреля при ясной погоде увидели к югу, к северу и западу три острова ¹⁵, коих описывали на две партии с отрядом. Первый к югу в окружности на 10 верст. Второй к северу, в окружность 30 верст. Третий к западу в окружность на 20 верст. Между оными проливы по одной, трех и пяти верст. На них достойного примечанию: земля большей частью каменистая, есть и песчаные яры; возле опадающие с гор источники. На север отстоящем острову, на южной стороне оного нашли две ветхие обваленные юрты на манер якутских, ветошное весло и прочие древние деревянные изделия. От коих островов увидели к северу остров ¹⁶.

22 апреля дневали. Описывали оные острова.

23 апреля держали курс к вышесказанному к северу острову: проливом на 20 верст достигли к оному и на две партии оный описали, в окружность на 35 верст. Примечанию достойно: свежие олени следы, летние олени и гусиные калы и древних деревянных всяких изделий: лопаты, топоры и тому подобные вещи; медвежьих, волчьих, песцовых следов во многом количестве.

24 апреля поворотили путь на землю между югом и западом. При свирепой со снегом погоде, выехали на матёрую землю, к устью речки Агафоновой, расстоянием от означенного острова на 45 верст.

25 апреля выехали при свирепой со снегом погоде в урочище Большое Чукочье (35 верст).

26 апреля выехали при такой же погоде к урочищу Якутской ¹⁷ (30 верст).

27 апреля выехали при благополучной ведрой погоде к урочищу Походску (60 верст).

28 апреля выехали при благополучной же погоде в крепость Нижне-Колымскую (70 верст).

С 29 по 30 апреля дневали в Нижне-Колымске.

1 мая выехал я на Омолон для свидания с кочующими тунгусами, юкагирами и ламутами, коих застав на Омолоне, имел с ними личное свидание, пробыл до 5 мая.

6 мая приехал из Средне-Колымска работник мой с лошадьми, привел 15 лошадей для употребления собственного и экспедиции ¹⁸, с которыми обратились в Нижне-Колымск.

8 мая приехали в Нижне-Колымск. В Нижне-Колымске занимались рыбным промыслом по речкам Черноусовой и Пантелеихе до 1-го июня.

10 мая предварили от г. начальника экспедиции барона Врангеля сведениями о необходимо нужном построении при устьи реки Баранихи порядочного ночлега с сеньми и довольно прочного от повреждения медведями для сложения корму амбара, с командированием со мной отставного сержанта Решетникова и одного юкагира, с находящимися при мне тремя человеками моих работников и на собственных моих лошадях и трактаменте; согласясь на оное, 1 числа июня начал приготовление к вышеозначенной постройке и к пути и исправлением всей путевой потребности до 13 числа того месяца.

¹⁴ Остров Леонтьева из группы Медвежьих островов.

¹⁵ В группе Медвежьих островов кроме острова Четырехстолбового есть три крупных острова: Крестовский, Лысова и Пушкарева.

¹⁶ Остров Пушкарева.

¹⁷ Селение Якутская Виска.

¹⁸ В мае 1822 г. Врангель решил вести опись берегов на лошадях, так как олени летом были неспособны вести трудное путешествие.

14 июня отправились с Пантелеехи к реке Баранихе на 14 лошадях шесть человек; и четырех собаках для промыслу птицы, охранения от медведей, довольно с красным количеством путевого корму и к промыслу рыбы с сетями и мережами и с одной веткой¹⁹ для мотания сетей и перевозов речек. Выехали того дня 20 верст.

15 июня от ночлега держали курс по словесному пересказу казака Василия Селиванова, будучи никто из нас по оному тракту не бывал; по многочисленным речкам, мимо камней²⁰ Кенаристого и Востроватого, называемого Лаптушкой²¹ и далее к белым камням, и, наконец, в вершину речки Обросимовки, впадающей в море; и в прочие неизвестные никому места. Однако с отважностью начали продолжать оный путь. Выехали того дня 30 верст.

16 июня, за великим падением дождя со снегом, дневали.

17 июня продолжали оный путь при ненастной погоде. Выехали 20 верст. В проезде речки нашли 20-ти фунтовый рог мамонтовой кости.

18 июня, продолжая тож свой проезд, нашли на речке мамонтовой рог 32 фунтов. Однако того дня выехали 30 верст.

19 июня за великим ненастьем дождя со снегом и сильного ветра дневали.

20 июня, продолжая путь, от ночлегу в 15 верстах, на речке нашли рог мамонтовой кости 1 пуд 18 фунтов. Оттоль проехав еще 10 верст. ночевали (25 верст).

21 июня от ночлегу, выехав 15 верст, доехали до Края Лесов, где остановились; заготовили потребного для палатей, пологов и других надобностей лесу. Выехали по тундре, гнав речку из-под хребта 30 верст. Всего проехали того дня 45 верст.

22 июня перевалили хребет, спустились в речку, которую погнали вниз и довольно заметили, что показываемый казаком Селивановым тракт, уже мы с оного скружили в немалом расстоянии от юга к северу. Однако по речке выехали того дня 20 верст.

23 июня дневали, занимались промыслом в речке рыбой харьюс называемой, которую упромыслили очень мало.

24 июня по речке, продолжая свой путь, увидели море, и, доехавши до моря — к устью речки, узнали бухту, называемую Медвежья, где поставили сети. Упромыслили той ночью несколько чиров, а по большей части чукучанов, тем самым подкрепили уже за два дня претерпеваемый голод от недостатку путевого корму. От ночлега выехали того дня 30 верст.

25 июня поехали по приморскому берегу к югу, выехали того дня 30 верст. При устье небольшой с горы источины ночевали; в которой нашли рог мамонтовой кости 1 пуд 7 фунтов.

26 июня проехали через хребты Барановых Камней, держа путь не мало морем в гору, переезжая частые и глубокие речки с великой трудностью. Еле не утопили двух лошадей и подмочили экипаж. Ночевали на речке, выехав 30 верст.

27 июня поехали по вышесказанной речке вниз. От ночлегу в 15 верстах выехали на вытекное небольшое озеро, на котором увидели **ленных гусей**. Занялись промыслом оных и упромыслили 28 гусей. На южной же стороне озера, сколовшегося с небольшого яру, нашли рог мамонтовой кости в 4 пуда 5 фунтов, где и ночевали.

¹⁹ Ветка — легкая переносная лодка.

²⁰ Матюшкин писал, что в «Северной Сибири все отдельно стоящие горы называются камнями». (См. Ф. П. Врангель, *Путешествие по северным берегам Сибири...*, стр. 276).

²¹ Гора Левтотка высотой 711 м.

28 июня по той же речке занимались в проезде ловлей гусей. Упромыслили 32 гуся. Выехали в бухту. За Большим Барановым, при устье той речки нашли рог мамонтовой кости в 15 фунтов, и поставили сети при устье реки. Упромыслили только во все время 6 омулей (40 верст).

29 июня при устье речки дневали. Выехали вверх по оной. Занимались ловлей гусей. Упромыслили 43 гуся, и на озере возле той речки в яру нашли два рога мамонтовой кости весом два пуда 30 фунтов и тут расположились сложить найденную на дороге мамонтовую кость, которую оставили, зарыв в землю и поставив над ней наш деревянный крыж.

30 июня поехали по приморскому берегу, приехали до устья большой речки, при которой остановились на ночлег. Установили сети, но никакой рыбы не упромыслили. Выехали того дня 20 верст.

1 июля продолжали путь возле моря, а иногда выезжая в гору. Занимались ловлей гусей. Упромыслили 28 штук. Проехав 25 верст, при крае моря, ночевали при устье речки.

С 2 по 3 июля дневали, за препятствием свирепой ненастной погоды с дождем и снегом, где пало на ровном месте снегу на шесть верхов.

4 июля при благополучной ведрой погоде выехали на устье речки, впадающей в реку Бараниху, от устья в двух верстах. Перейдя оную в 15 верстах по вершине, узнали, что достигли реки Баранихи. Ночевали. Выехали того дня 40 верст.

5 июля переправили лошадей через речку. Перевезлись с экипажем через оную. Поехали на устье Баранихи и, отъехав с версту, увидели стоящего при крае Баранихи оленя, которого, загнав в реку, закололи и доехали на устье Баранихи при крае моря. Остановились на ночлег (15 верст).

6 июля занимались осмотром удобного к постройке места и леса. Дневали.

С 7 по 9 июля занимались работою ночлега.

10 июля воскресенье.

С 11 по 13 июля тоже занимались работою и выстроили ночлег.

С 14 по 16 июля выезжали по вышесказанной, впадающей при устье реки Баранихи речке, вверх по оной, за ловлей гусиной. Упромыслили 159 гусей, там же в ярах оной речки нашли мамонтовой кости два рога трех пудов и десяти фунтов.

17 июля воскресенье. Приехали к ночлегу. Занимались осмотром хорошего лесу на постройку амбара.

С 18 по 23 июля занимались работою амбара.

24 июля воскресенье.

С 25 по 28 июля занимались работою и выстроили амбар.

С 29 по 30 июля занимались постройкою сеней.

31 июля воскресенье.

С 1 по 4 августа занимались работою. Выстроили сени и окончили всю работу. Промыслу нашего с Решетниковым оставлено для экспедиции: 5 лебедей, 100 гусей, 250 юхолы омулевой ²².

5 августа исправились в дорогу к разъезду. Решетников обратно к Пантелеехе, я же к Песчаному мысу.

6 августа Решетников обратился к Пантелеехе, я же поехал с 3-мя работниками по поручению г. Врангеля к Песчаному мысу. Отъехав от нчлега вверх по реке Баранихе, переправились в 20-ти верстах (через) впадающую при устье Баранихи речку, которую именовали Бе-

²² Ю х о л а — несъедобные части вяленой рыбы (голова с позвонком), идущие на корм собакам.

режновой, по причине: ибо на переброе оной упала подо мною лошадь и едва не утопила. Оттоль через гору переваливши, Бараниху перебрали по шиверям²³. Ночевали. Всего (выехали) 30 верст.

7 августа переехали на южную сторону к устью реки Баранихи и увидали, что она впадает в море в четыре устья; оттоль приморским берегом проехали 10 верст. Всего выехали 25 верст. Ночевали.

8 августа, отъехав 10 верст от ночлегу, доехали на множество небольших чистых озер, на которых множество ленных лебедей расположились. Промышляли оных и упромыслили 18 лебедей, и ночевали в обширном заливе в подобии большого озера. Всего проехали того дня не более 15 верст.

9 августа доехали к речке, называемой Козьминой²⁴. Она речка необширна, но крайне глубока; как от устья на двенадцать и более верст, с совокуплением с обеих сторон впадающих в нее речек, без перевозу никак переехать нельзя, которая по обе стороны украшена примножеством озер, и на оных множество ленных лебедей, гусей и разного рода и рыбы в ней предовольно, а именно: омуль, где и ночевали, выехав от ночлегу 20 верст.

10 августа поехали по приморскому берегу; в 10 верстах переехали небольшую речку и оттоль тоже в 10 верстах переехали другую, более прежней и оттоль берегом (проехали) 10 верст. Всего проехали того дня 30 верст. Ночевали.

11 августа от ночлега, проехав 10 верст, доехали на весьма обширную и мнимую прежде колымскими жителями реку, называемую Большая река, где остановившись ночевали.

12 августа на оной дневали по воспрепятствованию, что лошадям переплыть весьма будет трудно, по пространству и обширности оной. Однако далее по замечанию моему признали ее морским проливом²⁵, и там начали веткою измерять глубину и вымерили: на другую сторону через пролив не более всей глубины — полуторых аршин. К вечеру того дня на лошадях бродом перешли благополучно и ночевали. Пролит сей, с морской стороны правая к западу сторона, имеет множество озер, на которых ленных множество лебедей и гусей, и множество в тогдaшнее время высохших проливов. Рыбы же в нем никакой нет, по мелкости дна. Южная сторона же сего пролива продолжается весьма высоким песчаным яром, как и по приморскому берегу тем же яром на 40 верст и более.

13 августа поехали по приморскому берегу; возле лежащий яр, но ничего примечанию достойного оный яр в себе не заключает, как жители колымские полагали быть в оном мамонтовой кости; напротив, никаких мамонтовых запасов нет и не было. Выехав 30 верст, ночевали.

14 августа тож возле одного яра проехали 10 верст. Яр окончился и проехали по песчаному бугристому берегу на 30 верст. Ночевали.

15 августа. По тому же бугристому песчаному берегу проехали 30 верст, где виден был ушедший в море мыс в расстоянии 10 или 15 верст. Ночевали. Той ночью сделалась свирепая с западу со снегом погода, и выпало снегу на четверть аршина, и начался мороз.

16 августа оттоль обратились к Баранихе, выехав от моря в гору на 10 верст и более по бугристому песчаному тундреному месту. Проехав 25 верст, ночевали.

²³ Ш и в е р а — мелкий и быстрый перекал реки.

²⁴ Река Козьминка расположена к востоку от р. Баранихи (Рауча).

²⁵ Малый Чаунский пролив, соединяет Чаунскую губу с Восточно-Сибирским морем.

17 августа. По такому же местоположению проехали 30 верст. Приехали к увалу, где множество знаков чукотского жилища. Ночевали при небольшом озере.

18 августа. Поднялись на увал, держа курс к проливу от моря в гору на 10 и более верст расстоянием, которое местоположение заключает множество озер с ярами и вытекными отавистыми озерами. Проехали 30 верст. Ночевали.

19 августа. От ночлегу с таким же местоположением, проехав 20 верст, выехали на пролив, который с большим трудом от заморозу, ломая лед, перешли, и, отъехав 10 верст, ночевали (30 верст).

С 20 до 21 августа при вытекном и для лошадей отавистом озере, дневали.

22 августа поехали приморским берегом, переходя удобные по льду уже замерзшие мелкие речки, дошли к речке Козьминой, где по недостатку припаса, занялись при устьи оной становлением сетей. Выехали 30 верст.

23 августа дневали. Однако очень мало упромыслили рыбы, не более 20 омулей и двух гольцов небольших.

24 августа выехали приморским берегом 30 верст, ночевали.

25 августа тоже приморским берегом выехали к южному устью Баранихи 30 верст. Ночевали.

26 августа по непропуску тонкого льда в Баранихе, поехали вверх по оной, в 20 верстах перешли по шиверам. Ночевали.

27 августа поехали вниз по Баранихе. Перешли речку Бережнову по льду. Доехали к ночлегу, вновь построенному с Решетниковым, где остановились. Проехали того дня 15 верст.

С 28 до 31 августа за поправлением лошадей при хорошей отаве; также и приготовления корма к наземному пути, и весьма по тогдашнему времени трудному, 4 дня дневали.

1 сентября отправились от Баранихи приморским берегом, выехав 35 верст, ночевали.

2 сентября. Тем же приморским берегом, проехав 25 верст, ночевали при речке.

3 сентября. По вышесказанной речке, оставя море, поехали вверх по оной. Выехали 30 верст. Ночевали.

4 сентября при весьма пасмурной погоде с небольшим снегом, отъехали от ночлега 15 верст. При подошве хребта, в вершине речки ночевали. Той ночью сделалась свирепая с севера со снегом погода, которая продолжалась более двух суток и выпал снег на 10 верхов, и сделал большие забои, где с 5 по 7 сентября простояли в весьма для лошадей невыгодном месте, и лошади похудели.

8 сентября при ведрой погоде начали вышеуказанный хребет переваливать и, с большою трудностью переехав оный, при вершине речки, в небольшом озере, ночевали (20 верст).

9 сентября погнали оную речку вниз, по которой столь при большом и твердом снегу, выехав на обширные чистые места, ночевали. Выехали 20 верст.

10 сентября по той же речке выехали 30 верст; которая (речка) впадала на довольно пространную реку. По неизвестности места сего, почли за Малый Анюй, однако по сумнению, что Анюй столь близко быть не может, при устье речки оной ночевали. Выехали 30 верст.

11 сентября поехали по оной реке вниз (зная), что она должна нас довести до Анюя. Итак, выехали того дня верст 30. Ночевали.

12 сентября по той же речке проехали 25 верст. Ночевали.

13 сентября по той же речке, выехав 25 верст, ночевали.

14 сентября от ночлегу проехав 15 верст, выехали на Малый Анюй, где узнали реку, по которой ехали, называемую Погинден, впадающую в реку Анюй ниже Островной Крепости, в сорока верстах. Итак, проехав 10 верст по Анюю вниз, доехали к урочищу Усть-Виска, где живет семья юкагирей. Ночевали (25 верст).

15 сентября. Доехали на урочище Аргуново в 10 верстах, где живут русские и юкагиры за промыслом зверя и рыбы, и тут расположились осесть, отпустив лошадей, крайне измученных на тополые острова. Пробыли до 1-го октября.

1 октября отправились к речке Пантелеихе чрез горы, и доехали к оной 8 числа, оставя тут на сене лошадей с работниками, сами же поехали в Нижне-Колымск, и 10-го числа достигли (его). Свиделся я с г. Врангелем, доставил ему вояжа моего путевого журнал (за) июнь — около 1000 верст, полагая моего путешествия от Баранихи в Нижне-Колымск. Пробыв до ноября месяца, отправился я в Средне-Колымское комиссарство к жительству семейства моего.

1822 г. февраля 19 числа от Средне-Колымска прибыл я в Нижне-Колымск, где, свидевшись с г. Врангелем, имел заготовление к выезду в море с экспедицией. А как 10 марта господин Врангель объявил мне, что у него очень недостаточно путевого корму и у жителей более такового в продаже не имеется. Просил меня приготовленное количество путевого корму уступить экспедиции за плату, а самому мне остаться в Нижне-Колымске.

К сему предложил он мне, чтобы и с жительства моего доставить в Нижне-Колымск в прибавок к находящимся у меня 16 лошадям еще 7-мь или 8-мь лошадей для летнего путешествия. Сверх сего сказал мне, (что), будучи в Островной Крепости, при чукотской ярмонге, постарался бы уговорить переводчика Мордовского на сопутствование к Чауну в летнее время, на моем коште за плату, чем он Врангель останется весьма доволен. Уважив все предложения начальника экспедиции, отдал все количество путевого корму из усердия экспедиции, не требуя за то платы, остался в Нижне-Колымске.

18 марта отправился я с купечеством на чукотскую ярмонгу. По достижении 22 числа Островной Крепости и после менового торгу, 26 марта жительствующего в Островной Крепости чукотского переводчика Мордовского уговорил на сопутствование в летнее время к Чауну за 100 рублей с тем, чтобы следовать вообще от Островной Крепости) прямо на Чаун.

31 марта прибыл я от Островной Крепости) в Нижне-Колымск.

4 апреля отправил я в Средне-Колымск работника за лошадьми.

12 апреля отправился я из Нижне-Колымска на Олбут²⁶ для отправки в Якутск товаров.

27 апреля повстречал работника моего с 8 лошадьми на урочище Шубном, которому приказал поспешить, дабы не задержали реки Омолынь и Анюй, чтобы в 9-й день встать непременно в Пантелеихе, то есть 6 числа мая, от Нижне-Колымска к морю в 30 верстах, отколь в летнее время отправляется экспедиция.

2 мая прибыл на урочище Олбут и оттоль 5 числа на Сыгли и Этарг, где занимался отправкою клади, а сему воспрепятствовало вскрытие реки Колымы. Пробыл до 25 числа мая.

26 мая прибыл обратно на Олбут и по очищению реки Колымы 29 мая поплыл на лодке с одним работником в Нижне-Колымск и 15 июня прибыл в Нижне-Колымскую крепость, где свиделся с г. Вран-

²⁶ Низовой Олбут — селение.

гелем и Анжу. Врангель объявил мне, что он в надежде моего усердия, 3 (числа) того июня на отправку Решетникова с товарищами к Баранихе, приказал взять из Пантелеехи от работников моих двух в путь годных лошадей, чему был я доволен и получил благодарность.

20 июня господин Врангель объявил мне снабдить его к проследованию от речки Пантелеехи по приморскому берегу через Малый и Большой Барановы Камни до устья реки Баранихи 10-тью лошадьми и 2-мя работниками якутами именно: Михаилом Очобухсм и Устином Лихчаковым, которых он довольно знает, с особыми под ним лошадьми. Что я с удовольствием ему исполнить согласился и ожидал далее о себе его распоряжения.

Итак, тогож 20 июня к вечеру пригласил меня г. Врангель и предложил мне, чтобы я согласился присоединить к себе г. мичмана Матюшкина и с ним следовать вояжем от Пантелеехи на Островную Крепость и согласить там переводчика Мордовского. Оттоль чрез горы приехать к реке Баранихе, где, свидевшись с ним, Врангелем, отправиться для списи Чаунской губы и далее в вершину Малого Анюя и оттоль обратно к Островной Крепости. Каковое предложение приняв, я с удовольствием обещался со всею возможностью оное исполнить.

21 июня имел я честь получить от г. начальника экспедиции на письме изъявленную мне в усердия моих экспедиции, его благодарность, как в лошадях, и в присоединении г. Матюшкина и о прочем.

ВОЯЖ С г. МАТЮШКИНЫМ ОТ ПАНТЕЛЕЕХИ К ОСТРОВНОЙ КРЕПОСТИ И ДАЛЕЕ

30 июня господин начальник Врангель со штурманом Козьминым отправились от Пантелеехи к Барановым Камням. Господин же Матюшкин со мною с двумя моими работниками и одним юкагиром отправились от Пантелеехи к Островной Крепости. Выехали 20 верст. Ночевали.

1 июля через годы доехали в вершину речки Обросимовой, где ночевали (30 верст).

2 июля от Обросимовой речки выехали до Белых Каменьев, возле которых по хребту на 10 с прибавою верст проехали, в вершине небольшой речки, выехав всего того дня 30 верст, ночевали.

3 июля погнав оную речку верст на 10 и оттоль чрез хребты проехав вышесказанные Белые Каменья, выехали на обширное калтус, т. е. болотистое поле. Выехали 35 верст, ночевали.

4 июля проехав тоже обширное калтус и оттоль чрез горы выехали на небольшое озеро, где две собаки, увидев диких оленей, убежали за оными, почему, проехав верст пять, принуждены были остановиться при вершине небольшой речки. Всего выехали того дня 21 версту, ночевали.

5 июля пробыв в оном ночлеге до первого часу дня и дождавшись собак, которые едва пришли в себя от усталости, дав им небольшой роздых, отъехали того дня 15 верст, ночевали.

6 июля оттоль чрез горы и обширными падами проехали всего 39 верст, ночевали.

7 июля чрез горы и по длинным падам проехали всего 35 верст, ночевали.

8 июля чрез хребты и пади доехали до камня, называемого Мунголь, где жительствоет семья юкагирей, а как по сей стороне за препятствием высочайших камней к Островной Крепости ехать неспособно.

9 июля переплавивши лошадей и переехавши с экипажем через реку Аноюй, взяв вожатым чуванца Абраиса Аленду, выехали к урочищу Камню Огороду. Ночевали (25 верст).

10 июля [поехали] оттоль к урочищу Оброму, выше Островной Крепости, в 5 верстах где жительствоуют русские и юкагиры, и тут переводчик Мордовский, которого согласили вообще к путешествию к реке Баранихе и далее. Ночевали (20 верст).

11 июля, переплавив лошадей на другую сторону Аноюй и переехав оный, выехали к Островной Крепости (25 верст). Ночевали.

12 июля поехали от Островной чрез горы к морю, к реке Баранихе. Выехав 30 верст, в вершине небольшой речки ночевали.

13 июля тоже чрез горы по речкам, по падям, всего проехав того дня 30 верст, ночевали.

14 июля по тому же тракту, проехав 28 верст, ночевали.

15 июля доехали в вершину к реке Погинден, которую за новоднеием переплавив лошадей и переехав [через] оную, за рекой ночевали (25 верст).

16 июля оттоль чрез хребты выехали в вершину довольно пространной речки, которую погнали вниз всего 35 верст от ночлега, ночевали.

17 июля тоже вниз по оной речке, выехав всего 30 верст, ночевали.

18 июля по той же речке, проехав всего 37 верст, ночевали, которая речка обратила течение свое гораздо к северу, почему.

19 июля поехали через хребет вправо, к югу и переваливши оный, выехали на речку, по которой поехали вниз. Выехали всего от ночлега того дня 30 верст. Ночевали.

20 июля по той же речке вниз выехали 35 верст. Ночевали.

21 июля по той же рече вниз выехали 35 верст. Ночевали.

22 июля по той же речке, выехав 10 верст, увидели море, на которое выехавши узнали, что расстояние до Баранихи не так далеко. Проехали по приморскому берегу и доехали уже к ночи к Баранихе. Всего [проехали] 45 верст, где свидевшись с г. начальником Врангелем, который до прибытия нашего приехал на Бараниху за пять дней, т. е. 17 ч (исла) июля.

Но по прибытии же нашем не более часа времени, приехал г. штурман Козьмин, который с четырьмя человеками ездил за промыслом птиц и довольно оной и одного медведя упромыслив, приехали с промысленниками.

23 июля не было никакого никому занятия, как только праздновать день тезоименства императрицы, прошедший вчерашнего дня.

24 июля при весьма ясном солнечном дне г. г. занимались секстаном и вычислением градусов. Г. Врангель полагал его путешествию чрез Баранов 540 верст, а Матюшкин чрез Островное 655 верст.

25—27 июля упражнялись в письме, чертеже и прочем.

28 июля занимались ловлею рыбы.

29—30 июля приготавливались к путешествию на разные отряды. Занимались всеми потребностями к путям; а именно: господину начальнику Врангелю следовать вверх по Баранихе в вершину и оттоль к Островной Крепости. Господину штурману Козьмину к речке Козьминой за промыслом рыбы и прочего. Г. мичману Матюшкину со мной и переводчиком Мордовским на Чаун и далее. Итак 31 числа разъехались по разным местам.

31 июля поехали с г. Матюшкиным от Баранихи, и выехав 12 в (ерст), при небольшом озере ночевали.

1 августа выехали к речке Козьминой. В 25 верстах расположились со штурманом Козьминым дневать.

2 августа дневали. Занимались постройкою ветки, с собой к Чауну, ибо прежняя ветка была безнадежна (неразборчиво). Занимались промыслом рыб.

3 августа, расставшись с Козьминым, поехали по приморскому берегу, проехав 20 верст, ночевали.

4 августа выехав 30 верст, доехали к проливу, что прошлого года примеченному мной и прежде жителями колымскими называемым Большой рекою. Возле оной при вытекном озере ночевали (30 верст).

5 августа надвечье. Ездили вверх по проливу, замечая оный, и господин Матюшкин действительно признал за пролив Чаунской губы. В проезде сем занимались промыслом лебедей и упромыслили одного оленя.

6 августа поехали вверх по проливу, по западную сторону оного. Выехав 30 верст, ночевали.

7 августа тож (ехали) по оному проливу, который уже далее оказался пространством Чаунской губы. При устье небольшой речки, выехав 36 верст, ночевали.

8 августа тож приморским берегом в 10 верстах перевозились (через) небольшую, но весьма глубокую песчаную речку и проехав еще 18 в(ерст), всего выехав 28 верст, ночевали.

9 августа тож приморским берегом проехали 30 верст довольно по обширной и глубокой речке, где перевозившись оную ночевали (30 верст).

10 августа в десяти верстах перевезлись (через) небольшую глубокую песчаную речку и оттоль в пятнадцати в(ерстах) перешли другую речку бродом. Всего проехав 35 верст, ночевали.

11 августа при весьма ясном солнечном дне дневали, где г. Матюшкин занимался секстаном и описью видимых довольно хорошо двух небольших в море островов каменных и прочих гор.

12 августа приморским берегом проехав 13 в(ерст), перешли небольшую каменную и частыми островами украшенную речку, по которой для любопытства г. Матюшкин пожелал съездить вверх по оной, на что согласясь, оставя конвой, я с Матюшкиным и одним работником поехали на 10 верст, в которой нашли три рога мамонтовой кости, там же набрал Матюшкин разных прозрачных разноцветных камешков. Оная речка течет с вышки большого камня. Обратясь оттоль, при подошве камня, при крае моря ночевали. Выехали того дня всего 44 в.

13 августа приморским берегом проехали 33 версты. Ночевали при утесе большого камня.

14 августа переехавши через высокий ушедший в море на довольноное расстояние Каменный мыс, перешли небольшую каменную речку, с которого камня видны были два устья реки Малого Чауна, по сю сторону видимого большого высокого над морем камня. Выехали 40 верст, ночевали.

15 августа приморским берегом в тридцати двух верстах доехали на реку Чаун, в двух устьях впадающую в море, возле большой камень. Одно устье западной стороны гораздо обширнее, но мелко. Полуденное гораздо уже, но гораздо глубже первого, где ночевали (32 версты).

16 августа, переехавши реку Чаун, г. Матюшкин занимался осмотром расположения реки и возле оной камней, описывал оные, также множество чукотского жилища²⁷, виденное записав, проехали вверх по реке оной 25 в(ерст). Ночевали.

²⁷ Матюшкин писал по этому поводу следующее: чукчи «нас видели, но по боязни скрывались от нас» (Ф. П. Врангель, *Путешествие по северным берегам Сибири...*, стр. 285).

17 августа поехали вверх по реке Чаун по множеству чукотских жилищ, выехав 33 в(ерсты) ночевали. Той ночью сделалась величайшая западная погода со снегом, и пало снега 6 верхов.

18 августа за погодую дневали, но к вечеру погода немного смягчилась, а снег уже нисколько не стоял и сделался мороз.

19 августа тож вверх по реке Чауну выехали до высочайших каменных мест, где остановились. Ночевали (30 верст).

20 августа дневали при ясной ведрой погоде. Г. Матюшкин занимался секстаном и описывал положение реки Чауна и впадающие в нее речки и камни.

21 августа, сделав поворот обратно через хребты в вершину Малого Анюя, опасаясь чтобы не уморить лошадей, которые от снегу уже похудели, выехали того дня 26 верст, ночевали.

22 августа по вершинам речек, чрез хребты в 28 верстах, выехали на речку, которую погнали на самую вершину по правую сторону высочайшего большого камня. Под хребтом ночевали, выехав того дня 45 верст.

23 августа по пологому подъему, поднявшись на хребет, переехали оный на пять верст, и весьма крутым спуском с помощью оленьих троп, спустились на озеро в вершину речки, и проехав по оной 10 в(ерст), всего 30 верст, ночевали.

24 августа. По той же речке проехав, 10 (верст.) узнали, что она течет обратно к морю; оставя ее обратились немного назад, переехали через небольшой хребет и каменный пологий мыс. Спустились той же оставленной речкой в другую рассошину, которую погнали до самой вершины, и под хребтом оной ночевали, выехали всего 35 верст.

25 августа по весьма удобному подъему вышли на хребет, по которому проехали на 15-ть верст, спустились в речку и погнав оную вниз, выехали на вытекное небольшое озеро, при хорошей отаве, ночевали (30 верст).

26 августа по той же речке, выехав 20 верст, повернули вправо, чрез небольшой хребет переваливши, спустились на речку довольно пространную и по обоим сторонам окруженную небольшими вытекными озерами, на которой снегу уже не было. Погнали оную вниз. Проехав 15 верст, увидели большое и весьма длинное озеро также и лес. В конце сего озера ночевали (35 верст).

27 августа возле оное длинное озеро. Немного поехав, выехали на чукотскую кочевую дорогу, куда чукчи выходят к Островной Крепости, по которой доехали в небольшом расстоянии к лесу. Проехали озеро. Из оного течет речка в Малый Анюй, называемая Чукотский Отворот. Сие местоположение узнал переводчик Мордовский. При речке ночевали. Выехали того дня 30 верст.

28 августа по оной речке выехали на Анюй выше речки Шичутиной и доехали до упомянутой Шичутиной. Выехали того дня 28 в(ерст). На Шичутиной ночевали

29 августа на Шичутиной дневали и оную речку заперли, в которой довольно упромыслили рыбы, именно хариус, где расположились дать лошадям роздых и позаняться промыслом рыбы. Тут по рассказу переводчика Мордовского, что он знает в расстоянии оттоль вверх по реке Анюю в сороках верстах есть удивительное озеро весьма на обширное расстояние, занимающее различными кулигами, переимами и островами; вокруг же оного премножеством частыми ярами, холмами и каменными над озером... на которое г. Матюшкин пожелал для любопытства съездить, на что согласясь и оставя при промысле одного работника с лошадьми, поехали с переводчиком и работниками на то озеро.

30 августа выехав от Шичутиной по Анюю, 20 верст, ночевали.

31 августа от ночлегу в 21 версте доехали до вышесказанного озера. Ночевали.

1—3 сентября ездили вокруг одного озера. Г. Матюшкин описывал оное озеро и все два утеса, яры, холмы и прочее, но редкостей никаких не нашел, кроме фигурного его положения и на обширное расстояние всего на 97 верст.

4 сентября обратились к речке Шичутиной, где работники довольно упростили рыбы (41 верста).

5 сентября поехали от Шичутиной вниз по Анюю, описывая положение реки и впадающие в нее посторонние речки и по обоим сторонам камня и прочее. Выехали 35 верст, ночевали.

6 сентября тож занимались вышеописанной описью, выехали на вытекное озеро. Ночевали (35 верст).

7 сентября тож по реке Анюю занимались описью. Выехали на устье весьма глубокой реки, именуемой Россомачьей. Тут сделали осинный плот, на котором перевезлись с большой трудностью (через) речку Россомачью по необычной быстроте ее, и лошадей переплыва, ночевали (35 верст).

8 сентября от речки Россомачьей вниз по Анюю выехали того дня 40 верст, ночевали.

9 сентября приехали на речку Элонбал, где живут две семьи юкагирей, промысляющие тут (25 верст).

10 сентября расположились дневать как для отдохновения самих равно и лошадей; по приятному солнечному дню г. Матюшкин занимался секстаном и записью.

11 сентября от Элонбала поехали вниз по Анюю и доехали до камня, называемого Сладким, где ночевали (30 верст).

12 сентября приехали к речке и камню, называемому Черевок, где нашли живущих промышленников юкагирей, трех человек мужчин, которые занимаются промыслом рыбы и белок, у которых ночевали, выехали 35 верст.

13 сентября приехали к речке и камню, называемому Мякининой в 30 верстах от Оброму, где живут три семьи юкагирей, в числе оных и переводчика Мордовского семья тут. Мордовский остался за промыслом, как и прочие живущие промышленники, где мы ночевали.

14 сентября отправились с г. Матюшкиным к урочищу Оброму в 30 верстах от Мякининой, где живет довольно число русских и юкагирей, а от Островной Крепости в 5 верстах.

С 15 по 17 сентября с г. Матюшкиным продневав, изготовили осинный ему плот. Матюшкин поплыл с двумя юкагирами на плоте в Нижне-Колымск. Я же за изнурением лошадей остался осеновать до октября месяца, опустив лошадей в тополовые острова, занимался промыслом рыбы с юкагирами.

5 октября отправился я от Оброма к Островной Крепости с работниками и лошадьми и оттолк к Пантелеехе; по реке Анюю до урочища Молоткова чрез горы достиг в Пантелееху.

12 числа того октября месяца оставил двух работников с лошадьми на сене и двух работников послал за промыслом рыбы. Сам же я поехал в Нижне-Колымскую крепость.

17 октября свидевшись с г. Врангелем, который показывал мне сочиненные г. Матюшкиным путешествия нашего план, изъявил мне при г. г. окружном исправнике Тарабухине и при всех экспедиции чиновниках, особенную мне благодарность и в заключение сего сказал,

что он немедленно сделает в высшее начальство о трудах и усердиях моих донесение.

18 октября имел я честь спросить г. Врангеля, на какое расстояние верст полагает г. Матюшкин от реки Баранихи до Островной Крепости нашего путешествия; на что изволил показать мне журнал Матюшкина, в коем означено положение от Баранихи до Островной Крепости 1225 верст (что) весьма сходно и с моими журналами. Также его проезд от Баранихи до Островной Крепости — сказал на 370 верст. В Нижне-Колымской крепости пробыл я с г. г. чиновниками до 6-го числа ноября месяца, (пока) приведены были лошади и приехали с промыслу работорники.

7 ноября отправился я в Средне-Колымское комиссарство к жительству семейства моего и достиг до дому благополучно 25-го числа ноября, а 5-го числа декабря отправился в урочище Четырех на Тангускую ярмонгу.

1823 года февраля 6-го числа от Средне-Колымска прибыл я в Нижне-Колымск, и свидевшись с господином Врангелем, заготовился к выезду с экспедицией в море. Однако, 12 февраля пригласил меня господин начальник экспедиции Врангель и предложил мне, что по существующей на собаки заразе недостает у него к путеследованию одной нарты собак, а также и путевого корму недостаточно, то уступить ему из моих в путь приготовленных 8-ми лучших собак с нартой и чумами и на 12 собак упряжью, также и приготовленный путевой корм, сколько у меня имеется. Все сие уступить экспедиции за цену, а самому мне остаться в Нижне-Колымске до прибытия его обратно. Тем самым учиню я гораздо более моего усердия экспедиции, нежели собственным моим выездом, и он только останется довольным и донесет перед правительством, что в необходимых случаях экспедиции ощутительны мои спожения.

Уважив все предложения г. Врангеля, отдал 8 собак с нартою и чумом и на 12 таковых упряжью, равно и все приготовленное количество корму из усердия экспедиции, не требуя никакой платы, остался в Нижне-Колымске.

9 мая прибыл г. Врангель в Нижне-Колымскую крепость и по свидании со мной изъявил мне особенную благодарность с обещанием, что он непременно будет ходатайствовать перед высшим начальством о награждении меня за все мои труды и усердия, учиненные во вверенной ему экспедиции.

11 мая, распростившись с г. г. начальниками и со всеми чиновниками, выехал я из Нижне-Колымской крепости в Средне-Колымское комиссарство и достиг 26 числа мая к семейству моему благополучно.

14 июня отправился в Якутск, куда доехал я сентября 12 числа и товары свои решился (продать) якутскому купцу Максиму Леонтьеву с большим убытком, дешево против ярмошных покупных цен. Получил накладу 1327 руб. 24 коп.²⁸.

---

²⁸ В конце путевого журнала Бережной сделал такую приписку: «1822 г. марта 10 ч(исла) в Нижне-Колымске отдано в экспедицию корму именно: что и какое количество и почем покупка была в оную значится ниже сего.

900 юхол по 20-ть сто

980 юхол по 13-ть сто

920 шокуров по 5-ть сто

1823 года февраля 12 ч(исла).

875 — юхол по 18-ть сто

950 юхол по 12-ть сто

980 сельдей и шокуров по 6-ть сто».

Т. К. Шафрановская

**НАРОДЫ КАМЧАТКИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОСТРОВОВ
(ИЗВЕСТИЕ 1770 года)**

Книги и журналы XVIII в. становятся для нас все менее доступными. Их можно получить только в крупнейших библиотеках страны. Поэтому особенно полезны публикации интересных материалов, извлеченные из этих журналов.

Надо сказать, что в русских книгах и журналах того времени редко встречались сведения о народах, населявших Россию. Часто подобные сообщения относились к числу первых известий этнографического характера, появившихся у нас в печати. Мне кажется, что будет небесполезно напомнить об одном из них.

Просматривая в библиотеке русские журналы XVIII в., я обнаружила в одном из них — «Российском магазине» за 1792 г. — интересный этнографический материал.

Прежде чем перейти к публикации этого материала, мне хочется сказать несколько слов о самом журнале и об его основателе Ф. И. Туманском.

Федор Иосифович Туманский (1746—1810) жил в г. Глухове и был известен как писатель, переводчик и главным образом как издатель журналов. Публикации различных документов и материалов были характерной особенностью его историко-литературной деятельности. Наиболее значительна его работа по сбору материалов для истории Петра I. Занимался Туманский также поисками различных известий, связанных с историей Украины.

Живя в Глухове, Туманский хлопотал о «заведении здесь... такой книжной лавки, которая бы снабжала всю Малую Россию потребными книгами безостановочно»¹. Книжная лавка была открыта. Туманскому принадлежит также мысль о создании в Глухове «отделения Академического собрания». Его проект был благосклонно принят в Петербурге, но финансовые и другие трудности помешали его осуществлению².

Деятельность Туманского нашла признание при его жизни. Он был избран в 1779 г. членом-корреспондентом Академии наук и свои послед-

---

¹ В. П. Семенников, *Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II*, СПб., 1914, стр. 123—126. (Публикация двух писем Туманского).

² «История Академии наук СССР», т. I, М.—Л., 1958, стр. 331.

ние годы жил в Петербурге. Здесь он получил чин статского советника и стал работать цензором.

В 1792 г. Туманский решил издавать журнал «Российский магазин». В журнале (об этом говорилось во вступлении) предполагалось помещать «статьи: гисторические, географические, топографические и другие разные известия, относящиеся к познанию России». Читателям предлагалось присылать примечания или толкования для помещения в журнале. Тем не менее страницы «Российского магазина», выходявшего недолго (1792—1793 гг.), заполнялись почти что полностью материалами, подготовленными самим Туманским: описанием Петербурга, различными известиями из истории Украины.

Неожиданно среди статей и материалов в «Российском магазине» (1792 г., ч. 1, стр. 385—401) появилось донесение иркутского губернатора Адама Бриля (власть его простиралась не только на район Иркутска и Забайкалья, но и на Охотск, Камчатку и Командорские острова) о народах, населяющих дальневосточные окраины России. Адам Бриль занимал пост губернатора с 1768 по 1776 г. Туманский сообщал, что донесение было получено им от одного лица, просившего не объявлять его имени. В журнале донесение было опубликовано под заглавием «Описание народов, находящихся около Якутска, Охотска и в Камчатке». Время составления опубликованного текста следует датировать 1770 г., так как в донесении дважды говорится: «прошлого 1769 года».

Ниже приводим извлечение из этого донесения, посвященное народам Камчатки и прилегающих островов.

ДОНЕСЕНИЕ А. БРИЛЯ О НАРОДАХ КАМЧАТКИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОСТРОВОВ

Того ж Охотского ведомства, а платежем Ямского острога, пеших коряк 80 человек, из коих по окладным книгам ясак платят 20 человек: 24 маута, т. е. кроеных из нерпичьих кож по 30 сажень ремней; да 27 человек по парке шитых из оленьих кож, а достальные 33 человека по одной лисице красной, а всего 24 маута, 27 парок, 33 лисицы красных, ценой каждое место по одному рублю, итого по цене на 80 рублей. Люд сей родословие свое баснословит, якобы произошли от прадеда своего Коккуняха и жены его Хахилу, которые, оставя от себя наследником сына своего Амамхута, ушли в море житьельствовать, и от Амамхута они расплодились, за что и почитают их себе за бога, коим и жертвуют всякими разными ествами по малу отбрасывая в пустое место; а паче в декабре месяце, наделав из ягод и трав, смешанных с жиром нерпичьим или китовым, тако ж и с рыбоу ествы, и поставляют в юртах своих под лестницею, по которой выходят из оной вверх; а как придет ночь, то те ествы выносят из юрт и в начале выхода из юрт помазывают у еходной из юрты скважни лестницу, на которой в верьху выделан на подобие человеческого лица болван, с таковым их суеверием, будто бы их прадед Коккунях приходит невидимо и есть тое жертву; а по выносе на двор ставят ествы на сделанные на то лабазки, а обночевав вносят паки в юрты и призывают к себе в гости приятелей своих и потчивают тем идоложертвенным во угощение. А в болезнях и промыслах своих призывают тех будто ушедших в море в помощники. Нравом оные коряки смелы и злопамятливы, к голоду и ко всякой нужде весьма терпеливы, смерть себе ни во что не вменяют, против соперника

или какого неприятеля скоры и к напускам неробки. Пропитание себе имеют разъезжая по морю байдарами, добывают разных морских зверей: китов, белуг, сивучей и тюленей и всякого земного рода зверей же, что добудут все съедают, и ни в чем никакой погани не знают, а для добычи зверей весьма искусны и имеют по своему вымыслу разные ловушки; а на рыбную ловлю делают из крапивы, из жил и из усов китовых сети и другие ловушки ж искусно, и теми довольно добывают, и к зимней поре высуша запасают. Жены их весьма трудолюбивы и к шитью искусны и к запасанию харчевых припасов тщательны, довольно набирают трав и кореньев, также разных ягод и из них делают себе пищу. Платье и обувь как мужеск, так и женск пол носят сшитые из оленьих и морских нерпичьих зверей и птичьих кож парки безразлично; скотов и табунов никаких при себе не имеют; оружие их пращи, из коих искусно камнем бросают и убивают лучшую птицу; также лук, стрелы и копья; к огнестрельному ружью великую охоту имеют; топоры у них прежде бывали каменные и костяные, и теми вдоль по дереву скоро рубить могут. Жительство имеют оные пешие коряки на всегдашнее время подле моря, почему и называются сидячими, в зимнюю пору в земляных юртах, которые вход имеют только сверху сделанным окном на подобие в водоплавном судне люка, от которого и светом довольствуются, в то же скважню во время топления и дым выходит; и в таковых юртах живут многими семьями, а в летнюю пору из тех юртов выходят и живут по одной семье в разных шалашах и более на берегу моря под байдарами у промысла морских зверей. Жен себе имеют по одной и живут до смерти постоянно; родственников своих почитают и родство до третьего колена с обеих сторон расчетно знают. Когда же из них кто померет, то мертвое тело одевают лучшим платьем и сжигают огнем, с тем суеверием, будто тот мертвый человек дымом уходит жить на небо. Кто же из них в море утонет или умрет, а огнем не будет сожжен, почитают будто бы тот был на свете против прочих несчастлив, и по смерти в обществе обитать не будет, а будет жить под землею.

Охотского же ведомства по окладным книгам в платеже ясаков при Гижигинской крепости³ живущих в берегу Пенжинского моря⁴ оленьих коряки, о коих присланною из Гижигинской крепости от 2 числа ноября месяца прошлого 1769 года ведомостью объявлено: в ведомстве той крепости состояло живущих в берегу Пенжинского моря по разным рекам пеших коряков 259 человек; с них собирается в год ясака: лисиц красных с каждого по одной, а за неимением у них лисиц за каждую деньгами по 1 рублю 50 копеек; оленных 366 человек, с каждого по одной лисице, а в случае недобычи ими оных деньгами по полтора рубли; а всего всех 625 человек. А того ж года сентября 9 дня на требуемые Иркутской губернской канцелярией... показано было 831 человек и платили в казну ясаков каждый человек по одной лисице красной, а всего 831 лисицу красную ценою каждая по одному рублю на 831 рубль, только за имеющуюся там опасностью от оспенного поветрия (которая и поныне там состоит) многие, укрываясь от такой смертоносной для них язвы, разошлись по горам, и многие же из них тою болезнию померли, а сколько за тем поветрием ныне в остатке в живых за несобранием их и за неприсылкою обстоятельных из Гижигинской крепости ведомостей, по Охотской канцелярии известия нет, и о присылке такой ведомости в показанную канцелярию указом под-

³ Гижигинская крепость — в низовьях р. Гижиги вблизи Гижигинской (Ижигинской) губы Охотского моря, к югу от Пенжинской губы.

⁴ Пенжинское море — Охотское море.

тверждено. Народ сей, как и выше показано в Ямском ведомстве, пешие одного наречия и во всех обычаях сходственны, а оленные кочевные, и имеют при себе оленные не малые табуны, и переходят на оных от места на место кочевьями, лето и зиму на санках, а иногда на пажитном месте, где их табунам стоять кормно, проживают месяца по два и по три на одном месте. Юрты из оленьих кож чюмовые. Платье носят как мужеск, так и женск пол одинакое шитое из оленьих же кож пары. Промыслы их состоят: с довольным числом добывают диких оленей и сохатых, коими и пропитание себе имеют. Оружие их луки, стрелы, копыя, а для ратного случая куюки, сделанные из костей звериных и усов китовых, а у некоторых есть и железные. Люд мужественный и к сражению имеют горячность. Оные ж коряки вместо вина употребляют себе в пьянство грибы называемые мухоморы, и те грибы целиком глотают и от того бывают весьма удивительно пьяны и в объядении тех грибов чинят приличные пьяным дела. Когда же из оных кто померет, то мертвое тело одевают в лучшее платье и по приказу его, или же и по усмотрении родственников его, полагают тело в санки подпрягут несколько оленей, увозят в удобное место и сжигают огнем с тем суеверием, будто бы тот умерший уходит на небо, и там будет житьствовать, а подпряженных под везенное мертвое тело оленей отпускают на волю, и никто их себе не берет и к табунам своим не присовокупляет.

Охотского же ведомства ясашных алеут, живущих в открытом море⁵ на ближнем алеутском острове, называемом Атты, ясашных алеутов, по вывезенной прошлого 1769 года на судне компании купца тульского Семена Красильникова, называемом святом Владимиром, мореходом за матросом козаком Алексеем Сапожниковым, данной ему из нижней Камчатской приказной избы шнуровой книги в оклад записано 47 человек, которые заплатили в казну ясаков в каждой год по морскому бобру, а цены не положено, а всего с того острова на 769 и на прошлые годы положено из доимки вывезено тою компаниею с означенного Атты острова морских бобров и бобровых маток 84, которые при отправлении в Иркутскую губернскую канцелярию оценены на 1454 рубли. Но оная ясашная казна в вывозе не на всякой год с тех алеут бывает, а вывозится только тогда, когда в море бывают для промысла компанейские суда и заходят на тот остров. Народ сей в обычаях непостоянный; житьство имеет переезжая в маленьких, сделанных из нерпичьих кож, байдарках с острова на остров, за проливы верст по пятидесят, в которые байдарки садится по одному человеку и зашиваются пузырями китовыми и других морских зверей, а внутрь кладут своих жен, и так смело в морское волнение по морю ездят, что за наилучшую себе похвалу приемлют; с берега в море пускаются в самой превеликой штурм, почему и малолетних своих детей в таковых же байдарках по одному обучают ездить, от двенадцати возраста их лет; и разъезжая по морю в тех байдарках... гоньбою промысел морскими бобрами и тюленями, в коих из рук бросают костками, т. е. сделанными из кости моржовой копейцами, поменьше одного вершка, а ко оным приваривают серую жальца каменные, тем их закаляют, и на море, сидя в тех байдарках, кожи с них снимают, а мясо всегда сырое едят. На земле зимою житьство имеют в земляных юртах, по несколько семей в одной, а летом где кому случится, по одной семье в шалашах. Пропитание их состоит в морских зверях и рыбе, тако ж и морских

---

⁵ Открытое море — Берингово море, омывающее северо-восточное побережье Камчатки.

раковинах, кому что удастся промыслить или найти, и всегда в пищу употребляют мясо, рыбу и кровь морских животных зверей сырые, а вареной или огнем печеной пищи не требуют. Платье носят как мужеска, так и женска пола деланные парки, шитые из птичьих кож. Обувь мужчины и женщины ни зимою, ни летом не носят. К пропитанию своему впредь ни на пять дней, как летом, так и зимою харчевых припасов не заготавливают; когда же сколько в пищу себе какого корма морских зверей добудут, то из-за того вперед другога не добывают, пока все не поедят, а как корма у них не станет, то паки за промыслом пойдут. Оружие их коротенькие стрелки с костяными и каменными жальцами, которые из маленьких дощечек, на подобие дестевой линейки, очень искусно сажень на двадцать бросают; копыя у них костяные. Огонь у себя весьма редко имеют, и тот добывают из дерева; ножи и топоры их каменные и иглы швальные делают камнем из птичьих костей; и теми жены их шьют гораздо искусно. Платья себе переменного и лишних для платья никаких кож, посуды и прочего ничего не имеют же, и ни на какие пожитки не лстивы, и что бы ни было, все ни во что ставить. В зимнюю и летнюю пору в юртах своих никаких себе постель не имеют, но спят с женами своими, выкопав землю, в ямах, и то только сидя. Богатство и пажить их состоит в одной кожаной байдарке, на которой летом и зимою за промыслом по морю разъезжают, да стрелками, которыми бросают из рук вышепомянутою дощечкою. Богов никаких не знают, только почитают одних шаманов, а шаманы их никогда из мужеска пола не бывают, но все женщины, которые отходят от жилья в горы и несколько ночей наедине ночуют, а возвратясь обратно рассказывают, будто бы они видають некоторые привидения. Родословия своего повествовать не умеют, а только сказывают, что деды их зашли на те острова байдарками, а с которой стороны, про то доказать не умеют. Родства своего только знают отца, мать, брата родного, а дальнего не знают, потому что долго с одною женою не живут, но почаще покидают и другую берут, и так друг у друга покидных жен держат. Когда ж кто из них заболит каким припадком, то оного больно-го отведут от жилья своего в даль и сделают ему особливой маленький шалашик, в котором и оставляют, а и пищи ему мало дают, а как тот больной умрет, тогда тот шалашик над тем мертвым телом уронят; то их и похороны.

Охотского ж ведомства состоящих в платеже Гижигинской крепости алютор⁶, а ныне под Нижнекамчатским острогом⁷, где и ясак платят, жительствующих по берегу Северовосточного моря на одном месте всеми ими сделанных по близости острожков земляных юртах, так как и коряки, до помянутого оспенного поветрия состояли по окладным ясашным книгам, в ясашном платеже 280 человек и ясака с них в казну сбиралось: лисиц красных 154 ценою каждая по рублю, а всего по цене на 154 рубли. Оные алюторы родословие свое объясняют будто бы с пешими коряками от одного родоначальника их Коккуняха и его сына Амахута в свет произошли. Люд сей грубой и великорослой ни с какой ордою дружества не имеют, сами в другие орды не ходят, и приходящих к себе ненавидят, сами у других орд себе в жены не берут и детей своих другим никому в жены не дают, но женятся и в замужество отдают между собою. Платье у них мужеска и женска пола парки одноманерные из оленьих, нерпичьих, птичьих и невришечьих кож. Пропитание себе имеют разными морскими зверями: китами,

⁶ Алюторцы, олюторцы — одно из племен коряков. Они говорят на особом диалекте корякского языка.

⁷ Нижнекамчатский острог — Нижнекамчатск.

моржами, белугою и нерпою и весьма обыкновенны развезжать по морю на больших байдарках ст десяти до пятнадцати человек и более в одной, и тех морских зверей ловят, а отчасти добывают и рыбу сделанными из китовых жил сетями. Тако ж питаются разными травяными кореньями, весьма же охотно едят дикие грибы, от которых бывают пьяными и в таком пьянстве шаманят, объявляя, будто бы бывают всякие мечтания и привидения к знанию будущего дела. Оружие их, как и у коряк, пращи, луки, стрелы и копья. А кто из них умрет, то у того мертвого тела, сперва выколют глаза, а потом рассекают в мелкие части и сжигают огнем с таким суеверием и толкованием, как и коряки.

Большереецкого ведомства, сбора Нижнекамчатского острога камчадал⁸, жительствоющих по реке Камчатке и по берегу открытого моря, камчадал же по разным местам и их острожкам 799 человек: платят в казну ясаков в Нижнекамчатскую приказную избу 552 человека по их желанию 267 соболей, 318 лисиц красных, по цене на 852 рубли.

Того же ведомства Нижнекамчатского острога⁹ на острове Карагинском карагинцев, кои в давних летах были те же камчадалы и отошли на морской остров, который именуется Карагинским, потому что с Камчатской земли в море впала река Карагина против его между землею Камчатскою и островом верстах в сорок. Сей остров от Нижнекамчатского острогу по берегу открытого моря в северовосточную сторону расстоянием с пятьсот верст. Их 111 человек, платят лисицами красными в год по 69, по цене на 69 рублей. Сии карагинцы люд грубой, и мало с показанного острова на матерую землю съезжают, и приходящих к себе мало же пускают. Промысел их лисичной. Пропитание имеют морскими зверями: моржами, нерпою и прочим. Платье носят из кож птичьих мужеск и женск пол. Жительствоуют также как и камчадалы. Оружие их такое ж. Однако ж нравом и обстоятельством от камчадалов отличны и много разнствуют, и язык их от камчадалского и аляutorского особливой. В прочем же обстоятельстве, за неприсылкою подлинного об них описания из Камчатской Большереецкой канцелярии знать не можно.

Ведомства того ж сбора, крепости Тигилык¹⁰ камчадал же жительствоющих по берегу Пенжинского моря в разных камчадалских шестнадцати острожках 940 человек, из оных платят в казну ясаков в год 619 человек по их желанию 220 соболей, 1 лисицу сиводушку, 406 лисиц красных по цене на 832 рубли.

Того ж Большереецкого ведомства Верхнекамчатского острога камчадал, жительствоющих на реке Камчатке и в берегу большого моря 507 человек, платят в казну ясака: 266 соболей, 108 лисиц красных, а всего по цене на 640 рублей. Нравы, обычаи и все их обстоятельства таковы, как и ниже сего показано, точию имеют в разговорах своих друг от друга по острожкам в речах разность.

Ведомства Большереецкого острога камчадал, жительствоющих по берегам открытого и Пенжинского моря по разным рекам и на Курильской Лопатке в разных камчадалских острожках, по рекам же и речкам камчадал 1196 человек; с них в год ясака в казну собирается: 267 соболей, 612 лисиц красных, по ценам на 1146 рублей. Сей народ малорослый и не мужествен; жительство имеют в зимнее время в земляных юртах многими семьями, а летом на поставленных на столбах балаганах. Промысел их состоит по всей Камчатке соболиной и лиси-

⁸ Камчадалы — ительмены.

⁹ Большереецкий острог в низовьях р. Большой у западного побережья Камчатки.

¹⁰ Крепость Тигилык (крепость Тигильская) находилась приблизительно в центре Камчатки.

чий; довольствуются травой сладкою, коя там в цене состоит, и из оной выкуривается казенное вино. Пропитание имеют по довольности там рыбу и разными в пищу человеческую годными травами и кореньями. Оные камчадалы великие охотники к курению табака. Оружие их луки, стрелы, копыя, однако ж... ламутских и коряцких орд слабее и неудельнее. Родословие свое баснословят: будто бы все произошли от одного прадеда своего Кутыси и жены его Хахили, которых прежде и боготворили и шептаниями своими чинили чародейство друг другу зло-вредное. Жительствоуют по всем местам. Платье, как мужеск, так и женск пол носят парки шитые из оленьих, собачьих, а отчасти и птичьих кож, а особливо к российскому платью великую охоту имеют. В прочем же об их нравах и обычаях и достоверного обстоятельства за не-присылкой из Большерецкой канцелярии ведомостей, пространно знать не можно, о чем Большерецкая канцелярия долженствует в силу посланного указа сама рапортовать.

Ведомства того ж Большерецкого острога курильцов, они же и камчадалы, жительствующие в проливах между открытого и Пенжинского моря на Курильских островах 262 человека; с них в год собирается ясака: со 183 человек по их желанию 1 соболь, 65 лисиц красных, 65 бобров, 2 матки, 50 кошлаков бобровых морских, а всего по цене на 734 рубли. Оный народ живет на морских Курильских четырех островах, да и на дальние острова в байдарках чрез проливы с острова на остров всегда переезжают. Пропитание свое имеют и летом и зимою разными морскими зверями, коих из моря выкидывает; тако ж и сами оных промышляют. Промысел их состоит больше в добыче морских бобров и на островах лисиц. Платье их такое ж, как и у камчадалов. Люд сей от живущих на матерой Камчадальской земле камчадал отличен чернотию, весьма бородаты и мохнаты; нравом ласков и вероятен; живут зимою так как и камчадалы в земляных юртах, а летом, осенью и весною под байдарками, на которых они ездят человек по десяти и более, на берега морских островов, для наивсегдашнего присмотра промысла зверей. В прочем же обстоятельства их за не-присылкою из помянутой Большерецкой канцелярии о том ведомости, где повсягодно со оных ясашный сбор собирается, знать не можно, о чем долженствует Камчатская Большерецкая канцелярия в Иркутскую губернскую канцелярию указом рапортовать.

А всего во всех объявленных Камчатских, Большерецком верхнем и нижнем и Тигильском острогах и в Курильских островах состоящих в семидесяти трех камчадальских острожках ясашных и неясашных народов 3704 человека; с них собирается положенного ясака: соболей 1013, сиводушчатая лисица 1, красных лисиц 1509, бобров морских 65, маток бобровых 2, бобровых же кошлаков 50; всего по цене на 4204 рубли.

Б. П. Полевой

К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА

Еще в начале XX в. часто повторявшаяся в русской историко-географической литературе фраза о том, что «Татарский пролив был открыт Г. И. Невельским в 1849 г.», дала повод японским националистам поднимать большую шумиху вокруг имени японского разведчика Мамия-Ринзо, который побывал в Татарском проливе еще за 40 лет до исследований Г. И. Невельского. Сочинение Мамия-Ринзо о его путешествии по Сахалину и низовьям Амура, так же как и составленная им карта Татарского пролива, действительно представляет значительный интерес для историков науки¹. Но назвать Мамия-Ринзо «первооткрывателем Татарского пролива» безусловно нельзя. На это еще в 1908 г. указывал известный востоковед Д. М. Позднеев. Он справедливо отмечал, что Татарский пролив был знаком географам задолго до путешествия Мамия-Ринзо, и призывал будущих исследователей собрать «все необходимые данные» для критического пересмотра сложившихся неправильных представлений об открытии Татарского пролива².

На обращение Д. М. Позднеева откликнулся (и то не сразу) всего лишь один автор — историк картографии Л. С. Багров. В 1931 г. он опубликовал в Берлине в журнале «Ямато» (орган японо-германского общества) статью под названием «Приоритет открытия Амура, Татарского залива и острова Сахалина», в которой показал, что открытие

---

¹ Мамия-Ринзо написал двухтомное сочинение «Путешествие в Татарию» («Тодатдзу кико» или по Ф. Ф. Зибольду: «Tō-tats-kiko»). Оно издано впервые в виде четырехкнижного ксилографа в 1855 г. под названием «Чертежное описание Северного Иедзо» («Кито иесо дзусетцу»), переиздано в 1944 г. в серии книг, посвященных Маньчжурии, — «Хокумен сосе». Кроме того, выходили неоднократно сокращенные неточные пересказы сочинения Мамия-Ринзо («Хокуи кико» или «Хокуи бункэн року»).

Сочинение Мамия-Ринзо переведено и на европейские языки: «Auszug einer Reise über Jezu und Krafft nach Tootats und der Mündung in den Jahren 1808—1809 von dem Mamia Rinsoo», — Ph. Fr. Siebold, *Nippon. Archief voor de beschrijving van Japan*, Abteilung VII, Leyden, 1852, S. 167—196. (работа переиздавалась в 1897 и 1931 гг.); A. J. Harrison, *Kita Yeso Zusetzu or a Description of the Island of Northern Yeso by Mamiya Rinso*, — «Proc. Amer. Philos. Soc.», 1955, № 2, pp. 93—117.

В России зибольдовский перевод сочинения Мамия-Ринзо впервые широко был использован в трехтомном сочинении акад. Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края» (СПб., 1883, 1899 и 1903). Подробный пересказ сочинения Мамия-Ринзо был дан Д. М. Позднеевым в его труде «Материалы по истории северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России» (Иокогама, 1909, т. II, ч. 3, стр. 94—120).

² Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, стр. 163.

Татарского пролива никак нельзя относить к XIX в.³, поскольку русские знали о существовании этого пролива еще в XVII в. Позднее в литературных и архивных источниках удалось выявить ряд новых важных данных, позволивших более подробно проследить, как с середины XVII и до середины XIX в. у географов постепенно расширялся круг сведений о Татарском проливе. Поэтому теперь и возникла необходимость ради восстановления истины еще раз вернуться к этой любопытной историко-географической теме.

* * *

Археологические исследования, произведенные на Сахалине, ясно показали, что между культурами Сахалина и Приамурья издавна существовала весьма тесная связь⁴. Поэтому очевидно, что народы Нижнего Амура знали о существовании Татарского пролива еще с «незапамятных времен». Несомненно лучше всех этот район знали нивхи (гиляки), они часто путешествовали между Амуром и Сахалином и имели свои поселения как на Нижнем Амуре, так и на Сахалине, в частности на самом побережье Татарского пролива (Погоби, Виахту, Танги, Мгачи, Дуи и др.). Нивхи были связаны межплеменным обменом с нанайцами и даурами Амура, эвенками и эвенами Охотского побережья, а поэтому и эти народности также давно слышали о существовании Сахалина и пролива, отделяющего его от материка. Правда, в то время остров еще не назывался Сахалином: так он стал именоваться только с 30-х годов XVIII в.⁵ Почти каждая народность Дальнего Востока имела тогда свое наименование острова. У охотских эвенков, например, он был известен под названием «остров Янкур»⁶. И вот на Охотском побережье еще в 1640 г. участники похода И. Ю. Москвитина (первого русского похода на Тихий океан) впервые и услышали от эвенов о существовании вблизи устья Амура «островов Гилятской орды», самым крупным из которых был Сахалин — «великий» или «большой» остров «гилят»⁷. Уже одно то, что охотские эвенки называли Сахалин «островом», ясно показывает, что им было хорошо известно, что он отделен от континента проливом.

³ L. Bagrow, *Die Priorität der Entdeckung der Amur, des Tatarischen Golfs und Insel Sachalin* — «Yamato, Zeitschrift der deutsch-japanischen Gesellschaft», 1931, H. 2, S. 75—90; H. 3, S. 134—143. Четверть века спустя эта же статья была опубликована на английском языке: L. Bagrow, *A Few Remarks on Maps of the Amur, the Tartar Strait and Sakhalin*, — «Imago Mundi», vol. XIII, Stockholm, 1956, pp. 127—136.

⁴ См. Р. В. Козырева, *Древнейшее прошлое Сахалина*, Южно-Сахалинск, 1960, стр. 63—81; *Древний Сахалин*, Л., 1967, стр. 111.

⁵ Русские постоянно указывали, что остров находится «в устье Амура». Поэтому и голландский географ Н. К. Витсен назвал его «Амурским островом» — «Amoerse Eylandt» (само название «Амур» он тоже заимствовал от русских). И в течение четырех десятилетий это название повторялось на западноевропейских картах. Но у маньчжуров р. Амур называлась «Сахалин ула». Поэтому с середины 30-х годов XVIII в. на картах французского картографа д'Анвиля около изображения этого острова и появилась надпись: «Имя, которое чаще всего дают этому острову, — Сагалиен-Анга-Хата, что означает остров устья Черной реки» (см. J. B. du Halde, *Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine, et de la Tartarie chinoise*, vol. IV, Paris, 1735; J. B. D'Anville, *Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie chinoise et Thibet, A la Haye*, 1737). Название «Сагалиен-Анга-Хата» было фактически калькой ранее уже употреблявшегося в России выражения «остров в устье Амура». Позже это название было произвольно сокращено до одного слова — «Сахалин», т. е. маньчжурского названия реки, но отнюдь не острова.

⁶ А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. 1, отд. I, СПб., 1860, стр. 101.

⁷ Б. П. Полевой, *Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура?*, — «Материалы отделения истории географических знаний Географического общества СССР», вып. I, Л., 1962, стр. 68—70.

В том же 1640 г. москвитинцы смогли сами на двух восьмисаженных кочах дойти до района устья Амура. В пути они узнали, о существовании «бородатых людей» — южносахалинских айнов — и то, что от устья Амура «морем до... бородатых людей недалече»⁸. Очевидно, это известие относилось именно к Татарскому проливу, ибо через него и шел путь из района устья Амура к «бородатым» айнам. Тогда же русские впервые услышали, что «ходят де с моря в Омур реку торговые суды»⁹. Дальнейшее изучение источников показало, что под этими судами подразумевались удлинённые лодки, на которых нивхи совершали плавание на юг через Татарский пролив.

Аналогичные сведения о районе Татарского пролива собрали и участники похода В. Д. Пояркова — первого русского похода по Амуру. Сравнительно недавно стало известно, что еще 9 ноября 1645 г. группа участников этого похода (казаков) смогла в Якутске сообщить о Сахалине: «Есть де на усть Амура реки в губе остров, а на том де острову дватцать четьре улуса, а живут де гиляки ж, а в улусах де юрт по сту и по пятидесяти»¹⁰. Этот документ со всей очевидностью показывает, что уже тогда русские очень хорошо знали, что Сахалин является островом. И казаки добавляли: «А на острову ж рыбы много ж всякой и соболи де на острову у гиляков много ж есть ж». Эти сведения в основном относились к району р. Тымы, т. е. к средней части острова, находящейся за Татарским проливом. Знали эти казаки и о южносахалинских айнах. Они сообщали: «Есть де подле моря черные люди, а называют де их куями, а живут де они подле моря по правую сторону». Как известно, «по правую сторону» от устья Амура и находился Татарский пролив. Более того, выяснилось, что уже в 1644—1645 гг. русские смогли собрать некоторые сведения о ледовом режиме в ближайшей от устья Амура части пролива, отделяющего Сахалин от континента: «А от усть Амура до острова до Гиляцкого мерзнет лед, ставаеет вове»¹¹.

Некоторые дополнительные сведения об этом районе были собраны в 1652 г.: сначала во время пребывания в низовьях Амура отряда Ивана Нагибы, потом — отряда С. В. Полякова. Лишь недавно стало известно, что именно тогда — осенью 1652 г. — где-то в районе амурского селения Мага С. В. Поляков и его товарищи смогли первыми из сибирских казаков узнать о существовании народа «чижем» — японцев, самые северные поселения которых тогда еще находились на южном побережье о-ва «Иессо» (Хоккайдо)¹². Очевидно, эти сведения исходили от тех амурских нивхов, которые неоднократно плавали на юг через Татарский пролив.

---

⁸ «Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века», М., 1951, стр. 140.

⁹ Б. П. Полевой, *Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Распросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 года)*, — «Труды Томского областного краеведческого музея», т. VI, вып. 2, 1963, стр. 30.

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Якутской приказной избы, оп. 1, ст. 43, л. 363 об.; Б. П. Полевой, *Забывшие сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.)*, — «Известия ВГО», вып. 2, 1958, стр. 548.

¹¹ ЦГАДА, оп. 1, ст. 43, л. 363; Б. О. Долгих, *Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам*, — «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 135; Б. П. Полевой, *Забывшие сведения...*, стр. 548.

¹² Б. П. Полевой, *Первооткрыватели Сахалина*, Южно-Сахалинск, 1959, стр. 31. Подробно эти данные были изложены автором в докладе «Первые сообщения сибирских казаков о японцах (1652—1653)», сделанном на заседании Восточной комиссии ГО СССР 15 мая 1958 г. (см. «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 210).

Еще более подробно русские смогли познакомиться с районом Татарского пролива зимой 1655—1656 гг., когда в низовьях Амура провели короткую зимовку отряды Онуфрия Степанова Кузнеца, Федора Пучина и Петра Бекетова — всего около 600 человек. При сборе ясака они побывали в весьма многих нивхских поселениях района и, в частности, как указывает Б. О. Долгих, «на Сахалине по берегу Татарского пролива, в улусах Таунском, Дутмытском, Чагаданском, Маганзяском»¹³. Б. О. Долгих считал, что «Таунский улус» — это современное нивхское селение Танги, а «Дутмытский улус» — Дуэ. Из этого можно заключить, что уже в середине 50-х годов XVII в. русские прошли на юг через самую узкую часть Татарского пролива.

Сведения, собранные амурскими казаками в середине XVII в., оказались весьма полезными для Н. Г. Спафария, в сочинениях которого имеется не только широко известное первое относительно подробное описание о-ва Сахалина — «острова великого... против устья Амура» (см. «Сказание [или «Описание...»] о великой реке Амуре»), но и ряд сведений, прямо относившихся к Татарскому проливу. Так, повторив сообщение казаков об образовании льда зимой в устье Амура, Н. Г. Спафарий добавлял: «А направо только берег мерзнет, а далеко пучина не мерзнет, и для того мочно всегда плыти в Китай тем морем; только тем морским путем еще никто не ходит в Китай»¹⁴. С. Де-Ливрон справедливо отмечал: «Татарский пролив около Де-Кастри и Дуэ замерзает на все видимое пространство, к югу же, около Императорской гавани и поста Косунай, держится вдоль берега только припай льда шириною у первой в милю, а у второго гораздо менее»¹⁵. Из этих данных ясно видно, что русские землепроходцы уже в XVII в. имели некоторое представление и о южной части Татарского пролива.

Достоинно также особого внимания сообщение Н. Г. Спафария о том, что казаки нашли «недалече от Амура... разбитой великой корабль немецкий, каковы ходят по Архангельской город»¹⁶. Комментируя это сообщение, голландский географ Н. К. Витсен писал, что еще в первой половине XVII в. одно голландское судно «между Кореей и Японией заплыло за Иессо (Хоккайдо) и около устья Амура погибло, сев на мель»¹⁷. Опыт XIX в. показывает, что корабли, плывшие к устью Амура через Татарский пролив, садились на мель исключительно на южных подступах к проливу Невельского. Достоверно известно, что казаки, ходившие из устья Амура только в северном направлении, такого корабля не видели, следовательно, этот корабль был обнаружен теми русскими казаками, которые ходили от устья Амура «в правую сторону», т. е. через Татарский пролив.

Итак, теперь уже нет никаких сомнений в том, что русские землепроходцы середины XVII в. не только знали со слов местного населения о существовании Татарского пролива, но и сами бывали на его берегах.

Еще в 1642 г. ленский картограф Курбат Иванов создал чертеж, на котором, между прочим, было изображено и «море Лама... куде ходили

¹³ Б. О. Долгих, *Этнический состав...*, стр. 135.

¹⁴ Н. Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год*, Казань, 1882, стр. 524; Ю. В. Арсеньев, *О происхождении Сказания о великой реке Амур*, — «Известия РГО», вып. 4, 1882, стр. 252.

¹⁵ Де-Ливрон, *Лоция северо-западной части Восточного океана*, ч. I, СПб., 1901, стр. 21.

¹⁶ Архив Ленинградского отделения института истории, ф. Воронцовых, кн. № 189, л. 7.

¹⁷ N. C. Witsen, *Noord en Oost Tartarye*, Amsterdam, 1705, p. 885.

служилые люди Дмитрия Копылова», т. е. участники похода И. Ю. Москвитина, отправленные Д. Е. Копыловым «на море» из алданского Бутальского зимовья¹⁸. Другой чертеж был составлен участниками плавания В. Д. Пояркова¹⁹. Затем такие же чертежи «писали» амурские казаки в 50-х годах XVII в. Поэтому с уверенностью можно сказать, что первые изображения о-ва Сахалина и пролива, отделяющего его от континента, появились на русских географических чертежах еще в середине XVII в. Позже Сахалин в виде небольшого острова в устье Амура был дан на некоторых сводных чертежах Сибири. На этих чертежах Татарский пролив иногда изображался в виде южного рукава в устье Амура. Наиболее раннее подобное изображение нам известно по копии общего чертежа Сибири 1667 г. в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова²⁰.

Возможно, более подробно Сахалин и Татарский пролив были показаны на одном из «прилогов» к чертежу Сибири 1667 г., на «партикулярном» чертеже низовьев Амура²¹. Судить о том, как приблизительно могли быть они изображены на таком «партикулярном» чертеже, можно хотя бы на основании аналогичного чертежа, помещенного в так называемой «Хорографической чертежной книге» С. У. Ремезова. Кроме того, имеются основания предполагать, что голландский географ Н. К. Витсен нанес изображение «Амурского острова» с проливами на свою известную карту Татарию 1687 г. именно на основании «партикулярного» чертежа Нижнего Амура, приложенного к чертежу Сибири 1667 г.²²

Карта Н. К. Витсена была самой первой печатной картой, на которой был изображен (по русским источникам!) «Амурский остров», т. е. Сахалин²³. С тех пор он и стал неизменно изображаться на всех западноевропейских картах Восточной Азии. Именно поэтому даже американский историк Ф. А. Гольдер (а он, как известно, далеко не всегда справедливо оценивал достижения русских землепроходцев) вынужден был признать: «Наши наиболее ранние сведения о Сахалине (следовательно, и о Татарском проливе! — Б. П.) поступили к нам не от китайцев, японцев, голландцев или иезуитов, а от русских сибирских охотников, которые, стремясь познакомиться с Приамурьем, пришли в соприкосновение с Сахалином»²⁴.

Лишь недавно выяснилось, что во время русско-китайских дипломатических переговоров в 1689 г. обе стороны совершенно не упоминали о Сахалине именно потому, что он был островом, отделенным от континента проливом. К тому же китайская сторона ошибочно принимала его за особое «царство куев», т. е. айнов. О том, что основное население острова составляли не айны, а нивхи — «гиляки», маньчжурские дипломаты не знали явно, потому что они сами на этом острове

¹⁸ Б. П. Полевой, *Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.)*, — «Известия ВГО», вып. I, 1960, стр. 49.

¹⁹ Б. П. Полевой, *Забитые сведения...*, стр. 547.

²⁰ «Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», Рукописный отдел. Эрмитажное собрание. № 237, лл. 30—31, а также «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.», М., 1964, карта № 28.

²¹ О маршрутных «прилогах» к чертежу Сибири 1667 г., см. Б. П. Полевой, *Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г.*, — «Известия АН СССР», сер. геогр., вып. 4, 1966, стр. 123—132.

²² Там же, стр. 128.

²³ Б. П. Полевой, *Первооткрыватели...*, стр. 51, а также «Атлас географических открытий...», карта № 33.

²⁴ F. A. Golder, *Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850*, Cleveland, 1914, p. 155.

не бывали, а от жителей Приамурья до них доходили лишь туманные сведения о «заморских куи'сцах», т. е. об айнах, живущих за проливом на особом острове. Этот пролив и островное «царство кув» («Regnum Kuue») весьма четко показаны на найденных в Ватикане двух чертежах иезуита А. Томаса 1690 г.²⁵

Зная о существовании пролива между «Амурским островом» и континентом и о том, что Нерчинский договор 1689 г. не распространялся на этот остров, лондонский агент Петра I Федор Салтыков еще в 1713 г. предложил русскому правительству при первой возможности по примеру Англии создать свои новые крепости на Дальнем Востоке на стратегически важных проливах — «проходах». В частности, он советовал в первую очередь создать русские опорные пункты «против того на Амуре острове и прочих местах, где будет пристойно на проливах, где обьшутся»²⁶.

Нетрудно понять, что он здесь имел в виду именно Татарский пролив, поскольку он полагал, что таким способом русские установят свой контроль над морским путем, ведущим из устья Амура в различные южные страны Востока.

Широко известно, что в 1709 г. на Амуре под руководством иезуитов Региса, Жарту и Фиделли были начаты работы по составлению карты Амура²⁷. В 1710 г. один из отрядов, подчиненных этой же экспедиции, смог побывать в районе Татарского пролива²⁸. В результате этих работ появился новый вариант чертежа с изображением Татарского пролива и о-ва Сахалина.

В последние годы жизни Петра I это изображение Татарского пролива стало известно в России. Оно было далеко не точным, но все же точнее прежних. Поэтому оно с 1724 г. и стало использоваться на русских картах XVIII в. Как был изображен на них Татарский пролив, можно судить по карте, помещенной в известном Академическом атласе Российской империи 1745 г. Это был один из самых ранних русских чертежей, на котором появилось заимствованное от французских картографов сокращенное название «Сагалиен», позднее превратившееся в «Сахалин».

Пролив, отделявший остров от материка, не мог не заинтересовать русских мореплавателей. Еще в апреле 1730 г. Вигус Беринг высказался за изучение «водяного прохода до устья реки Амура и далее до японских островов»²⁹ (курсив наш.— Б. П.). В 1740 г. за отыскание водного пути «до устья реки Амура и оттуда к югу» ратовал и знаменитый Федор Соймонов. При этом он рекомендовал «до японских островов весь тот берег окуратно примечать как положение оного, так где явятся бухты и реки и протчее, то есть глубины и места берегов, особливо осматривать, лесные ль оные или каменистые и гористые, или низкие, и протчее, примечанию и описанию достойное»³⁰.

²⁵ A. Florovsky, *Maps of the Siberian Route of the Belgian Jesuit, A Thomas-Imago Mundi*, vol. VIII, Stockholm, 1851, p. 104.

²⁶ «Изъяснения прибиточные государству Федора Салтыкова 1714 год». См. главу XXV «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая» в кн.: Н. П. Павлов-Сильванский, *Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты*, — «Записки историко-филологического фак-та имп. СПб. университета», ч. 42, СПб., 1897, приложение, стр. 32.

²⁷ J. B. du Halde, *Description géographique...*, vol. IV, pp. 12—19.

²⁸ «Сибирский вестник», 1823, ч. 3, стр. 272.

²⁹ «Полное собрание законов Российской империи», т. VIII, № 6042, стр. 774—775. Аналогичное предложение В. Беринга 1732 г. см. «Экспедиция Беринга», — «Сборник документов ГАУ», М., 1941, стр. 200.

³⁰ «Экспедиция Беринга», стр. 263.

Тогда же Татарским проливом заинтересовался историк Сибири и Дальнего Востока акад. Г. Ф. Миллер. В его «Ведомости о реке Амуре», составленной в 1740 г., имелись беглые упоминания о некоторых плаваньях по Татарскому проливу³¹. Г. Ф. Миллер ратовал за то, чтобы Россия получила право плаванья по Амуру «к Камчатскому и Японскому морю»³². Под плаванием к «Японскому морю» (Г. Ф. Миллер первым в России стал употреблять это название) он несомненно имел в виду плавание через Татарский пролив.

В известном труде ученика Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова, в книге «Описание земли Камчатки» (1755 г.) не только были опубликованы две карты, на которых был четко показан Сахалин и пролив, отделяющий его от материка, но и упоминался «самый ближайший переезд на великой и жилой остров» Сахалин³³. Уже тогда С. П. Крашенинников, как видно по его двум картам, знал, что на сахалинском берегу у этого самого узкого места расположено «Бохоби», т. е. Похоби (современное — Погиби).

Опираясь на те же источники, известный французский исследователь Ж. Л. Бюффон в середине XVIII в. столь же определенно утверждал: «Камчатское (Охотское. — Б. П.) море соединяется достаточно крупным проливом с Корейским морем»³⁴.

В конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в. живший в Иркутске акад. Эрик Лаксман предлагал послать по Амуру в «Сахалинский канал»³⁵ судно для установления торговых отношений с Японией. Несомненно под «Сахалинским каналом» Лаксман подразумевал именно Татарский пролив. Однако царское правительство по дипломатическим соображениям не разрешило это плавание. Как известно, сын академик Адам Лаксман в 1792 г. отправился в Японию не по Амуру и Татарскому проливу, а из Охотска — вдоль восточного побережья Сахалина.

Итак, из приведенных данных ясно видно, что с XVII в. до 80-х годов XVIII в. в России и в Западной Европе никто не сомневался в том,

³¹ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 21, оп. 5, № 168, л. 94 (или 197) (далее — ААН).

³² Там же.

³³ С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, М.—Л., 1949, срт. 164.

³⁴ «Oeuvres complètes de Buffon, augmentées par M. F. Cuviers», vol. II, Paris, 1831, p. 141.

³⁵ Архив князя Воронцова, М., 1882, кн. 24, стр. 193—194; В. Лагус, *Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка*, СПб., 1890, стр. 235. В 1786 г. акад. Э. Лаксману передал любопытную записку об Амуре живший под Иркутском участник Второй Камчатской экспедиции Яков Линденау. В этой записке он утверждал, что еще в октябре 1742 г. он будто бы даже смог лично побывать в проливе у устья Амура. По словам Линденау, судно, на котором он в 1742 г. отправился из Охотска на Камчатку, «разными погодами носило» по всему Охотскому морю, из-за чего в конце концов «Камчатка, Курильские острова и большой Матсый остров (Хоккайдо) остались влево». И далее Линденау писал: «Напоследок от „S“ к „N“ проходили мимо устья Амура, против которого на правой стороне имеется большой остров, Гиляки называют оной Гулентианом» (ААН, ф. 21, оп. 5, д. 33, л. 1). На основании этого сообщения невольно создалось впечатление, что Линденау смог, во-первых, еще за 45 лет до плаванья Лаперуза пройти через пролив, отделяющий Сахалин от «Матсмая» (Хоккайдо), и, во-вторых, оттуда совершить плавание к северу через пролив, в котором с левой стороны было устье Амура, а с правой — «большой остров», названный нивхами «Гулентианом» (?) Под «Большим островом» на-против устья Амура тогда обычно имели в виду о-в Сахалин. Эта записка укрепила веру Э. Лаксмана в то, что из устья Амура через «Сахалинский канал» можно доплыть и до Японии. Но к этому сообщению Линденау необходимо отнестись критически. Он, конечно, Татарским проливом не плывал. В Ленинградском архиве Академии наук (ф. 1, оп. 1, 1743, № 11, л. 2) имеется карта, сделанная Линденау в 1743 г. На ней показаны лишь Шантарские острова. Видимо, только в этом районе он и смог побывать в 1742 г.

что Сахалин — остров, отделенный от материка проливом. И можно только сожалеть, что до сих пор в литературе (особенно в научно-популярной) не раз повторялась версия, по которой Сахалин якобы считали в России полуостровом, а Татарский пролив будто бы стал известен русским лишь в середине XIX в. Влияние этой ложной версии было настолько сильно, что один из видных советских популяризаторов истории русских географических открытий на Тихом океане вот уже несколько раз хвалил «анадырского казака» Тимофея Перевалова за то, что он «знал, что Сахалин — остров и таковым и положил на карту». Так, в традиционном для XVIII в. изображении Сахалина в виде острова было усмотрено нечто необыкновенное.

Но когда же впервые возникла версия о том, что Сахалин — полуостров?

В литературе неизменно указывают, что главными виновниками появления этой версии были три мореплавателя: француз Ж. Ф. Лаперуз, англичанин В. Р. Броутон и глава «первого плавания россиян вокруг света» И. Ф. Крузенштерн. Однако и тут допускаются порою серьезные неточности.

Говоря о плавании Ж. Ф. Лаперуза, историки чаще всего забывают отметить, что французский мореплаватель оказался в южной части Татарского пролива именно потому, что он надеялся пройти этим проливом в Охотское море. План этот оказался неосуществимым из-за резкого уменьшения глубин севернее Де-Кастри. К тому же, когда Лаперуз при высадке на берег изобразил на песке узкую часть Татарского пролива, местные орочи почему-то перечеркнули его линией, и Лаперуз решил, что так они изобразили перешеек. Это и побудило его в осторожной форме высказать предположение, что, быть может, между Сахалином и материком нет пролива³⁶. И все-таки Лаперуз на своих картах продолжал называть Сахалин «островом», отделенным от берега «Татарским проливом». Любопытно отметить, что именно Ж. Ф. Лаперуз и был первым исследователем, назвавшим этот пролив «Татарским» (от «Татарии» — старинного наименования Северной Азии). Из этого видно, что «виновность» Лаперуза в появлении на картах XIX в. Сахалина в виде полуострова часто в литературе преувеличивалась.

В России смогли ознакомиться с результатами плавания Ж. Ф. Лаперуза довольно рано, и первоначально никто из русских не принимал Сахалин за полуостров. Это ясно видно по первой малоизвестной русской карте Мантейфеля, которая была составлена еще в конце 90-х годов XVIII в. и на которой были учтены результаты плавания Лаперуза. Эта карта вышла из печати лишь в 1806—1807 гг. На ней были изображены «Остров Чока или Сегалиен», «Татарский рукав» и только в самой северной узкой его части проведена еле заметная линия с надписью «Завал».

Впервые изображение Сахалина действительно в виде полуострова появилось на русских картах лишь после плавания И. Ф. Крузенштерна.

Нетрудно убедиться, что И. Ф. Крузенштерн объявил Сахалин полуостровом не столько под влиянием предположения Ж. Ф. Лаперуза, сколько под влиянием труда английского мореплавателя В. Р. Броутона³⁷.

Сам И. Ф. Крузенштерн не смог побывать в Татарском проливе. Но при осмотре северных подступов к Амурскому лиману он обратил внимание на большой выброс пресной воды из Амура и сразу же сде-

³⁶ La-Perouse, *Voyage autour du monde*, t. III, Paris, 1797, p. 260.

³⁷ И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»*, М., 1950, стр. 207.

ла. Вывод, что «если бы вливаемая Амуром вода могла стремиться в ту и другую стороны, тогда оное было бы непременно слабее»³⁸. Он обратил также внимание на указание Ж. Ф. Лаперуза, что в Татарском проливе отсутствует сколько-нибудь заметное течение. Но он окончательно уверовал в то, что Сахалин будто бы является полуостровом, после того как в Кантоне ознакомился с книгой английского мореплавателя В. Р. Броутона, в которой говорилось, что «Татарский канал» заканчивается на севере заливом.

Броутон писал, что этот залив был осмотрен лично его помощником — моряком Чэпманом в сентябре 1797 г. И В. Р. Броутон весьма смело утверждал: «Теперь мы были полностью убеждены, что там нет открытого прохода в море в этом направлении. Все было полностью закрыто низкой землей, которую мы временами различали четко. За этой низкой полосой на значительном расстоянии мы видели несколько возвышенностей на северо-востоке. Если какая-либо река впадает в тот залив, то, как я полагаю, лишь самая незначительная, так как здесь нет ни течения, ни иных каких-либо признаков наличия реки на этом берегу. Поскольку Чэпман дал заливу неблагоприятную характеристику и даже выразил опасения, что мы можем там пострадать, я пришел к выводу, что из-за мелководья продвигаться туда нельзя без большого риска для судна и так как не было никакой надежды получить сведения о стране от местных жителей, я решил более не терять времени». Броутон повернул на юг. Тогда же он заменил лаперузовское название «Татарский пролив» на «Татарский залив»³⁹.

К сожалению, историки географии до сих пор не учитывали, что существовал еще один фактор, подготовивший англичан к этому ошибочному выводу. Из записок Броутона видно, что в его распоряжении была какая-то японская карта этих морей⁴⁰, а нам известно, что на японских картах XVIII в. Карафуту (Сахалин) чаще всего изображался в виде полуострова. Примером может служить известная карта Хаяси (Рин Сихея) 1786 г., на которой Карафуту изображен в виде азиатского полуострова. Хаяси в своем известном сочинении «Обозрение трех царств» утверждал, что Карафуту — «полоса, связанная с Восточным Цитаном [Азией] и представляющая собой мыс юго-восточного моря»⁴¹.

Аналогичное изображение давалось и на других японских географических чертежах тех лет. Лишь в 1801 г. японец Накамура Концироо (Томоцуми) решился нарушить японскую традицию и изобразил Карафуту в виде острова. Но вскоре такой поступок показался ему слишком смелым и он на свою готовую карту приклеил кусочек бумаги с изображением... перешейка!⁴²

Все это ясно показывает, что даже в самом начале XIX в. в Японии господствовало убеждение, что Карафуту является полуостровом Азии. И это нас не должно удивлять: ведь до XIX в. ни одному японцу не удалось побывать в Татарском проливе. Между тем наличие на Карафуту изделий явно континентального происхождения говорило о существовании его тесной экономической связи с Азией, что и способствовало возникновению в Японии ложного представления о Карафуту как о «полосе» или «полуострове» Азии. Следовательно, вне всякого

³⁸ Там же.

³⁹ W. R. Broughton, *Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean*, t. 2, London, 1804, p. 302.

⁴⁰ Ibid., pp. 295, 299.

⁴¹ J. Klaproth, *San Kokf Tsou Ran To Sets. Aperçu général des Trois Royaumes*, Paris, 1832, p. 198; Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, т. II, ч. 3, стр. 49.

⁴² Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...* стр. 138.

сомнения, версия о «полуострове» Карафуту (Сахалине) родилась впервые в Японии и было это еще до плаваний Лаперуза, Броутона и Крузенштерна.

Английские моряки, располагая в 1797 г. какой-то японской картой XVIII в., на которой Карафуту, видимо, был изображен в виде полуострова, оказались уже психологически подготовленными к тому, чтобы увидеть на севере полосу земли, соединяющую Карафуту с материком. И они действительно умудрились ее увидеть, а И. Ф. Крузенштерн, всегда относившийся с большим уважением к трудам английских моряков, поверил на слово В. Р. Броутону. После этого он и сделал свой пользующийся печальной славой неосторожный вывод: «Итак теперь доказано совершенно, что Сахалин соединяется с Татарию низменным песчаным перешейком и есть полуостров, а не остров»⁴³.

В литературе весьма часто указывалось, что после плавания И. Ф. Крузенштерна будто бы все в России сразу же уверовали в версию о «полуострове Сахалине». Но так ли это было на самом деле?

Изучая историю двух плаваний Н. А. Хвостова к берегам Сахалина в 1806—1807 гг., удалось по архивным данным установить, что Н. А. Хвостов еще до сахалинского путешествия Мамина-Ринзо твердо знал, что Сахалин является островом. Айны ему сообщили, что к ним для торга часто приходят приамурские нивхи, переезжающие «через пролив», и в том же документе Н. А. Хвостов еще раз упоминал «пролив... который отделяет Сахалин от материка»⁴⁴.

В 1810 г. сам И. Ф. Крузенштерн в своей книге жаловался на то, что многие картографы не учитывали последних географических открытий и «продолжали до сего несправедливо (! — Б. П.) изображать на картах Сахалин островом, а канал между оным и матерым берегом называть проливом Татарии»⁴⁵.

Правда, после 1810 г. положение значительно изменилось. В России начали появляться карты, на которых Сахалин изображался преимущественно в виде полуострова. Но все же и в это время не раз выходили карты, на которых был изображен не только «остров Сахалин», но и «Татарский пролив» («канал» или «рукав») ⁴⁶.

В некоторых случаях делались попытки как-то искусственно соединить вместе новые и старые сведения о Татарском проливе. В качестве примера можно указать на изданную в 1823 г. книгу «Азия полиглота» Ю. Клапрота, в которой об острове Сахалине («Таракае») было сказано так: «Западная часть Таракая проходит близко к матерiku, и канал между ними кажется столь сильно занесен песком, что скоро этот остров превратится в полуостров, хотя он в действительности еще им не является» (diese Insel bald zur Halbinsel werden dürfte, obgleich sie es in der That noch nicht ist) ⁴⁷.

⁴³ И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие...*, стр. 207.

⁴⁴ ЦГАВМФ, ф. 14, д. № 183, л. 12.

⁴⁵ И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие...*, стр. 206.

⁴⁶ На «Генеральной карте Азии с островами, открытыми Бугенвилем, Сюрвилем и Дампьером, сочиненной Гарисоном», но выправленной и дополненной Максимовичем, «полуостров Сахалин» был изображен лишь на издании 1817 г. На изданиях же 1808, 1811, 1813, 1818 и 1825 гг. Сахалин именуется «островом». На первых картах фигурирует название «Татарский залив», которое, впрочем, употреблялось и самим Г. И. Невельским (даже после его исследований 1849 г.). На карте 1825 г. оно было заменено названием «Татарский пролив», а 1826 г. — «Татарский рукав». Уже из этих данных ясно видно, какую ошибку допускал М. А. Сергеев, когда он утверждал, что в конце XVIII — первой половине XIX в. «на всех географических картах... неизменно фигурировал полуостров Сахалин и Татарский залив» (М. А. Сергеев, *Оборона Петропавловска-на-Камчатке*, М., 1952, стр. 17).

⁴⁷ J. Klaproth, *Asia Polyglotta*, Paris. 1823, p. 302.

Любопытно отметить, что известный историк Сибири Г. И. Спасский тоже отказался поверить в версию о «полуострове», поскольку в старинных русских сочинениях Сахалин всегда именовался островом. Спасский хорошо знал знаменитое «Сказание о великой реке Амуре», которое было им впоследствии впервые опубликовано с подробными комментариями⁴⁸. Он также был знаком с историей картографических работ на «острове» Сахалине в 1710 г.⁴⁹ Поэтому не удивительно, что еще в 1824 г. Г. И. Спасский, вопреки неоднократно повторявшимся в литературе сообщениям о «полуострове Сахалин», безоговорочно писал: «Против устья Амура находится остров Сахалин, отделяемый от берега узким проливом»⁵⁰.

В 1829—1831 гг. поручик П. Т. Козьмин, проводя опись Шантарских островов, узнал от нивхов, приходивших на охоту, что между Сахалином и материком имеется пролив.

В 1831—1832 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский получил от беглого старообрядца Гурия Васильева новые сведения об островном положении Сахалина. Рассказывая о своем третьем нелегальном путешествии по Амуру, Гурий Васильев утверждал, что во время «плавания по губе Амурской, большой остров всегда виден был верстах в 60-ти от материка на восток»⁵¹. Васильев утверждал, что он провел зимовку «на меже между гиляками и кугами»⁵², т. е. нивхами и айнами; граница между ними шла по побережью южной части Татарского пролива, а чтобы туда попасть, Г. Васильев должен был пройти на лодке Татарский пролив.

В 1852 г. лейтенант Н. К. Бошняк установил, что в начале XIX в. какое-то русское судно погибло в южной части Татарского пролива и один спасшийся русский (некий Кемец) жил некоторое время в нивхском селении Мгачи на южном побережье Татарского пролива. Н. К. Бошняк добавлял: «В скором времени после этого происшествия прибыли с Амура 2 русских по прозванию Василий и Никита. Они присоединились к Кемцу и в селении Мгачь выстроили себе дом, вели жизнь как обыкновенные промышленные гиляки, занимались промыслом пушных зверей и ездили для торга к маньчжурам и японцам»⁵³. Чтобы прибыть с Амура в Мгачи и затем посещать маньчжур, эти русские несомненно должны были совершить не одно путешествие через Татарский пролив. Н. К. Бошняк выяснил, что они принадлежали к беглым, а это дало повод акад. Л. И. Шренку, большому знатоку Приамурья, Сахалина и района Татарского пролива, высказать предположение, что одним из этих беглых — «Василием» — мог быть сам Гурий Васильев⁵⁴.

Все эти данные не оставляют сомнений в том, что какие-то русские в первой половине XIX в. некоторое время жили на берегах хорошо им знакомого Татарского пролива.

Впоследствии историк Российско-американской компании П. А. Тихменев даже утверждал, что показания Гурия Васильева и Прокопия

⁴⁸ Г. И. Спасский. *Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии*. — «Вестник РГО», ч. VII, отд. II, 1853, стр. 15—42.

⁴⁹ «Сибирский вестник», ч. 3, 1823, стр. 272.

⁵⁰ Г. И. Спасский, *Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре*, — «Сибирский вестник», ч. 3, 1824, стр. 272.

⁵¹ П. А. Тихменев. *Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени*, ч. 2, СПб., 1863, стр. 43.

⁵² Там же.

⁵³ Б. П. Полевой, *Новое о Г. И. Невельском*, — «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.», М.—Л., 1965, стр. 99.

⁵⁴ Л. И. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, т. I, СПб., 1883, стр. 86—87.

Козьмина будто бы «окончательно разрушили всякое предположение о существовании перешейка между о. Сахалином и рекою»⁵⁵. Это, конечно, преувеличение. Но одно очевидно: версия о «полуострове Сахалине» вызывала в России все большие и большие сомнения. Важно отметить, что эти сомнения возникли еще до того, как в Европе впервые появилось в печати сообщение голландского ученого Ф. Ф. Зибольда о путешествии японца Мадиа-Ринзо через Татарский пролив⁵⁶.

Кратко напомним здесь, как сами японцы опровергли легенду о «полуострове» Карафуту.

О существовании «острова Сахалина» японцы могли узнать из иностранных карт еще в XVIII в., но вначале они не предполагали, что под Сахалином подразумевается известный им Карафуту. Поэтому одновременно на их картах обозначались и полуостров Карафуту и остров Сахалин. Лишь в самом начале XIX в. в Японии убедились, что Сахалин — это Карафуту. Но поскольку за границей Сахалин считали островом, то естественно возникло предположение, что и Карафуту должен быть островом.

В 1808 г. японский разведчик Матсуда Дензюуро, непосредственный начальник Мадиа-Ринзо, доставил в Японию достоверные сведения о существовании пролива, отделяющего Карафуту от материка⁵⁷. Но особенно большой успех выпал на долю самого Мадиа-Ринзо. В 1809 г. он первым переехал через Татарский пролив на материк и составил карту пролива. Так был нанесен самый серьезный удар по японской легенде о «полуострове Карафуту». И все-таки не следует преувеличивать значение открытия Мадиа-Ринзо даже для одной Японии. Из-за того что труды Мадиа-Ринзо были секретными, и после 1809 г. в Японии продолжали создаваться карты, на которых Карафуту изображался в виде полуострова. Так он был показан на картах Мицукири Сиего, Такацу Шисеи и др. Даже в 1854 г. на карте Кудо Тохеи Карафуту был изображен еще в виде полуострова⁵⁸.

Не следует преувеличивать и влияние открытия Мадиа-Ринзо на европейскую науку. Прежде всего вспомним, что японцы вполне сознательно скрывали эти открытия от европейцев. Даже сам Мадиа-Ринзо из страха, что его карта может достаться чужеземцам, завещал сжечь ее после его смерти⁵⁹. Хорошо известно, какой большой скандал разразился в Японии, когда в 1826 г. японский дворцовый астроном Такахаши ЦукацEMON дал возможность голландскому ученому Ф. Ф. Зибольду тайно скопировать карту Мадиа-Ринзо⁶⁰. Японские власти заставили Зибольда дать клятву не публиковать эту карту в течение 25 лет. И он действительно опубликовал ее лишь в 1851 г.⁶¹, т. е. уже после исследований Г. И. Невельского. Правда, еще в 1832 г. в первом выпуске своего труда «Ниппон» Ф. Ф. Зибольд бегло упоминал о путешествии Мадиа-Ринзо через Татарский пролив (стр. 129—131). Но этим сведениям за пределами Японии сперва никто не придавал особого значения. Некоторые авторы даже считали, что они отнюдь не противоречат версии о «полуострове Сахалине». Вот что, например, писал о Сахалине американец Аарон Пальмер в 1847 г.: «В широте 52° остров соединяется с материком узкою песчаною банкою, которая совершенно препятствует

⁵⁵ П. А. Тихменев, *Историческое обозрение...*, стр. 45.

⁵⁶ Ph. Fr. Siebold. *Nippon...*, Abt. I, S. 129—131.

⁵⁷ Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, стр. 138.

⁵⁸ L. S. Bagrow, *A Few Remarks...*, p. 134.

⁵⁹ Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, стр. 160.

⁶⁰ Там же, стр. 159—160.

⁶¹ Ph. Fr. Siebold, *Atlas von Land- und Seekarten vom Japanischen Reiche*, Amsterdam, 1851, № 25.

плаванию судов. Самая узкая часть залива называется японцами Ма-миа-но-осето или пролив Ма-миа»⁶². В другом месте своей записки Пальмер еще определеннее указывал, что Сахалин «тянется вдоль восточного берега Маньчжурии, с которой соединен (под 51°30') узким пере-шейком, отделяющим залив Татарский от Сахалинского»⁶³.

Итак, Аарон Пальмер, прочитав у Зибольда об успехе Ма-миа-Рин-зо, не поверил в открытие пролива между Сахалином и материком.

Характерным было первоначальное отношение к открытиям Ма-миа-Ринзо и у русских. В. М. Головин упоминал, что во время его пребы-вания в плену в Японии «землемер-астроном» Ма-миа-Ринзо показывал «планы и рисунки описанных им земель, которые видеть для нас было весьма любопытно»⁶⁴. Но это знакомство с «планами» Ма-миа-Ринзо не помешало В. М. Головину вслед за И. Ф. Крузенштерном изобразить на своих картах Сахалин в виде полуострова⁶⁵. Следовательно, или В. М. Головин не доверял известиям Ма-миа-Ринзо о проливе, или же Ма-миа-Ринзо и от него скрыл карту с изображением пролива.

Иногда в иностранной литературе утверждается, что открытие Ма-миа-Ринзо произвело большое впечатление на И. Ф. Крузенштерна и что, ознакомившись с картой Ма-миа-Ринзо, он будто бы воскликнул: «Японец меня победил!». Но вряд ли можно верить этому рассказу, так как И. Ф. Крузенштерн и в последние годы своей жизни продолжал думать, что Сахалин является полуостровом.

Возможно, кое-кто в России еще в 30-х годах XIX в. читал сообще-ние Ф. Ф. Зибольда о путешествии Ма-миа-Ринзо. Однако для русских такое сообщение⁶⁶ не могло иметь особого значения, так как серьезные сомнения в достоверности версии о «полуострове Сахалине» возникли в России еще до выхода в свет сочинения Ф. Ф. Зибольда.

Любопытно отметить, что в 1825—1842 гг. в диспут (является ли Сахалин островом или полуостровом) были даже втянуты русские жур-налисты. Небезызвестный Фаддей Булгарин имел неосторожность как-то назвать Сахалин «полуостровом», за что журналист Б. М. Федоров объ-явил его «невежей в географии». Б. М. Федорова поддержал в этом знаток Сибири писатель Н. А. Полевой. Оправдываясь, Ф. В. Булгарин заявил, что «эта задача еще не решена в ученом мире», так как «до сих пор ни один мореплаватель не обошел кругом Сахалин». Он же признал, что до плавания Лаперуза «все авторы почитали его (Саха-лин. — Б. П.) островом»⁶⁷. В 1842 г. В. Г. Белинский еще раз высмеял Ф. В. Булгарина за то, что он «утверждал, что Сахалин есть полу-остров»⁶⁸.

Таким образом, В. Г. Белинский, так же как Б. М. Федоров и Н. А. Полевой, еще до начала исследований Г. И. Невельского (1849 г.) были убеждены, что Сахалин — остров. И этот взгляд разделяли мно-гие в Петербурге.

⁶² А. Х. Пальмер, *Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной ча-сти Тихого океана*, — сб. «Старина и новизна», СПб., 1906, стр. 217.

⁶³ Там же, между стр. 144—145 дается карта «Сахалинского моря» с изобра-жением «полуострова Сахалина».

⁶⁴ В. М. Головин, *Сочинения*, М.—Л., 1949, стр. 198.

⁶⁵ Там же, между стр. 144—145, дается карта «Сахалинского моря» с изображе-нием «полуострова Сахалина».

⁶⁶ Ph. Fr. Siebold, *Nippon...*, Abt. I, S. 131.

⁶⁷ «Северный архив», ч. 16, 1825, стр. 355—356.

⁶⁸ Вспоминая спор 1825 г., Белинский писал о Ф. В. Булгарине: «Когда же его уличили в неведении географии... он отвечал: „Да я там не был, может быть и ост-ров...“ Прекорезная история!» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, М., 1955, стр. 455).

Весьма показательно, что в 1846 г. сам управитель Российско-американской компании М. Д. Тебенков дал задание моряку А. Гаврилову обследовать «северную оконечность острова Сахалина и всю губу, образуемую сею оконечностью и материком, а также *проток, отделяющий о. Сахалин от материка*» (курсив мой.— Б. П.)⁶⁹.

К сожалению, А. Гаврилов не смог побывать в Татарском проливе, но, считая вывод И. Ф. Крузенштерна о том, что Сахалин — полуостров, непогрешимым, он на своей карте изобразил его в виде полуострова⁷⁰.

При изучении опознанных нами статей петрашевца А. П. Баласогло⁷¹, переданных им осенью 1847 г. генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (статей, которые отражают и взгляды Г. И. Невельского того периода, когда он совместно с А. П. Баласогло хлопотал об организации научных исследований как у устья Амура, так и в Татарском проливе), выяснилось, что А. П. Баласогло, а следовательно, и Г. И. Невельской бесспорно знали о путешествии Гурия Васильева. Действительно, там имеются упоминания о сведениях «беглого раскольника»⁷². Конечно, здесь имелся в виду Гурий Васильев, и сведения о нем А. П. Баласогло несомненно получил во время своей работы в архиве министерства иностранных дел.

Из всех этих данных ясно видно, что Г. И. Невельской еще до своего исторического плавания 1849 г. уже имел немало серьезных оснований сомневаться в правильности утверждений И. Ф. Крузенштерна относительно «полуострова Сахалина».

Сомнения Г. И. Невельского еще более возросли, после того как Ф. Ф. Беллинсгаузен сообщил ему, что сами участники «первого плавания россиян вокруг света» не считали вывод И. Ф. Крузенштерна о «полуострове Сахалин» доказанным: ведь участникам этого плавания так и не удалось самим побывать в районе Татарского пролива.

Естественно у Г. И. Невельского возникло желание самому побывать в этом районе. Вот почему А. С. Меншиков в своей инструкции Г. И. Невельскому дал ему поручение «разрешить: открыт или нет лиман с юга» (§ 3)⁷³. Еще более определенно эту задачу сформулировал генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в своей инструкции от 12 ноября 1848 г. Он поручил Невельскому заняться изучением «пролива, отделяющего этот остров от материка». При этом Н. Н. Муравьев отмечал, что, по мнению многих, «южный пролив вовсе не существует при отливе; положительно однако ж до ныне никто этого не знает»⁷⁴.

Прибыв летом 1849 г. в Сахалинский залив, Г. И. Невельской и его спутники попытались у местных жителей собрать сведения о Татарском проливе. Вначале они оказались весьма противоречивыми. Мичман Гроте после своего рекогносцировочного плавания вдоль побережья Сахалина сообщал, что, «судя по знакам туземцев и виденным на дальнее расстояние от берега, обсыхающим отмелям, надо полагать, что Саха-

⁶⁹ П. А. Тихменев. *Историческое обозрение...*, стр. 62—63.

⁷⁰ Г. И. Невельской. *Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855*, М., 1947, стр. 67.

⁷¹ Б. П. Полевой. *Опознание статей петрашевца А. П. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847)*, — «История СССР», 1961, № 1, стр. 155—159.

⁷² [А. П. Баласогло], *Восточная Сибирь*, — «Чтения в имп. обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1875, кн. 2, «Смесь», стр. 182.

⁷³ Архив Географического общества СССР, разр. 99, оп. 1, д. 93, л. 9.

⁷⁴ И. И. Барсуков, *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский*, М., 1891, кн. 2, стр. 37—38.

лин есть полуостров»⁷⁵. Совершенно иное заключение сделал первый помощник Г. И. Невельского — П. В. Казакевич. Невельской писал: «Судя по очерку, который ему делали на песке туземцы, он полагает, что Сахалин отделяется от материка проливом»⁷⁶.

В 1953 г. в архиве Географического общества СССР нам посчастливилось обнаружить подробнейший отчет Г. И. Невельского о его исторических исследованиях 1849 г. В нем указывается, что исследования наиболее узкой части Татарского пролива были начаты от мыса Пронге: «Отсюда до 26-го июля 1849 г. пользуясь попутными ветрами спустились вдоль берега Лимана через Южный пролив в широту 51°45', т. е. около 5 миль за пределы исследований капитана Бротона и возвратились к мысу Погоби»⁷⁷. Так исключительно скромно сообщал Г. И. Невельской о своих исторических исследованиях в Татарском проливе.

Как бы ни были разнообразны данные, побуждавшие Г. И. Невельского верить в то, что южный пролив должен существовать, все-таки до самого последнего момента его не оставляли сомнения. «Проходя южным проливом, — признавался он впоследствии, — мы не верили самым очевидным фактам, доказывавшим его действительное состояние и не могли себе объяснить с первого раза, какие были причины ошибочных заключений Бротона. Только астрономические наблюдения и повторяемые промеры указали нам, что действительно мы были в южном проливе и что он действительно глубок»⁷⁸.

Во время этих исследований Г. И. Невельской узнал от местных жителей, что в южной части Татарского пролива часто стали появляться иностранные, главным образом американские китобойные суда. Более того, от одного нивха он узнал даже о появлении там иностранного судна, которое открывало пушечную стрельбу. Невельской полагал, что здесь проводило учебные стрельбы английское военное судно⁷⁹.

Во время той же навигации в Охотском море смог побывать и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. У северо-западных берегов Сахалина Н. Н. Муравьев лично встретил одного американского китобоя, который заявил ему, что около октября 1849 г. он попытается на своем китобойном судне пройти «между Сахалином и материком»⁸⁰.

Все эти факты ясно показывали, что в будущем заморские колонизаторы легко могли проникнуть в пустующий район устья Амура не только с севера — через Сахалинский залив, но и с юга — через Татарский пролив. В связи с этим Н. Н. Муравьев откровенно сказал Г. И. Невельскому: «Для нас... было бы лучше, чтобы вход в реку был только один — с Охотского моря»⁸¹.

При создавшемся положении возникла острая необходимость обезопасить вход в Амур не только с севера, но и с юга. Вскоре по инициативе Г. И. Невельского было занято устье Амура (1/13 августа 1850 г.) и основаны на берегах Татарского пролива первые русские военные посты: на побережье континента — пост в Де-Кастри (4/16 мар-

⁷⁵ Г. И. Невельской, *Обзор результатов действия русских на северо-восточных пределах России и участия офицеров нашего флота в деле восприсоединения Приамурского края к России*, — «Морской сборник», 1864, № 6, Критика и библиография, стр. 42.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Архив Географического общества СССР, разд. 99, оп. 1, д. 93, л. 11.

⁷⁸ Г. И. Невельской, *Обзор...*, — «Морской сборник», 1864, № 7, Критика и библиография, стр. 14—15.

⁷⁹ Б. П. Полевой, *Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год)*, — «Советская этнография», 1955, № 4, стр. 111—112.

⁸⁰ И. И. Барсуков, *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский*, стр. 50.

⁸¹ Г. И. Невельской, *Обзор...*, — «Морской сборник», 1864, № 7, стр. 2.

та 1853 г.) и в Императорской (теперь Советской) гавани (4/16 августа 1853 г.), а на западном побережье Сахалина — Ильинский пост (30 августа/11 сентября 1853 г.).

Открытие судоходности Татарского пролива имело большое практическое значение для России. Уже в 1853 г. этим путем прошло первое русское судно — винтовая шхуна «Восток» под командованием капитан-лейтенанта В. А. Римского-Корсакова, а в 1855 г., во время Крымской войны, использование Татарского пролива позволило спасти от гибели значительную часть судов русской тихоокеанской флотилии.

В литературе часто утверждается, что русские достигли в этом районе полного успеха потому, что за границей будто бы никто не догадывался о существовании Татарского пролива. Действительно, английский офицер Уитингейм, свидетель этого исчезновения русской эскадры, писал: «...я все еще верил в правильность утверждения Лаперуза и Броутона, что не существует никакого судоходного пролива в Амурский лиман, тем более что не было ни малейших признаков течения или различия расцветки воды, которые бы обнаружили существование канала, идущего из Амура. Я полагал, что противник прошел мимо нас в тумане»⁸².

Следует признать, что и за границей далеко не все верили в достоверность легенды о «полуострове» Сахалине. Еще в 1812 г. Людвиг Линднер указывал, что вопрос, является ли Сахалин островом или полуостровом, «все еще определенно не решен», так как исследователи «своими глазами» весь этот район пока не видели⁸³. В апреле 1855 г. известный американский адмирал Джон Роджерс, отправляя на пароходе «Джон Генкок» на разведку к берегам Сахалина лейтенанта Генри Стивенса, писал: «Точно не известно, является ли Сахалин островом или полуостровом. Имеются видные авторитеты, защищающие ту и другую точку зрения и различные карты, отражающие их противоположные взгляды. Я думаю, что проход для кораблей через Татарский залив в Охотское море существует. Идя от устья Амура, вы легко сможете разрешить этот вопрос. Желательно провести исследования в этом проливе до места работ Лаперуза в заливе Татарском — до параллели 51°40'. Если там существует пролив, то это будет весьма ценным для нас»⁸⁴.

Заметим здесь, что именно американцы оказались первыми иностранцами, которым довелось проводить об открытиях Г. И. Невельского. Вот как это произошло.

Необходимость срочной доставки продовольствия на устье Амура вынудила русских зафрахтовать американское судно барк «Пальметто». Капитану этого судна в качестве исключения была доверена секретная карта Татарского пролива. Так американское судно «Пальметто» стало в 1855 г. первым иностранным судном, прошедшим через Татарский пролив. В Амурском лимане барк «Пальметто» встретил пароход «Джон Генкок», которым командовал Генри Стивенс, тот самый лейтенант, которому адмирал Джон Роджерс поручил выяснить, могут ли морские корабли ходить через Татарский пролив.

Лейтенант Стивенс, догадавшись, что «Пальметто» был проведен через пролив, поспешил побывать на барке. Тут-то у лоцмана Стивенс

⁸² P. B. Whittingham, *Notes on the Late Expedition Against the Russian Settlements in Eastern Siberia; and a Visit to Japan and to the Shores of Tartary and of the Sea of Okhotsk*, London, 1856, p. 98.

⁸³ L. Lindner, *Entdeckungsgeschichte der Insel Jesso und der Halb-Insel Sagalien*, — «Allgemeine Geographische Ephemeriden», Bd XXXVIII, 1812, S. 401.

⁸⁴ «Yankee-Surveyors in the Shogun's Seas: Records of the United States Surveying Expedition to the North Pacific Ocean 1853—1856», Princeton, 1947, pp. 55—56.

и увидел секретную русскую карту пролива. Он пожелал снять с нее копию, но ему в этом отказали. «Русские,— писал Стивенс commodору Роджерсу,— были весьма раздражены тем, что я держал карту, и после моего посещения она исчезла»⁸⁵. Когда пароход «Джон Генкок» бросил якорь в Амурском лимане, к Стивенсу в качестве представителя местного военного командования прибыл поручик Самохвалов. «Этому офицеру я сказал,— сообщал Стивенс,— что желал бы получить копию карты пролива, но он ответил, что не может предоставить мне ее, так как она является секретной»⁸⁶.

Позже Генри Стивенс обратился к контр-адмиралу В. С. Завойко «с официальной просьбой разрешить ему ознакомиться с низовьями Амура, а также, «если возможно, пройти через пролив Татарского залива»⁸⁷. Но вскоре началась штормовая осенняя погода и американцы вынуждены были изменить свои планы.

Довольно скоро, от американцев, о судоходности Татарского пролива узнали англичане. Первым, кто сообщил англичанам об этом в 1855 г. в Де-Кастри, был американский торговец Кушинг. От англичан узнали французы, и поэтому уже вскоре после окончания Крымской войны было принято решение русскую карту Татарского пролива впредь не считать секретной. Так, к 1856 г. уже весь мир смог узнать о судоходности Татарского пролива.

* * *

Из всего изложенного видно, что Г. И. Невельской отнюдь не был первооткрывателем Татарского пролива. Бесспорно, еще в середине XVII в., т. е. за два века до исследований Г. И. Невельского, русские уже знали о существовании пролива, отделявшего Сахалин от материка. Благодаря этим открытиям русских о существовании пролива еще в конце XVII в. смогли впервые узнать и географы Западной Европы.

В течение длительного времени (от середины XVII — до конца XVIII в.) никто в России не сомневался, что напротив устья Амура расположен крупный остров. Версия о том, что Сахалин будто бы является полуостровом, пришла в Россию из-за границы.

Первые географические чертежи с изображением Карафуто (Сахалина) в виде полуострова появились в Японии. Но благодарная почва для распространения в России версии о «полуострове Сахалине» возникла лишь после плавания Ж. Ф. Лаперуза 1787 г. и особенно В. Р. Броутона 1796 г. Под влиянием последнего И. Ф. Крузенштерн стал первым в России называть Сахалин полуостровом, а поскольку И. Ф. Крузенштерн пользовался во всем мире большим авторитетом, то в течение последующих четырех десятилетий многие стали называть Сахалин «полуостровом».

Это заблуждение отнюдь не было всеобщим, и ряд авторов продолжал считать Сахалин островом. Именно из-за этих разногласий и возникла необходимость начать новые исследования в Татарском проливе. Они были блестяще проведены Г. И. Невельским, который в 1849 г. смог не только окончательно опровергнуть легенду о полуострове Сахалине, но и впервые установить судоходность Татарского пролива (Мамия-Ринзо проблемой судоходности пролива вообще не интересовался, поскольку в те времена Япония не располагала большими морскими судами).

⁸⁵ Ibid., p. 149.

⁸⁶ Ibid., pp. 149—150.

⁸⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, д. 1159, л. 50.

Установление судоходности Татарского пролива имело для России большое практическое значение и еще большее — политическое. После того как стало очевидным, что существует реальная угроза проникновения заморских колонизаторов в пустующие районы Амура с южной стороны, русские моряки стали с еще большей энергией осваивать южные районы русского Дальнего Востока.

Таким образом, из всех исследований, проведенных в Татарском проливе, безусловно наибольшее значение имели исследования Г. И. Невельского. Но, воздавая должное этому талантливому русскому моряку, не следует умалять значение сведений о Татарском проливе, собранных русскими еще в середине XVII в. Нетрудно понять, что значение этих русских открытий XVII в. до сих пор принижалось в литературе из-за того, что сама история этих открытий была известна очень плохо. В какой-то мере в этом была повинна и замечательная книга Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855». Для многих она стала главным источником сведений по истории первоосвоения русскими южных районов Дальнего Востока. В этой книге, к сожалению, почти ничего не было сказано о том, какими сведениями о Татарском проливе располагали русские еще в XVII в., но зато читатели хорошо запомнили, как Г. И. Невельский гордо рапортовал Н. Н. Муравьеву 3 сентября 1849 г.: «Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможны для мореходных судов с севера и юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно»⁸⁸. Выражение «вековое заблуждение» невольно создало ошибочное впечатление у читателей, что будто бы до Г. И. Невельского Сахалин веками считался полуостровом. При таком понимании выражения «вековое заблуждение» нетрудно было пойти еще дальше — объявить Г. И. Невельского фактически единственным первооткрывателем Татарского пролива и, следовательно, отнести это открытие лишь к 1849 г.⁸⁹ А это оказалось весьма выгодным для тех, кому политически было важно провозгласить первооткрывателем Татарского пролива «предшественника Г. И. Невельского» — Мамя-Ринзо⁹⁰.

Таково происхождение двух историко-географических версий, несостоятельность которых и была показана в настоящей статье.

⁸⁸ Г. И. Невельский, *Подвиги...*, стр. 108. Из хранящегося в ЦГАВМФ (ф. 913, оп. 1, д. 336) «Журнала плавания военного транспорта „Байкал“ под командою 10-го флотского экипажа капитан-лейтенанта Невельского 2-го от Камчатки до Охотска (с 22 мая до 11 октября 1849 г.)» стало известно, что эта встреча Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьева произошла не 3 сентября, а еще 1 сентября 1849 г. (см. л. 69) и в его рапорте никакого упоминания о «вековом заблуждении» вообще не было.

⁸⁹ Очень важно отметить, что сам Г. И. Невельский отнюдь не считал себя первооткрывателем Татарского пролива. В самом деле, еще в 1864 г. Г. И. Невельский, упомянув о «японской зибольтовой карте» — модернизированной карте Мамя-Ринзо, которая была опубликована в 1851 г. Ф. Ф. Зибольдом, тут же напомнил, что русские еще в XVII в. знали о существовании «большого острова, отделяющегося от материка нешироким проливом» (Г. И. Невельский, *Обзор...* — «Морской сборник», 1864 г. № 6, Критика и библиография, стр. 25). Поэтому и свою заслугу в исследовании Татарского пролива он видел лишь в том, что смог первым установить, «для какого рода мореходных судов доступен вход в этот пролив, а это-то единственное важное обстоятельство. совокупно с подобным же вопросом об устье р. Амур — и не было разрешено» (там же).

⁹⁰ Мамя-Ринзо тоже не считал себя первооткрывателем Татарского пролива. Узнав (видимо, от В. М. Головкина), что в Европе стало распространяться ложное представление о Сахалине как о полуострове, Мамя-Ринзо не без гордости отметил в своем сочинении: «Татарскому заливу я снова вернул его прежнее наименование Татарский канал» (цит. по Ф. Ф. Зибольду. — *Б. П.*). Уже эта фраза ясно показывает, что сам Мамя-Ринзо хорошо знал, что еще до него географам всего мира уже было известно о существовании в этом районе «канала», отделявшего Сахалин-Карафуто от азиатского континента.

А. Г. Шпринцин

О РУССКО-КИТАЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В 1957 г. во втором (22) номере журнала «Przegląd Orientalistyczny», издаваемом в Варшаве Обществом польских востоковедов, была напечатана статья Алины Яблонской «Смешанный китайско-русский язык в Маньчжурии»¹. Эта работа является последней по времени в довольно длинном перечне статей и заметок о смешанной китайско-русской речи, опубликованных на протяжении почти полутора столетий². К сожалению, статья А. Яблонской при всех ее достоинствах не решает проблемы смешанной китайско-русской речи даже в чисто описательном плане. Таким образом, китайско-русский диалект³, несмотря на длительную историю его существования и на то, что он неоднократно привлекал внимание специалистов по общему языкознанию, представляя в этом отношении исключительный интерес, до сих пор научно не описан⁴.

Имеющиеся в литературе сведения о китайско-русском диалекте сводятся к случайным, отрывочным сообщениям путешественников или к несистематизированным замечаниям языковедов, как правило русистов, о тех или иных частных особенностях диалекта. Приводимые в этих публикациях примеры речи на диалекте малоудовлетворительны. Они случайны, записаны неточно, порой из вторых рук, не систематизированы и зачастую просто недостоверны. Научная ценность таких материалов незначительна, потому что авторы подобных работ не различают особенности устойчивые, массовые, свойственные диалекту как таковому, и особенности случайные, индивидуальные. Либо же, что еще хуже, путают диалект с обычными неправильностями русской речи, свойственными лицам данной национальности, плохо владеющим рус-

¹ A. Jabłońska, *Język mieszany chińsko-rosyjski w Mandzurii*, — «Przegląd Orientalistyczny», 1957, № 2(22), str. 157—168.

² Первая заметка была опубликована в журналах: «Московский телеграф», 1831, № 21, отдел «Смесь», «Письмо из Кяхты»; «Журнал Министерства народного просвещения», июнь 1835, стр. 567.

³ Мы пользуемся названием «китайско-русский диалект», ниже — просто «диалект», отнюдь не в качестве терминологического наименования, а потому что это название широко распространено в русской литературе вопроса.

⁴ И. А. Бодуэн де Куртэнэ, *О смешанном характере всех языков*, 1901; А. И. Томсон, *Общее языкознание*, Одесса, 1906, стр. 362; П. С. Кузнецов, *Примечания к книге: Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 302*; А. А. Реформатский, *Введение в языкознание*, М., 1967, стр. 520.

ским языком. Наконец, некоторые авторы, в их числе и А. Яблонская, смешивают такие разного порядка явления, как китайско-русский диалект и обычные при языковых контактах словарные заимствования, в данном случае русских слов в китайскую речь и наоборот.

От предшествующих публикаций работа А. Яблонской выгодно отличается тем, что она написана лингвистом-китаеведом⁵, способным учитывать в своем анализе данные общего языкознания и факты китайского языка, что позволило автору сделать интересные наблюдения и заслуживающие внимания выводы. Нельзя того же сказать о степени владения А. Яблонской материалами русского языка, и этот недостаток привел ее к ряду неверных суждений и к ошибкам в истолковании существенных языковых фактов. Кроме того, А. Яблонская, судя по всему, не знакома с работами предшественников, и в силу этого в ее статье отсутствует необходимая историческая и географическая перспектива⁶. Вот почему эта статья, несмотря на все ее плюсы, все же не дает представления о системе китайско-русского диалекта в целом.

Между тем систематическое описание китайско-русского диалекта вполне осуществимо, для этого еще 35 лет тому назад была собрана необходимая и достаточно полная лингвистическая документация. Анализ этой документации и характеристика основных особенностей китайско-русского диалекта и составляют содержание нашей статьи, предлагаемой вниманию читателя.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

В 1929 г. этнологическая секция Тихоокеанского комитета Академии наук СССР, председателем которой был известный советский китаевед акад. В. М. Алексеев, включила изучение китайско-русского диалекта в план своих работ, поручив это исследование автору настоящей статьи⁷. Видя конечную задачу намечаемого исследования в том, чтобы ввести данные диалекта в научный оборот общего языкознания, акад. В. М. Алексеев справедливо полагал, что подобная работа является сугубо синологическим предприятием, так как адекватное описание диалекта может быть получено только в результате исследовательской деятельности китаеведа-лингвиста. Намеченная в 1929 г. программа работы предусматривала сбор языкового материала и последующую его обработку в виде специальной монографии. Основные данные были собраны за период 1929—1930 гг., а обработка их была начата осенью 1930 г. в китайском кабинете незадолго перед этим созданного Института востоковедения АН СССР⁸.

В силу ряда обстоятельств обработка собранных материалов осталась незавершенной, но сами материалы, за исключением фонографических валиков и словарной картотеки, по-видимому погибших в годы

⁵ Из китаеведов о диалекте писал С. А. Врубель, *Русско-китайские языковые скрещения*, — «Культура и письменность Востока», сб. VII—VIII, М., 1931, стр. 131—140. См. также наш критический разбор этой статьи: А. Г. Шпринцин, *Китайско-русский диалект в освещении С. А. Врубеля*, — «Революция и письменность», М., 1932, № 1—2, стр. 103—118.

⁶ Критические замечания можно высказать по поводу социально-исторических обобщений А. Яблонской, но мы их сейчас не касаемся, так как эту сторону проблемы мы рассматриваем в специальной статье.

⁷ О начале исследования и о первых результатах проделанной работы см.: «Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г.», т. I, стр. 253; то же, «Отчет за 1930 г.», стр. 130.

⁸ См. «Производственный план АН СССР за 1931 г.», Л., 1931, стр. 91.

блокады Ленинграда, выдержали превратности времени, почти полностью сохранились и могут служить основой научного описания китайско-русского диалекта.

К 1929 г., когда была начата работа, история китайско-русского диалекта насчитывала, если брать за исходную точку первые упоминания в печати, не менее 100 лет. Несомненно, что диалект возник намного раньше, вероятнее всего в начале XVIII в. в пограничном с Монголией г. Кяхте, ставшем после заключения русско-китайского Кяхтинского договора (1728 г.) центром торговли России с Китаем. Во всяком случае, в первых упоминаниях о диалекте описывается именно китайско-русское (с элементами монгольского) наречие, сложившееся и применявшееся при торговых сношениях в Кяхте, откуда диалект и получил свое первоначальное название «Кяхтинское китайское наречие русского языка», «Маймачинское наречие»⁹. Возникнув в Кяхте, китайско-русское наречие распространилось впоследствии на восток вдоль русско-китайской границы вплоть до Приамурья и Приморья, а с постройкой КВЖД — и вдоль линии железной дороги.

Классификационное положение разновидностей языка, подобных китайско-русскому диалекту, до сих пор с определенностью не установлено: их считают либо продуктом языкового смешения, либо — другая крайность — не более как профессиональным жаргоном.

Доказательное суждение по этому вопросу требует детального изучения всех относящихся сюда данных. Требуется выяснить происхождение диалекта, его функцию и сферу применения, наконец, его строение, разумея под этим словарный состав, грамматические и фонетические особенности. Но, предваряя такое исследование, китайско-русский диалект можно было бы в первом приближении охарактеризовать как специальную и сугубо социальную форму речи, как особый социальный диалект русского языка, лингвистическое своеобразие которого заключается в том, что он сложился на почве контакта двух языков — русского и китайского. Известно также, что это «язык-посредник», вспомогательное, подсобное средство общения двух разноязычных групп, каждая из которых им пользовалась лишь для общения с носителями другого языка, но не внутри себя.

ОБЗОР СОБРАННЫХ ДАННЫХ

Описывая китайско-русский диалект, еще труднее, чем в обычных диалектологических исследованиях, установить границы изучаемого объекта, дифференцировав языковые факты и относящиеся к объекту

---

⁹ С. Н. Черепанов, *Кяхтинское китайское наречие русского языка*, — «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1853 г.», т. 2, стр. 370—377. В статье довольно обстоятельно и с примерами отмечены особенности кяхтинского наречия. Автор указывает на столетие к тому времени существования кяхтинского наречия (А. А. Александров, *Маймачинское наречие*, — «Русский филологический вестник», т. XII, 1884, стр. 260—264).

В связи со статьей Александрова в том же журнале (1884, т. XII, стр. 318—320) была опубликована заметка Г. Шухардта, известного, в частности, своими работами в области так называемых креольских языков. Г. Шухардт внес поправки в объяснения Александрова. (См. также «Маймачинское наречие», — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 35 (XVIII), 1896, стр. 381).

Иакинф Бичурин, объясняя в предисловии к книге «Китайская грамматика», 1835 г. (цит. по изданию 1908 г., Пекин, XIII), почему русские в Кяхте не изучали систематически китайский язык, писал: «Причина сему заключалась в том, что китайцы, употребляя при обращении с русскими искорверченное русское наречие, не в состоянии объяснить на оном и первых начал своего языка».

исследования и на факты, отношения к нему не имеющие. Поэтому перед наблюдателем стояла задача очень тщательного и строго документированного отбора языковых фактов, притом в количестве, позволяющем регистрировать особенности существенные и типические, отсеивая вместе с тем все единичное и случайное. 2500 карточек и свыше 300 страниц текстовых записей и комментариев, по-видимому, обеспечивали требуемую полноту первичных данных.

Основную и наиболее важную часть собранных материалов составляют записи свободной, как правило диалогической, речи, сделанные в условиях естественного речевого общения на диалекте вне какого-либо воздействия собирателя. Хотя такие записи не могли быть фонетически точными, однако они содержат вполне достоверные сведения о грамматических и лексических особенностях диалекта. Подобные записи разносились на карточки с пометами К (китаец) и Р (русский) и с кратким пояснением речевой ситуации. Другого рода данные, их можно было бы назвать экспериментальными, были получены путем специального опроса. Сюда относятся:

а) записи устного перевода с китайского языка отдельных слов и фраз;

б) запись отдельных слов и фраз, сделанная опрашиваемыми лицами, когда это было возможно, иероглифами или русскими буквами;

в) регистрация отдельных слов и предложений в фонетической транскрипции;

г) запись в фонетической транскрипции связных текстов разного размера и содержания: свободное высказывание, устный пересказ с китайского, перевод китайского текста.

Особого внимания заслуживают совершенно не описанные в литературе печатные свидетельства диалекта. Еще в 1853 г. С. Н. Черепанов упоминал в своей статье словари русского языка, написанные иероглифами¹⁰, и, говоря сейчас о печатных свидетельствах диалекта, мы имеем в виду именно такие словари-разговорники. Разговорники эти, называемые по-китайски *huaber*¹¹, существенно отличаются от изданных в Китае разнообразных самоучителей русского языка: самоучители, как правило, печатались типографским способом и состояли из китайского текста (слова, фразеология), аналогичного ему русского текста и иероглифической транскрипции последнего. Такая транскрипция, и это очень важно, передавала не звучание русских слов, а их орфографическое написание. Например, *sijiekalo* — стекло, *liekalisitewo* — лекарство. В отличие от учебников разговорники печатались исключительно литографским путем, с досок, а текст их был сплошь иероглифическим и состоял из китайских слов и фраз, расположенных по тематическим категориям, и их русских эквивалентов в иероглифическом же написании¹². Последнее отображало не орфографическое написание русских

---

¹⁰ «Для изучения этого (русского.— А. Ш.) языка составлен словарь русских слов, написанных китайскими иероглифами. Отсюда произошли и укоренились те не-правильности, которые отличают Кяхтинское наречие... За неизменность их на будущее ручаются словари, по китайскому способу книгопечатания, вырезанные на крепком дереве и отпечатанные для имеющих надобность учиться русскому языку» (С. Н. Черепанов, *Кяхтинское китайское наречие русского языка*, стр. 371).

¹¹ В нашей коллекции имеются две такие книжки: *Qing-E-hui-huaju-quan*; *Zhong-E tong-su hua-ben*. Здесь и везде дальше китайский текст дается в транскрипции китайским государственным алфавитом *Hanyu Pinyin*.

¹² Можно полагать, что книжки *huaber* продолжали многовековую китайскую традицию издания иноязычных словарей (см. работы Hirth'a об учрежденной при Минской династии переводческой школе и о словарях *Hua-yi-yi-yu*).

слов, а их звучание в китайском произношении, например, xigulo — стекло, ligasi — лекарство, sidayashina — настоящий.

Лексический состав разговорников довольно разнородный. В основном они фиксируют обиходную лексику с широким использованием русского просторечья, но в то же время содержат и слова чисто книжные, очевидно, заимствованные из каких-либо пособий по русскому языку (разум, законовед, столбовая дорога, пророк). Наконец, и это самое главное, разговорники в отборе слов и фразеологии, равно как в выборе парадигматической формы слов, отображают именно особенности диалекта. Так, глаголы представлены здесь обычно не в форме инфинитива, а в той, в какой эта форма известна из устного общения. Например:

китайское слово	русское слово (диалект)	
qilai	sidawaiya	вставай
chuqu	wuheji	уходи
zouba	subajyi	ступай
	bajiaomu	пойдем
huiqu	nazaji	назад (возвращаться)

Примеры фразеологии:

Ni you xifur meiyou?	duoya madamu yexi	Ты женат?
Ni bu zhidao	jibie yizinalya	Ты не знаешь
Wo bu nenggou	maya ni magu	Я не могу

Попутно с лингвистическими наблюдениями были сделаны фольклорные записи — шуточные рассказы, рифмованные подборки китайских и русских (диалект) слов, поговорки, каламбуры и т. п. Возникли эти устные произведения в китайской среде, язык их китайский, но содержание, как правило, отражает ситуацию, возникающую в связи с плохим знанием русского языка (диалекта). Любопытны случаи калькирования русских слов и особенно случаи народной этимологии, т. е. осмысления русских слов как китайских по ассоциации с фонетически сходными китайскими словосочетаниями¹³.

Упомянем в связи с этим еще и материалы по китайской диалектологии. Изучение китайского языка в плане диалектологическом (шаньдунское тухуа и его местные особенности) было предпринято тремя годами позднее (1932—1934) в связи с работой по латинизации китайской письменности. А. А. Драгунов изучал тогда фонетические особенности северошаньдунских диалектов¹⁴, тогда как автор настоящей статьи продолжал сбор материалов по лексике и фразеологии.

Такого рода данные, будучи в целом частью китайской диалектологии, могут объяснить ряд особенностей китайско-русского диалекта, скажем, выбор знаков при иероглифической записи слов диалекта. Например, транскрибирование первого слога в словах сахар, садись иероглифом, читающимся sha по-пекински, но sa по-шаньдунски. То же при транскрибировании последнего слога в слове 'хозяин' иероглифом, читающимся геп по-пекински, но uin по-шаньдунски. Другой пример: в числе китайского вклада в лексику диалекта имеется слово *латро* — 'старик', восходящее к китайскому laotou с эризованным последним слогом. Но «в шаньдунском диалекте эризованный элемент реализует-

¹³ Например, слово «ничего», употреблявшееся в речи китайцев между собой в том же наречном значении «ничего себе», но с добавочным каламбурным осмыслением как китайской фразы Ni chi wo, т. е. «ты ешь меня».

¹⁴ А. А. Драгунов, *Грамматическая система современного китайского языка*, Л., 1962, стр. 13 и далее.

ся в середине и даже в самом начале морфосиллабемы»¹⁵. Возможно, что это имеет место там, где китайский слог структурно состоит из инициали, представленной переднеязычным согласным, и финали — дифтонга. Например, *tangdɔ* монпансье' 'из *tang dou*. Отсюда в китайско-русском диалекте появилось *латро* из китайского *laotou*, но *лапыр* из китайского *laorog*.

Наконец, на отдельную картотеку (250 карточек) были вынесены записи своеобразной китайской речи, являющейся в меньшем масштабе аналогом китайско-русского диалекта. Явление это чрезвычайно любопытное и в специальной литературе, насколько нам известно, не описанное. А. Яблонская приводит несколько примеров подобной речи, но ошибочно относит их к китайско-русскому диалекту. Из наших наблюдений следует, что на таком неправильном китайском языке ведется диалог между китайцами и корейцами или между китайцами и русскими в тех случаях, когда предполагается, что некитаец понимает по-китайски. Например:

Китаец, продавая подержанную куртку корейцу: Не порвана, ты взгляни, ну совсем как новая; а где ты купишь новую?

Huaidi melyou, nidi kan, xindi yigeyang; xindi ni shang nar maila youdi?

Я уже зарегистрировался. Ответ китайца русскому переводчику, спрашивавшему его по-китайски:

Wodi mingzidi guahaodi youdi.

Wo bu chou yan — Я не курю, сказал китаец в ответ на вопрос, заданный ему по-китайски, и тут же добавил, как бы приспособливая свою речь к пониманию русского собеседника: *wodi chouyandi meiyou*.

Примеры А. Яблонской: *Nidi shemma chifan you?* Что ты ешь? при нормальном для китайского языка *Ni chi shemma* или *Nidi shemma kankan?* при нормальном для китайского языка *Ni kan shemma?*

В приведенных примерах все слова китайские, но оформление слов и их порядок китайскому языку не свойственные и, наоборот, характерные для китайско-русского диалекта, где, скажем, фраза *Wodi chouyandi meiyou* звучала бы примерно так: *мая гули нету*.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Выше уже говорилось, что предлагаемая работа имеет сугубо описательный характер, являясь не более чем обзором данных по китайско-русскому диалекту и, в частности, обзором **материалов исследований** 1929—1930 гг. Все же и в этом случае представляется необходимым сделать обобщения, охарактеризовав некоторые особенности диалекта и отметив ряд проблем, возникающих в связи с анализом этого своеобразного языкового явления.

Общие проблемы. Теоретическое истолкование имеющихся данных должно в конечном итоге способствовать ответу минимум на два вопроса общего порядка: в какой мере, если это вообще имеет место, к китайско-русскому диалекту применимо определение «смешанный» (язык, диалект, наречие, говор)? Чем объясняется специфика грамматических особенностей диалекта, влиянием китайского языка или же

¹⁵ Там же, стр. 31.

влиянием данной языковой ситуации, тенденцией к предельному языковому упрощению, действием правила «моя твоя не понимай»¹⁶.

Анализа требуют и частные особенности диалекта, например вопрос о том, есть ли в диалекте фонологические закономерности или же ему свойственны только фонетические, акустико-артикуляторные.

Фонетические особенности. Описывая фонетические особенности диалекта, следует отметить два обстоятельства: 1) фонетические особенности присущи не всем пользующимся китайско-русским диалектом (при разговоре на диалекте русские сохраняют произношение, свойственное им в обычной речи), а количество «деформированных» слов, употребляемых в таком виде всеми носителями диалекта, весьма незначительно; 2) не все из многообразных фонетических особенностей диалекта в одинаковой мере существенны для характеристики его специфики. Известно, что фонетические различия между китайским и русским языком представлены как различиями в артикуляции тех или иных звуков¹⁷, так и различиями в нормах сочетаемости звуков в слоге¹⁸.

Различия первого рода (артикуляционные) диалект фиксирует субституцией звуков, и можно полагать, что, за исключением замены русского раскатистого Р, субституцию саму по себе следует относить не к специфике диалекта, а скорее к тому, что принято называть иностранным акцентом.

Различия в сочетаемости звуков, вызывающие более глубокие изменения, диалект фиксирует двояко: либо выпадением — отпадением согласного при их стечении в слоге:

челá—'вчера', *сýши*—'слушать', *éси*—'есть', *капýса*—'капуста'¹⁹, либо же вставкой гласного в группу согласных и приставкой гласного в конце слога:

ча́са—'час', *до́му*—'дом', *со́ли*—'соль', *со́букэ*—'сопка', *гулуго́му*—'кругом'.

Нередко в одном слове, особенно многосложном, одновременно проявляются оба фонетических процесса, например, *ла́були*—'грабли', где налицо отпадение согласного, вставка главного, подстановка Л вместо Р. *Водзи* — 'гвоздь-гвозди', где налицо отпадение согласного в начале слова, замена губно-зубного В китайским полугласным W и замена палатализованных З и Д китайским среднеязычным J. Все это приводит к полной перестройке фонетической структуры русского слова, превращая его в этом отношении в сочетание слогов, структуры, свойственной китайскому языку. Для диалекта как такового существенно именно то, что перестраивает структуру слова, тогда как субституция играет в этом отношении второстепенную роль.

Сказанное выше важно еще потому, что фонетическая структура во многом влияет на состав лексики диалекта: выбор того или иного слова либо же той или иной формы слова из нескольких возможных опреде-

¹⁶ В. А. Звегинцев, *Очерки по общему языкознанию*, М., 1962, стр. 227—228, 231 и сл.

¹⁷ Так, в области консонантизма для русского языка характерно противопоставление по звонкости-глухости, а для китайского языка — по придыхательности-непридыхательности. Некоторые русские согласные, например В-З-Р, в китайском языке вообще отсутствуют.

¹⁸ Для русского языка характерна почти неограниченная сочетаемость при широком использовании стечения согласных в слоге и при наличии закрытых слогов, оканчивающихся на любой согласный. Для китайского языка характерна крайне ограниченная сочетаемость звуков при невозможности стечения согласных в слоге и наличии всего двух типов закрытых слогов (+п и +ng). В совокупности это, как известно, обуславливает специфическую структуру китайского слога и ограниченное количество их типов.

¹⁹ Здесь и, как правило, везде дальше мы для большей наглядности передаем слова диалекта в приблизительной русской транскрипции с обозначением ударения.

ляется тем, удовлетворяет ли данная форма указанным фонетическим условиям. Например:

норма	вошло в диалект
имя сущ. человек, люди конец, конца и т. д.	<i>люди</i> (для ед. и мн. числа) конец в форме <i>канѣца</i>
имя прилаг. плохой, худой	<i>худа</i> , реже <i>худой</i>
лич. местоим. он, она, их, им, его, ее	его в форме <i>ивѳ</i>
вопросит. местоим. кто, кого, кому, кем и т. д. что, чего, чем и т. д.	кому в форме <i>камѳ</i> чего в форме <i>чивѳ</i>
числит. один, одна, одно сто, двести, триста и т. д.	один в форме <i>адѳн</i> <i>сѳта</i> , <i>адин сѳта</i> , <i>дыва сѳта</i>
наречия где, куда здесь, сюда	<i>кѳда</i> <i>сѳда</i>

Монографическое описание диалекта должно содержать детальный анализ отмеченных фонетических процессов и особенностей. Важно, например, выяснить, подчиняется ли определенным закономерностям использование того или иного из указанных процессов.

Почему, скажем, при стечении согласных в одних случаях происходит вставка гласного (эпентез), а в других случаях выпадение согласного (дизрез), например, слово 'слушай' преобразуется в *сѳши*, а слово 'ключ' преобразуется в *гѳлючи*?

Почему из группы согласных выпадает тот, а не другой согласный звук? Какие именно гласные употребляются при эпентезе и от чего в том или ином случае зависит выбор того или иного добавочного гласного?²⁰

Какова роль силового ударения в образовании так называемых усеченных слов, например:

бѳсы — паспорт, *чѳди* — четверть, *абидзѳти* — обязательно, где отпадает или сокращается послеударная часть слова.

В 1930 г. влияние тональной системы китайского языка на фонетику диалекта не изучалось, и данных по этому вопросу в нашем распоряжении не имеется. А. Яблонская²¹, хотя и с оговорками, полагает, что в речи китайцев на диалекте слова тонально обозначены, в частности, отчетливо выражен третий китайский тон. Концепция А. Яблонской вызывает возражения, а приводимый ею единственный пример неубедителен и основан на неправильном истолковании лингвистических фактов.

Глагол 'хотеть' в диалекте употребляется в форме 'хочу' с ударением на первом слоге. По мнению А. Яблонской, смещение ударения на первый слог и связанный с этим переход от аканья к оканью (*хѳчу* вм.

²⁰ Как правило, гласные, разъединяющие группу согласных и преобразующие закрытый слог в открытый, представлены редуцированными а, у, и. Можно предполагать, что выбор того или иного из этих гласных обусловлен как характером основного гласного слога, так и характером согласного, предшествующего данному гласному. Например, *сѳму* — сам, *лѳбули* — рубль.

²¹ А. Jabłońska, *Język mieszany...*, str. 160—161.

хачу) объясняются влиянием третьего тона, под которым китайцы якобы произносят первый слог упомянутого русского слова (hao³), возможно, даже этимологизируя русское слово как китайское hao³chu — 'польза'. Дело, однако, здесь не в китайской тональности, а в том, что глагол 'хотеть' не имеет повелительного наклонения, этой основной глагольной формы диалекта. Следующей по распространенности является форма 2-го лица единственного числа настоящего времени (хочешь — не хочешь, как хочешь, почему хочешь), где ударение приходится на первый слог. А то, что лексической основой диалекта является русское просторечие, где широко используются формы 'хóчем, хóчете, хóчут', поддерживает употребление именно формы *хóчу*.

Грамматические особенности. Некоторые исследователи²² считают, что языковые разновидности типа китайско-русского диалекта характеризуются только специфическим составом своей лексики и не имеют своих особенностей в области фонетики и грамматики.

Материал китайско-русского диалекта не подтверждает эту точку зрения: из предшествующего изложения видно, что диалекту свойственны определенные фонетические особенности. Ниже мы приведем в кратком изложении данные, характеризующие специфику грамматических особенностей диалекта.

Его главной грамматической особенностью является полное отсутствие форм словоизменения. Это значит, что применительно к диалекту нельзя говорить о словах склоняемых, спрягаемых и изменяющихся по родам и числам. По общему правилу каждое слово диалекта, будь то существительное, прилагательное, местоимение или глагол, имеет всего одну форму²³, выбор которой определяется разными обстоятельствами, например фонетической структурой слова (см. выше), условиями общения и т. д.

Другой важной особенностью является отсутствие в диалекте служебных слов — союзов, предлогов, частиц, и это, естественно, сказывается на построении предложений, например:

<i>мáя вадá ни давáй</i>	Если я не буду возить воду, то с чего
<i>мáя чивó гуши</i>	я буду жить
<i>тибé мадáму ёси</i>	Если у тебя есть жена, то пусть не-
<i>пачинáй мáла-мáла</i>	много починит.

В ряде случаев вместо служебных слов употребляются знаменательные. Например, в диалекте имеется наречие 'как' (*кака живи* — 'как живешь'), но отсутствует союз 'как', в функции которого выступает слово *адинáка*, происходящее из русского наречия 'одинаково' и, очевидно, являющееся калькой китайского слова *yígeyang*: *сáхала адинáка* — 'сладкое, как сахар'.

Вместо союза *С* или словосочетания вместе с... употребляется слово *ганьбáньди*, происходящее из русского 'в компании с...', например:

нáша ивó ганьбáнди лаобóдай — я работаю вместе с ним²⁴.

Предлоги на, над, под, опускаются, например:

<i>вагúньна хадí</i>	поезжай на трамвае
<i>тилéга таскáй</i>	ношу на телегу.

Иногда вместо этих предлогов пользуются словами 'верх' и 'низ', например:

<i>сóбука нíзу живí</i>	живу под сопкой.
-------------------------	------------------

²² Р. А. Будагов, *Введение в науку о языке*, М., 1958, стр. 385.

²³ В отдельных случаях две: например, *твáя, тибé ты писáти, пиши́* — писать.

²⁴ С. Е. Яхонтов (личное сообщение) возводит это слово к китайскому *genbandi*.

В силу морфологических (отсутствие падежных форм) и фонетических (отсутствие стечения согласных в слове) условий диалект не фиксирует форм существительных с так называемыми беглыми гласными, например:

<i>адін мишб́ка</i>	один мешок
<i>2 мишб́ка</i>	2 мешка
<i>5 мишб́ка</i>	5 мешков
<i>замб́ка н́тула</i>	нет замка
<i>дыва́ кан́ца</i>	два конца.

Вопрос о наличии в диалекте специальных суффиксов существительных *-дза* и *-ка* очень спорен. А. Яблонская насчитывает три разряда таких суффиксальных образований (стр. 162):

а) корень с суффиксом или русским окончанием (*kapitana, mada-ma, maja*)²⁵;

б) русский корень с китайским суффиксом (создано русскими) *kurieza*-‘купец’+*zi*, *pičimoza*-‘ничего’+*zi*;

в) русский корень с китайским суффиксом (создано китайцами)

<i>gu-lie-cai</i>	= огурец	+ китайское <i>cai</i> (овощи)
<i>ku-li-cai</i>	= курица	+ китайское <i>cai</i> (пища)
<i>pa-la-wo-tsy</i>	= паровоз	+ <i>zi</i>

Ошибочность этих предположений видна из следующего: в первом случае налицо не суффикс, а обычное добавление гласного к слогу, оканчивающемуся на согласный (см. выше). В третьем случае (огурец, курица) соединяются не корень с суффиксом, а два корня — русский и китайский — по обычному для китайского языка принципу определенной связи. Главное же то, что такие слова относятся не к русско-русскому диалекту, а к явлениям местного диалекта китайского языка. См. ниже в разделе о «скрещенных» русско-китайских словах в местном китайском диалекте, образованных сочетанием китайского слова (определяемое) и русского слова (определение).

Что касается слов типа *куп́эза*, то, на наш взгляд, здесь, как и в ряде других аналогичных слов, окончание *-дза* объясняется не морфологически, а фонетически. Дело в том, что все такие слова оканчиваются на переднеязычный согласный (т, д, с, з, ц), которые в китайском произношении переходят в аффрикату *z*:

<i>куп́эдза</i>	— купец	<i>ма рад́эдза</i>	— молодец
<i>саод́эдза</i>	— солдат	<i>парав́бдза</i>	— паровоз
<i>параќбдза</i>	— пароход	<i>дзав́бдза</i>	— завод
<i>пады́мб́дза</i>	— подметка		

Происхождение суффикса *-ка* в словах типа *сы́нка*-‘сын’, *бра́тка*-‘брат’, *рабо́чка*-‘рабочий’ неясно. Любопытно, что этот суффикс прибавляется обычно к словам, относящимся к терминам родства или к так называемым *Nomina agentis*. Возможно поэтому суффикс *-ка* создан по аналогии со словами, обозначающими родственные отношения и оканчивающимися на *-ка*: мамка, тятка, батка, бабушка (в диалекте значит жена), дедушка, внучка, дочка, мужика (в диалекте значит муж).

У имен прилагательных, так же как и у существительных, отсутствуют формы падежа. Формы рода и числа не различаются, но, как по-

²⁵ Транскрипция А. Яблонской.

казывают примеры прилагательных с ударением на окончании, во всех случаях употребления прилагательных используется форма единственного числа мужского рода, например:

<i>балишбэй вэйдалб</i>	большое ведро
<i>дылугбэй лаоббда</i>	другая работа
<i>нилбэй бадзйнькэ</i>	гнилые ботинки.

У прилагательных с ударением на основе окончание *-ый* опускается и вместо него произносится редуцированный гласный типа *ы*. При наличии в русском языке пары из прилагательного и наречия того же корня диалект удерживает только одну форму по большей части, но не обязательно наречную. Например, из пары 'хороший — хорошо' диалект удержал слово 'хорошо' (с ударением на последнем слоге), например:

пила хаэриб лаоббдай хаэриб
когда пила хорошая, то и работать хорошо.

Прилагательные относительные, образованные от существительных, заменяются этими существительными, например:

<i>жылёдза дарбга</i>	железная дорога
<i>дзилибйчи дзавбдза</i>	кирпичный завод
<i>пабулбса гумакэ</i>	папиросная бумага
<i>лисыда жылёдза</i>	листовое железо.

Притяжательные прилагательные в диалекте отсутствуют. Местоимений в китайско-русском диалекте довольно много, но подобно существительным и прилагательным они не имеют форм рода, числа и падежа. В общем, можно перечислить следующие местоимения, используемые в диалекте:

Личные. Первое лицо ед. и мн. числа — *мая*, реже *наша*;
Второе лицо ед. и мн. числа — *твая*, *тибё*, *ваша*;
Третье лицо ед. и мн. числа — *ивб*.

Указательные. *Эйда* (это), *ивб*, реже *такбй*. Местоимение *тот*, *та*, *то* отсутствуют.

Вопросительно-относительные. *Каму* для всех форм местоимений 'кто' и 'чей'; *чивб* для всех форм местоимения 'что'. Предложения типа кто — тот, что — то строятся по образцу китайских, например:

<i>каму дзынай каму сыкаджй</i>	кто знает, тот и скажет
<i>чивб хбчу чивб бирй</i>	что х.чэшь, то и возьми.

Отрицательные местоимения. *Никаму* для слов никто, никого, ничей и т. д.

Определительные. *Сам(у)* для всех форм местоимений 'сам, сама, само'; *ибё* для слов 'весь, вся, все' и их производных. *Кашина* для слова 'каждый'.

В китайско-русском диалекте глаголы обладают наибольшим числом характерных особенностей. Ниже указаны лишь самые главные из них.

1. Глаголы не имеют формы лица, числа и времени.

2. Основной, но не единственной глагольной формой является форма второго лица единственного числа повелительного наклонения. Распространению именно этой формы способствовало то, что преимущественным способом общения на диалекте является диалогическая речь с широким использованием просторечья, а в этих условиях обращение к собеседнику обычно выражено именно в форме второго лица ед. числа повелит. наклонения.

3. В диалекте весьма распространены аналитические глагольные формы, представленные сочетанием смыслового глагола в форме повелительного наклонения с вспомогательным глаголом *быть* (формы *ёси, буду, реже была*) или же слова 'надо'. Сочетание смыслового глагола с последующим словом *ёси* может обозначать не только настоящее время, но также прошедшее и будущее, например:

<i>наша лаоббдай шибка далёка ёси</i>	я работаю очень далеко
<i>мая гэвалі ёси, тибé шйбука</i>	я говорил (что) тебе надо
<i>ланьче пулшибла ёси</i>	прийти пораньше
<i>мая думу сивонни канчай ёси</i>	я думаю, что сегодня кончу.

Аналогичные отрицательные формы образуются с помощью слова 'нету' и сочетаний 'не буду, не надо'. Все они ставятся после смыслового глагола и, как правило, в конце предложения.

4. Исклчительно широко используется формант *-ла*, наращиваемый на данную основную форму глагола, например:

канчайла, берйла, ламайла, пишйла, хочучла и даже *нétула*. Последнее, очевидно, калька китайского *тeйуола*.

Это объясняется совмещением в форманте *-ла* русского суффикса *-л-* (в китайском произношении *-ла*) с китайским видовременным показателем *-la*.

5. В речи китайцев на диалекте к русскому глаголу нередко прибавляется китайская модальная частица *-ба*, выражающая побуждение. Например:

берй-ба   возьми.

Синтаксические особенности диалекта. В своей статье А. Яблонская в общем довольно правильно охарактеризовала синтаксические особенности диалекта. Строй предложения, как отмечает она, скорее всего китайский, т. е. решающим фактором является твердый порядок слов в предложении. В ряде случаев порядок слов иной, чем в китайском языке, но, как пишет А. Яблонская, китайцы придерживаются его даже во фразах, составленных на родном языке (см. приведенный выше пример *Nidi shemta shifan you?*) Здесь, очевидно, имеется в виду та до сих пор не получившая объяснения особенность, что вспомогательный глагол *буду, ёси* в утвердительных предложениях и отрицания *нétу, ни на́да* в отрицательных предложениях стоят после смыслового глагола, как правило, в самом конце предложения, например:

<i>ивб шйбка канхбди хочу;</i>	он очень хочет работать
<i>тибé хбди на́да, дылугбй</i>	ты иди и не слушай, что
<i>лбди гэвалі сухала ни на́да;</i>	говорят другие
<i>пяти гбда ламай нétу;</i>	пять лет не испортится.

Лексические особенности. Существенные лексические особенности китайско-русского диалекта состоят, по представлению А. Яблонской, в следующем.

1. Словарный состав распадается на три части: а) русские слова, составляющие две трети всего состава лексики; б) китайские слова и в) специальные новообразования, составляющие вместе одну треть словарного состава диалекта.

2. Это, однако, не означает, что реальная речь на диалекте характеризуется такими же соотношениями, т. е. что в ней обязательно преобладают русские слова.

3. Для диалекта характерно наличие китайских и русских вариантов — синонимов, как пишет Яблонская, одного и того же слова, тот или иной из которых применяется в реальной речи в зависимости от ряда факторов, например: от степени знакомства с чужим языком, от способности восприятия и т. п. При этом, в противоположность ожидаемому, предложения с преобладанием русских слов употребляют не русские, а китайцы, тогда как предложениями с преобладанием китайских слов пользуются не китайцы, а русские. Объясняется это, по мнению А. Яблонской, тем, что «каждая из сторон стремится выразить свои мысли именно на чужом для себя языке, чтобы лучше быть понятой другой стороной» (стр. 166). Так, фраза «Как тебе не стыдно» может быть высказана:

- а) с использованием только русских слов — *Waša styna nietula*²⁶;
- б) с использованием только китайских слов — *Nidi lansi meiju*;
- в) с использованием слов обоих языков — *Nidi styna meiju*.

Собранные нами языковые данные не дают оснований для подобных выводов, и такое расхождение в истолковании одного и того же явления (диалект в целом), очевидно, объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, чисто местными особенностями той разновидности диалекта, которую описывает Яблонская (Маньчжурия, Харбин); во-вторых, тем, что А. Яблонская, как уже упоминалось выше, не проводит различия между китайско-русским диалектом как таковым и аналогичной ему по своей структуре китайской речью, имеющей свою сферу применения. Лингвистически китайско-русский диалект противопоставляется общераспространенному русскому языку, а как объект исследования является частью русской диалектологии. Китайский же аналог диалекта противопоставляется общекитайскому разговорному языку и должен быть предметом исследования китайской диалектологии.

Собранные нами данные позволяют охарактеризовать лексику китайско-русского диалекта следующим образом.

1. Основу словарного состава китайско-русского диалекта составляет обиходно-бытовая лексика русского языка с широким использованием разговорно-просторечных форм и областных (сибирских) слов. Примеры областной лексики: *шибко*—очень, *чушка*—свинья, *сопка*—гора, *ичиги*—род обуви, *катанки*—валенки, *займка*—хутор, небольшой поселок.

Примеры просторечья: *тятка*—отец, *мамка*—мать, *помер*—умер, *корявый*—рябой, *пристать*—устать, *парнишка*—мальчик, *ладно*—можно, *худо*—плохо, *поганий*—грязный, *гостинец*—подарок. Нередко просторечье сказывается и на фонетическом облике слов диалекта, например: *фатéла*—квартира, *гүфуня*—кухня, *гумáкэ*—бумага.

Здесь же можно упомянуть и так называемые семантические диалектизмы, т. е. употребление слов в значении, отличном от свойственного им в общераспространенном русском языке, например, *гулугóму*, из русского 'кругом'—повсюду, везде'; *ламáй* обозначает все виды повреждений предметов, как-то: испорчен, порван, разбит, поломан.

2. Китайский вклад в лексику диалекта значительно меньше приводимой А. Яблонской цифры в 20—25 процентов. Нами зарегистрировано около 60 китайских слов²⁷, причем сюда входят и слова, отмеченные всего по одному разу. Число же китайских слов, широко употреб-

²⁶ Транскрипция А. Яблонской.

²⁷ А. П. Георгиевский приводит список всего в 13 слов. (См. А. П. Георгиевский, *Русские на Дальнем Востоке*, вып. 3. Русские говоры Приморья,—«Труды Дальневосточного государственного университета», сер. № 7, Владивосток, 1928, стр. 67—75 Русско-китайский диалект).

ляемых в диалекте (*маманьди* — погоды, *тунтун* — все, *канходи* — работать, *дошачен* — почему, *фангули* — вывалиться, упасть, *шима* — что и т. п.), намного меньше этой цифры.

3. Заметную роль в лексике диалекта играют заимствования типа калек, например:

сónца-день, из китайского *gizi*

бáбушка-жена, из китайского *laorog*

чйшка-мяса-свинина, из китайского *zhugou*

кака фамили-как называется, из китайского *jiao shemma mingzi*

мáла-мала-немного, из китайского *shaoshao*.

Отметим несколько слов диалекта, которые А. Яблонская относит к словам неизвестного происхождения, но которые имеют своим источником областную лексику русского языка либо же китайский язык.

а) *Ушкан* — заяц. Приписывая этому слову неизвестное происхождение, А. Яблонская создает для него невероятную этимологию (стр. 162) предположительно из китайского *u(piao) czen ke* — безбилетный пассажир, т. е. заяц. На самом же деле все обстоит гораздо проще. Слово *ушкан* зарегистрировано как областное сибирское у Даля (т. IV, стр. 541); в словаре Ушакова (т. IV, стр. 1044) и в академическом «Словаре современного русского литературного языка» (т. 16, стр. 1175). В работе И. Н. Березина «Замечания о восточных словах в областном русском словаре» («Изв. Ак. наук», т. II, 1853, стр. 350), читаем: «Ушканчик, ушкан, Тат. тукшан, степной заяц».

б) *Карабчй* — стащить, украсть. По А. Яблонской, слово неизвестного происхождения, по А. П. Георгиевскому — китайское. Между тем слово *карабчи* в том же значении приведено в словаре Даля (т. II, стр. 90).

в) *Кантрамй* — умереть, умертвить. По объяснению акад. В. М. Алексеева (устное сообщение), это слово восходит к китайскому словосочетанию *kan tou ma?*, отрубить голову. Учитывая переход *tour* в *tro* (см. выше) и, следовательно, *kan tou ma* в *kantroma*, это объяснение можно считать вполне правдоподобным.

г) *Шанго* — хороший, обычно в сочетании *шибко шанго* — очень хорошо. Русские считают это слово китайским, а китайцы — русским. Точное происхождение слова действительно неизвестно, но, по-видимому, оно восходит к китайскому *shang hao* в том же значении (см. П. С. Попов, *Русско-китайский словарь*, Пекин, 1896, стр. 225), лучший — *шангао*; см. также китайский алфавитный словарь («*Hanyu pinyin shihui*», Пекин, 1964, стр. 420).

В заключение этого раздела остановимся на одном явлении, хотя и не относящемся непосредственно к лексике китайско-русского диалекта, но в какой-то мере с ней связанном. Речь идет о заимствованиях русских слов в устную китайскую речь. Наблюдения показывают, что число подобных заимствований много больше приводимого в словарях и специальных работах²⁸. В устную речь заимствуются не только слова — обозначения новых предметов, но зачастую и слова, для которых в китайском языке имеются свои соответствия, например: *mashén*, *ma-shilí* — машина, *máxi* — мастер, *sidagáng* — стакан, *dúmu* — думать. Любопытно, что последнее из указанных слов принимает китайские грамматические суффиксы, как-то: *dúmuzho* — думаю, *dúmubuchulái* — не придумая.

²⁸ Например, книга Гао Мин-кая и Лю Чжэн-таня «*Xiandai Hanyu wailaici yanjiu*» («О заимствованных словах в современном китайском языке», Пекин, 1958); диалектологические сборники «*Fangyan Yu Putonghua Jikan*», вып. 2, 3 и 6, посвященные шаньдунским и северо-восточным диалектам.

Особо следует отметить заимствования, структура которых представляет собой сочетание китайского и русского слова — нередко синонимов, соединяемых по характерному для китайского языка принципу определительной связи, где русское слово является как бы определяющим и стоит на первом месте, а китайское слово, являющееся определяемым, стоит на втором месте. Примеры:

xiemuzir — аналог китайского kuihua zi-семечки, из русского сем(y) + +китайское zir семечки;

bazashir-базар, из русского база(p) +китайское shi — базар; qiong bazashir-барахолка;

subutang-суп, из русского суп +китайское tang — суп;

ilisitang-ирис, из русского ирис +китайское tang — сахар;

liebagar-сухари, из русского хлеб (леба) +китайское gang, gar — сухой²⁹;

Shuiwozi-водовоз, из китайского shui — вода и русского воз.

Заканчивая на этом предварительное описание основных особенностей китайско-русского диалекта, не могу не вспомнить с чувством глубокой благодарности академика Василия Михайловича Алексеева, инициатора и руководителя исследования китайско-русского диалекта, а также талантливого китаевода, преподавателя Московского государственного университета, безвременно скончавшегося в 1964 г. в Москве товарища Чжоу Сун-юаня, помощь которого 35 лет тому назад немало способствовала успешному сбору описываемых данных.

---

²⁹ См. также В. С. Стариков, *Материальная культура китайцев Северо-Восточных провинций КНР*, М., 1967, стр. 113—114.

И. С. Вдовин

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ «АЛЕУТ»

Вопрос о происхождении названия «алеут» уже неоднократно поднимался в научной литературе, он имеет свою историю, которую и хотелось бы напомнить в общих чертах.

Самоназвание алеутов — «унанган». Никак не связанное по происхождению с этим самоназванием название «алеут» заинтересовало исследователей, которые пытались выяснить, как возникло это слово и от какого языка произошло.

Первые русские встретились с алеутами в 1741 г. и называли их «американцами». Это произошло на Шумагинских островах во время известной экспедиции Витуса Беринга и Алексея Ивановича Чирикова, после того как судно «Св. Петр» бросило якорь около одного из островов этого архипелага. Называя обитателей этих островов «американцами», Г. Стеллер¹ и С. Ваксель² — участники этого плавания — как бы подтверждали то обстоятельство, что судно В. Беринга «Св. Петр» действительно достигло северо-западного побережья Америки — главной цели экспедиции.

Название «алеуты» впервые упоминается в документе Большерецкой канцелярии от 1747 г. — в донесении ниже-камчатского приказчика: «Отпущенный в 1745 году в морской вояж на неизвестных острова именно *алеуцких* (курсив мой. — И. В.), Беляев с товарищи»³.

А. Полонский — собиратель архивных сведений о русских плаваниях к Алеутским островам — пытался выяснить происхождение названия «алеуты». Он полагал, что оно возникло при следующих обстоятельствах: М. Неводчиков в 1747 г. вывез с острова Атту на Камчатку алеутского мальчика, от которого были получены некоторые сведения об алеутах. В одном из своих рассказов он сообщил: «Слыхал он от стариков своих, что сотворил небо, море и землю и человека, живущий на небеси, на их языке Алеукста-Агудах». А. Полонский считал, что слово «алеукста» «могло служить поводом названия [алеут], которое укоренилось с первого похода промышленников на острова. К такому заклю-

¹ G. W. Steller, *Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering*, Bd 5, Neue Nordische Beiträge, 1793, S. 76.

² С. Ваксель, *Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга*, Л.—М., 1940, стр. 64, 65 и др.

³ Архив ВГО. ф. Б. V. 3, А. Полонский, *Промышленники на Алеутских островах (1743—1800)*, л. 27.

чению ведет то, что название это произошло вскоре по возврате в Камчатку первых промышленных с Атту и Агатту, населенных, по их первому донесению, неизвестным чукотским народом»⁴.

Л. С. Берг, который подробно останавливается на истории вопроса о происхождении названия «алеуты», по поводу вышеприведенного сообщения А. Полонского писал: «Что значит „алеукста“, мне неизвестно: „агудах“ же, точнее „агугу“, у атхинских алеутов было обозначением творца вселенной (Вениаминов, III, стр. 2; у уналашкинских алеутов — „агугук“, Вен., II, стр. 119). В. И. Иохельсон любезно сообщил мне, что у всех алеутов „агудах“ значит „делатель“, творец же — „агугух“, от какого-то слова „агугу“ есть притяжательный падеж. Значение слова „алеукста“ темно для В. И. Иохельсона; окончание его не алеутское; очевидно, слово искажено»⁵. Как видно, знаток и исследователь алеутского языка В. И. Иохельсон не считал возможным присоединиться к догадке А. Полонского, и, видимо, не без оснований. Он не нашел никакого алеутского слова, которое было бы близко по звучанию слову «алеукста».

И. Вениаминов тоже не мог дать объяснения происхождению названия «алеут». Он высказал лишь предположение, скорее догадку, что оно могло возникнуть у русских при следующих обстоятельствах: увидев русских, алеуты якобы обращались друг к другу с вопросом «алик-уая» или «алиуая?» — «что это?». Будто и на вопросы русских, обращенные к алеутам, они отвечали тем же вопросом «алик-уая?». Отсюда будто бы и произошло русское название «алеут»⁶. Возможность происхождения этого названия таким путем маловероятна.

В. Н. Дол, ссылаясь на Енгеля, писал, что название «алеут» равнозначно чукотскому слову «aliat» — 'остров'. Он считал, что ранние русские исследователи Камчатки слышали, как чукчи называли «aliuit» обитателей о-вов Диомиды. Когда русские встретили людей на Алеутских островах, то предположили, что это были те же обитатели, которых чукчи называли «aliuit» и поэтому называли их уже знакомым чукотским словом [aliuit], а затем переделали в алеут⁷. В этой версии неверно основное исходное положение. Слова «aliat» в чукотском языке нет. 'Остров' по-чукотски называется «илир». 'Житель острова', 'островитянин' — илитльэн. Как видно, чукотское слово «илир» — 'остров' не имеет ничего общего с «aliat». Следовательно, эта догадка тоже отпадает.

Можно было бы предположить другой источник происхождения названия. В XVII—XVIII вв. и позднее в русских документах и русской литературе часть сибирских эскимосов называли чукчами. Отсюда можно было бы предположить, что это название эскимосского происхождения. Однако ни в одном из диалектов языка сибирских эскимосов нет ни такого, ни близкого по звучанию слова со значением 'остров'. Следовательно, и это предположение также отпадает.

Таким образом, догадка, высказанная Енгелем и поддержанная Далом, — плод глубокого заблуждения ее авторов.

Еще большим недоразумением представляется предположение, высказанное тоже американским исследователем Р. Якобсоном. Он полагает, что «алеут» происходит от испорченного русскими племенного наз-

⁴ Там же.

⁵ Л. С. Берг, *Открытие Камчатки и экспедиции Беринга*, М.—Л., 1946, стр. 225.

⁶ И. Вениаминов, *Записки об островах Уналашкинского отдела*, ч. 2, СПб., 1840, стр. 2.

⁷ «Handbook of American Indians North of Mexico», pt 1, Woshington, 1912, p. 36.

вания коряков «Aljutor»⁸. Как и при каких обстоятельствах произошло искажение названия 'алютор', 'алюторец' в 'алеут', Р. Якобсон ничего не пишет. Безосновательность этой догадки очевидна. 'Алюторы', 'алюторцы' — в русских документах, а после выхода в свет известного труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (СПб., 1755 г.) и в другой литературе — всегда строго связываются с определенной частью коренного населения восточного побережья Камчатки, от селения Тымлат на юге до мыса Олюторского на севере. Свое название эта группа коряков получила от одного из поселков, расположенного в глубине залива Корфа, — Алют (на картах селение Олюторское). Оно находит объяснение в эскимосском языке и, по-видимому, происходит от эскимосского слова «alutora» 'заколдованное место'⁹. Такое, на первый взгляд, странное название селения вполне вероятно. В топонимике северо-востока Сибири встречаются аналогичные. Так, полуостров Тайгонос (в северо-западной части Охотского моря) получил свое название от корякского «тайн'ылот» — 'запретная, греховная земля' (от основ «тайн'» «нытайн'кэн» — 'запретный', 'греховный' и «нутэ» /«нота» — 'земля').

Итак, ни один из предложенных вариантов происхождения названия «алеут» не является научно обоснованным и, следовательно, убедительным.

При исследовании этого вопроса следует учитывать обстоятельства, которые способствовали успешному продвижению землепроходцев на восток Сибири, и не только продвижению, но и первому знакомству с географией новых районов и с их коренным населением. Общеизвестно, что землепроходцы пользовались услугами «вожей» (проводников) и толмачей (переводчиков), которые выбирались из представителей местного населения. Проводниками и переводчиками русских, следовавших сухим путем с Колымы на Анадырь в 1650 г., были юкагиры; прианадырские юкагиры сопровождали и В. Атласова, следовавшего в 1697 г. на Камчатку. «Вожи» и толмачи сообщали русским первые данные о жителях новых мест, их названия, которые существовали в языке толмачей-проводников. Среди участников экспедиции В. Беринга также были толмачи, один был переводчиком с корякского языка, другой — и с корякского и с чукотского¹⁰. Судя по сведениям С. Вакселя и Г. Стеллера, переводчиками были чукча¹¹ и коряк¹². Это весьма важное обстоятельство, которое имеет решающее значение для установления происхождения и языковой принадлежности названия «алеут».

Слово «алеут» явно чукотско-корякского корня. Вероятнее всего, оно происходит от основы (корня) *элев/áляв*: *эчев/áчав* (другой фонетический вариант того же значения) — 'обвязать, обмотать вокруг объемный предмет' (голову, туловище, груз на нарте и т. п.) чем-то твердым, упругим, например кожей моржа класть на нартах. Приведем примеры. Слово *чеуты-эчев* — 'головной убор в виде легкого обруча, сделанного из кожи моржа и украшенного вертикально прикрепленными пучками оленьих волос'. Этим головным убором чукчи пользовались во время праздника кита, буквально — 'головная обвязка'. Слово *увик-эчев* — 'широкий кожаный пояс, надеваемый на туловище правого упряжного оленя. К этому поясу пристегивался левый, еще плохо обучен-

⁸ Word, vol. VII, New York, 1951, p. 18⁹.

⁹ Schultz-Lorentzen, *Dictionary of the West Greenland Eckimo Language*, Copenhagen, 1927.

¹⁰ С. Ваксель, *Вторая Камчатская экспедиция...*, стр. 142.

¹¹ Там же, стр. 62, 64.

¹² G. W. Steller, *Reise...*, S. 67.

ный ходить в упряжке олень', буквально — 'туловища обвязка'. Слово *элевыт* — спаренные, связанные параллельно два долбленных челнока (для большей устойчивости на воде и большей грузоподъемности) при помощи палок, расположенных поперек челноков', буквально — 'те, которые связаны вместе', составляют нечто целое. То же значение этой основы и в корякском языке.

Итак, современное слово «алеут», «алеуты» — русская адаптация чукотско-корякского слова, в основе которого лежал корень *эле/аляв*.

Сейчас можно высказать лишь несколько предположений относительно того, каким путем образовалось это слово.

Возможно, первоначально было название *аляв-выттэ* — 'те, которые имеют [на голове] привязанные оботы с ветками'. Как известно, головные уборы алеутов состояли из деревянных шляп. Увидев алеутов с этими деревянными головными уборами, украшенными перьями, усами сивуча, переводчики чукчи или коряки издали могли принять эти головные уборы за украшения из веток растений, прутьев. Поэтому и называли их *аляв-выт-тэ*. В русской адаптации это слово сократилось и превратилось в «алеут».

Могло произойти и иначе. Алеут, сидящий в байдарке и прочно соединенный с ней у отверстия — сиденья, кстати имеющего деревянную обивку, обтянутую кожей, мог навеять переводчикам такую ассоциацию, как *эле-ыт* (корякское произношение *алявыт*), т. е. 'которые связаны, соединены прочной обвязкой с байдаркой'. Такой описательный характер названия народности вполне закономерен. В основу брались такие внешние признаки, которые поражали своей необычностью. Первых русских мореплавателей чукчи, например, называли «лелютвыльыт» (буквально — 'бородатые байдарщики', из этого образовалось слово «лелютвыт» со значением 'шхуна'), очевидно, потому, что русские тогда не брили бороды и усов, сами же чукчи их выщипывали и были «пустобороды» (так их называли ранние русские источники).

Как видно, обычай давать название народу по какому-то чисто внешнему признаку принадлежит не только чукчам. История знает много аналогичных примеров. Так, первые голландские поселенцы в Южной Африке целую группу местных племен называли «бушменами», т. е. людьми кустов, зарослей и т. п. Следовательно, описательный характер происхождения названия «алеут» в чукотско-корякских языках вполне закономерен и вероятен.

Возникает другой вопрос. Когда появилось это название впервые: во время экспедиции В. Беринга или раньше? В этой связи следует рассказать хотя бы вкратце одно историческое предание коряков-алюторцев. Речь в нем идет о событиях 1715 г., датируемых так точно по русским документам¹³. На берегу залива Корфа, при впадении р. Авьи (на старинных русских картах р. Алюторка), находился корякский Алюторский острожек. Его жители отличались воинственностью и непримиримостью к соседям. В 1715 г. при участии прианадырских юкагигов и при помощи коряков соседнего Култушинского острога казаки обложили Алюторский острог. После нескольких недель осады жители этого острога бежали из него темной ночью на двух байдарках. Первоначально они остановились на острове Карагинском, но там не ужились и, покинув его, двинулись далее на юго-восток «Алявытыльэты», т. е. на Командорские острова. Так гласит предание.

Хотелось бы выяснить, откуда у коряков-алюторцев появилось наз-

¹³ «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II, 1713—1724, СПб., 1885, стр. 53—58, 73—80.

вание «Алявытылгыт» — Командорские острова, если до экспедиции В. Беринга (1741 г.) алеуты и Алеутские острова вообще не были известны? Быть может, рассказ о бегстве коряков-алюторцев к Алеутским островам в 1715 или 1716 г. — более позднее добавление к этому преданию. Для такого утверждения нужны доводы. А если нет, то можно предположить, что алеуты были известны корякам-алюторцам еще до того, как русские начали свои плавания к востоку от Камчатки. На самом деле, откуда же в якутском диалекте коряцкого языка оказались слова алеутского звучания с тем же значением, что и в алеутском¹⁴?

Вероятно, были правы Г. В. Стеллер¹⁵ и С. П. Крашенинников, полагавшие, что «„американцы“ (так Г. Стеллер называл алеутов. — И. В.) имели некогда с камчатскими народами сообщение»¹⁶. Поводом для такого рода заключений послужила удивительная близость целого комплекса предметов материальной культуры и быта алеутов с «камчатскими народами».

Точки зрения азиатского происхождения алеутов придерживался и И. Вениаминов¹⁷, его поддерживал Л. И. Шренк¹⁸ и др. Теперь установлено, что в топонимике восточного побережья Камчатки имеются несомненные следы эскимосского¹⁹, а может быть, и алеутского происхождения, и представляются вполне допустимыми весьма давние контакты населения Тихоокеанского побережья Камчатки с алеутами, а отсюда и более раннее происхождение названия «алеут» в языке коряков.

---

¹⁴ И. С. Вдовин, *Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков*, — «Сибирский этнографический сборник», т. III, М. — Л., 1961, стр. 62—63.

¹⁵ G. W. Steller, *Reise...*, S. 73.

¹⁶ С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, М. — Л., 1949, стр. 179.

¹⁷ И. Вениаминов, *Записки об островах Уналашкинского отдела*, ч. 1, СПб., 1840, стр. 108.

¹⁸ Л. И. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, т. I, СПб., 1883, стр. 261.

¹⁹ И. С. Вдовин, *Эскимосские элементы...*, стр. 37.

М. В. Воробьев

ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЙ КЛАД МОНЕТ ИЗ ПРИМОРЬЯ

Летом 1960 г. у села Афанасьевки Кировского района Приморского края при рытье канавы был найден клад старинных монет. Канавка вскрыла часть старого русла реки, дойдя сквозь два наносных слоя песка, разделенные слоем ила, до гравия, образовавшего некогда ложе реки. Монеты были найдены в слое ила довольно компактной массой — на пространстве $1,5 \times 2,0$ м. Никаких следов вместилища для монет (сосуда и т. п.) не обнаружено. По-видимому, они попали в реку случайно. Если бы они были закопаны преднамеренно в мелководье или же на косе, то оказались бы в слое песка. Видимо, их выронили в воду с лодки, возможно, в легком кошелье, они зарылись в ил, где их занесло верхним слоем песка. Таким образом, эти монеты, по всей видимости, не копились предварительно некоторое время, а все без исключения являлись монетами из обращения.

После того как сведения о находке дошли до Приморского краевого музея им. В. К. Арсеньева во Владивостоке, на место выехал сотрудник музея Ю. М. Дегтярев. Им были собраны у населения и на месте 132 монеты, ныне находящиеся в музее. Некоторое количество монет, по-видимому, разошлось по рукам.

Это первый в Приморье клад средневековых монет, уцелевший в большей части. Ниже мы даем их описание и определение¹.

Все монеты круглые, с квадратным отверстием в центре, с ободком по краю монеты и по краю квадратного отверстия, все надписи рельефные и гурт повсюду гладкий. Легенда на монетах написана разными почерками. Это чжуань — старинная вязь, бафэнь — сильно упрощенный чжуань, лишу — «деловой почерк», чжэньшу — «настоящий почерк», или устав, синшу — «ходовой почерк», или курсив. Легенда состоит из четырех иероглифов, читающихся одним из двух способов: верхний, нижний, правый, левый — крестообразное чтение, или верхний, правый, нижний, левый — чтение по часовой стрелке. Средневековые монеты на Дальнем Востоке не имели фиксированного паритета. Единицей монетного обращения была мелкая медная разменная монета (цзянь, чох, кэш). Более крупные монеты приравнивались к 1, 2, 3, 10 мелким. Монеты выпускались в течение всего периода годов правления императо-

¹ Дин Фу-бао, *Лидай гуцянь тушо* («Альбом древних монет по эпохам с объяснениями»), Шанхай, 1940 (на кит. яз.) (принятое сокращение — Д); St. J. Lockhart, *The Stewart Lockhart Collection of Chinese Copper Coins*, Shanghai, 1915 (принятое сокращение — Л).

ра, обозначенных на них, хотя мы особо отмечаем первый год выпуска, как это делают исторические хроники.

1—5. *Л. ст.* Иероглифы легенды читаются крестообразно: «кайюань тунбао» («ходячая монета начала династии»). Почерк бафэнь. *Об. ст.* Гладкая. Д—25, д—7. М.² (Л, № 262; Д, л. 68-1). (Рис. 1).

6—7. *Л. ст.* Та же, что в № 1—5. *Об. ст.* Вверху над отверстием резной дугообразный знак. Д—24, д—7. М. (Л, № 274; Д, л. 68-1). (Рис. 2).

Монеты №№ 1—7 не содержат в легенде девиза годов правления (совпадение с названием девиза «кайюань» — случайно), выпускались с 621 г. с короткими промежутками в течение 340 лет. По всей вероятности, монеты №№ 1—5 отливались с 621 г. в правление императора Гао-цзу, а монеты №№ 6—7 — с 660 г. в правление императора Гао-цзуна династии Тан (618—907)³.

8. *Л. ст.* Иероглифы, исполненные почерком чжэньшу, читаются крестообразно: «тайпин тунбао» («ходячая монета годов тайпин [синго]»). *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—6. М. (Л, № 366; Д, л. 84-2). (Рис. 3).

Она выпущена в годы правления тайпин-синго (976—983) при императоре Тай-цзуне династии Сун (960—1279)⁴. Это первая монета с обозначением годов правления на легенде, отлитая этой династией.

9—10 *Л. ст.* Иероглифы читаются по часовой стрелке: «чуньхау юаньбао» («основная монета годов чуньхуа»). Почерк чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—5. М. (Л, № 369; Д, л. 85-1). (Рис. 4).

Отливалась с первого года чуньхуа (990—994), т. е. с 990 г., в правление императора Тай-цзуна. Этой монетой открывается серия китайских монет, легенды которых, по преданию, воспроизводят императорский автограф.

11—16. *Л. ст.* Иероглифы читаются по часовой стрелке: «сяньпин юаньбао» («основная монета годов сяньпин»). Почерк чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Д—23, д—6. М. (Д, 85-2; Л, № 389). (Рис. 5).

Отливались с 998 г., т. е. с первого года сяньпин (998—1003) в правление императора Чжэнь-цзуна.

17—22. *Л. ст.* Иероглифы читаются по часовой стрелке: «сяньфу тунбао» («ходячая монета годов [дачжун] сяньфу»). Почерк чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Д—25, д—6. М. (Л, № 410; Д, л. 86-1). (Рис. 6).

Монеты выпускались с 1008 г., т. е. с первого года дачжун сяньфу (1008—1016) при императоре Чжэнь-цзуне. Образец легенды, по преданию, выполнен рукой императора.

23. *Л. ст.* Иероглифы, исполненные почерком чжэньшу, читаются по часовой стрелке: «тяньшэн юаньбао» («основная монета годов тяньшэн»). *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—7. М. (Л, № 422; Д, л. 87-1). (Рис. 7).

24. *Л. и об. ст.* Те же, что в № 23, но почерк чжуань. Д—24, д—6. М. (Л, № 426; Д, л. 87-1). (Рис. 8).

Монеты отливались с 1023 г., т. е. с первого года тяньшэн (1023—1031) императора Жэнь-цзуна.

25—26. *Л. ст.* Иероглифы, выполненные почерком чжуань, читаются по часовой стрелке: «цзинъю юаньбао» («основная монета годов цзинъю»). *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—7. М. (Д, л. 87-1; Л, № 431). (Рис. 9).

² Д — диаметр монетного кружка, д — диаметр отверстия. все в миллиметрах. М — медь.

³ Подробности об этой монете см. М. В. Воробьев, *К вопросу определения старинных китайских монет «кайюань тунбао»*, — «Эпиграфика Востока», вып. XV, Л.

⁴ Нижеописываемые монеты №№ 8—131 — сунские.

Монеты выпускались с 1034 г., т. е. с первого года цзинью (1034—1037) императора Жэнь-цзуна.

27—30. *Л. ст.* Иероглифическая надпись читается крестообразно. Почерк чжэньшу: «хуансун тунбао» («ходячая монета императорской Сун»). *Об. ст.* Гладкая. Д—23, д—7. М. (Д, л. 87-1; Л, № 433). (Рис. 10).

31—36. *Л. ст.* Та же, что в №№ 27—30, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—23, д—7. М. (Д, л. 87-2; Л, № 440). (Рис. 11).

Монеты этого типа отливались с 1039 г., т. е. со второго года баоюань (1038—1039), и до 1053 г., т. е. до последнего года хуанью (1049—1053) в правление императора Жэнь-цзуна, просуществовав в течение четырех девизов годов правления. Это первые сунские монеты, не содержащие в легенде наименования годов правления.

37. *Л. ст.* По часовой стрелке располагается надпись из четырех иероглифов: «чжихэ юаньбао» («основная монета годов чжихэ»). Почерк чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Наружные ободки широки. Д—24, д—6. М. (Д, л. 88-2; Л, № 452). (Рис. 12).

Отлита в годы чжихэ (1054—1055) императора Жэнь-цзуна.

38—40. *Л. ст.* Надпись исполнена почерком чжэньшу, читаются крестообразно: «цзяю тунбао» («ходячая монета годов цзяю»). *Об. ст.* Гладкая. Д—25, д—7. М. (Д, л. 89-2; Л, № 467). (Рис. 13).

41—42. *Л. ст.* Та же, что в №№ 38—40, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—25, д—7. М. (Д, л. 89-2; Л, № 468). (Рис. 14).

43—45. *Л. ст.* Надпись исполнена почерком чжэньшу, читается по часовой стрелке: «цзяю юаньбао» («ходячая монета годов цзяю»). *Об. ст.* Гладкая. Д—26, д—7. М. (Д, л. 89-2; Л, № 460). (Рис. 15).

Монеты №№ 38—45 отливались с 1056 г., т. е. с первого года цзяю (1056—1063) в правление императора Жэнь-цзуна.

46. *Л. ст.* Надпись читается крестообразно: «чжипин тунбао» («ходячая монета годов чжипин»). Почерк чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Д—23, д—6. М. (Д, 89-2; Л, № 479). (Рис. 16).

47—49. *Л. ст.* Надпись читается по часовой стрелке: «чжипин юаньбао» («основная монета годов чжипин»). Почерк чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Д—23, д—6. М. (Д, 89-2; Л, № 469). (Рис. 17).

50. *Л. ст.* Та же, что в №№ 47—49. *Об. ст.* Гладкая, но над отверстием рельефная точка. Д—23, д—6. М.

51—52. *Л. ст.* Та же, что в №№ 47—49, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—6. М. (Д, 89-2; Л, № 474). (Рис. 18).

Выпускались с 1064 г., т. е. с первого года чжипин (1064—1067) в правление императора Ин-цзуна.

53. *Л. ст.* Надпись почерком чжуань располагается по часовой стрелке: «синин чжунбао» («тяжелая монета годов синин»). *Об. ст.* Гладкая. Ободки широки. Д—28, д—6. М. (Д, 90-2; Л, № 530). (Рис. 19).

54—58. *Л. ст.* Та же, что в № 53. *Об. ст.* Гладкая. Монетный кружок мельче, Д—24, д—6. М. (Д, 90-2; Л, № 529).

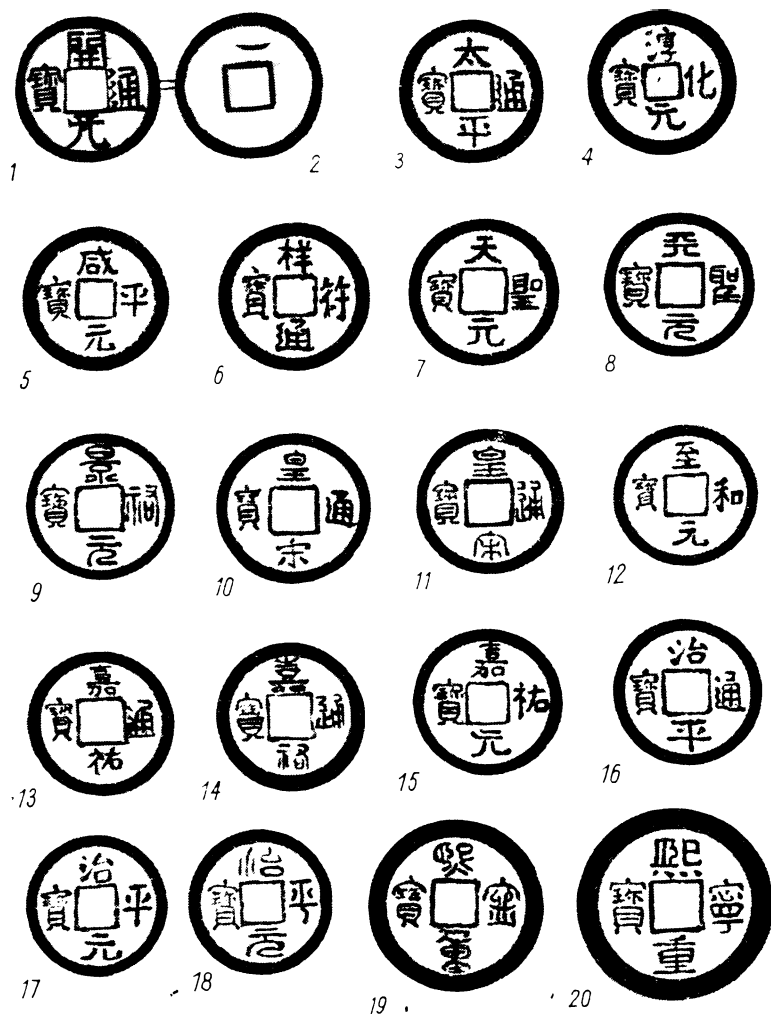
59—60. *Л. ст.* Та же, что в №№ 54—58, но почерк чжэньшу. *Об. ст.* Та же, что в №№ 54—58. Д—34, д—6. М. (Д, 90-2; Л, № 503). (Рис. 20).

Эти монеты, равные двум мелким, выпускались с 1071 г., т. е. с четвертого года синин (1068—1077) императора Шэнь-цзуна.

61—65. *Л. ст.* Надпись читается по часовой стрелке: «синин юаньбао» («основная монета годов синин»). Почерк чжэньшу. *Об. ст.* Гладкая. Д—23, д—7. М. (Д, 90-1; Л, № 486). (Рис. 21).

66. *Л. ст.* Та же, что в №№ 61—65, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—23, д—7. М. (Д, 90-1; Л, № 495). (Рис. 22).

Монеты №№ 61—66 отливались с 1068 г., т. е. с первого года синин (1068—1077).

Монеты из клада у села Афанасьевки. Рис. 1.
($\frac{1}{3}$ натуральной величины)

67—68. *Л. ст.* Надпись исполнена почерком синшу и читается по часовой стрелке: «юаньфэн тунбао» («ходячая монета годов юаньфэн»). *Об. ст.* Ободки широкие. Д—28, д—7. М. (Д, 31-2; Л, № 544). (Рис. 23).

69—72. *Л. ст.* Та же, что в №№ 67—68, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—28, д—7. М. (Д, 91-2; Л, № 561). (Рис. 24).

73—82. *Л. ст.* Та же, что в №№ 67—68, но почерк лишу. *Об. ст.* Гладкая. Монетный кружок мельче. Д—24, д—7. М. (Д, 91-1; Л, № 532). (Рис. 25).

83—86. *Л. ст.* Та же, что в №№ 69—72. *Об. ст.* Гладкая. Монетный кружок мельче. Д—24, д—7. М. (Д, 91-1; Л, № 541).

Монеты №№ 67—72 достоинством в две мелкие и монеты №№ 73—86 выпускались с 1078 г.—первого года юаньфэн (1078—1085) в правление императора Шэнь-цзуна. Мелкие монеты №№ 73—86 принадлежат к наиболее многочисленному выпуску монет династии Сун.

87—89. *Л. ст.* На поле иероглифы, исполненные почерком синшу, читаются по часовой стрелке: «юанью тунбао» («ходячая монета годов

юанью»). *Об. ст.* Гладкая. Д—30, д—8. М. (Д, 92-1; Л, № 578). (Рис. 26).

90. *Л. ст.* Та же, что в №№ 87—89, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—30, д—8. М. (Д, 92-1; Л, № 586). (Рис. 27).

91—98. *Л. ст.* Та же, что в №№ 87—89. *Об. ст.* Гладкая. Монетный кружок мельче. Д—24, д—7. М. (Д, 92-1; Л, № 575).

99—100. *Л. ст.* Та же, что в № 90. *Об. ст.* Гладкая. Монетный кружок мельче. Д—24, д—7. М. (Д, 92-1; Л, № 585).

Монеты №№ 87—100 выпущены в годы юанью (1086—1093) при императоре Чжэ-цзуне. По преданию, образец легенды изготовлен историком Сыма Гуанем. Монеты №№ 87—90 — достоинством в две мелкие монеты.

101—102. *Л. ст.* Иероглифы, выполнены почерком синшу, читаются по часовой стрелке: «шаошэн юаньбао» («основная монета годов шаошэн»). *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—6. М. (Д, л. 92-2; Л, № 600). (Рис. 28).

103—105. *Л. ст.* Та же, что в №№ 101—102, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—6. М. (Д, л. 92-2; Л, № 612). (Рис. 29).

Монеты №№ 101—105 отливались в годы шаошэн (1094—1097) при императоре Чжэ-цзуне.

106—107. *Л. ст.* На поле по часовой стрелке располагается надпись, исполненная почерком чжуань: «юаньфу тунбао» («ходячая монета годов юаньфу»). *Об. ст.* Гладкая. Ободки широкие. Д—30, д—6. М. (Д, л. 94-1; Л, № 637). (Рис. 30).

Эти монеты достоинством каждая в две единицы отлиты в годы юаньфу (1098—1100) при императоре Чжэ-цзуне.

108. *Л. ст.* Надпись почерком синшу читается по часовой стрелке: «шэнсун юаньбао» («основная монета священной Сун»). *Об. ст.* Гладкая. Ободки широкие. Д—29, д—6. М. (Д, л. 95-1; Л, № 647). (Рис. 31).

109—112. *Л. ст.* Та же, что в № 108, но почерк чжуань. *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—6. М. (Д, л. 94-2; Л, № 657). (Рис. 32).

Монета № 108 достоинством в две мелкие и монеты №№ 109—112 изготовлены в 1101 г., т. е. в год цзяньчжун цзинго императора Хуай-цзуна. Это вторая сунская монета с легендой, не включающей в себя годов правления.

113—114. *Л. ст.* На поле по часовой стрелке расположена надпись, исполненная почерком синшу: «чуннин тунбао» («ходячая монета годов чуннин»). *Об. ст.* Гладкая. Д—32, д—8. М. (Д, 96-1; Л, № 674). (Рис. 33).

Монеты достоинством в 10 мелких отлиты в годы чуннин (1102—1106) в правление императора Хуай-цзуна. По преданию, образец легенды написан императором.

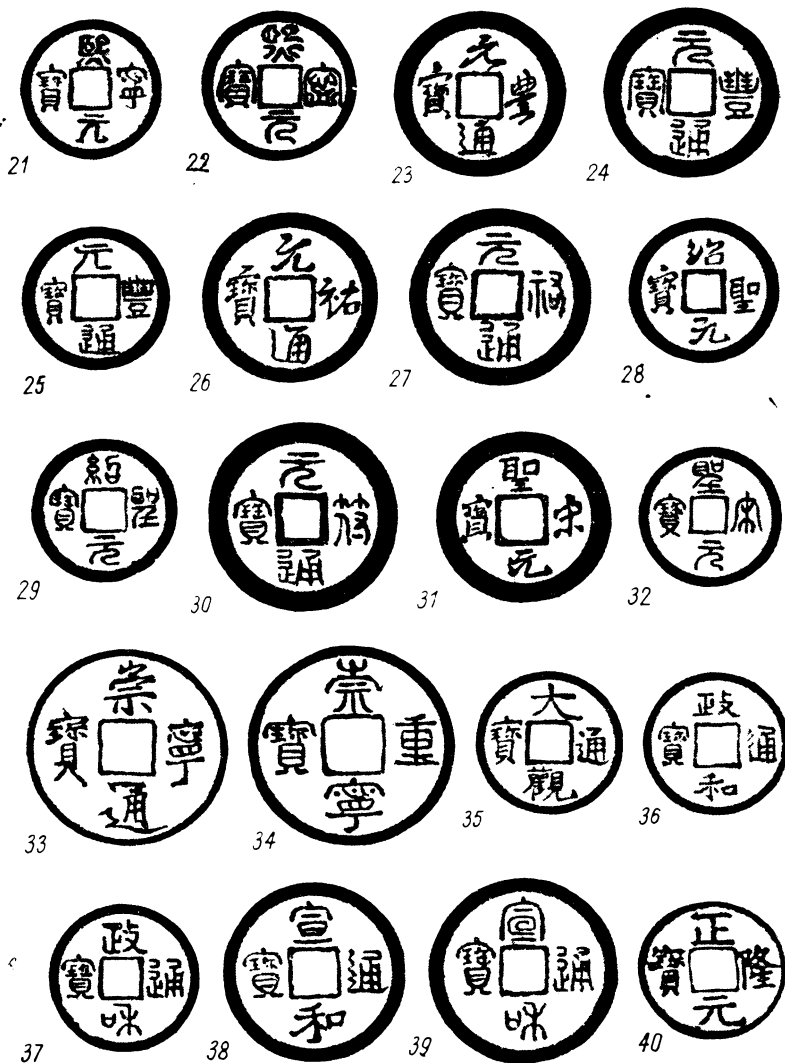
115—122. *Л. ст.* На поле надпись, исполненная почерком лишу, читается крестообразно: «чуннин чжунбао» («тяжелая монета годов чуннин»). *Об. ст.* Гладкая. Д—32, д—8. М. (Д, л. 96-2; Л, № 662). (Рис. 34).

Монеты выпущены в 1105—1106 гг., т. е. в конце годов чуннин (1102—1106), и равнялись десяти мелким.

123. *Л. ст.* Четыре иероглифа, выполненные почерком чжэньшу, читаются крестообразно: «дагуань тунбао» («ходячая монета дагуань»). *Об. ст.* Гладкая. Д—25, д—7. М. (Д, л. 97-1; Л, № 681). (Рис. 35).

Монеты выпускались с 1107 г., т. е. с первого года дагуань (1107—1110) в правление императора Хуай-цзуна, рукой которого, по преданию, выполнен образчик легенды.

124—125. *Л. ст.* Надпись, выполненная почерком лишу, читается крестообразно: «чжэнхэ тунбао» («ходячая монета годов чжэнхэ»). *Об. ст.* Гладкая. Д—24, д—7. М. (Д, л. 98-2; Л, № 689). (Рис. 36).

Монеты из клада у села Афанасьевки. Рис. II
($\frac{1}{5}$ натуральной величины)

126—127. Л. ст. Та же, что в №№ 124—125, но почерк чжуань. Об. ст. Гладкая. Д—24, д—6. М. (Д, л. 98-2; Л, № 709). (Рис. 37).

Монеты №№ 124—127 выпускались с 1111 г., т. е. с первого года чжэнхэ (1111—1117) в правление императора Хуай-цзуна.

128—130. Л. ст. Иероглифы выполнены почерком лишу: «сюаньхэ гунбао» («ходячая монета годов сюаньхэ»). Чтение крестообразное. Об. ст. Гладкая. Д—30, д—8. М. (Д, л. 101-1; Л, № 730). (Рис. 38).

131. Л. ст. Та же, что в №№ 128—130, но почерк чжуань. Об. ст. Гладкая. Д—30, д—8. М. (Д, л. 101-1; Л, № 745). (Рис. 39).

Монеты №№ 128—131 достоинством в две мелкие отливались с 1119 г., т. е. с первого года сюаньхэ (1119—1125) в правление императора Хуай-цзуна.

132. Л. ст. Надпись выполнена почерком чжэньшу и читается по часовой стрелке: «чжэнлун юаньбао» («основная монета годов чжэн-

лун»). Об. ст. Гладкая. Д—25, д—7. М. (Д, л. 134-1: Л, № 1008). (Рис. 40).

Эта монета выпускалась с 1158 г., т. е. с третьего года чжэнлун (1156—1160) в правление чжурчжэньского императора Хайлин-вана династии Цзинь.

Таким образом, наиболее молодой монетой клада является монета «чжэнлун юаньбао» (№ 132). По ней мы можем определить и приблизительное время его образования: по-видимому, после 1158 г., или вторая половина XII в.

Хотя все монеты клада, за исключением одной, китайские, принадлежность его определяется местонахождением. Он найден на территории, которая в XI—XIII вв. находилась во владении чжурчжэней и входила в состав их государства — империи Цзинь (1115—1234). На территории современного Приморья располагался округ Шуайбинфу (или Суйпиньфу), непосредственно подчиненный «дороге Верхней столицы» (Шанцзинлу), известный также под именем округа Хуайнинфу⁵. Об этом же свидетельствует находка местной чжурчжэньской монеты, довольно редкой за пределами владений Цзинь. Чжурчжэни долго не имели своих денег и даже после их появления широко пользовались китайскими.

Состав монет клада дает нам довольно любопытные сведения о характере денежного обращения в этих местах. Эти особенности станут нам еще яснее, если мы сопоставим монеты из Афанасьевки с находками из Байчэна⁶, расположенного несколько севернее Гирина и до конца Цзинь известного под именем Шанцзина — «Верхней столицы» чжурчжэней.

Анализируя таблицу можно заключить, что в Афанасьевском кладе монеты выпусков до первой половины XI в. (до 1055 г.) относительно малочисленны (цифры отклонений почти все с минусовыми отметками). В то же время монеты со второй половины XI до первой четверти XII в. (1056—1125 гг.) сравнительно многочисленны (плюсовые отметки). Более поздние китайские монеты в кладе из села Афанасьевки отсутствуют, несмотря на то что есть единственная местная монета № 132, выпущенная спустя 30 с лишним лет после последних китайских монет клада (№ 128—131). Еще лучше иллюстрируют это положение следующие цифры: монеты до 1056 г. в Байчэне составляют 314 штук, или 43% коллекции, в Афанасьевке — 37 штук, т. е. 27% клада.

Чтобы лучше уяснить себе причины преобладания китайских монет второй половины XI в. в Байчэне и особенно в Афанасьевке, необходимо вспомнить общие положения денежного обращения в государстве Цзинь. Денежная система государства чжурчжэней прошла три этапа развития. Первый период охватывает время от образования государства до появления собственных денежных знаков (1115—1154 гг.) Чжурчжэни пользовались в это время киданьскими, китайскими монетами, в том числе и старыми, а также серебром и золотом в слитках, получаемыми у этих народов в виде трофеев и дани. В 1154 г. чжурчжэни стали выпускать ассигнации, а с 1158 г. — металлические деньги и сократили ввоз китайских монет. Этот второй период длился до образования монгольской династии Юань (1206 г.). Третий период (1206—1234) зна-

⁵ Цзиньши («История Цзинь»), цзюань 24.

⁶ В. Я. Толмачев, *Древности Маньчжурии. Развалины Бэй-чэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг.*, — «Вестник Маньчжурии», Харбин, 1925, № 1, стр. 26—27. Толмачев собрал в Байчэне 747 монет, 746 определил, но 23 штуки позднее (XVII—XIX вв.), и не связаны с Шанцзином.

менуется безудержной инфляцией и исчезновением из обращения металлических монет⁷.

Т а б л и ц а

Монеты из Байчэна и из Афанасьевки

Дата выпусков	Число монет		Норма для Афанасьевки*	Отклонение	Дата выпусков	Число монет		Норма для Афанасьевки*	Отклонение
	Байчэн	Афанась- евка				Байчэн	Афанась- евка		
Династия Тан					1054—1055	16	1	3	—2
621	53	7	10	—3	1056—1063	23	8	4	+4
758—759	4	—	1	—1	1064—1067	24	7	5	+2
841—846	2	—	—	—	1068—1077	77	14	14	—
Династия Ю. Тан					1078—1085	95	20	17	+3
959	1	—	—	—	1086—1093	46	14	8	+6
Династия Сун					1094—1097	16	5	3	+2
961	5	—	1	—1	1098—1100	17	2	3	—1
976—983	4	1	1	—	1101	36	5	6	—1
990—994	9	2	2	—	1102—1106	43	10	8	+2
995—997	11	—	2	—2	1107—1110	7	1	1	—
998—1003	17	6	3	+3	1111—1117	13	4	3	+1
1004—1007	23	—	4	—4	1119—1125	3	4	1	+3
1008—1016	49	6	9	—3	1131—1162	2	—	—	—
1017—1021	7	—	1	—1	1165—1173	1	—	—	—
1023—1031	34	2	7	—5	Династия				
1032—1033	2	—	—	—	Цзинь				
1034—1037	6	2	1	+1	1158—1160	4	1	1	—
1039—1053	70	10	13	—3	1178—1189	2	—	—	—
1041—1048	1	—	—	—	Всего	723	132		

* В этой графе высчитано в целых цифрах количество монет разных типов, которое могло бы быть в кладе у села Афанасьевки, если бы пропорция типов была примерно такой же, что и в большой коллекции Байчэна (723 : 132 = 5,5 : 1). В соседних графах мы отмечаем отклонения от этой нормы для монет Афанасьевского клада.

Если мы обратимся к самому Китаю, то увидим, что с начала X и по первую половину XI в. в нем ежегодно отливалось 800—1800 тыс. связок, со второй половины XI по первую четверть XII в. — 1700—5000 тыс. связок, т. е. вдвое больше⁸. Естественно, это сказывалось на монетном обращении чжурчжэней (связанном с китайским), причем в ряде случаев удается проследить даже прямую зависимость числа монет от размера выпуска их в Китае (на материале Байчэна).

Семьсот с лишним монет Байчэна, рассеянных по всему городу, как нельзя лучше отражают неуклонное уменьшение монет с южносунскими девизами годов правления императоров. Это уменьшение связано с отливом китайской монеты, выпускаемой за пределами Цзинь, и с исчезновением из обращения медной монеты вследствие инфляции.

Теми же причинами объясняется полное отсутствие южносунских монет в кладе из села Афанасьевки. Но чем же объясняется более высокий процент китайских монет второй половины XI в. и позднее в Афанасьевском кладе по сравнению с Байчэном? Возможно, тем, что деньги, найденные в Афанасьевке, принадлежали чиновнику из центра,

⁷ Пэн Синь-вэй, *Чжунго хобиши* («История денежного обращения в Китае»), Шанхай, 1954, стр. 381 (на кит. яз.).

⁸ Там же, стр. 281.

получившему на дорогу, как полагалось, звонкую монету, а не ассигнации, а может быть, это объяснялось и другими обстоятельствами. В то время как в оживленном центре — в «Верхней столице» — китайские монеты во второй половине XII в. вытеснялись чжурчжэньскими ассигнациями (причем прежде всего уменьшался приток новых китайских монет), на окраинах империи Цзинь ассигнации чжурчжэней имели ограниченное хождение и в обращении сохранялись монеты сравнительно поздних выпусков, которые в центре либо быстро исчезали, либо вовсе не попадали в сферу обращения.

Таким образом, клад из села Афанасьевки свидетельствует о большей устойчивости денежного обращения на окраине Цзинь по сравнению с положением в центре, сильнее охваченном инфляцией.

Е. И. Лубо-Лесниченко

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ г. ХАРА-ХОТО

Известный всему миру мертвый город Хара-хото расположен в западной части Автономной области Внутренняя Монголия, в низовьях р. Эдзин-гола, там, где она разделяется на ряд рукавов, впадающих в озера Гашун-нор и Сого-нор. Развалины Хара-хото находятся среди безводной пустыни, в 15 км к востоку от главного рукава Икен-гол, близ высохшего русла Эдзин-гола.

В древности, находясь в глубине Гобийской пустыни, оазис Эдзина был очень плодороден. Он имел также важное стратегическое значение, являясь узлом путей, идущих на запад к Синьцзяну и Средней Азии, на север — в Монголию и на восток — к Китаю. Яркая характеристика низовьев Эдзин-гола содержится в письменном источнике Вэйского времени (III в. н. э.): «Эта область имеет большое значение при передвижениях северных разбойников. Страна плодородна и благоприятна для земледелия... На севере она примыкает к большой пустыне, где собираются в больших количествах дикие звери»¹.

В длинной цепи оазисов, связывающих Китай с западными странами, низовья р. Эдзин-гола привлекали к себе пристальное внимание многих исследователей. Это было вызвано тем, что в XX в. в этом районе были сделаны два крупнейших археологических открытия: первое — в 1908 г. — находка экспедицией П. К. Козлова «Знаменитого субурга-на»² (предметы из которого служат основным источником по изучению культуры государства Сися — 982—1227), а также открытие средневекового города Эдзины тангутской и монгольской эпох (XI—XIV вв.); второе — в 1930—1931 гг., сделанное шведской экспедицией Ф. Бергмана при археологическом обследовании Эдзин-гола, — эта экспедиция обнаружила более десяти тысяч исписанных деревянных дощечек, датированных ханским временем (II в. до н. э. — II в. н. э.). Эти дощечки являются важнейшим источником для изучения истории, экономики и административного устройства пограничных районов Китая в Ханьскую эпоху.

Среди многочисленных исследований, связанных с находками в Хара-хото, часть работ касается непосредственно его истории и истории

---

¹ См. «Души фаньюй цзяю», т. 2, Пекин, 1958, стр. 2715 (на кит. яз.).

² Субурган — монгольское название ступы, памятника буддийской архитектуры.

низовьев Эдзин-гола: например, работы Хуан Вэнь-биня и Лао Ганя³, посвященные в основном Ханьской эпохе, работы А. И. Иванова⁴, Н. А. Невского⁵, А. Стейна⁶ и А. Масперо⁷ — истории Хара-хото в тангутское и монгольское время. Общая история Хара-хото изложена в книгах О. Франке⁸, Х. Мацуда⁹ и Б. Соммарстрема¹⁰. Значительный вклад в изучение истории Хара-хото был сделан советским ученым В. Н. Казиным¹¹.

* * *

Самые ранние памятники, найденные в бассейне р. Эдзин-гола, относятся к неолиту. Большинство их обнаружено в районе озер, особенно на северном берегу озера Сого-нор. Четырнадцать небольших групп памятников были найдены в районе Хара-хото и две в районе среднего течения Эдзин-гола. Эти находки были тщательно исследованы шведским ученым Д. Марингером¹².

Несколько предметов, обнаруженных экспедицией Ф. Бергмана, относятся к середине I тысячелетия до н. э. В это время район Эдзин-гол был занят гуннами и юэцжи, ведущими кочевой образ жизни.

В V—III вв. до н. э., вероятно в период Чжаньго, китайцы впервые получают смутные сведения о р. Эдзин-голе и озерах. В разделе «Шуцзина» «Юйгун» («Дары Юю»), составленной во время Чжаньго (V—III вв. до н. э.), упоминаются р. Жошуй и «сыпучин пески» — Люша. По традиции, восходящей к Ханьскому времени, р. Жошуй отождествляется с р. Эдзин-голом, а Люша — с озерами Гашунь-нор и Сого-нор¹³.

Начиная с ханьского времени Люша становится общим обозначением Гобийской пустыни в целом, а для района Эдзин-гол появляется название Цзюйянь. Как предполагает О. Франке, слово Цзюйянь гуннского происхождения и, вероятно, обозначало «сыпучие» или «текущие» пески, т. е. то же самое, что и Люша¹⁴.

Первые упоминания о районе Эдзин-гол содержатся в «Исторических записках» Сыма Цяня и относятся к лету 121 г. до н. э., когда в войсках с гуннами 127—121 гг. до н. э. китайские войска доходят до северо-запада Ганьсу и, вероятно, достигают района Эдзин-гол.

Данные археологического обследования заставляют предположить, что основанный в 102 г. до н. э. в районе (уезде) Цзюйянь город в ханьский период находился в 15 км к северо-востоку от Хара-хото. До настоящего времени там сохранились развалины крепости с глинобит-

³ См. «Цзюйянь Хань цзянцзя пянь», Пекин, 1959 (на кит. яз.).

⁴ А. И. Иванов, *Документы из города Хара-Хото*, I. Китайское частное письмо XIV в., — «Известия Императорской Академии наук», СПб., 1913, стр. 811—816.

⁵ Н. А. Невский, *Тангутская филология*, т. I, М., 1960, стр. 40—50.

⁶ A. Stein, *Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran*, vol. I, Oxford, 1928, pp. 428 and fol.

⁷ H. Maspero, *Les documents chinois de la troisième expedition de sir Aurel Stein en Asie Centrale*, London, 1933.

⁸ O. Franke, *Geschichte des Chinesischen Reich*, vol. V, Berlin — Leipzig, 1955.

⁹ H. Matsuda, *On the Position occupied by Etsina in the Intercourse between East and West*, — «Tonogaku Gonshu», Tokyo, 1954, № 1.

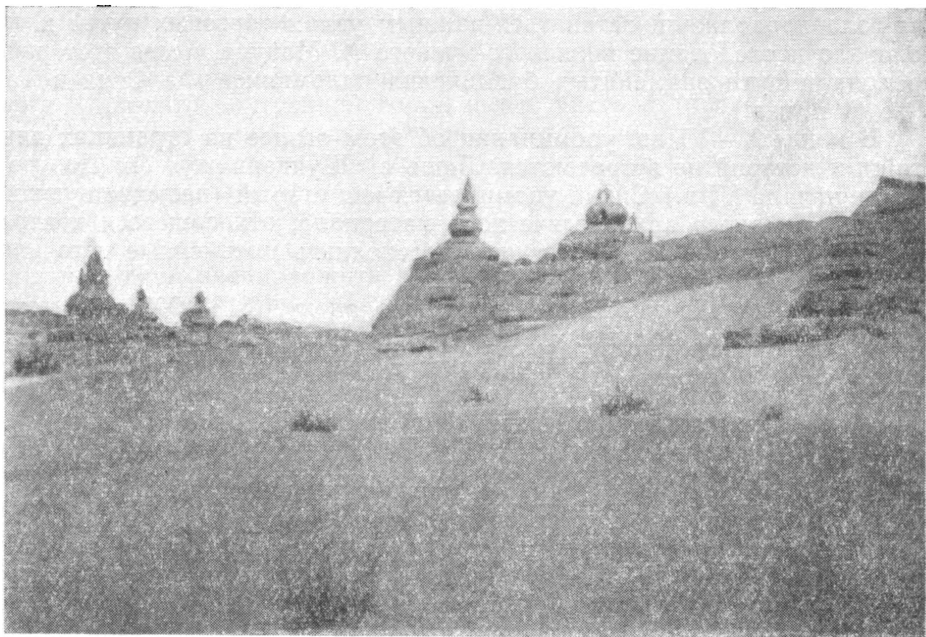
¹⁰ B. Sommarström, *Archaeological Researches in the Edsen-gol Region Inner Mongolia*, pt 1—2, Stockholm, 1954.

¹¹ В. Н. Казин, *К истории Хара-хото*, — «Труды Государственного Эрмитажа», т. V, Л., 1961, стр. 273—285.

¹² J. Maringer, *Contribution to the Prehistory of Mongolia*, — «Sino-Swedish Exp. Publ. 34», Stockholm, 1950, pp. 204—208.

¹³ См. «Шаншу», — сб. «Сыбу бэйяо, цзинбу ООЗ», Шанхай, 1935, стр. 59 (на кит. яз.).

¹⁴ См. O. Franke, *Geschichte...*, S. 88 und fol.

Стены г. Хара-хото. (Фото П. К. Козлова)

ными стенами. Крепость имела форму квадрата, сторона которого была равна 130 м. Солдаты, расквартированные в этом уезде, жили в хижинах, различное число которых составляло общину — «тин», во главе с «тинчжаном». Следующей единицей была инспекция — «ся вэй», затем шел магистрат — «пинчжан». Главным административным лицом уезда был «дувэй». У нас имеются данные «Хоуханьшу» — Династийной истории Восточной Хань (I—III вв. н. э.) — о числе жителей уезда Цзюйянь¹⁵. При Поздней Хань в нем было 1560 дворов с населением 4733 человека¹⁶.

После бурных событий I в. до н. э. сведения о Цзюйяне в письменных источниках встречаются реже. Вероятно, это объясняется тем, что гунны были оттеснены далеко на запад и роль Цзюйяня в связи с этим уменьшилась. «Цянь Хань шу» — Династийная история Западной Хань (III в. до н. э. — I в. н. э.) — сообщает, что при Ван Мане (9—22 гг. н. э.) город был переименован в Цзюйчэн. В конце ханьского периода на месте уезда учреждается округ Сихай.

500 лет, последовавшие за крушением Ханьской империи, были для истории Хара-хото темным периодом, о котором редко упоминается в письменных источниках. Материалы об этом периоде собраны В. Н. Казинным¹⁷.

Несколько раз об округе Сихай (район Хара-хото) говорится в «Цзиньшу» — Династийной истории Западной Цзинь (265—314 гг.). В это время округ административно входил в состав области Лянчжоу и насчитывал 2500 дворов. Он упоминался при описании местных династий Цянь Лян (301—376), Хоу Лян (376—403), Бэй Лян (401—449),

¹⁵ «Хоухань шу», Шанхай, 1935 (на кит. яз.).

¹⁶ Там же, цз. 33, стр. 280.

¹⁷ В. Н. Казин, *К истории Хара-хото*, стр. 277—278.

Си Лян (401—421). В течение этого времени (III—V вв.) низовья Эдзин-гола продолжали оставаться важным узлом торговых путей и, как показало исследование японского ученого Х. Мацуда, через этот район проходили пути знаменитых буддийских паломников Фа Сяня и Тань У-кэ (V в. н. э.)¹⁸.

В конце V—VI вв. упоминания об этом оазисе на страницах династийных историй не встречаются. Лишь в «Шуйцзинчжу» Ли Дао-юаня (книге начала VI в.) Сихай упоминается как старый (несуществующий) город¹⁹. Никакого археологического материала, относящегося к периоду между II и VIII вв. и могущего восполнить письменные источники, мы не знаем.

О судьбе оазиса Эдзины в Танскую эпоху (618—907 гг.) можно сказать несколько больше. «Синь Тан шу» (Династийная история) сообщает, что в VII—VIII вв. в низовьях Эдзин-гола находилась крепость Тунчэн, входившая в уезд Шаньданы. О времени ее основания источники не сообщают ничего. В начале царствования императрицы У-хоу (684—705) в низовьях Эдзин-гола восстают племена тунло и пугу, которые были разбиты около озера Цзюйянь генералом Лю Цзин-туном, и в Тунчэне основывается наместничество (хуфу) Аньбай. Последние сведения об этой крепости относятся к 743 г., когда она переименовывается в «Нинкоуцзюнь» — «Армия усмирения разбойников»²⁰. В энциклопедии второй половины VIII в. «Тун дянь» приводится численность ее гарнизона, составлявшая 1700 солдат и 100 лошадей²¹.

Исследования Ф. Бергмана внутренней части Хара-хото свидетельствуют о том, что здесь в Танскую эпоху находилась крепость. Бергман обратил внимание на то, что среди разрушенных построек внутри города отчетливо выделяются остатки массивных стен (лучше всего они сохранились на юге). Части этих стен глинобитные, имеют в ширину 8—10 м, а по высоте равняются почти половине общей высоты наружных стен Хара-хото.

Одна часть стены имеет в длину 60 м и через промежуток в 4 м переходит в массивную квадратную платформу, на которой помещен небольшой храм. Обследование показало, что эта платформа первоначально представляла собой часть стены, впоследствии расширенной. Другая часть напоминает укрепление, размерами 30×34 м, с проходами на севере и востоке. После пустого промежутка в 70 м идет два массивных куска стены длиной в 40 м, находящихся на половине расстояния между западной и восточной стенами Хара-хото.

Измерения Ф. Бергмана показывают, что все эти куски глинобитной стены находятся на одном уровне, соединяясь на востоке и севере с городскими стенами. Вместе с соответствующими секциями городской стены Хара-хото они образуют квадрат, стороны которого равны 240 м. Этот квадрат расположен в северо-восточной части города и занимает приблизительно его третью часть. Сохранившаяся часть и была, по-видимому, угловым бастионом, башня, вероятно, защищала ворота, а выступ постамента был боковым бастионом. Северная и восточная стены стали составными частями главных городских стен. Интересно отметить, что хорошо сохранившаяся улица, названная П. К. Козловым «Торговей», соединяет ворота Хара-хото и фундамент храма. Эта улица параллельна южной внутренней стене и делит внутренний город на две равные части.

¹⁸ Н. Matsuda, *On the Position...*, pp. 80, 82.

¹⁹ Ли Дао-юань, *Шуйцзинчжу*, Пекин, 1958, цз. 6, стр. 129 (на кит. яз.).

²⁰ «Тан шу», Шанхай, 1935, цз. 40, стр. 496 (на кит. яз.).

²¹ См.: В. Н. Казин, *К истории Хара-Хото*, стр. 276.

Во время работы в Хара-хото Ф. Бергманом были заложены шурфы, позволившие обнаружить наличие толстого (до 40 см) горелого слоя. Интересно также отметить, что в шурфах, заложенных за пределами внутреннего города, горелый слой отсутствует. В отличие от самого Хара-хото внутренний город имеет чисто китайские черты: квадратную форму, стены, расположенные строго по странам света, и ворота в центре. Свидетельством того, что этот город существовал в дотангутское время, служат найденные в нем монеты «кайюань» и письмо Су Жэнь-го с датой 6-го месяца 2 года Юнтай (т. е. 766 г.)²². Хотя прямых доказательств у нас пока нет, но со значительной долей вероятности мы можем предположить, что внутренний город Хара-хото был крепостью Тунчэн-Нинкоуцзюнь танского времени.

В течение последующих 200 лет, с конца VIII по конец X в., опять нет никаких сведений о низовьях Эдзин-гола. Приблизительно в течение 100 лет (с 50—70-х годов VIII в. по 50-е годы IX в.) областью Ганьсу, в том числе районом Эдзин-гол, владеют тибетцы. После распада их царства эта область принадлежит различным тюркским княжествам, а со второй половины X в. — уйгурам.

Низовья Эдзин-гола были важны и для государства Сися (982—1227 гг.). Находясь на перепутье торговых дорог, эта область была главным северо-западным аванпостом Тангутского государства в их борьбе с дадань и уйгурами. Кроме стратегического низовья Эдзин-гола имели несомненно важное экономическое значение. При полузасушливом климате и недостатке хлеба в Тангутском государстве этот район был крупнейшим плодородным оазисом на севере.

Данные китайских письменных источников о Хара-хото в этот период очень скудны. Это объясняется тем, что, находясь далеко на северо-западе, он не привлекал к себе внимания китайцев. Дата основания тангутами города нам неизвестна. Из династийной истории «Юаньши» — Юаньской династии (1280—1368 гг.) — мы знаем, что низовья Эдзин-гола были заняты тангутами в начале XI в.²³. Это подтверждает нумизматический материал, обнаруженный в Хара-хото. Если мы оставим в стороне монеты «кайюань», то самые ранние монеты были найдены третьей экспедицией П. К. Козлова. Это монеты периодов Сунъюань (960—976), Сяньпин (998—1003), Цзиньдэ (1004—1007) и Дачжун сяньфу (1008—1016). Среди находок экспедиций А. Стейна и Ф. Бергмана имеются монеты периодов Сяньпин (998—1003), Цзинъю-пань (1034—1038) и Хуансун (1038—1039). В отличие от монет кайюань, находившихся в обращении долгое время после их выпуска, монеты сунского времени служат хорошим критерием для датировки. Сопоставив вышеприведенные факты, мы можем предположить, что Хара-хото, вероятно, был основан тангутами в начале XI в. как опорная база для продвижения их на северо-запад и был назван по имени р. Эдзин-гола Эдзина. А. И. Иванов считал, что слово Эдзина представляет собой искажение Цзюйянь — древнего китайского названия этой местности²⁴. Н. А. Невский же убедительно показал, что слово Эдзина — чисто тангутского происхождения, обозначающее «Черная река»²⁵. В XI—XII вв. китайцы называли Эдзину — Хэйшуй, что также обозначает «Черная река». Крепость Эдзина входила в линию «гарнизонного командования» — «вэй-фуцзюнь».

²² H. Maspero, *Les documents...*, pp. 192—193; B. Sommarström, *Archaeological Researches...*, pt 2, p. 196.

²³ «Юаньши», Шанхай, 1935, стр. 456 (на кит. яз.).

²⁴ А. И. Иванов, *Документы...*, стр. 813—815.

²⁵ Н. А. Невский, *Тангутская филология*, т. I, стр. 40—44.

Когда император Ли Юань-хао разделил страну на 12 военных округов, то центром округа Чжэнъянь стал г. Хэйшуй (т. е. Хара-хото). Согласно «измененному и заново утвержденному кодексу законов эпохи Небесного процветания» (Тянь шэн, 1149—1170), Хара-хото входил в четвертый, или низший, ранг городов наряду с такими тангутскими городами, как Шачжоу, Лунчжоу, Ганьчжоу, Юнчан и Иньчжоу, но стоял выше таких городов, как Суйчжоу и Сячжоу, входивших в последний, или пятый, ранг²⁶.

Представление о том, как выглядел оазис Эдзина в тангутское время, мы можем получить по описанию, составленному Ф. Бергманом на основании раскопок. Оазис, особенно его северная часть, был густо заселен, его жители обитали не в деревнях, а в разбросанных среди полей глинобитных домах, кроме чиновников и помещиков, живших в больших домах, украшенных на китайский манер цветной черепицей. Эти археологические данные вполне согласуются с письменным источником «Сися цзи», в котором говорится: «Обычно все тангуты жили в глинобитных домах, и только получавшие на то особое разрешение могли покрывать их черепицей»²⁷. Среди невысоких домиков возвышались ступы индотибетского типа с прямоугольным фундаментом и куполом, увенчанным ступенчатым шпилем. На территории оазиса было много буддийских монастырей, обычно обнесенных стеной, с храмом в центре. Весь оазис был густо изрезан каналами, питающимися водой из Эдзины.

Город Хара-хото в нынешнем его виде является в основном памятником тангутской эпохи. Он имеет прямоугольную форму со сторонами, ориентированными по странам света, с размерами 380×450 м. Стены города глинобитные, укрепленные тремя рядами деревянных стропил. Ширина стен у основания равна 12 м, сужаясь к вершине до 4 м, высота — 8 м. Наверху, на внешней стороне стены, идет зубчатый парапет высотой в 2 м, сложенный из кирпичей. По углам города стоят круглые башни, по сторонам находятся выступающие прямоугольные бастионы, обычно той же самой высоты и ширины, что и сама стена. Их насчитывается шесть на северной стене, пять — на южной и по четыре — на западной и восточной.

Фундамент стены с внешней стороны на расстоянии 4 м обнесен низким глинобитным валом толщиной в 3 м, точно следующим всем выступам стены. Двое ворот, расположенных на востоке и западе, защищены выступом стены в форме буквы «Г». Как указывает Б. Соммарстрем, расположение городских ворот несколько выше или ниже центра узких сторон прямоугольника типично для тангутских городов²⁸. Все угловые башни и два западных бастиона угловой стены украшены ступами (субурганам) различных размеров, построенными из вертикально поставленных кирпичей с толстым слоем штукатурки.

Самый большой субурган, высотой около 12 м, расположен на северо-западной угловой башне. Вокруг него устроено подобие балкона с барьером, приспособленным для стрелков. У восточной стены города находилось небольшое предместье.

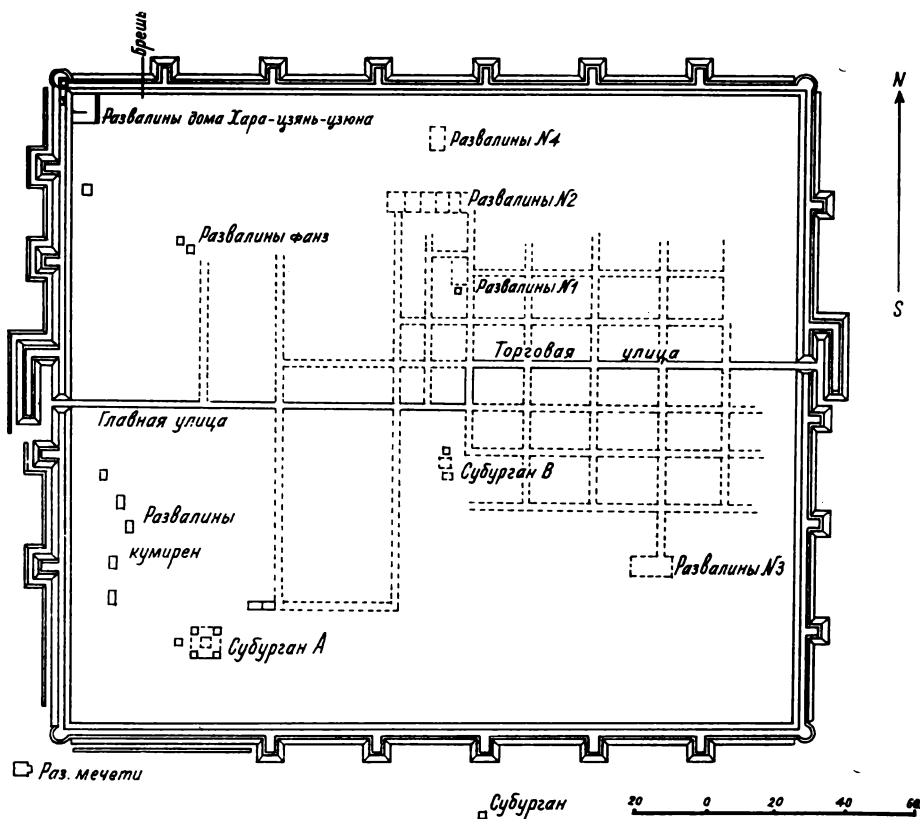
В противоположность хорошо сохранившейся городской стене, внутренняя часть города разрушена почти до основания. От зданий сохранились небольшие бугры со следами пожара. Лишь в отдельных местах видны развалины храмов, субурганов, складов и богатых домов. В восточной части города были расположены торговые постройки. В центре

²⁶ Эти сведения сообщены Е. И. Кычановым, которому я приношу свою благодарность.

²⁷ Дай Си-чжан, *Сися цзи*, Шанхай, 1925, изд. 19, стр. 166 (на кит. яз.).

²⁸ B. Sommarström, *Archaeological Researches...*, pt 2, p. 191.

План развалин г. Хара-хото

возвышалось большое здание, по предположению П. К. Козлова — «управление». Храмы, богатые дома и дворец группировались на северо-западе. Развалины дворца представляют собой сложную систему полуразрушенных стен, дворов и переходов. Узкие улицы, пересекающие город, идут строго параллельно стенам. Среди улиц выделяются две, названные П. К. Козловым «Главной» и «Торговой». «Главная» — протянулась от западных ворот к восточным, а «Торговая» — соединяет «управление» с восточными воротами.

Для защиты Эдзинского оазиса тангутами была создана укрепленная линия, названная Ф. Бергманом Морен-гольская линия башен, идущая между реками Морен-голом и Икэн-голом. Несколько башен находилось на севере оазиса. В. Н. Казин пишет о существовании сплошного каменного вала со рвом к северу от озер. На археологической карте Ф. Бергмана такого вала нет.

Граница с Монголией, тангуты одни из первых испытали на себе удары монгольских полчищ. В 1226 г. монгольская армия во главе с Чингисханом (для которого это был последний поход) в решающей битве в районе Алакшань разбивает тангутское войско. В том же году монголы занимают Хара-хото, и в 1227 г. Тангутское государство перестает существовать. Обстоятельства взятия Хара-хото «Юаньши» описывает следующим образом: «Чингиз давно уже был разгневан на государство Ся. Он, лично командуя сотысячным войском, прибыл в

Циньчуань... Двинув вперед войско, он перешел пески и, войдя в Хэси, ударил на племена Сали, Тэле и Чиминь. Напав на г. Хэйшуй, он овладел им. Умерло тангутов в бою при взятии города несколько десятков тысяч»²⁹.

В так называемом «Знаменитом субургане» была собрана уникальная коллекция памятников тангутской культуры, особенно последних лет существования государства Сися. Хотя большинство памятников относится к XII в., самый поздний из датированных ксилографов помещен 1212 г.

Занимаясь разборкой предметов, П. К. Козлов был поражен тем, что «все богатство, собранное в знаменитом субургане: книги, образа, статуи и другие предметы, лежали в крайнем беспорядке... Чем выше, тем хаотичнее группировалось богатство субургана: книги лежали кипами и в одиночку, плотно прижатые друг к другу или образам, свернутым в отдельности на деревянных валиках... Только в основании субургана было отмечено несколько книг, тщательно завернутых в шелковые ткани»³⁰. Самое правдоподобное объяснение этого обстоятельства может заключаться в том, что в субурган во время осады монголами Хара-хото были наспех положены сокровища какого-либо местного монастыря.

Нашествие монголов уничтожило тангутскую культуру и дотла разорило города и поселения. Как говорит источник того времени: «Из ста человек не уцелело и одного, двоих. Белые кости покрывали поля»³¹.

Владычество монголов открывает новую и последнюю страницу в истории Хара-хото. При Юаньской династии (1280—1368) Хара-хото, или Ицзинай (так стал называться город в китайских письменных источниках), приобретает значение важнейшего перевалочного пункта на пути в монгольскую столицу Каракорум. Эту роль Хара-хото подчеркивает побывавший в нем Марко Поло. «Тут забирают продовольствие на 40 дней; как выйдешь отсюда, так 40 дней, знайте, едешь на север степью и нет там ни жилья, ни пристанища»³².

В Хара-хото с 1286 г. существовала военная колония из 200 солдат, основанная с помощью насильно мобилизованного местного населения, а также была образована префектура — цзунгуаньфу, ставшая центром дороги — лу³³. Это подтверждают находки А. Стейна, среди которых имеются официальный документ расхода провианта гарнизона Хара-хото за 1309—1311 гг. и документы экспедиции, упоминающие помощника губернатора — тунчжи, контролера — баньгуань, судью — туйгуань и т. д.³⁴ Как указывает А. Масперо, все эти должности встречаются в структуре префектуры второго класса, каковой являлся Хара-хото³⁵. По данным «Юаньши», в XIII в. население города составляло 1550 дворов, 3980 душ³⁶.

По тем же данным «Юаньши», в этот период в оазисе восстанавливается оросительная система и проводятся новые каналы³⁷ (это подтверждается находками экспедиций А. Стейна официальных докумен-

²⁹ «Юаньши», стр. 32.

³⁰ П. К. Козлов, *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото*, М., 1947, стр. 300.

³¹ Дай Си-чжан, *Сися цзи*, цз. 26, стр. 196.

³² «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 84.

³³ «Юаньши», стр. 456.

³⁴ H. Maspero, *Les documents...*, p. 204.

³⁵ Ibid., p. 196.

³⁶ «Юаньши», стр. 456.

³⁷ Там же.

тов Бюро рек и каналов — Хэцзюй сы)³⁸, происходит ремонт городских стен, построенных еще тангутами, в результате которого была переделана или заново перестроена северо-западная часть городской стены, значительно отличающаяся от основной конструкции (гораздо ниже и шире). По сведениям «Цинь бянь цзилю» («Краткое описание границ области Цинь» — географическое сочинение конца XVII в.), — в 1341 г. перестраивается и дворец местного управителя³⁹. К монгольскому времени следует отнести и здание мечети.

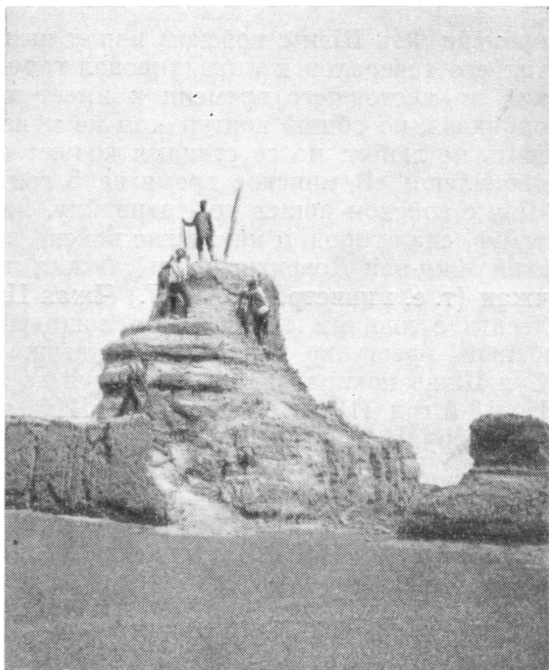
Находки мусульманских книг, сирийских христианских рукописей, текстов на монгольском, уйгурском и тибетском языках указывают на широкие связи Харахото с другими странами.

После захвата Пекина в 1368 г. войсками восставших китайцев под предводительством Чжу Юань-чжана господство монголов в Китае закончилось и утвердилась Минская династия (1368—1644). В Харахото же власть монголов просуществовала еще четыре года. Судя по кратким сообщениям, содержащимся в династийной истории «Мин ши», китайские войска захватили Ицзинай (Харахото) в 1372 г., но еще в 1373 г. в округе Ицзюнай лу продолжались военные действия⁴⁰.

Рассказы местных монголов о владетеле города батыре Хара Цзюнь-гуане и его последней битве с китайцами, приведенные в книге П. К. Козлова, представляют собой чистые легенды, лишенные какого-либо основания. Как уже было указано А. Стейном и Б. Соммарстромом, в этих легендах заслуживает внимания лишь эпизод с отводом китайцами воды от Харахото, так как этот прием неоднократно использовался китайцами при осаде городов.

При походе китайских войск на Каракорум в 1380 г. снова упоминается Ицзинай⁴¹. В результате этих разорительных походов оазис Эдзин-гола пустеет, а сам город, по данным минских географических сочинений, переходит в число упраздненных.

Важнейшие сведения о последнем периоде существования Харахото содержатся в «Циньбянь цзилю». Это произведение не использовалось в работах западных ученых, посвященных истории Харахото, и упоминание о нем встречается лишь в статье В. Н. Казина. В этом сочинении содержится описание захвата Харахото минскими войсками и состояние города в конце XVII в. В нем говорится: «В начале минского

«Знаменитый» субурган

³⁸ Н. Maspero, *Les documents...*, pp. 198—199.

³⁹ «Циньбянь цзилю», цз. 3, стр. 236 (на кит. яз.).

⁴⁰ «Мин ши», Шанхай, 1935 (на кит. яз.).

⁴¹ Там же, цз. 2, стр. 50—51.

времени Фэн Шэн с войском напал на вана (города Ицзин-лу), захватил его генералов и ликвидировал город. Городской дворец еще крепкий до настоящего времени и имеет величественный вид. Хотя он и одряхлел, но общий контур тем не менее сохранился. Кочевники здесь жить не любят, но со стадами кочуют в этих местах». В комментарии добавлено: «В минское время на 5 год Хун-у (1372 г.) Сунгогун Фэн Шэн с войском дошел до Ицзинайлу. Защитник города, генерал Буянь-темур, сдал город, и китайские войска дошли до гор Бецзяшань. Юаньский Чжи-ван Доэрчжитипань убежал прочь. Были захвачены его пинчжан (т. е. министр.— *Е. Л.-Л.*) Чжан Цзя-ну и еще 27 человек, а также десять с лишним тысяч голов лошадей и скота. На 26-й год (1373) юаньцы преступно напали на лянчжоускую столицу. Командующий Сун Шэнь покарал их и, преследуя до Ицзинайлу, казнил их главаря. На 13-й год (1380) он послал Ми Ина наказать хоточи в Хэлине (т. е. Каракоруме). Тот из Ицзинайлу переправился через реку и дошел до Хэлиня. Когда его войско при возвращении обследовало укрепления области Цинь (т. е. пограничные укрепления провинции Ганьсу), то там дерева шань (криптомерии) не было. А что касается Цзюйяньского (т. е. Хара-хотинского) дворца, то балки в нем были сделаны из неизвестно откуда привезенной криптомерии. Дворец был покрыт желтой черепицей, глазурью, оленьей шерстью, штукатуркой. На нем имелась надпись из шести иероглифов: „Чжичжэн юань нянь чжунсю“ („Перестроен на 1 год Чжичжэн“, т. е. 1341 г.). Остальные иероглифы исчезли, и разобрать их было невозможно. Кочевые племена там не останавливаются»⁴².

После сообщения «Циньбянь цзилью» никаких новых данных о Хара-хото в китайских письменных источниках не встречается. Согласно «Мэнгу юмуцзи» («Записям о монгольских кочевьях»), в 1731 г. в районе Эдзин-гол поселяются монголы-торгоуты.

Во второй половине XIX в. русские исследователи Г. Н. Потанин и Г. Е. Грум-Гржимайло узнают о существовании в низовьях Эдзин-гола развалин города. Русское Географическое общество заинтересовывается этим сообщением и поручает П. К. Козлову, направлявшемуся в Монголо-Сычуаньскую экспедицию, исследовать этот город. И вот 19 марта 1908 г. П. К. Козлов первый из исследователей увидел засыпанные песками пустыни стены мертвого города Хара-хото.

---

⁴² «Циньбянь цзилью», цз. 3, стр. 23 а—б (на кит. яз.).

З. Я. Ханин

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЯПОНИИ

Термин «дискриминация» часто употребляется для определения различных социальных явлений.

Действительно, он вполне применим для характеристики бесправного положения угнетаемых классов, сословий, населения колоний и т. д. Однако чаще всего этим термином обозначается бесправное положение изолируемого меньшинства населения какой-либо страны, к которому относятся с подозрением, предубеждением и враждой, что основывается на национальных, расовых, религиозных, профессиональных или других предрасудках.

Японские отверженные — это частный случай проявления последнего типа дискриминации. Всестороннее изучение их истории началось лишь после второй мировой войны и дало возможность решить многие вопросы, а также выявить расхождения точек зрения по некоторым аспектам истории дискриминации в стране. Пожалуй, наиболее сложной и спорной до настоящего времени остается проблема происхождения различных групп отверженных в Японии и дискриминации в целом. Она привлекает к себе внимание многих японских исследователей¹.

Это явление в Японии обладает специфическими особенностями, которые затрудняют исследование его истоков более, чем в любой другой стране. Действительно, дискриминируемое меньшинство в Японии в течение многих сотен лет не отличалось от остального населения страны ни в расовом, ни в национальном, ни в религиозном отношениях, даже профессиональные различия не были слишком резкими. Возможно, поэтому возникли самые различные теории происхождения дискриминации в стране, в частности теории, сводившие истоки появления отверженных исключительно к национальной, религиозной, профессио-

¹ См., например: Т. Хаясия, *Бураку мондай — соно рэкиси-о тусин-ни* («Проблема бураку. Ее история — главное») — «Бураку», 1956, № 184 (на яп. яз.); Т. Махара, *Буракуси кэнкю-но син данкан* («Новая ступень в изучении истории бураку»), — «Бураку», 1964, № 172 (на яп. яз.); М. Уэда, *Бураку си кэнкю-но сайконто* («Обзор исследований истории бураку»), — «Бураку», 1963, № 159 (на яп. яз.); Я. Кинугаса, *Кинсэй бураку-но сэйрицу то сэммин сисо* («Образование бураку в период кинсэй и идеи сэммин»), — «Нихон-но сё какаку то бураку мондай», Киото, 1964 (на яп. яз.) Происхождение дискриминации остается сложной и малоисследованной проблемой и в других странах. Например, вызывает много споров вопрос об истоках кастовой системы в Индии (см. «Касты в Индии», М., 1965).

нальной или же политической основе. Все они уже обоснованно критиковались японскими учеными за то, что в каждом отдельном случае недостаточно учитывали всю совокупность конкретно-исторических условий. Однако нельзя сказать, что они уже не привлекают к себе никакого внимания исследователей².

К сожалению, скудость материалов не позволяет решить многие спорные вопросы, связанные с этой проблемой³. Ниже мы попытаемся привести некоторые замечания, относящиеся скорее к поискам путей решения данной проблемы.

Прежде всего следовало бы определить действительное значение и место национальных, религиозных и профессиональных предрассудков (которые в соответствующих теориях предполагаются основными) в процессе формирования дискриминации. Факты свидетельствуют о том, что в разное время они играли хотя и не главную, но весьма существенную роль.

Естественно, что некоторые совершенно фантастические предположения о происхождении японских париев⁴ не могут быть приняты во внимание. Безусловно, трудно четко осветить события, которые плохо обеспечены источниками, так как учитываться должны лишь факты.

Известно, что в формировании японской нации, как и многих других, участвовали различные народы. Аборигены Японских островов — айну — несколько тысяч лет назад были оттеснены с Кюсю и Сикоку пришельцами с Юга — индонезийскими и малайскими племенами, получившими впоследствии названия кумасо и хаято. Позже на острова нескольких потоками влились монголоидные племена с Севера.

Племена, отличавшиеся по языку, обычаям и занятиям, враждовали и вели междоусобные войны. На определенной ступени социально-экономического развития победители стали превращать пленных в рабов (чаще всего кумасо, хаято и айну)⁵. По-видимому, в это время впервые и возникли представления о «недостойных» людях и видах занятий. Основой этих воззрений были племенные и социальные различия.

В первых веках нашей эры в Японии появилось значительное число корейцев и китайцев (пленных и переселенцев), которые, как известно, обладали более обширными, чем японцы, знаниями и опытом в области земледелия и ремесла⁶. Племенные вожди селили их на своей территории компактными массами, предоставляя право на владение домом и орудиями производства и отбирая у них всю готовую продукцию. Специалисты-чужеземцы вошли в специальную социально-профессиональную группу (называемую томобэ и какибэ), обслуживавшую нужды японской знати. Высказывалось утверждение, что именно с них и началась история дискриминации в стране⁷. В действительности трудно связать истоки дискриминации именно с этой группой; хотя она и находилась внизу социальной лестницы, отдельные ее представители, как

² Например, в своем докладе проф. Такисава говорил об иностранном происхождении дискриминации. (См. Т. Махара, *Бураку-си кэнкю-но син...*, стр. 10).

³ Это отмечает Н. Ямамото. *Сяйкайгаку-ни окэру бураку мондай* («Проблема бураку в социологии»), — «Нихон-но сё кагаву то бураку мондай», стр. 21 (на яп. яз.).

⁴ Например, описанные (критически) С. Такахаси [*Токусю буракуси*] («История специальных поселков»), Киото, 1926, стр. 70] высказывания о том, что сэммиг (подлые), японские парии — это якобы потомки какого-то исчезнувшего колена израиля или выходцы из Индии и т. д.

⁵ «Бураку-но рекиси то кайхо ундо» («История бураку и освободительное движение»), Киото, 1954, стр. 5—6 (на яп. яз.).

⁶ Y. Takekoshi, *The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan*, vol. I, London, 1930, pp. 4—5.

⁷ F. O. Adams, *The History of Japan*, London, 1875, p. 77.

известно, играли довольно видную роль в политике, финансах, военном деле и роднились со знатью⁸.

Изложенное выше свидетельствует об отсутствии крайней нетерпимости и жесткой сегрегации. Известная обособленность положения томоэ и какиэ еще не означала их полного бесправия, а следовательно, одно лишь поселение в стране иностранцев не ведет к обязательному появлению дискриминации, хотя при известных обстоятельствах может психологически готовить ее. Действительно, некоторая отчужденность томоэ и какиэ, их профессиональная исключительность, а также наличие среди них чужеземцев⁹ — все это, очевидно, способствовало появлению различных предрассудков, которые еще не говорили о наличии дискриминации, но, бесспорно, становились важным ее элементом.

У нас нет достаточно веских оснований, чтобы утверждать иностранное происхождение дискриминации, особенно если учесть, что в появившихся впоследствии группах отверженных не отмечалось какой-либо национальной неоднородности.

Интересно, какое место в формировании дискриминации в Японии занимают профессиональные и религиозные моменты. Существовало мнение, что именно они играли в этом определяющую роль¹⁰. Считали, что чаще всего возникновение предрассудков, связанных с профессией, вызывалось религиозными представлениями (буддийскими) об «осквернении» — всех, кто занимался убоим скота, захоронением, дублением кожи, выделкой из нее различных изделий и т. д.¹¹. Нам кажется, что одним этим объяснить все невозможно, так как существенную роль в появлении этих предрассудков играли и экономические факторы. Действительно, буддизм проник в Японию еще в VI в., а презрение к определенным видам работ (и, естественно, к их исполнителям) стало распространяться не ранее XII в.¹². Что же могло повлиять на его распространение?

Известно, что в течение многих столетий убой скота, разделка туш, производство различных кожаных изделий не считались «оскверняющими» занятиями, наоборот, до распространения в Японии земледелия указанные виды работ наряду с рыболовством и сбором плодов были основными и почетными. После повсеместного распространения земледелия, во времена государства Ямато, из Кореи и Китая стали ввозить специалистов дубильщиков и кожевников, к которым также не проявляли какого-либо исключительного или отрицательного отношения¹³. Более того, когда во второй половине VII в. в Японии впервые официально были выделены группы сэммин (подлые, презренные люди), то в их число не вошли ремесленники, занимавшиеся презираемыми впоследствии видами работ.

Постепенно положение менялось из-за следующих обстоятельств. В течение длительного времени животноводство в Японии по разным причинам оставалось отсталой, застойной отраслью хозяйства. В связи с ростом потребностей в скоте, необходимым для использования на сельскохозяйственных работах, в транспорте, армии и т. д., и при существующем положении дел выход мог быть только один — сокращение за-

⁸ «Бураку-но рэкиси то кайхо ундо», стр. 11.

⁹ Характерно, что японцы, впрочем, как и многие другие народы, всех чужеземцев называли дикарями (бан — дикарь, варвар), что свидетельствовало о пренебрежительном к ним отношении.

¹⁰ С. Такахаси, *Токусю буракуси*, стр. 71—72.

¹¹ Это мнение изложено в БСЭ (см. БСЭ, т. 49, стр. 231).

¹² Например, в Вамёсё (составлен в XI в.) занятие убоим скота еще не определяется как «оскверняющее».

¹³ Y. Takekoshi, *The Economic Aspects...*, p. 5.

боя скота для продовольственных и производственных нужд. В соответствии с этим правительство уже в 676 г. издало указ о запрещении убоя коров и лошадей в определенные периоды. В течение VIII в. также нередко запрещали забивать скот¹⁴ во время наводнений, землетрясений, пожаров, болезни императора и т. д.

Поэтому к убою скота и выделке кожаных изделий постепенно выработывалось отрицательное отношение, а распространившиеся впоследствии религиозные представления (об определенных низких видах деятельности) превратили его в стойкие предрассудки. Следовательно, появились они под воздействием различных, непосредственно не связанных друг с другом причин.

Однако одни профессиональные предрассудки не могут объяснить возникновение дискриминации в Японии, потому что в число отверженных входили не только забойщики скота, дубильщики и кожевники, но и представители многих других профессий — некоторые группы ремесленников, мелких торговцев, садовники, артисты и т. д.

Надо сказать, что ремесло и торговля в феодальной Японии по общественной значимости и полезности считались самыми низкими занятиями. Это было связано скорее с социально-политическими, чем с религиозными, воззрениями и, естественно, имело отношение не только к группам отверженных. Наиболее почетным считалось военное дело, вполне достойным — земледелие и наименее уважаемым — ремесло и торговля.

Эти оценки вытекают из классовой структуры феодального общества, но по мере увеличения значимости ремесла и торговли в экономической жизни Японии отношение к этим видам деятельности менялось. Крайне отрицательным оставалось лишь отношение к тем видам ремесленного производства, которым традиционно занимались группы сэммин.

Существенную роль в создании условий, при которых сэммин занимались лишь определенными работами, играли власти феодальной Японии. Именно они не допускали отверженных ко многим видам производства, которые в соответствующие эпохи считались особенно важными для страны — к сельскохозяйственному производству, прядению, ткачеству, производству орудий производства и т. д.

Весьма характерно, что в некоторых районах страны — в Тохоку и на о-ве Хоккайдо — сэммин почти не было и местное население само выполняло все те работы, которые в остальной стране (где имелись отверженные) считались «оскверняющими» и недостойными. Следовательно, профессиональные предрассудки не были абсолютными и повсеместными.

В связи с вышеизложенным представляются несостоятельными утверждения об иноплеменной, иностранной или профессиональной основе дискриминации в Японии. Бесспорно, все эти моменты играли определенную роль в формировании рассматриваемого явления и действовали в основном в форме предрассудков, скорее сопутствовавших дискриминации и определявших ее особенности в соответствующие эпохи, чем были ее причиной.

Указанные предрассудки были результатом воздействия целого комплекса различных обстоятельств — как экономического, так и социального плана: политики, религии, психологии и т. д., но они не исчерпывают явления дискриминации, а составляют лишь часть ее. И их роль не следует преувеличивать (как это часто делается).

---

¹⁴ К. Иноуэ, Т. Китахара, *Бураку-но рэкиси* («История бураку»), Токио, 1950, стр. 34 (на яп. яз.).

Мы не рассматриваем здесь многие другие теории образования групп отверженных¹⁵, поскольку наша цель заключается лишь в том, чтобы показать, что нельзя причиной возникновения дискриминации считать какое-либо исключительное обстоятельство, которое само определяется более существенными общественными явлениями.

На протяжении многовековой истории Японии в стране параллельно и последовательно существовали различные группы отверженных (дзакко, сандзёмин, каварамоно, эта, хинин, буракумин и т. д.), состав которых в какой-то мере был текучим. Они имели определенные различия в источниках формирования, в экономическом и правовом положении. Между сменявшими друг друга объединениями париев не всегда устанавливается прямая связь, вследствие чего история дискриминации в Японии, на первый взгляд, распадается на ряд отдельных, мало связанных между собой частей. Это приводит к необходимости, не забывая о единстве, изучать особенности образования и развития каждой группы отверженных, что успешно и осуществляется многими современными японскими исследователями. Однако некоторый акцент их исследований приходится на историю буракумин (дискриминируемая социальная группа, существующая и поныне)¹⁶, что частично объясняется политической актуальностью данной проблемы в настоящее время.

Все это заставляет подчеркнуть одну существенную сторону вопроса: все группы японских париев — явления одного порядка. Несмотря на некоторые особенности и отличия в их положении, они всегда оставались низшей, презируемой и изолированной частью общества. Это объединяет их в одно целое и определяет главную связь между ними.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, имеющее отношение к проблеме происхождения дискриминации.

Точный период возникновения дискриминации в Японии, очевидно, установить невозможно, поскольку процесс ее формирования происходил постепенно. Однако бесспорно, она существует многие сотни лет, что невозможно объяснить лишь одними первоначальными импульсами. Ведь известно, что какие-то существенные условия ее возникновения или изменялись, или же вообще исчезали, а дискриминация, несмотря на это, оставалась. Поэтому в проблеме ее происхождения следует выделить два аспекта: вопрос о процессе формирования и вопрос об условиях ее воспроизводства.

Действительно, возникнув, дискриминация не сохранилась в течение достаточно длительного времени лишь в силу традиции, она, очевидно, поддерживалась какими-то потребностями и интересами (т. е. объективными и субъективными обстоятельствами) каждой новой эпохи и поэтому просуществовала многие сотни лет. Изменения условий определяли особенности групп отверженных в каждую новую эпоху.

Для конкретизации сказанного можно привести несколько приме-

---

¹⁵ Диапазон поисков непосредственных предшественников сэммин чрезвычайно широк: в качестве таких предшественников называются рабы (см. Y. Takekoshi, *The Economic Aspects...*, p. 62. Такекоси считает, что в VIII в. количество рабов составляло 15% населения страны, в начале XX в. буракумин также было около 15%, следовательно, считает он, буракумин — это, возможно, потомки рабов), плененные или рассеянные при поражениях во время междоусобных войн XV—XVI вв., воины различных даймё (см. С. Такахаси, *Токусю буракуси*, стр. 124) и т. д. Для критического анализа суждений такого сложного и спорного вопроса, как рабство в Японии, необходимы новые исторические материалы.

¹⁶ В этом отношении характерно, что институт, занимающийся исследованием проблем дискриминации, называется «Бураку мондай кэнкюдзё» («Институт проблем бураку»), а издаваемые им журналы — «Бураку» и «Бураку мондай кэнкю».

ров, не входя при этом в детальный анализ специфики положения различных групп отверженных.

Как уже отмечалось, дискриминация возникла не сразу. Она была результатом долгого, постепенного накопления различных общественных процессов, что в конце концов и привело к ее созданию. Самые древние истоки ее связаны, очевидно, еще с родовой и племенной разобщенностью, с начальным процессом социального и профессионального размежевания, с появлением первых групп рабов. Отсутствие исторических материалов не дает нам возможности конкретизировать характер социальных отношений в тот период.

В древнем государстве Ямато для удовлетворения нужд усиливавшейся знати были созданы обособленные в профессиональном и социальном отношениях группы (бэмин, томобэ), пополнявшиеся в значительной степени за счет чужеземцев. Как уже отмечалось, в данном случае еще нельзя говорить о наличии дискриминации, здесь скорее создавались определенные предпосылки ее.

Впервые четкое различие между рё (благородные) и сэн (подлые, презираемые) было зафиксировано уложениями периода реформ Тайка (вторая половина VII в.). В группу сэммин (презираемых) вошли различные категории личных и государственных рабов и слуг. Это была попытка сохранить старые формы зависимости, удобные знати.

В данном случае мы имеем дело скорее с классовой дискриминацией. Некоторые группы томобэ (называемые дзакко) оказались в это время почти в том же положении, что и сэммин.

Однако уже в VIII и особенно в IX в. все более выявлялась несостоятельность социальной и политической системы, определенной реформами Тайка. Она подрывалась увеличением числа беглых крестьян, томобэ, дзакко и сэммин, ростом личных землевладений (сёэнов), ослаблением финансовой, военной и политической власти императорского двора и другими процессами. В этих менявшихся социально-экономических и политических условиях происходило формирование новых низших социальных групп японского общества.

К концу X в. из-за возраставших финансовых и организационных трудностей были отменены многие специальные управления, контролировавшие сэммин, томобэ и дзакко¹⁷, которые в связи с этим или превращались в бродяг, или иногда выбивались в хэймин (свободных)¹⁸.

В начале XI в. во многих сёэнах начинают создаваться поселения нового типа, называвшиеся сандзё (по поводу их происхождения существовали различные точки зрения¹⁹). В настоящее время преобладает мнение о том, что сандзё — это опустевшие после побегов крестьян земли, на которых феодальные власти, заинтересованные в рабочей силе, разрешали поселяться бродягам, в первую очередь ремесленникам (в том числе и бывшим томобэ, дзакко и сэммин). Своеобразие положения этих поселенцев в отличие от крестьян заключалось в том, что они были привязаны не к земле (прав на нее они не имели), а к хозяину. Жители сандзё (сандзёмин) освобождались от податей, но были обязаны выполнять работы, удовлетворяющие различные потребности феодального владельца и его хозяйства.

Таким образом, формировалась социальная группа, осуществляющая специфические хозяйственные функции. Городские сандзёмин в основном занимались ремесленным производством (военные доспехи,

¹⁷ Т. Хаясия, *Кодай кокка-но кайдан* («Развитие страны в древности»), Токио, 1957, стр. 286 (на яп. яз.).

¹⁸ К. Иноуэ, Т. Китахара, *Бураку-но рэкиси*, стр. 286.

¹⁹ См., например, С. Такахаси, *Токусю буракусю*, стр. 33.

луки, стрелы, обувь, бамбуковые изделия и т. д.). Жители сандзё, созданных на крупнейших дорогах, обеспечивали транспортные перевозки (они работали паромщиками, лодочниками, грузчиками, обслуживали конные станции). Существовали также сандзё, население которого занималось в основном рыболовством и охотой. Кроме вышеизложенного, сандзёмин должны были производить уборку грязи и различных отходов, хоронить, рыть колодцы и пруды и т. д. Наконец, их обязанностью и монополией была уборка в своих сёнах павшего скота и убой больных и старых животных, что обеспечивало их сырьем для кожевенного производства.

Создание сандзё — это известный результат развития дискриминации в Японии. Круг занятий жителей сандзё был определен и строго ограничен, им запрещалось поселяться вне сандзё²⁰. Окруженные стеной предрассудков, они были в значительной мере изолированы от окружающего населения, что способствовало усилению их сословной замкнутости и выделению в особую дискриминируемую социальную группу.

Наряду с сандзёмин в ту же группу входили и так называемые каварамоно, жители еще одного типа поселений — кавара, создававшихся в то же время. Каварамоно — это нищие и бродяги, селившиеся на «ничей» земле, чаще всего на бесплодных, каменистых участках речных отмелей (отсюда и название этих поселений). Вначале они имели мало прав и практических возможностей заниматься производительным трудом, поэтому среди них было много профессиональных нищих и бродячих артистов.

Кроме того, в кавара, сандзё и другие специальные поселения направлялись осужденные, например участники крестьянских восстаний, часто туда попадали и неизлечимо больные — прокаженные, сумасшедшие, а также скрывающиеся от преследования закона и т. д.

Со временем среди каварамоно увеличилось число ремесленников, особенно занимавшихся кожевенным производством. Все они также попали в зависимое от феодалов положение, и различия между ними и сандзёмин постепенно исчезли.

Условия, однако, продолжали меняться, и в XIV—XV вв. вместо приходившей в упадок системы сёэнов развился другой тип феодальных владений (даймиаты), который в отличие от сёэнов обладал полной хозяйственной, административной, юридической, военной и финансовой независимостью. Начавшиеся в XV в. войны между крупнейшими даймиатами завершились объединением страны лишь в конце XVI в.

Эти события, естественно, оказали свое воздействие на все стороны жизни японского общества, в том числе и на положение сэммин. На окраинах многих строившихся в то время призамковых городов создавались новые поселения сэммин, куда свозились также сандзёмин и каварамоно. Всем им вменялось в обязанность поставлять военное снаряжение и первыми отбивать нападения крестьян в случае бунтов, их заставляли служить тайными осведомителями, сыщиками, полицейскими, тюремщиками и палачами. За свою работу и службу они получали из казны даймё определенное содержание²¹. В деревенских поселениях сэммин отмечаются те же особенности.

Все вышеизложенное углубляло пропасть между сэммин и остальным населением страны, предубеждения и предрассудки перерастали в ненависть, нередко находившую выход в кровавых погромах. Дискриминация принимала все более жесткие формы. Важную роль в этом

²⁰ Т. Хаясия. *Кодаи кокка-но кайдан*, стр. 287.

²¹ «Бураку-но рэкиси то кайхо ундо», стр. 96.

играл субъективный фактор — политика феодальных властей, особенно в период централизованного государства сёгунов Токугава (центральное правительство стремилось унифицировать положение одинаковых социальных групп в разных частях страны путем введения новых строжайших регламентаций), и ряд экономических моментов. Характерно, что многие из ныне существующих бураку²² были созданы именно в XVI—XIX вв.

Группа отверженных в это время все еще делилась на две основные части: этá, по положению схожих с сандзёмин, и хинин, напоминавших по занятиям и условиям жизни ранних каварамоно. Однако это не было простым повторением или продолжением предыдущего, что видно хотя бы из того, что хинин (в отличие от каварамоно) при выполнении определенных условий имели право выйти из группы отверженных. Отмечается также, что значительная часть буракумин (жителей бураку) оказалась в положении отверженных именно в период Токугава.

Часто люди были вынуждены искать спасения в бураку²³, особенно те, кто лишился всех средств к существованию (например, из-за неурожая, наводнений, землетрясений, пожаров и т. д.), кто ушел или был изгнан из какой-либо замкнутой ячейки феодального общества (из общины, пятидворки, цеха или гильдии). Таким образом, бураку пополнялись за счет крестьян, ремесленников, торговцев и даже разорившихся ронинов. Кроме того, туда направлялись некоторые осужденные и неизлечимо больные.

Надо отметить, что в положении отверженных в период Токугава можно заметить процессы, объективно разрушавшие сословную замкнутость. Так, начавшееся еще в XII в. приобщение сэммин к сельскохозяйственному труду стало в XVII—XVIII вв. уже весьма заметным явлением. Отмечается ломка профессиональных ограничений и в других видах деятельности. Кроме того, в городских и сельских бураку, как и во всей стране, начинается процесс классового расслоения, который нанес удар по сословной замкнутости сэммин. Вместе с тем феодальные власти, пытаясь сохранить удобное им социальное деление, доводят дискриминацию до таких форм, когда отверженных начинают считать неприкасаемыми²⁴.

В заключение хочется сказать, что отмеченные выше некоторые детали формирования и развития дискриминации свидетельствуют об ее исключительном своеобразии в Японии. Очевидно, между отдельными группами отверженных имелись довольно существенные различия, хотя все указанные группы были результатом развития одного явления — дискриминации. Таким образом, занимаясь определением конкретных исторических истоков возникновения разных групп отверженных, например дзакко, сандзёмин, каварамоно, этá, хинин или буракумин, мы практически выявляем изменение условий возникновения дискриминации в разные эпохи, что бесспорно связано с общей проблемой ее происхождения в Японии.

---

²² Так называются отдельные поселения и районы населенных пунктов, в которых проживает дискриминируемое меньшинство населения Японии.

²³ «Бураку-но рэкиси то кайхо ундо», стр. 102.

²⁴ Весьма характерна в этом отношении одна петиция крестьян поданная властям в 1711 г. (см. Подпалова, *Крестьянское петиционное движение в Японии*, М., 1960, Приложение, стр. 215, 219). В ней с горечью говорится о том, что к заключенным в тюрьмы старостам-крестьянам в качестве надсмотрщиков приставлены хинин. Это такое страшное унижение и оскорбление заключенных, которое может привести их к голодной смерти, поскольку они предпочтут смерть пище из рук хинин.

О. С. Николаева

ИЗ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ПЯТИДВОРОК В ЯПОНИИ

Публикации об институте пятидворок (яп. гонингуми) в японской и советской исторической литературе посвящены главным образом пятидворкам так называемого токугавского периода (1603—1868), когда происходили деформация и распад феодализма. В течение этих веков система пятидворок распространилась по всей стране и стала поистине всеобъемлющей низовой административной сетью, соответствующей коренным интересам класса землевладельцев. По замыслам правительства она должна была охватить круговой порукой каждого жителя деревни, с тем чтобы полностью подчинить общину политико-экономическим задачам феодалов.

Происхождение пятидворок и их эволюция изучены в Японии, по-видимому, в меньшей степени¹, чем токугавские гонингуми. Среди советских исследователей этим вопросом занималась Г. И. Подпалова, которая в своей работе «Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII—начале XVIII в.» (М., 1960) приводит указ правительства от 652 г. о создании пятерок («гохо») и указ Тоётоми Хидэёси от 1597 г. об организации пятидворок («гонингуми») и десятидворок («дзюнингуми»)². Упоминание о последних встречается также в статье И. Г. Позднякова³. В других работах упоминаются пятидворки только токугавского периода.

Нам бы хотелось остановиться на точке зрения некоторых японских ученых, изучавших институт пятидворок, существовавший во времена режима Токугава. Они связывают его появление с указом 652 г.⁴ и

¹ Этой теме посвящены следующие работы японских авторов: С. Миура, *Происхождение системы пятидворок*, Токио, 1919; Х. Томидзу, *Союзы из 5 домов в эпоху Чжоу*, Токио, 1898; Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, Токио, 1921; «Сборник распоряжений пятидворкам», Токио, 1921; Х. Тамура, *Истинное изучение системы пятидворок*, Токио, 1936; Т. Нисимура, *Новое исследование системы пятидворок*, Токио, 1938; К. Номура, *Документы (записи) пятидворок*, Токио, 1943; С. Ходзуми, *Сборник распоряжений пятидворкам*, ч. 1, 2, Токио, 1944; С. Кувабара, *Очерки (истории) соседских союзов*, Токио 1941; К. Хосокава, *История системы соседских союзов*, Токио, 1939; Ю. Исикава, *Политика просвещения токугавского правительства, рассматриваемая с точки зрения распоряжений пятидворкам*, Токио, 1931. Все работы на японском языке.

² См. приведенную в тексте работу Г. И. Подпаловой, стр. 168, 169.

³ См. сб. «Япония. Вопросы истории», М., 1959, стр. 91.

⁴ См., например: К. Номура, *Документы (записи) пятидворок*; Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*; К. Мута, *Сборник материалов пятидворок нового времени в преф. Миэ гор. Цу*, 1965.

склонны видеть первоисточник этой системы в китайских пятидворках, существовавших в Китае якобы до нашей эры и твердо установленных законодательством Танской эпохи (618—907).

В Японии еще задолго до VII в. среди народа бытовали группы взаимопомощи или кооперативного труда, называемые «юи». Японские ученые считают, что они появились в глубокой древности, т. е., согласно принятой в стране периодизации, их относят к периодам «гэнси дзидай» (III, IV, V вв.) и «кодай» или «тайко дзидай» (VI, VII, VIII вв.)⁵. Видимое, подобная форма коллектива возникла при выделении из рода домовых общин и укрепились в связи с развитием поливного земледелия, требующего усилий множества людей.

Японские исследователи соседских союзов Кувабара и Ходзуми по-разному подходят к оценке роли «юи» в появлении пятидворок. Ходзуми, уделяя немалое внимание этой форме труда, рассматривает ее вне системы пятерок («гохо») VII в., и тем более вне пятидворок позднейших веков, на том основании, что при объединении населения в «юи» число дворов или людей не устанавливалось. Кувабара же видит сквозную связь между древнеобщинными формами деятельности и пятидворками VII в., созданными по указу правительства. Он пишет: «Источники соседских союзов в нашей стране, вероятно, следует искать в глубокой древности (гэнси дзидай)»⁶. Соответственно Кувабара считает, что система «гохо» не является простым подражанием Китаю. По его мнению, Япония приняла только форму, суть же самой системы, навыки коллективизма искони присущи японскому народу. Возможно, автор несколько преувеличивает особенности своей страны, так как всем людям в те далекие времена приходилось в борьбе с природой объединяться в различного вида группы. В Японии, как и в других азиатских странах, освоение поливного земледелия в I в. до н. э.⁷ требовало применения коллективного труда. Это в свою очередь выдвинуло на первый план родовую, а затем и сельскую общину, состоящую из большесемейных или домовых общин.

Упомянутые выше «юи» — это в первую очередь группы сельскохозяйственной взаимопомощи, возникшие скорее всего для возделывания заливных полей. Однако известно, что население объединялось при постройке жилья, для рыболовства и для выполнения других работ, но эти группы представляли собой временно создаваемые родственные или территориальные союзы⁸.

Нам не удалось установить точное время появления «юи». О существовании подобного способа совместного труда еще до оформления раннефеодального государства можно судить по тому, что слово «юи» встречается в географических названиях Идзумо-фудоки («Историческое и географическое описание провинции Идзумо») и в именах богов в «Энгисики» (установления годов Энги X в.). Памятники отражали события, факты и идеологию народа, сложившуюся в течение ряда предыдущих веков. Поэтому нам кажется, что Кувабара вполне правомерно использовал эти памятники в качестве исторических источников. Он указывает следующие названия местностей, помещенные в Идзумо-фудоки: Уюинохама, Таюинохама, Юиносимато, Тамаюинохама, Катаюи-

⁵ См.: Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, стр. 37, 39; С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 23, 26, 27.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ См.: М. В. Воробьев, *Древняя Япония*, М., 1958; «Малый словарь по истории Японии», Токио, 1964, Приложения, стр. 134.

⁸ См.: С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 24; Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, стр. 38; словарь «Кодзиэн», стр. 2157.

нохама, Таюиноура, Киюиносато и др. В «Энгисики» встречается, на пример, Таюинокаминосиро⁹.

Вводя систему пятерок («гохо») в VII в., японское правительство исходило из хозяйственно-политического сходства своей страны с Китаем, но несомненно использовало и ранее сложившиеся традиции японской общины.

Другую линию преемственности в создании «гохо» следует, по нашему мнению, искать в войсковых соединениях родов, а возможно, и в культовых обрядах. Кувабара пишет, что об этом упоминается в «Кодзики» (VIII в.) и «Нихонги» (IX в.). В «Кодзики» («Записи древних событий», VII в.) говорится об организации пятерок в дружинах рода Мононобэ¹⁰, боровшегося с родом Сога накануне возникновения раннефеодального государства. На наш взгляд, своему возникновению «гохо» обязаны как производственным объединениям «юи», так и войсковым единицам родовых дружин, ибо жизнеспособность политических и социальных институтов в значительной мере определяется укоренившимися в народе традициями.

В период же перехода родовой организации общества к централизованному государству, когда основой общественных контактов были традиционные (примитивно-производственные, родственные и культовые) отношения, аппарат насилия формировался на базе использования сложившихся социальных навыков. Возникшее государство было органически связано с предыдущим обществом, хотя постепенно и освобождалось от тех порождений родового строя, которые мешали главной линии развития.

Кроме того, воинские пятерки в родовых дружинах нельзя отрывать от жизни общины, потому что сама община должна была сохранять максимальную мобильность в условиях непрерывных войн за расширение территории племени. Маркс писал, что община, занявшая определенную территорию, может встретить сопротивление тех, кто поселился здесь раньше или претендует на эту же территорию. «Поэтому война является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить. Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»¹¹. Можно ли рассматривать с точки зрения выводов Маркса состояние Японии в период распада родового строя?

Образование общеплеменного союза, предшествующего созданию государства, сопровождалось борьбой родов за первенство, за владение землей, принявшей особенно жестокие формы в IV—VI вв. В этот период несколько ослабевают родовые связи, происходит смещение и укрупнение родов, за счет слабых территориально обособляются малые роды вследствие покорения неапонских племен, отдаленных от расположения главного племени Ямато¹².

Растет имущественное неравенство, а вместе с ним и недовольство эксплуатируемой части населения. Наблюдаются известные сдвиги в

⁹ См.: С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 23, 24. Примеры употребления слова «юи» в далекой древности приводятся также в «Дайхяккадзитэн» («Энциклопедия»), т. 10, стр. 49.

¹⁰ См. С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 46.

¹¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 8.

¹² См.: М. В. Воробьев, *Древняя Япония*, стр. 90, 91; Т. Фукуда, *Общественное и экономическое развитие Японии*, пер. с нем., Л., 1926, стр. 17.

развитии ремесла и обмена, так как общинное производство и потребление уже давно перестали соответствовать существовавшим условиям. Еще до реформ VII в. (реформы Тайка) экономической единицей выступает малый род, состоявший из крупных семейных общин, обладавших правом длительной обработки земельных участков¹³.

Неурядицы и войны между родами нарушали хозяйственную деятельность общин и вынуждали крепить боевую готовность. Родовые вожди были кровно заинтересованы в охране своей территории, в захвате и в уничтожении других родов, а это в свою очередь требовало создания максимально боеспособного строения дружин. Вероятно, этому отвечала группа из пяти воинов, где каждый наблюдал за соседом, а все вместе легко контролировались старшим. Кроме того, мелкие соединения отличались большей маневренностью в битвах.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что при законодательном установлении системы пятерок («гохо») в 652 г. правительство учитывало опыт и эффективность военно-хозяйственной практики, издавна существовавшей как среди земледельцев, так и среди воинов. Поэтому о влиянии Китая можно говорить лишь постольку, поскольку китайские государственные институты отвечали внутренним потребностям Японии.

Исследуя связь между развитием пятерок и жизнью общины, необходимо остановиться на «тисики-юи» — объединениях людей — братьев по буддийскому вероисповеданию. Японские ученые объясняют их появление распространением буддизма в Японии в VIII в. Слово «тисики» в буддийском толковании означает «знакомые», «друзья», а в переносном смысле — люди, ведущие к добру и знаниям по законам Будды (способствующие распространению и процветанию буддизма¹⁴). В японских материалах упоминается, что в «тисики-юи» объединялись целые поселения. Основой данного вида кооперации являлись религиозные воззрения, а не соседские или родственные узы. «Тисики-юи» принимали большое участие в строительстве буддийских храмов, молен, воздвигали обелиски в честь Будды¹⁵, случалось, строили и мосты. Не касаясь идеологической стороны вопроса, стоит отметить, что сотрудничество верующих имело немалое значение в утверждении государственной религии.

Деятельная жизнь общины, накопившей опыт в совместном труде, в хозяйственной и духовной жизни, способствовала укоренению введенного государством института пятерок («гохо»), призванных поддерживать социально-экономическое, политическое и духовное господство класса фактических землевладельцев.

Какие же обязанности возлагало правительство на «гохо»? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо кратко коснуться реформ середины VII в., кодифицировавших происшедшие изменения в родовом строе. Работа над реформами началась в 646 г. и закончилась к 686 г.

Позднее они подвергались изменениям, сохраняя при этом главные принципы 646 г. Содержание реформ заключалось в ликвидации управления родовых вождей и в переходе власти к императору, представителю наиболее могущественного рода. По новой административной системе страна была разделена на провинции (куни), уезды (гун или

¹³ Т. Фукуда, *Общественное и экономическое развитие Японии*, стр. 18.

¹⁴ См.: «Малый словарь по истории Японии», стр. 448; словарь «Кодзиэн» («Симмура Идзурю»), стр. 1379.

¹⁵ Подробно см. С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 35, 36, 37.

кори), поселения (ри), объединявшие 50 домовых общин¹⁶. (В начале VIII в. «ри» стало обозначаться иероглифом «го», хотя кое-где при наличии «го» существовало написание «ри». Причины перемены названия объясняются, может быть, тем, что «ри» является еще единицей измерения площади, а это создавало известные неудобства.) По указу императора Котоку в 652 г. были составлены подворные списки населения («косэки»). Дом, семья («из», «ка»), состоявшие из двух-трех поколений родственников, отныне стали именоваться «ко». Пять дворов объединялись в «хо», и эта единица стала называться «гохо» — пятерка, во главе которой стоял староста — «хотё»¹⁷.

Разложение родового строя завершилось оформлением классового, гражданского общества, которое делилось на территориальные единицы с территориальным управлением. Новая власть обособилась от населения и в тех исторических условиях выполняла прежде всего функции защиты монопольных прав господствующего класса на владение землей, ибо она стала богатством, определявшим положение в обществе того или иного лица или группы лиц.

По кодексу законов (Тайхо-рицурё) родовые конфедерации лишались права землевладения, земля объявлялась государственной (императорской) собственностью. Население, как свободное («комин»), так и рабы (государственные — «конухи» и частные — «синухи»), получало участки по надельной системе («хандэн» — «раздел рисового поля»), которая осуществлялась на основе подворных списков. Дворы представляли собой домовую общину, куда входили братья, дяди, племянники и другие родственники главы дома. Фрагменты переписи показывают, что двор состоял из 15, 20, 30, 40 человек и величина участка зависела от общего числа членов дома. Мужчины от пяти лет получали два тана¹⁸, женщины — $\frac{2}{3}$ мужского надела, государственные рабы — надел, одинаковый со свободными, частные — $\frac{1}{3}$ надела свободных¹⁹.

Крестьяне платили поземельный налог рисом и подушную дань с совершеннолетних мужчин, вносимую тканями, солью, различными изделиями ремесла, и выполняли так называемую барщину (ё, тикарасиро). Последняя выплачивалась также натурой взамен рабочей повинности, существовавшей в дореформенное время. Первое время после реформы единицей обложения был двор («ко»), насколько позднее был введен подушный налог. Барщина, видимо, не развилась, особенно в пристоличных провинциях, из-за отсутствия императорского домена, так как вся земля распределялась среди крестьян.

Экономическая зависимость земледельца от надела позволяет рассматривать раннефеодальное государство Японии как крепостническое, но без сильной личной зависимости. Причина последнего заключается в том, что основа поливного земледелия — ирригация — зиждилась на труде общины, хотя и находилась под наблюдением правительства²⁰.

¹⁶ Подробно об административном делении см.: Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, стр. 18; Т. Фукуда, *Общественное и экономическое развитие Японии*, стр. 26. Относительно слова «ри» см. «Малый словарь по истории Японии», стр. 723.

¹⁷ См.: Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, стр. 18—22; С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 15; Т. Фукуда, *Общественное и экономическое развитие Японии*, стр. 26.

¹⁸ 1 тан = 0,099 га.

¹⁹ См.: «Малый словарь по истории Японии», стр. 571; Т. Мурасава, *История провинции Синано*, Токио, 1342, стр. 28. и другие материалы. По мнению Фукуда, разница в наделении земель рабов объясняется тем, что государственные рабы — дворцовые ремесленники — могли сами вести хозяйство. Частные же, работая на земле господина, были не в состоянии обработать свой участок полностью.

²⁰ См. К. Хогэцу, *История ирригации в средние века*, Токио, 1943, стр. 10—12 (на яп. яз.).

В довольно сильной степени сохранились кровнородственные связи, единицей экономики признавалась домовая община («ко»). В то же время кодекс ликвидировал политико-экономические права малых и слабых родов, сохранив за ними некоторые военно-социальные функции.

Разбросанность поселений и примитивность средств сообщения затрудняли контроль и регулирование жизнедеятельности домовой общины государственным аппаратом. Эта задача была возложена на пятерку, как первоначальную административную единицу. Первый указ от носительно создания «гохо» вышел в 652 г., формирование системы произошло в 701—718 гг. при доработке кодекса Тайхо-рё²¹.

Руководствуясь фрагментами подворных списков, Кувабара составил таблицу структуры «гохо», где ясно видна кровнородственная связь общин, входящих в пятерку. Однако факт присоединения к пятидворкам домовых общин другого рода свидетельствовал о глубоком проникновении новых связей.

Нам бы хотелось остановиться на обязанностях «гохо», зафиксированных в указе 652 г., переведенном Г. И. Подпаловой из исторического словаря («Кокуси дайджитэн», Токио, 1908). В десяти пунктах указа говорится о борьбе с бегством, взаимной ответственности и слежке, взаимопомощи, работе на дорогах и мостах и разведении тутового дерева²². (У Ходзуми, Кувабара, Фукуда и в современных исторических словарях эти обязанности представлены шире.)

Главнейшая задача, возложенная на эту систему,— гарантия уплаты податей (где взаимная ответственность крестьян выступает особенно отчетливо). В распоряжениях говорится, что если глава дома укрывается от внесения подати, то пятерка должна его отыскать в течение трех лет, а надел обязана обрабатывать домовая община («ко»), несущая ответственность перед «гохо». Если же в семье никого не оставалось, то обработку надела и уплату податей возлагали на пятерку и родственников исчезнувшего дома до третьего колена. После трех лет в случае необнаружения главы дома его семейство исключалось из «гохо», а земельный участок возвращался правительству²³.

Взаимный контроль за поведением и передвижением населения и общие обязанности по благоустройству позволяют рассматривать пятерку как орудие всестороннего утверждения господства императорского дома. Функции «гохо» имели реальное значение только при централизованном государстве, а когда стали развиваться центробежные силы и власть императора становилась призрачной, начался распад наделной системы (хандэн), противоречивой с самого начала. По идее, заложенной в ней, предполагалось равное наделение земель всех подданных императора, практически же производилось отчуждение как вновь разработанных, так и земельно-жилищных участков (хотя на это требовалось разрешение). Совершенно свободно отчуждались садовые земли. Следовательно, признавалось имущественное расслоение земледельцев.

Таким образом, к середине X в. наделная система пришла в упадок, хотя начало ее разложения можно отнести уже к концу VIII в. В течение X—XI вв. большая часть государственных земель преврати-

---

²¹ См.: Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, стр. 18; «Малый словарь по истории Японии». Приложения, стр. 136.

²² Г. И. Подпалова, *Крестьянское петиционное движение...*, стр. 165.

²³ Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, стр. 24, 25; С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 29; Т. Фукуда, *Общественное и экономическое развитие Японии*, стр. 26; «Малый словарь по истории Японии», стр. 259.

лась в крупные частнособственнические поместья (сёэн)²⁴. Государственная собственность исчезала, утрачивало свое значение и централизованное государство, а вместе с ним и пятерки как низшая административная единица. В указах императоров пятерки в своем первоначальном смысле упоминаются до первых десятилетий IX в., соседские же союзы как опора центральной власти — до конца века.

Рост населения и стремление к обогащению вызвали быстрый подъем нови, а также разработку земель «кондэн», которая велась как с помощью государства, так и частным путем. В первом случае с новых земель взималась более высокая подать, чем со старых, из-за права пользования уже существующей системой орошения. Во втором — устанавливалось длительное пользование освоенным участком земли «кондэн» без какого-либо обложения (по закону 723 г. до третьего поколения), а несколько позднее произошла передача «кондэн» в личную собственность, так как ограничение срока приводило к хищническому использованию земли и разрушению ирригационных сооружений. Нередко бывало, что к вновь поднятым землям присоединялась наделная земля или же крестьяне оставляли подушные наделы и переходили исключительно на разработку нови, за счет которой расширяли свои владения наместники провинций, становясь богатыми независимыми землевладельцами.

Расширялись также храмовые и монастырские земли (они не облагались податями, и на них не распространялись никакие повинности) за счет пожертвований. Земли жертвовали не только представители знати и зажиточные крестьяне, но и крестьяне-бедняки, страдавшие от непосильного гнета. Спасаясь от поборов и повинностей, они передавали храмам свои земли, а сами становились их арендаторами.

По данным Кувабара, в VIII — начале IX в. на «гохо» возлагалась ответственность за охрану общественного порядка (надзор и борьба с воровством, убийствами, поджогами). Кроме того, из-за уменьшения налоговых поступлений, поглощения крестьянских наделов частным землевладением, нищеты и голода земледельческого населения в первой половине IX в. издается указ об ответственности пятерок за правильное распределение помощи крестьянам из государственных кладовых²⁵.

Из подворных списков провинций Мино и Сануки видно, что «гохо» встречаются и в самом начале XI в., хотя в это время уже отчетливо выступают изменения в системе. Вопреки законам, «го» объединяет произвольное число дворов, а не пять, как требовалось раньше, но распад административного механизма не нарушил связи, сложившиеся в крестьянских поселениях. Как и раньше, большое хозяйственное значение сохраняют полуродственная, полусоседская «юи» и процветает упоминаемая «тисики-юи».

В японских материалах приводится стихотворение — танка императора Хорикава (XI в.), где говорится о высадке рисовой рассады силами «юи»²⁶.

Замкнутые частнособственнические поместья («сёэн») стояли вне юрисдикции государства, потрясаемого борьбой крупных феодалов за землю, за власть (наиболее известны войны домов Тайра и Минамото).

²⁴ В X—XII вв. сёэн — крупные земельные владения, по существу частная собственность. Например, знаменитому дому Тайра принадлежала примерно половина земли Японии того времени.

²⁵ См. С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 32, 33.

²⁶ См.: Н. Ходзуми, *О системе пятидворок*, стр. 38; С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 24, а также японские словари и справочники.

Масса крестьян, ранее подвергавшихся эксплуатации правительственным аппаратом, попали в частную поземельную и личную зависимость к феодалам. В «сёэн» возник слой средних и мелких землевладельцев (мёсю). В «Малом словаре по истории Японии» (1963 г.) говорится, что предшественниками мёсю являлись главы семей («катё»), руководившие, согласно реформам VII в., всеми проживающими в доме (членами семьи, зависимыми, слугами). Поля, принадлежавшие «мёсю», назывались «мёдэн» (именные поля) и являлись хозяйственно-податной единицей и обрабатывались различными категориями зависимых.

Если в начальный период образования сёэн положение крестьян в этих поместьях было несколько лучше положения надельных, плативших подати государству, то по мере увеличения потребностей владельцев «сёэн» («рёсю»), вызванных, пожалуй, в первую очередь созданием воинских дружин для охраны владений, размер обложения достиг 40—60 % урожая. В этих условиях исчезла необходимость восстановления пятерок, ибо публично-правовые функции сосредоточились теперь в руках управляющих поместьями. Им подчинялись владельцы именных полей, вносящие подати в пользу сеньора. Каждый земледелец находился в поле зрения мёсю и поместной администрации. Практика «го-хо» использовалась для сохранения мира, для предупреждения вспышек недовольства среди крестьян. Группы («хо») создаются, но число домов, как упоминалось, не ограничивается пятеркой.

В течение последующих веков (XIII — первая половина XVI в.) в Японии с небольшими перерывами происходит упорная межфеодалная борьба за территорию, за господство над крестьянами²⁷.

Меняются формы феодального землевладения. На место частновладельческих «сёэн» (аллодов, возникших на базе пожалований и разработки нови) приходят феоды, в которых поземельные отношения развиваются из военной субординации. Наделение воинских дружин земель, введенное Минамото Ёритомо, продолжалось на протяжении всех последующих веков. Правители Японии и крупные владельческие феодалы жалуют дружинникам землю сперва в пожизненное (бенефиций), а затем в наследственное владение при условии военной службы в интересах сеньора. Появилась так называемая условная феодальная собственность, неделимая и не являющаяся имуществом дома. Аллод и бенефиций становятся леном.

При сёгунах Минамото началось установление иммунитета [право юрисдикции и сбора податей, предоставленные наместникам и чиновникам правительства («сюго» и «дзито»)]. Претерпевает изменения и община в прямой связи с изменением форм феодальной собственности и развитием иерархии.

Генеральный путь эволюции общины, так же как и всюду, заключался в постепенном ее подчинении владельцам крупных аллодов. Еще по законам «дзёэй» правитель имел право давать разрешение «дзито» на присоединение общинных лесов, лугов и пастбищ, но часто это делалось и без его разрешения. Однако феодалы не могли превратить общину в придаток к своим владениям и полностью закрепить крестьян,

²⁷ В XIII в. борьба за власть наследников Минамото Ёритомо и переход управления страной к дому Ходзё. XIV в. — выступление императора Годайго против Ходзё. 1336 г. — захват власти полководцем Годайго Асикага. 1336—1392 г. — время правления враждующих северного и южного царств (Намбокутё). Вторая половина XV в. — феодальные смуты годов Онин (с 1467 г.). Затем, в течение века, — так называемый период воюющих государств (Сэнгоку дзидай), когда буквально каждый феодал так или иначе принимал участие в борьбе за землю и власть, происходившей между крупными домами. В это же время, в XV—XVI вв. (примерно до 1567 г.), вспыхивали небывало сильные и массовые восстания крестьян.

что объяснялось наличием системы орошения, создававшейся коллективным трудом земледельцев. Еще во времена централизованного государства, когда оно финансировало и контролировало систему ирригации, состояние ирригации прямо зависело от труда главным образом крестьян-общинников, получивших наделы.

Японский ученый Хогэцу Кэйго, на наш взгляд, справедливо указывает, что важнейшей причиной развала надельной системы²⁸ было пренебрежение к ирригации. При формировании частновладельческого землевладения, допуская на первых порах несколько большую свободу для крестьян, чем община, земледельцы оставляли душевые наделы и бежали в поместья. Наделы запускались, оросительная система разрушалась, и государство лишалось основного источника дохода — рисовой подати. Этим и были вызваны многочисленные указы правительства о равномерном распределении воды на полях, о недопустимости захвата оросительных каналов богатеями поселений.

В так называемый камакурский период (1185—1335), когда на развалинах поместий возникали феодалы, распределением воды и защитой прав на орошение руководили феодалы. Однако еще до полного утверждения ленного землевладения наряду с поместьями существовали деревни типа соседской общины («сонраку»), в которых крестьяне объединялись и создавали органы самоуправления с целью сохранности оросительной сети.

По мере усиления межфеодальной борьбы увеличивается противодействие земледельцев разрушительной силе войн: создаются объединения мелких поместий, растет роль самоуправления в ирригации. Безусловно, повышение удельного веса самоуправления, жизненно важно для крестьянина, в значительной мере основывалось на традициях коллегиальности, упрочиваемых и низшей административной единицей «гохо» и производственной группой «юи», известной еще со времен древности.

В XIII в., в начале правления Минамото Ёритомо, снова вводится система пятерок с целью взаимного контроля жителей. Но по мере развития феодалов, сопровождающегося усобицами и освобождением владений от опеки правительства, снова происходит нарушение установленных правил о пятерках и в группы «хо» опять стало входить неограниченное число дворов. В XV в. крестьянские поселения предстают в виде «со», ядром которых были «мёсю», упоминаемые раньше владельцы именных полей, сохранившие известное влияние среди односельчан. Из них выделились лица, называемые «сатанин» или «тё», в обязанность которых входила информация жителей о распоряжениях властей и сбор податей²⁹.

«Со» имели большое значение для крестьян. На собраниях решались вопросы, касающиеся общинной земли, ирригации, обеспечения безопасности во время смут феодалов. Действенность «со» объясняется именно тем, что все жители принимали участие в сохранности деревни как производственного коллектива.

Формирование сельской или соседской общины усиливается за счет мелких крестьянских хозяйств, освободившихся тем или иным путем от зависимости сеньора поместья. В этих общинах, как внутри, так и вне, появляются различные типы организаций — союзы («куми»), а опора «сёэнов» — «мёсю» — становятся старостами («нануси» или «сёя»), которые по мере возможности стремятся защитить население деревни

²⁸ См. К. Хогэцу, *История ирригации...*, стр. 27, 28.

²⁹ См. там же, стр. 338; «Малый словарь по истории Японии», стр. 279.

и сельскохозяйственное производство от разорения, причиняемого феодалными усобицами. Вообще необходимо отметить, что создание самоуправления и руководство делами деревни самой общиной дали положительные результаты.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что усовершенствование орудий производства и ирригации было в большей степени делом самих крестьян, чем феодалов, занятых войнами за землю, за власть. По всей вероятности, в XIV—XV вв. правительство не восстанавливало систему пятерок, так как почти непрерывные войны между землевладельцами, в ходе которых создавался новый вид владений (даймиат, или княжество), крайне ослабили центральное правительство дома Асикага. Кроме того, период с XV и большая часть XVI в. шел в Японии под знаком крестьянских восстаний такого размаха, который официальная история характеризовала словами «низы побеждают верхи» (яп. — «гэкокудзё») ³⁰. Конечно, феодальное влияние просачивалось в общину через богатых крестьян и мелких феодалов.

Указанные века в целом можно характеризовать как время относительно свободного развития жизни в общине. Не случайно тогда быстро развивались производительные силы в сельском хозяйстве, росли города, расширялись товарно-денежные отношения. Стоит вспомнить расцвет так называемых вольных городов Сакаи, Хирано, Хаката и др., основой жизнедеятельности которых являлся главным образом избыточный продукт деревни.

Несомненно, развитию хозяйственной деятельности крестьян способствовали укоренившиеся обычаи коллективной жизни, хотя в известных нам материалах нигде не говорится о правительственной организации крестьянских пятидворок в XVI в. Известно, однако, что в первой половине столетия, а по всей вероятности и раньше, сами владельческие даймё создают пятерки среди дружинников (самураев) ³¹ с целью экономического, военного и идеологического усиления дайматов в этот период смут и крестьянских восстаний. Например, даймё из Кагосима (Кюсю) Симадзу Такахиса и его отец в 1536 г. издали распоряжение самурайским пятидворкам, в обязанность которых входило усердно работать в сельском хозяйстве, воспитывать одного из сыновей для несения воинской службы и в духе верности своему господину, а также выполнять сыновний долг по отношению к родителям ³². Эти пятерки, объединяя как самураев, живущих при замке, так и внезамковых, являлись первичной воинской ячейкой грозного в свое время даймата. Опуская подробности войсковой организации у Симадзу, отметим лишь, что кагосимская система устанавливалась по семейно-соседскому принципу. С каждых пяти тан земли, обрабатываемых домом, в дайматскую дружину выделялся один мужчина.

В свободное от выполнения военной службы время все работали на полях. Кувабара правильно замечает, что «самурайские пятидворки являлись не чем иным, как одной из форм соседских союзов» ³³. Подобная организация военных сил существовала и в других дайматах. Естественно, что люди, добывающие средства к существованию на земле

³⁰ В XV в. произошло 113 восстаний. По последним данным, наиболее ощутимые результаты дало восстание крестьян в провинции Ямасиро, где организовалось самоуправление, действовавшее семь-восемь лет. Самоуправление было организовано и в провинциях Кии и Кага. XVI в. характеризуется крупными массовыми восстаниями под флагом буддийской секты «икко», учение которой приняло в силу ряда причин характер, доступный и понятный крестьянской психологии.

³¹ С. Кувабара, *Очерки...*, стр. 43.

³² Там же, см. Документы дома Симадзу

³³ Там же, стр. 44, 45.

фесдала, обязанные защищать эту землю и связанные между собой родственными и соседскими узами, составляли крепкую опору своему господину. Если к тому же добавить воздействие строжайших правил, касающихся выполнения долга перед сюзереном и поддержания установленных отношений, то становится ясным происхождение патернализма и стойкость самурайской идеологии.

Таким образом, даймё, не на жизнь, а на смерть воевавшие за землю и за крестьян, поставили себе на службу вековые традиции общинной жизни. Распоряжения, идущие сверху, укрепляли саму общину, а организация дружин по принципу «сегодня ты пахарь, а завтра воин» вооружала крестьян и прививала им военные навыки. Совсем не случайно Хидэёси, один из ярких выразителей интересов нового вида землевладельцев, выполняя задачу полного покорения общины, чуть ли не в первую очередь (1588 г.) издал декрет о всеобщем разоружении крестьянства. Он же в масштабе всей страны установил пятидворки среди самураев и десятидворки среди низших³⁴.

Политика Хидэёси по существу явилась базой токугавского режима (представляющего особый этап эволюции феодальной государственности Японии) и поэтому подлежит самостоятельному рассмотрению.

---

³⁴ В Указе Хидэёси (1597 г.) употребляются равнозначные слова «симодзимо» и «гэнин», т. е. низшие, простолюдины. В конце XVI в. это многочисленная прослойка, видимо, бывших рабов, проживающих в усадьбах владетельных самураев, правительственных чиновников, администрации даймитов. Они обрабатывали землю, которую эксплуатировал непосредственно господский дом, а не крестьяне. В указанное время «низшие» становились серьезной силой в сельскохозяйственном производстве, соответственно повышалось и их социальное положение. Многие из «симодзимо» строят свои жилища и на правах арендаторов работают на своих участках земли («Малый словарь по истории Японии», стр. 206, 403).

В. Н. Горегляд

**НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О ПОСОЛЬСТВЕ
Н. Н. МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО В ЯПОНИЮ (1859 г.)**

После установления регулярных отношений между Россией и Японией (Симодский трактат 1855 г., дополнительный трактат 1857 г. и открытие российского консульства в Хакодате в 1858 г.) правительства обеих стран продолжали в течение некоторого времени обсуждать неурегулированные вопросы. Один такой вопрос — о русско-японской границе — обсуждался 20 лет, до 1875 г. В течение этого времени русские посольства не один раз прибывали в Японию.

5/17 августа 1859 г. для переговоров о проведении государственной границы по проливу Лаперуза в Японию прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский. Однако все его старания не достигли цели (в значительной степени из-за противодействия европейских держав и сложности международной обстановки после Крымской войны), и он должен был возвратиться на родину ни с чем.

Это был один из многих эпизодов в трудной истории нормализации русско-японских отношений, сам по себе известный в деталях и лишенный сенсационных подробностей. Однако он сопровождался событием, встревожившим правительственные круги не только России и Японии, но и других держав. Суть этого события заключалась в следующем.

Эскадра из девяти военных кораблей, доставившая посольство Н. Н. Муравьева-Амурского в Японию, бросила якорь в Эдоском заливе, возле устья р. Синагава. Посольство выехало в Эдо, а эскадра вместе с кораблями других стран и в непосредственной близости к западным дипломатическим представительствам продолжала оставаться на старом месте. Снабжение людей провизией осуществлялось специально назначавшимися группами моряков, регулярно выходившими на берег.

13/25 августа того же года в наряд за провизией были назначены мичман Роман Самойлович Мофет, матрос Иван Соколов (оба с корвета «Гридень») и мещанин Александр Корольков, бывший в услужении командира эскадры, капитана I ранга Попова. Эта группа, сопровождаемая мичманом Авиновым, направилась в Иокогаму. Авинов должен был ожидать возвращения группы в условленном месте. В восьмом часу вечера, когда трое русских моряков, произведя закупки, возвращались в порт, на одной из боковых улочек города на них было совершено неожиданное нападение. Соколов был зарублен насмерть, Мофет смер-

тельно ранен (через 2 часа он скончался), а Корольков (он шел впереди всех), предупрежденный криком Мофета, на которого напали раньше, получил рану в руку, но успел укрыться в ближайшей лавочке. Преступники тут же скрылись, прихватив с собой ящик с серебром, принадлежавший их жертвам.

Вскоре на место происшествия прибыли случайно оказавшиеся поблизости американские моряки и мичман Авинов. Авинов поднял на ноги японские власти, известил через них командование эскадры о нападении и вызвал врача к раненому.

Далее в дело вступили дипломатические представители — британский консул и назначенные для ведения следствия Н. Н. Муравьевым-Амурским флигель-адъютанты — капитаны I ранга Попов и Унковский.

Этот инцидент вызвал в Европе определенную реакцию, обнаружившую две различные точки зрения. Первая отражена в лондонской «Таймс», в номере от 17 ноября 1859 г.¹, вторая — в русском журнале «Морской сборник», опубликовавшем рапорты и донесения участников расследования.

Расхождения были как в характере информации об инциденте, так и в оценке поведения японских властей в связи с ним, а отсюда и в выводах относительно дальнейшей политики западных держав в Японии.

В материалах, опубликованных в «Таймс», в частности, были сгущены краски и без того мрачной картины преступления: «Офицер и матрос были почти изрублены в куски, буфетчик (А. Корольков. — В. Г.), хотя, к сожалению, смертельно ранен, еще жив, успев после первой раны убежать в одну лавку».

Весьма пессимистично расценивала «Таймс» и отношение японских властей к необходимости розыска и наказания преступников: «Но губернатор, — писала газета, — когда пришел к нему, в 4 часа утра, британский консул Вайзе (Vyse), — услышав о случившемся, отозвался обо всем деле с грубым легкомыслием (таковыми, по крайней мере, показались его слова), и потому мало надежды, что будет что-либо предпринято, если граф Муравьев не станет устрашать правительство за последствия».

И наконец, газета определенно настаивала на политике силы в отношении Японии и предостерегала западные державы от укрепления позиций России на Дальнем Востоке: «При нынешнем положении дел в Европе конечно было бы странною случайностью, если б Англия, Франция и Америка были обязаны заступничеству сибирского генерал-губернатора и непредвиденному присутствию могущественной русской эскадры, личную безопасность своих дипломатических агентов в Японии, равно как возможностью поддерживать свое положение».

Материалы, опубликованные в «Морском сборнике», говорят нам совсем о другом отношении японских властей. Британскому консулу, обвинявшему японских губернаторов в бездействии, прямо возражает флигель-адъютант Попов², разделявший основанное на результатах следствия убеждение Н. Н. Муравьева-Амурского, что в убийстве не замешано правительство, народ или какая-нибудь политическая партия³. «Японское правительство, — констатирует «Морской сборник», — напротив, достаточно выказало при этом случае как свое сожаление о

¹ Статья из «Таймс» цит. по: «Морской сборник», 1859, № 12, Смесь, стр. 106—109.

² «Из рапорта флигель-адъютанта Попова», — «Морской сборник», 1860, № 15, Известия, стр. 39.

³ «Из донесений генерал-губернатора Восточной Сибири», — там же, стр. 37—38.

случившемся, так и готовность оказать нам удовлетворение»⁴. В рапорте флигель-адъютанта Унковского от 17 сентября 1859 г. указана даже такая деталь: японское правительство предложило «в назначенный срок казнить на месте преступления в присутствии моем, полицейского чиновника, который был дежурным в Иокогаме в день убийства. На это последнее решение, казавшееся мне несправедливым, я не согласился»⁵.

Дальнейшее поведение Н. Н. Муравьева-Амурского и меры, которые он посчитал нужным принять по результатам следствия, в «Морском сборнике» описаны так: «...граф Муравьев-Амурский не счел нужным противу слабых употребить превосходные силы нашей эскадры, находившейся в его распоряжении, а приняв во внимание деятельное и особенное участие Японских властей при следствии, произведенном флигель-адъютантом Поповым, заботы местных властей о несчастных жертвах преступления, публичное соучастие представителей Японского правительства в торжественной похоронной процессии убиенных Русских, совершенно приличное обстоятельству поведение и поступки народонаселения в Иокогаме, во время торжественных похорон, наконец, посылку на нашу эскадру со стороны правительства особой депутации для принесения извинения о случившемся,— граф ограничился требованием: чтобы губернатор Иокогамы был смнен и Японское правительство приняло бы все зависящие от него меры для предупреждения впредь подобных преступлений и для совершенной безопасности иностранцев, пребывающих в Японии»⁶.

Таким образом, налицо две тенденции в оценке одного события, две линии поведения в одной ситуации. Обе они аргументированы, и у каждой свое понимание отношения японских властей к инциденту. Приведенные цитаты дают возможность заключить, что и то и другое понимание может быть справедливым, поскольку первое основано на реакции губернатора непосредственно после инцидента, а второе — на общей политике японского правительства, определившейся, возможно, некоторое время спустя.

Однако толкование реакции японского губернатора, предложенное британским консулом, имеет слабое звено: оно не документировано. «Грубое легкомыслие» губернатора — плод первого впечатления британского консула, высказанного не категорически.

Было бы интересно иметь документ, зафиксировавший отношение официальных властей Японии к инциденту в первые часы после убийства русских моряков.

Такой документ есть.

В Рукописном отделе Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР хранится написанное японской скорописью письмо (шифр — В-260; 1 лист, 19 × 90; 24 строки; бумага японская, плотная) и его буквальный перевод на голландский язык (шифр — В-261; 1 лист, 63 × 18; 37 строк; бумага та же, что в оригинале; почерк — каллиграфический). Содержание письма таково:

«Русскому лейтенанту Авекову

[Ваше] послание получили, вскрыли и прочли [в нем сообщение о том], что вчера один офицер и два матроса из числа людей, прибывших в этот порт, были [один] ранен, [один] убит на месте⁷ и еще [один] — тяжело ранен⁸.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ «Из рапорта флигель-адъютанта Унковского», — там же, стр. 43.

⁶ «Из донесений генерал-губернатора Восточной Сибири», стр. 38.

⁷ Буквально: «сразу скончался».

⁸ В голландском варианте — «смертельно ранен».

По этому случаю Вы просили отправить письмо, чтобы был вызван врач, который имеется на военном корабле их страны, стоящем на якоре на рейде Синагава, а также — чтобы на шлюпке, которая доставит [на корабль эту] недобрую весть, привезли охрану.

Полностью согласившись [с этим, мы], нижеподписавшиеся, направили⁹ на вышеозначенный корабль вместе с Вашим посыльным правительственного чиновника с нашей стороны, которому велено подробно изложить обстоятельства происшествия и меры, принятые нами для поимки бежавших преступников, а также уведомить о том, что скоро на эту улицу будет прислан офицер с целью заняться всеми вопросами, касающимися того происшествия; о том, что, не считая корабельной стражи, [мы] выслали еще и охрану для мест нахождения [иностранцев], и о том, что в дальнейшем, когда случится надобность посетить [порт] или ходить [по нему], [Вы] должны без стеснения оповещать нас об этом.

Вышеприведенное сообщение изложили уважающие Вас
Мидзуно Тикиго-но-ками
Като Ики-но-ками.

Ансэй 6-й год Барана, 28-й день 7-й луны».

Обозначенная в письме дата в европейском календаре соответствует 14/26 августа 1859 г.¹⁰ Подписано письмо тогдашними губернаторами провинции Канагава, куда входил г. Иокогама. Что касается адреса, то ни фамилии Авеков, ни фамилии Кофф (в голландском варианте значится «A ve Koff») в документах о посольстве Н. Н. Муравьева-Амурского нет. По-видимому, адресатом, под искаженной фамилией Авеков, был русский офицер мичман Авинов, находившийся 14 августа на берегу, первым затребовавший к раненому врача и первым через японских властей известивший командование эскадры о происшествии.

Таким образом, приведенное письмо является документальным свидетельством первой реакции японских властей на убийство в Иокогаме.

Из письма следует, что реакция эта была немедленной и предусматривала меры по оказанию помощи раненому, по розыску преступников и охране безопасности находившихся в Японии иностранцев. И наконец, что существенно, это была реакция на письмо Авинова, а не на визит консула Вайзе.

Следовательно, информация газеты «Таймс» не может быть названа объективной, а меры, предложенные западными дипломатами, — оправданными.

Приведенный документ лишний раз свидетельствует об отсутствии враждебности у японских властей по отношению к русским морякам и подтверждает, что традиционно гуманное, добрососедское отношение русских дипломатов к Японии в то время не было случайным, а диктовалось обоюдными интересами обеих стран, вне зависимости от входящих обстоятельств.

⁹ В голландском варианте (который, собственно, и был рассчитан на читателя-европейца) добавлено: «опmiddelyk» — «немедленно».

¹⁰ См. «Japanese Chronological Tables by William Bramsen», Tokio, 1880, p. 82.

В. С. Стариков

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИДАНЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В результате первого этапа дешифровки киданьского письма, проведенного с помощью электронно-вычислительной техники, подтвердилось мнение подавляющего большинства русских и советских ученых, а также ряда зарубежных о принадлежности языка киданей к монгольской группе языков¹. Все это повышает интерес к художественной литературе киданьского народа, создавшего в средние века свою самостоятельную систему письма, способствовавшую быстрому развитию яркой цивилизации киданей, империя которых в то время была самой могущественной державой в Восточной Азии.

В связи с этим все материалы, имеющие отношение к достаточно обширной киданьской литературе, должны стать объектом более тщательного изучения, для того чтобы можно было составить о ней более полное представление. Это особенно важно потому, что произведения киданьской литературы являются, по-видимому, наиболее ранними образцами произведений монголоязычной литературы. Одно это представляет большой интерес для монголоведения, тем более что известные науке образцы среднемонгольской литературы (например, «Сокровенное сказание») показывают хорошо развитый литературный язык, тогда как произведения древнемонгольской литературы все еще остаются неразысканными. Поэтому есть все основания согласиться с мнением Н. В. Кюнера, предполагавшего наличие какой-то связи между языками среднемонгольской и киданьской литературы.

Предположение, что «старописьменный монгольский язык происходит от киданьского», высказывал также Л. Лигети².

Данная статья является кратким обзором того, что сделано в области изучения киданьской литературы в русском киданеведении.

Сведения о киданьской литературе как оригинальной, так и переводной, а также о киданьских писателях, поэтах и поэтессах разбросаны в исторических источниках «Ляо ши» («История Ляо», составленная в XIV в. по киданьским материалам), «Цидань го чжи» и др., опубликованных на китайском языке и частично на маньчжурском.

¹ В. С. Стариков и В. М. Наделяев, *Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма*, — «Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма», М., 1964, стр. 23.

² Рецензия Л. Лигети на кн.: Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» (т. I, М., 1953) в журн. «Вопросы языкознания», 1955, № 5, стр. 136.

Первым русским ученым, собравшим из этих источников краткие материалы по вопросам возникновения и развития литературы у киданей, был Л. Н. Рудов, погибший в блокированном Ленинграде. В 1940 г. он подготовил статью по истории киданей, которая была разослана для обсуждения, но начавшаяся война 1941—1945 гг. помешала ее публикации.

Небольшой раздел в ней был посвящен киданьской литературе, и наиболее известным киданьским авторам. Считавшаяся утраченной, эта работа была найдена М. Л. Пчелиной, дочерью покойного, и после войны передана в числе других материалов Л. Н. Рудова в Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения (ныне ИО Института народов Азии АН СССР). Опубликовали ее только через 20 лет после написания, но, несмотря на такой срок, она по-прежнему имеет значительную научную ценность³. В публикации, в частности в разделе о литературе, не удалось полностью восстановить научный аппарат (статья рассылалась для обсуждения без списка литературы), и это в некоторой степени затрудняет обращение к первоисточникам.

В статье Л. Н. Рудова впервые в истории русского киданеведения были приведены краткие, но достаточно полные данные о киданьской художественной литературе. (Все ранние авторы только упоминали о наличии литературы у киданей, не приводя фактического материала.)

В целях восстановления истины и установления приоритета Л. Н. Рудова необходимо отметить, что сведения о киданьской литературе, приведенные в вышедшей несколько ранее статье Л. И. Думана⁴, фактически основаны на упомянутой работе Л. Н. Рудова.

Литература в киданьской империи развивалась как на киданьском, так и на китайском языках. Из имеющихся крайне скудных сведений видно, что киданьские писатели и поэты в основном являлись представителями правящей верхушки, что характерно для любого феодального общества. Все известные литераторы принадлежали к правящим родам Елюй и Сяо.

Известно, что император Вэньшуху (посмертное имя — Шэн Цзун, годы правления 982—1031), написавший оду «О передаче государственной печати» и свыше 500 других стихотворений, также перевел на киданьский язык «Сатирический сборник» известного китайского поэта Бо Цзюй-и, творившего в период династии Тан (771—846).

Правивший после него император Ибугин (посмертное имя Син Цзун, годы правления 1031—1055) тоже обладал поэтическим призванием и, по имеющимся сведениям, «зачастую дарил своим приближенным собственноручно написанные поэмы»⁵.

Поэзия была не чужда и киданьским женщинам, что говорит о степени распространения образования в киданьском обществе и высоком уровне развития культуры. Так, императрица Гуань Инь (из рода Сяо, ее посмертное имя Сюань И) была одаренной поэтессой. Она написала большую поэму «Убежище сожаления» после потери расположения своего мужа императора Нелиня (посмертное имя Дао Цзун, годы правления 1055—1101). Считается, что ею же было написано стихотворное произведение «Десять ароматов», сыгравшее роковую роль в ее судьбе. По существующей версии, эта поэма, полная фривольных выражений и недвуслысленных намеков, послужила доказательством

³ Л. Н. Рудов, *Кидани*, — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 158—172, разд. «Киданьская литература», стр. 170—172.

⁴ Л. И. Думан, *К истории государств Тоба, Вэй и Ляо*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XI, Китайский сборник, М., 1955, стр. 36.

⁵ Л. Н. Рудов, *Кидани*, стр. 171.

«обвинения ее в любовной связи с придворным актером. Приговоренная к смертной казни, она успела написать еще одно произведение — поэму «Пресекающаяся жизнь».

Поэзией также занималась императрица Долилань, жена последнего киданьского императора Яньнина (посмертное имя Тянь Цзо, годы правления 1101—1125). Когда усилившиеся чжурчжэни начали войну против киданей, она написала обличительную поэму, пытаясь таким образом повлиять на своего мужа, который забросил государственные дела и, несмотря на реальную угрозу существованию киданьской империи, проводил все время на охоте, ведя разгульный образ жизни.

Известные литераторы имелись и в числе родственников императоров правящей династии из рода Елюй. Так, например, поэт Елюй Цзыжун писал в царствование Шэн Цзуна; писатель и поэт Елюй Шучэн, его сын Елюй Пулу, а также его брат эссеист Елюй Шучжэнь, Елюй Ханью и др. писали во времена правления Син Цзуна. Современником императора Нелиня был писатель Елюй Манцзянь⁶.

Князь Елюй Бэй (старший сын Елюя Абуги, основателя киданьской империи), ставший после разгрома и покорения тунгусского государства Бохай во главе созданного на завоеванной территории княжества Восточное Дань, очень любил китайскую литературу и сам был незаурядным писателем. О характере его творчества известен отзыв китайских авторов: «Чувства его печальны и тревожны; его краткий, но насыщенный мыслями язык соответствует стремлениям изысканного человека»⁷.

Призвание к литературному творчеству имел и его сын Елюй Лунсянь, который тоже был умным и широкообразованным человеком. Сборник его произведений «Парк» получил распространение в Китае⁸.

К сожалению, ни одно из произведений киданьской художественной литературы, о которых имеются сведения в «Ляо ши» и других источниках, не дошло до нас в своем оригинале. Однако литературные достоинства этих произведений, судя по сохранившимся упоминаниям, совершенно бесспорны.

Лишним подтверждением этого являются стелы двух киданьских императоров Ибугиня и Нелиня, а также двух императриц, найденные в известных подземных мавзолеях вблизи местечка Цаган Субурга во Внутренней Монголии. Эти стелы содержат пространные эпитафии. Китайские их варианты дали превосходные образцы прозаическо-поэтической эпитафийной литературы середины XI — начала XII в. Благодаря этим находкам для истории киданьской литературы открылись новые имена авторов, обладавших определенным литературным талантом. Киданьские варианты эпитафий, написанные другими авторами, пока еще не дешифрованные, по-видимому, обладают не меньшими достоинствами.

Литературные произведения киданей продолжали существовать и много лет спустя, даже в XIII в., после уничтожения киданьской империи, как это показывают материалы «Цзинь ши» («История династии Цзинь») и других источников.

Например, Елюй Чуцай (1189—1243) — выдающийся государственный деятель и поэт, советник и министр Чингисхана и его преемника Угэдэя (изучил киданьское письмо и язык своих предков в период пребывания в государстве каракитаев во время похода Чингисхана в Среднюю Азию в 1219—1224 гг.) — перевел на китайский язык заме-

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 170—171.

⁸ Там же, стр. 171.

чательную киданьскую поэму, озаглавив ее по-китайский «Цзуй и гэ» («Песни во хмелю»). Подчеркивая высокие литературные достоинства и глубину оригинала, он сравнивал его с произведениями Су Ши и Хуан Тин-цзяня, крупнейших китайских поэтов сунского времени (XI—XII вв.)⁹.

Можно надеяться, что изучение художественной литературы киданей, давших наиболее ранние образцы произведений на одном из монгольских языков, начатое первым советским киданеведом Л. Н. Рудовым, будет развиваться благодаря новым археологическим и дальнейшим исследованиям в этой области.

---

⁹ Елюй Чуцай, *Чжань-жань цзюй-ши вэнь-цзи*, л. 76; Ван Го-вэй, *Елюй Вэнь-чжэн гун нянь-пу юй-цзи*, л. 26 (на кит. яз.); K. A. Wittfogel and Feng Chia-sheng, *History of the Chinese Society Liao*, Philadelphia, 1949, p. 244.

В. А. Вельгус

ОТНОСИТЕЛЬНО КОРАБЛЕЙ «БО» В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕЕ XI в.

В китайской средневековой литературе для обозначения более или менее крупных судов существовал ряд общеупотребительных наименований, например: «чуань», «чжоу», «сян», «бо» и др. Однако, если первые восходят к китайским названиям лодок или джонок в древности, то название «бо» — более позднего и, как считают некоторые ученые, возможно, иностранного происхождения.

Употребление этого термина прослеживается в китайской литературе начиная с III в. Выдержки из работ этого периода, в частности упоминания относительно кораблей, были сведены воедино Пельо по дошедшим до нас позднейшим китайским сочинениям¹. Пельо не был уверен в иностранном происхождении слова «бо»².

Фэн Чэн-цзюнь в дополнительном примечании к переводу статьи Пельо на китайский язык отмечает, что слово «бо», по-видимому, иностранного происхождения, но вместе с тем он оставляет открытым вопрос о том, является ли «бо» транскрипцией иностранного слова или нет³.

Существует мнение, что слово «бо», возможно, происходит от тамильского «радагу», «радао» или «рагао», что означает «судно», «корабль», а позднее стало обозначать тип корабля на Малабарском побережье. Малайцы приняли это название в виде «регаһу»⁴. Это предположение приемлемо, однако вопрос этот все-таки остается нерешенным.

К сожалению, китайские источники III—IV вв., дошедшие до нас в поздних китайских буддийских сочинениях и сведениях других источников, толкуя слово «бо», не дают никаких указаний на иностранное происхождение этого названия. В них говорится о «бо» как о крупных или морских судах.

Сведения ранних источников позволяют лишь отметить, что с III в. при соприкосновении со страной Фу-нань (на территории современной Камбоджи и южной части современного Вьетнама) в китайской лите-

¹ P. Pelliot, *Quelques textes chinois concernant l'Indochine Hindouisee. Etudes Asiatiques*, t. II, 1925, pp. 243—263.

² Ibid., p. 255, note 6.

³ Фэн Чэн-цзюнь, *Собрание переводов исследований в области исторической географии стран Западного края и Южных морей*, Пекин, т. I, 1962, стр. 160—161 (на кит. яз.).

⁴ Wang Gungwu, *The Nanhai Trade*,— JMBRAS, vol. XXXI, pt 2, 1958, № 182, p. 15.

ратуре появляется название «бо» для крупных морских судов. Это название, по-видимому, сразу же стало употребительным на юге Китая.

Если в дополнение к этому проследить сведения буддийских и других китайских словарей VII, VIII—IX, начала и середины XI в., то вырисовывается следующая картина: слово «бо» — это слово иностранного происхождения, появившееся в китайской литературе в III в. для обозначения иностранных кораблей; в VI—VII вв. китайские источники толкуют слово «бо» как большие мореходные суда, причем из этих источников неясно, идет ли речь о китайских или об иноземных кораблях; на грани VII—VIII вв. китайские источники впервые говорят о «бо» исключительно как о судах народов стран Юго-Восточной Азии, и, наконец, в XI в. китайский словарь недвусмысленно указывает, что «бо» — это корабли южных иноземцев. Это первое прямое свидетельство китайской литературы относительно того, что словом «бо» обозначались только корабли «варваров».

Однако это свидетельство в должной мере не принимается во внимание учеными при рассмотрении вопросов мореходства в VII—X вв., и существующее сейчас в научной литературе представление о дальних плаваниях китайских кораблей, например в воды Индийского океана в VII—X вв., сложилось исключительно в силу отсутствия четкой ясности толкования слова «бо» китайскими источниками ранее XI в. и четкого понимания этого термина в исследовательской литературе.

До сих пор было принято считать, что в VII—X вв. как китайские, так и иноземные корабли обозначались в китайской литературе термином «бо». Между тем полагать, что первое прямое свидетельство XI в. по этому вопросу не имеет отношения к VII—X вв., невозможно, так как в VII в. даже в Южно-Китайском море в торговом мореходстве доминировали суда южных по отношению к Китаю иноземцев, а в VIII—и скорее даже в VIII—IX вв. — персидские суда. Что касается III—VII вв., то в те времена китайцы вообще не располагали крупными морскими судами дальнего плавания. В VIII—XI вв. доминирующую роль в торговом мореходстве в этих водах (на трассе между Персидским заливом, Индией и Китаем) играют персы и арабы, с которыми не могли соперничать китайцы.

Сопоставление китайских материалов — поэтических произведений, записей историко-этнографического характера и т. п. — с изложенным выше свидетельствует о том, что у китайцев в те времена не было судов, которые назывались «бо»⁵.

Доводы, изложенные относительно слова «бо», обозначающего иностранный по отношению к Китаю корабль, подтверждаются текстами двух китайских источников: маршрутов плаваний, описанных Цзя Данем (VIII—IX вв.), и описаний миссии Чан Цзюня в Чи-ту (607—610 гг.). Если в этих источниках говорится о судах иноземных стран, то употребляется слово «бо», когда же речь идет о своих, китайских судах, — слово «чуань» или «чжоу». Характерно, что в китайских источниках ранее XI в. никогда не встречается выражение «китайские бо».

К сожалению, мы ограничены источниками и не можем шире провести подобные сравнения. Однако изложенное выше, на наш взгляд, позволяет утверждать, что мы не располагаем данными, свидетельствующими о плавании китайских кораблей в Индийском океане ранее XI в.

---

⁵ Рассматриваемые здесь вопросы подробнее изложены в работе: В. Вельгус, *Исследование некоторых спорных вопросов истории мореходства в Индийском океане*, — сб. «Africaana», III, — «Труды Института этнографии», т. 92, гл. IV (сдан в печать).

Ю. В. Ионова

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ, ПЕЩЕР И ГОР У КОРЕЙЦЕВ

Древнейшие религиозные воззрения корейцев плохо изучены, и у ученых нет единого мнения по этому вопросу. Более того, некоторые религиозные обряды до настоящего времени остаются необъясненными и описываются как забавные курьезы. Многие исследователи Кореи считают наиболее ранней религией корейцев шаманизм (Бишоп¹, Гриффис², Серошевский³, Акиба Такаси⁴), другие как один из серьезных исследователей Кореи, Хальберт⁵, — демонизм, включив в это понятие анимизм, шаманизм, фетишизм и культ природы. Японский автор Мурояма⁶ указывает на распространение веры в демонов с древнейших времен; П. Ю. Шмидт⁷ считает, что в основе веры корейцев лежит культ предка, Росс⁸ и Гриффис — культ гор. Распространение культа гор отмечали и более поздние авторы — Кларк⁹ и Акиба Такаси.

* * *

Изучение религии корейцев дает интересный материал по одной из древнейших форм религии — тотемизму — религии первобытного общества, основными занятиями которого были охота и собирательство.

В литературе имеются лишь отдельные высказывания о бытовании тотемистических воззрений у древних корейцев. В данном сообщении мы остановимся на культе медведя, имеющего несомненно тотемистическую основу. Одним из доказательств существования тотемизма у того или иного народа является название родов по животному или растению. Академик То Ю Хо¹⁰ отметил значительную роль медведя в жизни

---

¹ Bishop, *Korea and her Neighbours*, London, 1898.

² W. E. Griffis, *Corea. The Hermit Nation*, New York, 1907.

³ В. Серошевский, *В стране утреннего спокойствия в 1903 г.*, СПб., [б. г.].

⁴ Акиба Такаси, *Порайонное изучение корейского шаманства*, Токио, 1950 (на яп. яз.).

⁵ H. B. Hulbert, *The Passing of Korea*, London, 1906.

⁶ Мурояма, *Демоны в Корее. Материалы и исследования*, — «Сборник № 25. Корейское генерал-губернаторство», 1929 (на яп. яз.).

⁷ П. Ю. Шмидт, *На островах Тихого океана*, Л., 1928.

⁸ J. K. Ross, *Corea. Its History, Customs and Manners*, London, 1891.

⁹ C. A. Clark, *Religions of Old Korea*, New York, 1932.

¹⁰ То Ю Хо, *По поводу некоторых впервые обнаруженных материалов, относящихся к истории Кореи каменного века*, — «Екса квахак», 1955, № 1 (на кор. яз.).

древних корейских племен пуё, когурё, ёмак, заселявших северо-западную территорию Корейского полуострова. Он приводит свидетельство корейского лингвиста Ли Бек До, который на основе анализа названий древних родов установил, что они восходят к слову «медведь».

В корейском фольклоре сохранилась легенда о происхождении основателей корейских родов от женщины-медведицы. Легенда была записана Хальбертом в конце XIX в. В ней повествуется о рождении легендарного основателя Чосона-Тангунъа. Легенда рассказывает, что медведь и тигр встретились на горе и решили стать людьми. Они услышали голос творца: «Съешьте чесноку и удалитесь в пещеру, через двадцать один день вы станете людьми». Они последовали его совету и скрылись в пещере. Тигр, согласно своей природе, не устоял и вышел из пещеры, медведь же, как более терпеливый, выдержал назначенный срок и превратился в женщину, от которой родился Тангун, ставший правителем диких людей. Ему приписывается роль цивилизатора древних корейцев¹¹.

В литературе отмечается, что вера в превращение тотемистических животных в людей и людей в животных путем надевания их шкур лежит в основе тотемистических празднеств. Основным моментом праздника является танец медведя, имеющий магическое значение — способствовать размножению тотема.

О наличии у корейцев медвежьего праздника в древности свидетельствует сохранившийся до настоящего времени религиозно-ритуальный танец изгнания злого духа — «тэмен», когда танцор надевает желтую четырехглазую маску и вывернутую шкуру медведя. Это несомненно пережиток веры в превращение танцора в тотемистического предка — женщину-медведицу.

Таким образом, мы располагаем необходимым комплексом сведений: названием по медведю, верой в происхождение от женщины-медведицы, почитанием животного (медвежий танец), позволяющих утверждать существование культа медведя у древних корейских родов, который при переходе к земледелию стал исчезать. Пережитки этого культа сохраняются и в современных обрядах.

* * *

В первых веках н. э. у когурёсцев был культ поклонения пещере. Об этом культе мы узнаем из китайской летописи «Сань-го чжи» конца III в. В ней говорится, что на востоке страны (Когурё) есть большая пещера, называемая «Пещера подземного хода», в которой во время большого собрания, в десятом месяце, делали деревянное изображение «предка подземного царства» или ставили его трон (в виде шеста). По нему спускался дух предка, которому приносили жертвы¹². Обряд поклонения «пещере» становится понятным, если вспомнить, что в древности у когурёсцев одним из развитых культов был культ медведя. Связь культа пещеры с культом медведя прослеживается по корейским легендам о происхождении предков когурёсцев. В вышеприведенной легенде превращение медведя в женщину-родоначальницу произошло в пещере. В более поздней легенде, записанной в «Сам-

¹¹ Н. В. Hulbert, *The Passing of Korea*, p. 69.

¹² Мы предлагаем свой вариант перевода и толкования текста. (См.: «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока», пер. Н. В. Кюнера, М., 1961, стр. 232; М. И. Пак, *Описание корейских племен начала нашей эры*, — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 120; Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, стр. 25).

кук саги», в разделе о происхождении основателя Когурё, рассказывается, что акт оплодотворения женщины-родоначальницы произошел в пещере «Медвежьей горы».

Пещера как место зачатия мифического первопредка наделялась магическим свойством самого тотема — медведя, образ которого к этому времени получает расплывчатые черты полузверя-получеловека. Возможно, она была тем тотемическим центром, в котором совершался древний обряд с целью вымаливания у тотемистических предков возрождения жизни в природе и в человеческом обществе.

Обряд поклонения пещерам широко распространен в Корее и теперь, в нем сохраняется много общего с древним обрядом «поклонения пещере подземного хода». Как и прежде, он совершается в десятом месяце. Во время совершения современного обряда «поклонения предкам» у входа в пещеры ставят деревянные изображения предка или духа подземного царства в виде полузверя-получеловека. Иногда на них имеется надпись «начальница подземного царства». Такие же, по выражению многих путешественников, «гротескные фигуры» ставятся и у входа в деревья. Они считаются покровителями деревень, и перед ними совершают жертвоприношения. Эти изображения вызывали изумление всех путешественников, и их значение не было объяснено наукой. Однако эти фигуры, по-видимому, не что иное, как изображение мифического предка, совмещавшего в себе человеческую и звериную сущность.

Иногда перед пещерой ставят «трон духа предка» — шест, на который он спускается. В некоторых районах к шесту прикрепляют красное полотнище, называемое «юбкой предка подземного царства». Во всех корейских деревнях есть священные места, связанные с предками подземного царства (в ряде районов их называют «начальниками жизни»). Священными местами считаются также старые деревья или груды камней. Поклонение деревьям и грудам камней — часть общего обряда «поклонения предкам подземного царства», восходящего к тотемистическому культу.

В древнейшую эпоху камень был основным оружием охоты. Над камнем, сложенным в кучи, совершался магический обряд при подготовке к охоте, а впоследствии гряда камней сама стала наделяться божественными свойствами и стала объектом поклонения.

В южных районах Кореи, по сообщению Акиба Такаси, священные деревья или гряда камней называются «святилищами старухи-матери»¹³.

Обряд «поклонения пещере» является составной частью современного народного религиозного праздника «Санче», или «Поклонение горе», — праздника «вымаливания дождя».

Праздник отмечается в десятом месяце, цель его — добиться благоприятных дождей в следующем сезоне и благополучия в основном занятии — земледелии. В нем участвуют все жители деревни, с которых собирают деньги для покупки жертвенного быка. Праздник заканчивается играми в масках, пением, танцами и общей трапезой.

Для совершения религиозного обряда «поклонения горе» и «поклонения пещере» выбирается один старый, знающий ритуал мужчина, в доме которого в это время не происходило ни рождений, ни смерти. Он назначает группу из семи-восьми мужчин, принимающих участие в жертвоприношении и молении. Во время обряда участники соблюдают словесные запреты. Женщины в обряде участия не принимают.

¹³ Акиба Такаси, *Порайонное изучение...*, стр. 105.

Акиба Такаси отмечал, что «поклонение горе» — это поклонение духу, защитнику деревни ¹⁴, или духу плодородия.

В литературе отмечается, что корейские крестьяне при молении о дожде обращаются к горам, а не к небу (как принято в официальном культе «Санъче»), что наводит на мысль о более позднем происхождении культа неба в Корее. Кларк пишет, что в случае засухи моления совершаются у груды камней, которые поливаются кровью жертвенных животных (коровы, свиньи, собаки) ¹⁵.

Корейцы наделяют горы животворной силой. В легендах акт зачатия богатырей часто совершается на горе или происходит от «духа горы». Горы являются также местом обитания мифического предка, и к ним обращаются бездетные люди с просьбой о даровании потомства.

В этом отношении очень интересно свидетельство составителя «Самкук саги» Ким Бусика ¹⁶, конфуцианского ученого XIV в., который писал, что женщина — родоначальница корейского государства превратилась в гения (духа) земли и вечно обитает на священной горе.

В заключение можно сказать, что все вышеизложенное доказывает, что основу ранних религиозных воззрений корейцев составлял тотемизм, особенно культ медведя, с которым связаны и современные обряды поклонения пещерам и горам.

---

¹⁴ Там же, стр. 104.

¹⁵ С. А. Clark, *Religions...*, p. 200.

¹⁶ Ким Бусик, *Самкук саги*, М., 1959.

Ю. В. Ионов

О НЕКОТОРЫХ АЛЕУТСКО-ЭСКИМОССКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

**(По коллекциям Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
Академии наук СССР)**

Художественная резьба на территории Японии была известна с глубокой древности — эпохи неолита (хотя западноевропейские исследователи обычно утверждали, что искусство резьбы японцы заимствовали из Китая), о чем свидетельствуют археологические находки: резные изделия из рога и кости, скульптурные фигурки мужчин и женщин, птиц, лошадей и других животных, а также деревянные предметы, покрытые рельефными и скульптурными изображениями¹.

Богатая и разнообразная как по материалам, так и по видам японская художественная резьба остается малоизученной. Многочисленные изделия из оленьего рога, найденные в Японии, по мнению археологов, дают основание для сопоставления неолитической культуры Японии с культурой северных народов Сибири². А. П. Окладников отмечает, что древнейшая резная скульптура из кости, обнаруженная на Японских островах, напоминает эскимосскую³.

Современная народная резьба Японии сохраняет древнейшие традиции, которые проявляются не только в использовании обычных материалов (рога, кости, дерева) и техники резьбы (круглая скульптура, рельефная и ажурная резьба), но и в сохранении древнего орнамента. Генетические связи современной и древней резьбы японцев не вызывают сомнения⁴.

Интересная коллекция современной народной миниатюрной скульптуры Японии в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде позволяет поставить вопрос о параллелях современной японской скульптуры со скульптурой соседних северных народов. Особенно интересна в этом отношении коллекция крупного русского ученого Ивана Семеновича Полякова, командированного в Японию в 1882 г. Он был не только всесторонним исследователем, но и талантливым собирателем различных коллекций и оказался одним из немногих, кто обратил внимание на народные японские изделия из ро-

¹ Сакамото Харуки, Симата Сигэёси, *Нихон когэй бидзюуси*, Токио, 1942, стр. 13 (на яп. яз.).

² То Ю Хо, *По поводу некоторых впервые обнаруженных материалов, относящихся к истории Кореи каменного века*, — «Екса квахак», 1955, № 1 (на кор. яз.).

³ А. П. Окладников, *У истоков культуры народов Дальнего Востока*, — «По следам древних культур», М., 1954, стр. 247.

⁴ N. Cordon Munro, *Primitive Culture in Japan*, London, 1906.

га и кости. В своем отчете о поездке в Японию он писал, что у него «оказалась прекрасная коллекция японских простонародных костяных изделий, весьма характерных как для современного, так и прошлого состояния страны»⁵. И. С. Поляков обратил внимание на то, что современные изделия из рога и кости обнаруживают сходство с изделиями сибирских и сахалинских резчиков.

В собрании И. С. Полякова есть замечательная скульптурка морского бобра из моржовой кости, она почти идентична фигуркам морских бобров, широко распространенным у алеутов. Схожие изображения опять же бобров были найдены археологами на о-ве Хоккайдо; по мнению С. А. Арутюнова, они принадлежат носителям охотско-морской культуры, синхронной позднему дзёмону. Как известно, японцы издавна вывозили моржовую кость с Северных островов Курильской гряды и, весьма вероятно, вместе с материалом заимствовали сюжеты и технику обработки скульптуры у местных жителей.

Следует отметить, что фигурка бобра могла быть и привозная, а затем была приспособлена как брелок-нэцкэ. Поэтому более убедительным доказательством справедливости существования исторических связей японской скульптуры со скульптурой их северных соседей может служить другой экспонат из той же коллекции. Это выполненный из оленьего рога типично японский персонаж — лиса-оборотень, стоящая на задних лапах. Трактовка фигурки, техника обработки обнаруживают очевидное сходство с выше отмеченной скульптуркой бобра. Лиса изображена, как и бобер, с поднятыми лапками и опущенной головой, что характерно для алеутских изображений морских бобров. Фигурка дана несколько схематично, но с большим реализмом, поверхность изделия тщательно отполирована.

Вообще для народной японской скульптуры из рога и кости характерны простота и целесообразность, крайняя скупость отделки, отсутствие детальной проработки, что сближает ее со скульптурой соседних северных народов.

В заключение хочется сказать, что отмеченные алеутско-эскимосские параллели в древней и современной японской скульптуре свидетельствуют о культурно-исторических связях японцев со своими северными соседями, а возможно, что это сходство имеет и более глубокие корни и объясняется этнической общностью или близостью.

---

⁵ И. С. Поляков, *Отчет о произведенных в Японии исследованиях*, — «Записки имп. Академии наук», т. 48, СПб., 1884, приложение № 6, стр. 54.

В. Т. Дашкевич

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЛАКИ ЯПОНИИ XVIII в.

Удивительное искусство японских мастеров, создавших немало уникальных по своим техническим и художественным особенностям изделий из лака, уже столетие продолжает вызывать изумление европейцев. В конце XIX — начале XX в. острый интерес к Японии вообще и к ее художественному ремеслу в частности определил широкие рамки коллекционирования японских лаков, приведшего к созданию в это время крупных коллекций в Париже, Лондоне, Берлине, Гамбурге, Нью-Йорке и т. д. К этому же времени относится появление коллекций в России, находящихся сейчас в Музее искусства народов Востока в Москве, в Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде. Русские коллекции до сих пор не публиковались и ждут своего исследователя. Настоящая статья — первая публикация наиболее характерных образцов художественного лака Японии XVIII в., хранящихся в Эрмитаже.

Коллекция японских лаков в Государственном Эрмитаже не очень велика, но разнообразна. Ее относительно широкие хронологические рамки — XIV—XX вв. — делают коллекцию самой значительной среди таких же в нашей стране. Единичность памятников XIV—XVI вв., малочисленность образцов XVII в. восполняются хорошим подбором вещей XVIII в., демонстрирующих главные развивающиеся в это время школы и стили, в частности знаменитую школу известного художника Огата Корин, отсутствующую, как правило, в других музейных собраниях страны¹.

Ядром нашего собрания послужила переданная в 1926 г. коллекция музея училища Штиглица. Судя по архивным данным, она приобреталась в Париже у известных антикваров — Бинга и Лянгвэйля. Случайный характер других поступлений из Госфонда и из частных коллекций пополнил наше собрание вещами XIX в., среди них многие сделаны на экспорт в Европу. И наконец, последнее значительное пополнение — изделия из лака современных мастеров, приобретенные Советским правительством в Японии в 1957 г.

Состав хранящихся в Эрмитаже вещей разнообразен по назначе-

---

¹ Исключением является чайница с подписью Корин, находящаяся в Музее искусства народов Востока в Москве (О. Н. Глухарева, *Огата Корин*, — «Искусство Японии», М., 1963, стр. 83—98).

нию, что также выделяет коллекцию музея. Наибольшей полнотой отличаются вещи XVIII в., связанные с различными сторонами жизни и быта средневековой Японии, начиная с культовых статуй и кончая вещами чисто практического назначения. Это — мебель (столики, сундуки), чайная утварь (поставцы, чайники, подносы, чашки, ароматницы); это — предметы личного пользования (различного рода шкатулки: для письменных принадлежностей, для зеркал, бумаг, печатей, мелочей, гребни, шпильки); это — доспехи, седла, ножны. В основном это дорогие лаки «макиэ», прекрасно отполированные, тщательно изготовленные, с применением золота и серебра, рассчитанные на зажиточные слои населения². Для нас эти изделия представляют наибольший интерес как произведения прикладного искусства, созданные известными мастерами, дающие возможность в сопоставлении с вещами зарубежных коллекций³ составить картину развития этого вида искусства в XVIII в.

Художественно-технический анализ лаков нашей коллекции и сравнение с опубликованными материалами зарубежных коллекций позволяют, во-первых, выявить, чем новым в истории лаков отмечен XVIII в., а во-вторых, дать оценку этих явлений с точки зрения развития искусства лака в целом.

В Японии с конца XVII—XVIII в. — периода наивысшего расцвета городов и городской культуры — круг заказчиков лаков необычайно расширился за счет богатой торгово-ростовщической буржуазии⁴, фактически державшей в своих руках «шнурки от кошель», юридически же относившейся к самому низшему сословию в государстве сёгунов Токугава. Экономическая независимость торговой верхушки позволяла ей пренебрегать жесткой мелочной регламентацией всех сторон жизни, установленной для нее сёгунами Токугава, запрещающими роскошь и применение драгоценных металлов. Политически бесправное, богатое купечество стремилось утвердиться, окружая себя предметами роскоши, на что имело привилегию лишь высшее сословие. Характерно в этом смысле высказывание персонажа — купца Тахэя — в одной из пьес известного драматурга того времени Тикамацу: «Я горожанин, длинного меча никогда не носил. Зато дома у меня немало найдется серебра, полновесного серебра. Я полагаю, что блеск моего серебра может затмить блеск любого клинка»⁵. Купеческая верхушка вела жизнь, в которой заботы о пополнении денежного мешка уживались с весьма гедонистическими настроениями.

Из наблюдений европейцев, живших в Японии в то время, известно, что большая часть золота и серебра шла на изделия из лака⁶.

² Подробно об истории и технике лаков «макиэ» см. следующие работы: J. G. Rein, *Japan*, Bd II, Leipzig, 1886, pp. 400—448; F. Brinkley, *Japan, its History Arts and Literature*, vol. 7, Boston, Tokyo, 1907, pp. 349—354; K. Tomita, *The Museum Collection of Japanese Gold Lacquer of the Museum of Fine Arts*, vol. XXIV, Boston, 1926, № 143, pp. 41—42; Г. Савагuti, *Японские изделия из лака*, Токио, 1933, стр. 597—613 (на яп. яз.); М. Гонроку, *Разговор о лаке*, Токио, 1965, стр. 60—104 (на яп. яз.).

³ E. Strange, *Catalogue of Japanese Lacquer in Victoria and Albert Museum*, Boston, 1926; E. Mène, *Catalogue des laques du Japon*, Paris, 1913; S. Bing, *Collection S. Bing*, Paris, [s. a.]; O. Kummel, *Ostasiatisches Gerat*, Berlin, 1925; G. Migeon, *Chefs-d'oeuvre d'art Japonais*, Paris, 1905; Ch. Gillot, *Objets d'art et Peintures d'Extrême Orient*, Paris, 1904; «Art Treasures of Japan», vol. 1—2, Tokyo, 1960.

⁴ С. Окуда, *Очерки истории прикладного искусства Японии*, Токио, 1936, стр. 61 (на яп. яз.); Х. Тюдзабуро, *Культура средних веков в Японии*, Токио, 1955, стр. 322 (на яп. яз.); K. Okakura, *The Ideals of the East with Special Reference to the Art of Japan*, London, 1905, pp. 199—204.

⁵ «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей», — М. Тикамацу, *Драмы*, М., 1963, стр. 375.

⁶ В. Диксон, *Япония*, СПб., 1871, стр. 344.

Памятники городской культуры часто свидетельствуют о наличии изделий из лака, в том числе лаков «макиэ», в быту городской буржуазии. Они упоминаются в новеллах Ихара Сайкаку; в гравюрах Укиё-э XVIII в. горожанки изображаются в окружении лаковых вещей — столов, подставок для кимоно, шкатулок для свитков, для письменных принадлежностей, различного рода туалетных принадлежностей, включая гребни и шпильки.

Несомненно, факт расширения круга заказчиков лаков «макиэ» не мог не отразиться на его искусстве. Более того, наблюдается прямая зависимость этого искусства от вкусов городской буржуазии, для которой, в противоположность эстетическим взглядам феодалов, все стороны повседневной жизни приобретают художественную ценность, а это повлекло за собой чрезвычайное расширение тематики, появление новых жанров в изобразительном декоре и связанное с этим художественно-техническое совершенствование лаков.

Вызванный пробуждением третьего сословия качественный скачок в мировоззрении отразился в полной мере еще во второй половине XVII в. в литературе, поэзии, драматургии и изобразительном искусстве. В косном, дорогом искусстве лака этот скачок, по моим наблюдениям, стал проявляться лишь в XVIII в. Крупнейший специалист по прикладному искусству Японии проф. Окуда считает, что влияние городского сословия сказывается в общем упадке искусства лака и непонимании красоты материала⁷. Результаты же анализа эрмитажных вещей говорят об обратном, а именно — в XVIII в. происходит расцвет этого искусства. Это выразилось в том, что даже в условиях пропаганды сёгунами Токугава китайской культуры, чжусианства и китайского влияния в искусстве в лаках получает широкое воплощение стремление к национальным формам, видам, сюжетам, технике.

В это время возникают новые и интенсивно развиваются ранее созданные национальные формы, тесно связанные с развитием городской культуры со всем ее своеобразием. Так, в связи с распространением в городской среде обычаев устройства пикников и чайных церемоний появляются специальные лаковые коробки с ручками, легкие и удобные для переноски, содержащие наборы тарелок, коробочек для завтраков, контейнеров для сакэ, чайники, выполненные из лака, и различного рода чайная утварь.

Кроме того, широко используются среди горожан предметы, ранее предназначавшиеся лишь для высших сословий: это — уже упомянутые шкатулки (квадратные или прямоугольные в плане, с крышкой, в которых хранятся письменные принадлежности — тушь, камень для ее растирания, металлический сосуд для воды, кисти, нож) и инро (носимый на поясе набор эллипсовидных в плане, вставляемых друг в друга коробочек, объединенных шнуром), предназначенный для ношения мелочей: печатей, лекарств и т. д. Инро такой формы появились в XVII в., но среди горожан распространились в XVIII в.⁸

Хотя некоторые исследователи утверждают⁹, что влияние Китая на искусство лаков в это время очень сильно, материалы сравнительного анализа известных нам лаковых вещей XVIII в. говорят об обратном. В коллекциях относительно мало произведений с признаками явного влияния китайских лаковых форм и техники (имеется в виду техника красного резного лака) и совершенно отсутствуют красолаковые круг-

⁷ С. Окуда, *Очерки истории прикладного искусства Японии*, стр. 116.

⁸ E. Strange, *Catalogue of Japanese...*, pt II, pp. VII—XII.

⁹ Ibid., pt I, p. 52.

Шкатулка с ирисами, подписанная Корин.
Вид сверху

лые блюда и прямоугольной формы шкатулки, распространенные в Китае. Наоборот, обращает на себя внимание, как никогда прежде, широкое применение изобретенной в Японии техники «макиэ», многочисленные и сложные приемы которой завоевали признание даже на родине лака — в Китае — еще в XV в., куда они вывозились наряду с прославленными японскими мечами¹⁰. В основе композиции «макиэ» лежит сопоставление зеркально отполированного черного лака с поверхностью, редко, густо или почти сплошь усыпанной золотой пудрой или неправильной формы золотыми «опилками», или инкрустированной кусочками золота; сопоставление золотого лака с другими материалами или гладкой поверхности с рельефной, моделированной.

Благодаря многообразному применению и сочетанию этих приемов в XVIII в. в полной мере расцвело искусство изображения на лаках всевозможных композиций, в отличие от преобладавшего в предшествующие периоды орнаментального украшения, реже геометрического и чаще — растительного характера. Зачатки таких изобразительных композиций на лаках можно наблюдать еще в поздний период Хэйан — XII в.¹¹. Своим происхождением они, несомненно, обязаны возникшей в то время чисто национальной школе живописи Ямато-э. Судя по большой группе вещей XVIII в., выделяющейся из нашей коллекции и близкой вещам из других музеев, образно-художественный строй живописи Ямато-э, часто создававший свои композиции на сюжеты клас-

¹⁰ Н. Такая, *Очерки социально-экономической истории Японии*, т. 12, Токио, 1942, стр. 18 (на яп. яз.).

¹¹ S. Lee, *Japanese Decorative Style*, New York, 1961, p. 41; «Art Treasures of Japan», vol. I, pl. 234—236.

сической средневековой литературы и поэзии, получил новую интерпретацию в лаках XVIII в.

Так, одним из любимых сюжетов этого времени были ирисы, воспетые в лирической повести «Исэ моногатари», классическом произведении XI в. Этот сюжет и вдохновил автора прямоугольной шкатулки с ирисами, хранящейся в Эрмитаже. На шкатулке изображен не весь сюжет, а лишь отдельная деталь, которая должна вызвать у зрителя соответствующие литературные ассоциации. В характере композиции и в особенности в ее трактовке ясно ощущается влияние приемов живописи Ямато-э.

На хорошо отполированном сплошном золотом фоне верхней крышки и боковых стенок в рельефе выполнена единая композиция, подчеркивающая вытянутую форму шкатулки: устремленные вверх цветы и листья ирисов, инкрустированные свинцом и перламутром. Лишь плавные изгибы широко раскинувшихся лепестков смягчают сильный ритм вертикалей вытянутых стеблей и листьев. Лаконизму композиции соответствует и построенный на сопоставлении колорит всего лишь трех тонов. Сочетание серой матовой поверхности свинца, фиолетово-зеленых переливов крупных пластин перламутра и золотого фона придает шкатулке необыкновенную декоративность. На внутренней стороне коробки, украшенной «хирамэ», в круг вписаны иероглифы, означающие имя Огата Корин (конец XVII — начало XVIII в.), ведущего художника декоративной школы живописи, возродившей принципы живописи Ямато-э в соответствии со вкусами процветающей городской буржуазии.

Выработанные им декоративные принципы, основанные на ритмических повторях, на разнообразных силуэтах, частично перекрывающих друг друга, совмещались с внедрением смелых цветовых сочетаний новых материалов (свинец, олово с золотом).

Корин умел достичь высокой обобщенности художественного образа простыми и лаконичными средствами. Наилучшим примером может служить одна из тушечниц с его подписью и печатью. Ее плетеная основа также покрыта сплошным золотым лаком. На крышке — рельефное изображение отходящей от искривленного ствола (часть которого художник изобразил справа) цветущей ветки сливы на фоне луны. Изображение, как и в предыдущем случае, выполнено инкрустацией двумя материалами: ствол, ветка и луна — олово, цветы — пластины перламутра.

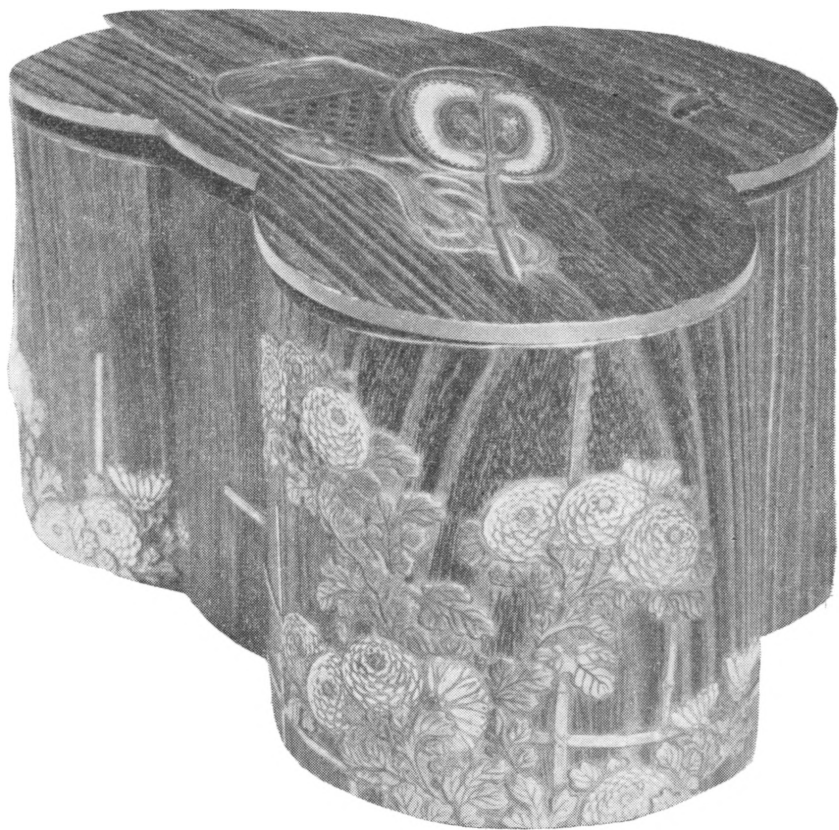
Своим изяществом и скрытым эмоциональным подтекстом, понятным и близким японцам, композиция напоминает распространенную в те времена форму городской поэзии — трехстишие, и родственна, в частности, стихам известного поэта Басё:

Перед этой вишней в цвету
Померкла в облачной дымке
Приспыхенная луна...¹².

Подобно тому как «форма такой лирической миниатюры требовала от поэта самоограничения и в то же время придавала весомость каждому слову»¹³, так и предельный лаконизм композиции, обусловленный детальным изучением природы и тщательным отбором самого необходимого и выразительного, был характерным для творчества Корин и позволял автору многое сказать и еще больше подсказать зрителю, разбудив его творческое воображение. Сходство этих двух форм—

¹² Басё, *Лирика*, М., 1964, стр. 29.

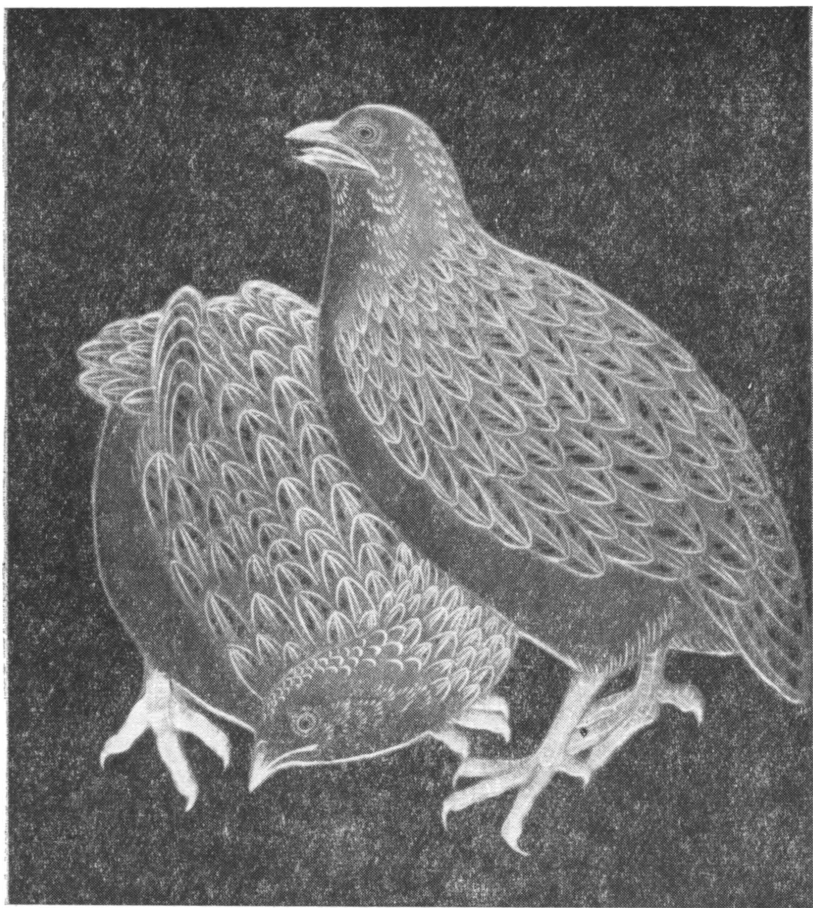
¹³ Там же, вступительная статья В. Д. Марковой, стр. 12.

Шкатулка с натюрмортом художника Мотидзуки Хандзан.
Вид сбоку

поэзии и творений декоративного гения Корин, созданных одной эпохой и отражающих одни и те же изменения в мировоззрении общества,— основано на существовавшем еще в средневековье принципе «саби», провозглашающем красоту простоты. Но в отличие от средневекового искусства искусство Корин благодаря смело примененным новым материалам, обильному золоту и разливу меняющихся красок перламутра показывало живую праздничную красоту, выражая ее в подлинно художественных синтезированных формах. Вместе с тем в новаторском декоративном стиле Корин зрители находили и издавна знакомые по живописи Ямато-э художественные особенности: асимметричность, кажущуюся неуравновешенность, декоративную роль нейтрального фона, лаконизм линии и экономию средств при большой выразительности. Поэтому в лаках школы Корин с наибольшей силой проявилось стремление к выражению в пределах декоративной формы национального понимания красоты (форма, композиция, сюжет). Художественная значимость этой школы выделяет ее среди других художников по лаку.

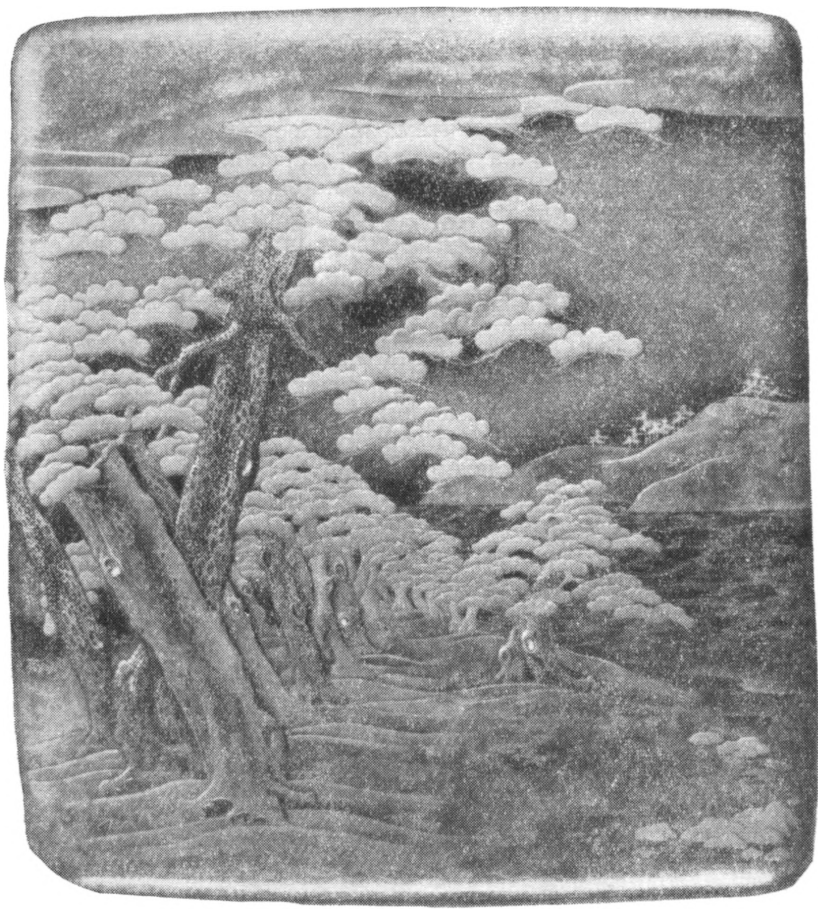
Изучение вещей второй половины XVIII в. позволяет сказать, что для этого времени характерен расцвет школ мастеров по лаку, отличных по своим художественным принципам от творчества Корин и его последователей как по тематике, так и по манере изображения. В это время завоевывает прочные позиции совершенно чуждая ранее искус-

Тушечница с птицами художника Индзука Тоё.
Вид сверху

ству лака тенденция — изображение конкретной действительности со множеством ее проявлений. Одна из ведущих линий — это изображение человека (не аристократа и поэта в идеализированном облике героя хэйанской литературы и живописи, изображавшегося и ранее в лаках), человека из города — современника, более того, человека из народа, в его реальном окружении (картины родной природы, воссоздание мира окружающих его вещей).

Анализ наших вещей, подкрепленный аналогиями из других музеев, позволяет сказать, что в соответствии с новой тематикой в лаках формируется система художественных жанров. При сохранении классических для лаков сюжетов, появившихся ранее под воздействием школы Кано и аристократической школы Тоса, интенсивно развиваются и другие жанры (в некоторых случаях под влиянием возникших с XVIII в. новых направлений в живописи, в других случаях — разрабатываемые самостоятельно). Так, жанр натюрмортов, в которых художник любит скромными предметами домашнего обихода или кусочками интерьеров, не имеет прецедентов в живописи. Не скованный канонами «высокого» искусства, он развивается наиболее свободно. Художники этого

Тушечница с пейзажем неизвестного художника
конца XVIII в.

жанра находят красоту в декоративной расстановке и сопоставлении предметов, в точной передаче фактуры и цвета. Примером может служить трехлопастной формы шкатулка, деревянная снаружи, краснолаковая внутри, с подписью и печатью художника XVIII в. Мотидзуки Хандзан, ученика знаменитого мастера Рицуо¹⁴.

Мотидзуки, как и его учитель, противопоставил красоту естественного цвета и строения дерева цветному лаку и разнообразным материалам, из которых выполнено украшение крышки и стенки шкатулки. На плоской крышке золотым и зеленым лаком, инкрустированным сплавом «сибуити», изображена подушка (она моделирована в рельефе, имитирующем мягкость складок), податливо прогибающаяся под тяжестью веера — опахала. Веер инкрустирован другими материалами, подобранными по цвету: его сердцевина, отделенная от остальной поверхности рельефным бордюром из золотого лака, — перламутром, украшенным гравировкой в виде двух драконов; остальная поверхность — белым фаянсом с подглазурной кобальтовой росписью в виде геометризован-

¹⁴ Г. Савагути, *Японские изделия из лака*, стр. 94.

ного бордюра; ручка веера и шнур с кистями гравированы в красном резном лаке. Пушистая кисть в верхней части веера исполнена серебряным лаком. Композиция дополнена двумя бабочками, выполненными красно-черно-золотым лаком. На боковых стенках шкатулки рельефное изображение кустов хризантем за изгородью. Каждый лепесток сделан из отдельного кусочка бело-розового фаянса, листья — из двухцветного золота, изгородь — из цветного перламутра. Композиция очень декоративна по рисунку, цвету и ритму, однако в скрупулезной технике исполнения нельзя не заметить отхода от цельного в своей основе искусства Корин.

Такой же тщательностью исполнения отличается подписанная также известным мастером второй половины XVIII в. Иидзука Тоё тушечница — образец жанра живописи животных и птиц¹⁵. Художник остается в рамках декоративного искусства, эффектно противопоставляя строгость и простоту блестящей отполированной чернолаковой поверхности крышки тушечницы живописной разработке изображения птиц. Слегка моделированные в рельефе, они находятся не в центре крышки и не занимают всей ее поверхности, а сдвинуты ниже и правее центра. Глаза, клюв, язык, лапы, контуры перьев выписаны золотым лаком; грудки и животы — серебристым; тончайшей красновато-золотой пудрой выделены головы и пушистое оперение на шее. Направление перьев на крыльях обозначено черно-коричневым лаком. В позах птиц, в стремлении передать особенности их окраски и оперения чувствуется влияние натуралистической школы живописи XVIII в. Окио, а также сухая декоративность школы Кано.

Самый древний из жанров, разрабатываемых в лаках, — пейзаж. Однако в XVIII в. он совершенно отличен от пейзажа предшествующих времен. Это — не составленный из традиционных элементов условный пейзаж периода Хэйан и Камакура (X—XIV вв.), не поражающий своей синтетичностью и лаконизмом пейзаж декоративной школы Корин и не китайский отвлеченный — «горы — воды», а развернутая картина природы, характерной для Японских островов.

В XVIII в. была изготовлена тушечница, на крышке которой изображен уходящий вдаль низкий берег залива, поросший соснами, а на другой его стороне — за тонкой сетью линий воды — округлые холмы с редкими соснами на склонах. Многообразие методов претворения замысла свидетельствует о стремлении художника к правдивой передаче природы. Оставаясь верным традиционным для старых школ живописи приемам условно-плоскостной и обобщенной трактовки облаков, веток сосен, волн, холмов, очерченных волнистой линией неровностей почвы, оставаясь верным применению такого декоративного элемента, как проглядывающий сквозь ветви круг луны, инкрустированный сибуити, художник одновременно обращает внимание зрителя на группу камней на переднем плане в углу, на корни старого дерева. Как можно зримее он стремится передать корявые стволы и кору сосен. С этой целью он помещает деревья на первом плане в высоком, почти скульптурном рельефе и применяет различную технику золотого лака, то покрывая стволы всевозможной формы кусочками золота, то усеивая их тонкими листиками золота в подражание строению коры. В высоком и углубленном рельефе он изображает дупла, инкрустируя их кусочками перламутра.

Художника интересует проблема передачи пространства и перспективы. Дали он очерчивает менее резко, чем предметы переднего плана.

¹⁵ Там же, стр. 97.

Переплетающиеся стволы, выходящие друг из-за друга, увеличивают иллюзию пространства. Художник применяет разработанную в дальневосточной живописи воздушную перспективу, основанную на контрастном противопоставлении разных планов, ритмичном соотношении больших и малых форм и различных масштабов. Подобно тому как живописец на шелке передает воздушное пространство путем живописной нюансировки, созданной бледными размывами черной туши, так и мастер по лаку объединяет всю композицию воздушной дымкой. Однако пространственную среду он передает посредством различного рода техники золотой пудры: то более разреженной, то более густой, то более крупной, то более мелкой, то ярко-золотого цвета, то более тусклого — желто-зеленого цвета золота, полученного благодаря соединению с другими металлами.

Мастера по лаку, которые красоте и поэзии чувствовали раньше лишь в природе, теперь стали видеть ее в обычной жизни и воплощать в образе человека. С особой силой это проявилось в искусстве мастеров инро.

Образцами такого жанра могут служить ряд эрмитажных инро, подписанных известными мастерами второй половины XVIII в. На одном из таких инро (зеркально-черного лака) мастера Харумаса¹⁶ на каждой стороне изображены не связанные друг с другом фигурные композиции, расписанные золотом и многоцветным лаком. На одной стороне — группа из трех девушек, связанных друг с другом поворотами, взглядами и жестами. Одна из них — с веером в опущенной руке, стоящая вполоборота от зрителя, в красной с золотом одежде; другая — в три четверти оборота, лицом к зрителю — в сером, третья — с моделью лодки в руках, в профиль — в зеленом кимоно. Характер причесок, гребни, обувь, покроя и ткани на кимоно и поясах свидетельствуют о незнатности происхождения этих горожанок, возможно служанок, которые еще век назад стали героинями городской прозаической литературы и демократической дешевой гравюры Укиё-э, но никогда еще не появлялись в аристократическом искусстве лаков.

Нов не только сюжет, но и технический метод его воплощения — лишь живописными средствами. Несомненно, роспись по лаку находится под влиянием гравюры Укиё-э. Сходство проявляется и в композиции и в манере трактовки однообразных лиц, с высокими бровями и маленьким ртом, а также рук и ног.

Как и гравюре, лаковой живописи свойственна плоскостность, графичность (объем передан плавным и мягким по характеру контуром). Колорит, составленный из ясных локальных тонов, имеет ярко выраженный изобразительный характер, хотя и не передает реального цвета кожи, написанной золотым лаком, фон — отвлеченный.

Интерес к человеку, «поэтизация» активной жизни простых людей наблюдается и в росписи другого инро, подписанного мастером конца XVIII в. Кома Кёрю¹⁷. Инро этого мастера представляет собой дальнейший шаг в развитии искусства украшения лаков, которое теперь смело можно назвать миниатюрной лаковой живописью.

Три крестьянина в соломенных шляпах и в коротких куртках тянут лодку с 28 пассажирами; на носу лодки крестьянин с багром, один пассажир черпает чашкой воду, другой мечтательно смотрит в небо, опершись на руку, и т. д. Колорит представляет собой сочетание двухцвет-

¹⁶ С. Роккаку, *История лаков Дальнего Востока*, Токио, 1960, стр. 241 (на яп. яз.); Г. Савагути, *Японские изделия из лака*, стр. 94.

¹⁷ Г. Савагути, *Японские изделия из лака*, стр. 213—215.

Инро художника Кансёсай
(снимок с одной стороны)

ного серебристого лака с красным, зеленым, коричневым и темно-красным лаком.

По сравнению с предшествующим инро массовая сцена здесь насыщена жизнью и движением, отличается юмором и наблюдательностью в передаче костюмов, точной и лаконичной обрисовкой жестов, поворотов и поз (такая же манера еще в XIII в. была свойственна свитковой иллюстративной живописи Японии). На каждой стороне инро изображены не отдельные, не связанные друг с другом сцены на отвлеченном фоне, а круговая композиция, объединенная общим действием, развивающимся на едином фоне. Специфика вещи, которую можно разглядывать, поворачивая в руках, позволила мастеру создать такую композицию, где законченность ее не препятствует графической уравновешенности и цветовой гармонии росписи на каждой отдельной стороне. Кроме того, круговой обзор дал возможность мастеру усиливать живописность композиции благодаря применению эффектов, получаемых при движении вещи и изменении освещения лаковой поверхности, украшенной перламутром, золотом, серебром.

Появление жанровых сюжетов с отчетливой социальной окраской свидетельствует о стремлении горожан утвердить свое достоинство и выразить сословное самосознание в искусстве лаковой живописи. Иногда эта тенденция приобретает ярко выраженную антифеодалную направленность, когда в росписях инро появляется идея противопостав-

ления простых людей представителям высшего сословия. Например, идея превосходства над самураем сквозит в живописи инро мастера Кансёсай (другое его имя, упоминавшееся выше, — Иидзука Тоё)¹⁸. На обеих сторонах этого инро выполнена одна композиция: внезапная встреча в дождливую темную ночь самурая и его слуги с оборотнем-тануки в соломенной шляпе; наличие двух сабелей и покрой широких штанов (которые носили самураи) на упавшем говорит о том, что в наиболее печальном и смешном положении оказался господин, в страхе потерявший зонтик, туфлю и носом уткнувшийся в землю.

Такое развитие темы сопровождается более тщательным показом (крупным планом) лиц с открытыми в крике ртами, динамичной обрисовкой поз. Вместе с тем живопись остается в рамках старой художественной системы (плоскостность, наличие контура, отвлеченность среды, условная передача струй дождя).

Итак, в XVIII в. с введением новых сюжетов расширяются и усложняются различные художественно-технические приемы, используются все возможности, которые предлагает как материал, так и вещь.

Лаки XVIII в. с их разнообразием форм, тематики, жанров, стилей и техники представляют собой итог развития лакового искусства вообще.

Для первой половины XVIII в. характерен последний взлет лакового искусства школы Кориң с ее гармонией красок и форм, декоративной смелостью, взаимной целостностью утилитарной и художественной функций. К началу XIX в. искусство этой школы,

Инро художника Кансёсай
(снимок с другой стороны)

¹⁸ Там же, стр. 206.

подлинно художественной с точки зрения прикладного искусства, было забыто.

Во второй половине XVIII в. расцветают другие формы лакового искусства, основанные на законах изобразительного искусства.

Казалось бы, можно противопоставить лаки школы Корин и лаки мастеров второй половины XVIII в. У первых — лаконизм композиции и средств, синтез формы и декора, ярко выраженная декоративная направленность, сопровождающаяся скрытым эмоциональным подтекстом, предполагающим возникновение литературных и поэтических ассоциаций у зрителя. У вторых — изобразительно-повествовательные композиции описательного характера, для чего привлечен многословный и чрезвычайно конкретный художественный язык.

Значит ли это, что второе направление — упадок по сравнению с монолитным искусством Корин? Нет, думается, что это иная фаза развития художественных лаков, лаковой миниатюрной живописи. Не свидетельствует ли об упадке использование мастерами второго направления законов изобразительного искусства, перенесение приемов различных школ живописи? Нет, потому что, во-первых, переносятся в основном те приемы, которые не выходят за рамки декоративно-художественной системы (т. е. в рамках плоскостно-графического условного показа мира); во-вторых, претворяются они по законам лаковой живописи и в соответствии с формой вещи.

Сам по себе факт переноса приемов живописи на предметы японского прикладного искусства — не новость. В Японии всегда и везде наблюдалась тесная взаимосвязь между прикладным искусством и живописью.

Анализ лаковой миниатюрной живописи XVIII в. как самостоятельного вида искусства позволяет говорить, во-первых, о том, что она развивалась под влиянием ведущих школ живописи того времени, сохраняя, однако, специфику лаковой живописи, что видно по своеобразным художественно-техническим средствам, и, во-вторых, о том, что эта миниатюра в силу особенностей развития японского общества, как и другие виды искусства, не выходит за пределы художественной системы, свойственной феодальной эпохе Токугава.

И. П. Труфанов

НАСЕЛЕНИЕ ГОНКОНГА (СЯНГАНА)

(Этнографический очерк)

Гонконг (китайское название — Сянган¹) — английская колония на юго-восточном побережье Китая. Ее территория составляет 1013 кв. км и состоит из о-ва Гонконга (Сянган — 82 кв. км) и прилегающих к нему островов, небольшого участка на полуострове Цзюлун (Коулун) с о-вом Стоункаттерс и так называемой Новой территории (718 кв. км) с близлежащими мелкими островами. Остров Гонконг лежит в 144 км к юго-востоку от Кантона (Гуанчжоу) и отделен от материка проливом шириной в 800 м, который служит прекрасной естественной гаванью. Длина острова — 18 км, ширина — 3—4 км; поверхность гористая, сложена из гранита и базальта и лишена лесного покрова. Высшая точка над уровнем моря (пик Виктория) достигает 556 м.

Климат Гонконга субтропический. Зима сравнительно прохладная и сухая, лето жаркое и влажное. Средняя температура января +18°C, июля +28°C. Среднегодовое количество осадков выпадает в пределах 2190 мм. С мая по сентябрь длится сезон дождей. На три летних месяца приходится свыше 50% всех дождливых дней. Над Гонконгом часто проносятся разрушительные тайфуны, которые уносят сотни человеческих жизней и наносят огромный материальный ущерб².

На о-ве Гонконге почти полностью отсутствуют земли, пригодные для обработки. На остальной территории (на других островах) тоже мало площадей, удобных для вспашки³. Из полезных ископаемых в Гонконге имеются железная руда, залежи которой сильно истощены, каолин (в Цзюлуэ), свинец и вольфрам на границе с КНР.

Животный мир представлен оленями и кабанами, раньше встречались и тигры, но сейчас их нет. В болотах Новой территории водятся утки и бекасы.

В административном отношении Гонконг подразделяется на колонию (о-в Гонконг и Цзюлун) и «арендованную» Новую территорию. Административный центр — г. Виктория, насчитывавший в 1961 г. вместе с пригородами 674 962 жителя⁴.

---

¹ Название «Сянган» означает по-китайски «Ароматная бухта».

² Есть в тайфунах и положительная сторона: они приносят дожди и пополняют запасы пресной воды, недостаток которой всегда ощущается в Гонконге.

³ См.: «The Encyclopedia Americana», New York — Chicago — Washington, 1957, p. 356.

⁴ «Demographic Yearbook, 1965, 16-th Issue», New York, 1966, p. 149.

Гонконг — один из крупнейших портов мира и важный пункт воздушных коммуникаций на Дальнем Востоке, благодаря удобному географическому расположению он превратился в крупный международный реэкспортный центр, имеющий большое значение для экономических связей между странами Востока и Запада. С территорией КНР он связан железной дорогой, идущей от Цзюлуна до Кантона и далее до Ханькоу и Шанхая. С 1949 г. железнодорожное движение прекращено. Длина шоссейных и других внутренних дорог Гонконга составляет свыше 844 км, трамвайных путей — 31 км. Между о-вом Гонконгом и Цзюлуном налажено регулярное движение паромов. Катера, буксиры и сампаны служат для сообщения между островом и материком. К пикку Виктория проложена подвесная дорога.

В хозяйстве Гонконга основное место занимают экспортно-импортные операции порта и развитая промышленность, представленная текстильными, металлургическими, судостроительными, железоделательными, сахарными и другими многочисленными предприятиями. Большое развитие получили разнообразные кустарные промыслы. Следует отметить, что часть товаров, производимых в Гонконге, экспортируется в настоящее время в самые различные страны мира — в США, Африку и особенно в Юго-Восточную Азию.

* * *

Территория собственно о-ва Гонконга была заселена с незапамятных времен. Археологическими раскопками установлено наличие культуры каменного века, датируемой 2000 г. до н. э.⁵ Поселения были размещены в местах, защищенных от штормовых восточных и юго-восточных ветров. Существует предположение, что о-ва Ламма Айлэнд, расположенные к юго-западу от Гонконга, и лежащий от него в западном направлении о-в Ландао также были заселены⁶.

Китайцы (хань), вторгшиеся на юг Гонконга в конце I тысячелетия до н. э., не вытеснили с острова местное население, называемое ими юэ. Китайцы захватили всего несколько пунктов, расположенных на современной Новой территории, через которые осуществлялась доставка жемчуга в Гуанчжоу. Юэ были враждебно настроены к ханьцам и сохраняли свою независимость вплоть до правления династии Юань (1280—1368), начавшей проводить политику «умиротворения», что в конечном итоге привело к ассимиляции юэ.

При изучении истории Гонконга следует иметь в виду, что письменные сведения о китайских поселениях в районе Гонконга до конца династии Мин (1368—1644) отсутствуют. К тому же в Гонконге пока еще не обнаружено существенных археологических памятников, дающих представление о его ранней истории. Имеющаяся в настоящее время информация чрезвычайно скупа и малодостоверна.

По имеющимся материалам, население Гонконга к началу XIX в. было малочисленным. На острове имелось всего несколько деревень, жители которых занимались преимущественно рыбной ловлей и обрабатывали небольшие земельные участки, а города Шоцзивань и Абердин были известны еще со времени монгольской династии Юань как пристанище пиратов⁷.

---

⁵ T. R. Tregear, *A Survey of Land Use in Hong Kong and the New Territories*, Hong Kong, 1958, p. 52.

⁶ Ibid.

⁷ G. B. Endacott, *A History of Hong Kong*, London, 1959, p. 3.

В январе 1841 г., во время англо-китайской войны 1839—1842 гг., о-в Гонконг был захвачен Англией, и Китай, потерпевший поражение в этой войне, был вынужден пойти на подписание неравноправного Нанкинского договора, оформившего передачу Гонконга Англии в качестве колонии. В апреле 1843 г. был подписан протокол, официально закрепивший включение Гонконга в состав Британской империи.

Постепенно к этой территории стали присоединяться другие: в результате поражения Китая в англо-франко-китайской войне 1856—1860 гг. к Гонконгу была присоединена часть полуострова Цзюлун, а в июне 1898 г. — Новая территория (по соглашению об «аренде» сроком на 99 лет между английскими империалистами и Китаем). Уже к концу XIX в. Гонконг стал одним из главных опорных пунктов британского империализма.

25 декабря 1941 г. Гонконг был оккупирован японскими войсками, а 30 августа 1945 г. туда вновь вернулись английские колонизаторы. В настоящее время Гонконг имеет статус колонии «английской короны», управляемой губернатором и состоящим при нем колониальным военно-чиновничьим аппаратом.

Английский империализм неоднократно использовал Гонконг в качестве плацдарма для вооруженной интервенции против китайского народа. Трудящиеся массы Гонконга всегда испытывали на себе гнет и сейчас подвергаются жестокой эксплуатации со стороны английских и других иностранных монополий. Рабочий класс Гонконга не раз принимался на борьбу за свои права. Особенно усилились его выступления против английских империалистов и местных крупных капиталистов под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. В качестве примера можно привести стачку моряков в 1922 г., послужившую началом для забастовок в Шанхае, Ханьяне и других городах Китая. Три года спустя была проведена героическая гонконгская забастовка 1925—1926 гг., оказавшая сильное влияние на ход китайской революции 1925—1927 гг.

И в последние десятилетия в Гонконге возникали стачки и различные движения протеста народных масс, борющихся против капиталистического и национального гнета. Трудящиеся Гонконга вносят свой вклад в национально-освободительное движение зависимых и угнетенных народов, ведущее к окончательному краху колониальной системы.

* * *

Можно лишь предполагать, что начало более или менее стабильному заселению нынешней территории Гонконга, в первую очередь Новой территории⁸, положили китайцы (хань) — мигранты из Гуандуна, вероятно начавшие селиться в этом районе девять столетий тому назад. За ними вскоре последовала другая волна китайцев — представителей этнографической группы кэцзя (хакка). Аборигены были уничтожены или ассимилированы. В конце правления династии Мин последовала еще одна группа переселенцев с китайского материка — хокло, говорящая на фуцзяньском диалекте. Таким образом, в формировании этнического состава населения Гонконга приняли участие гуандунцы, кэцзя (хакка) и хокло.

Население Гонконга к маю 1841 г. составляло 7450 человек⁹. В последующие годы население быстро увеличивалось и к началу 1941 г.

⁸ О современном положении Новой территории (см. L. Harrington, *The New Territories on Hong Kong*, — «Canadian Geographical Journal», vol. LXVIII, 1964, № 1.

⁹ G. B. Endacott, *A History...*, p. 65.

возросло до 1 638 327 человек¹⁰. В годы японской оккупации оно значительно уменьшилось (до 600 тыс. человек к сентябрю 1945 г.)¹¹.

Вплоть до начала второй мировой войны население Гонконга было чрезвычайно текучим, что затрудняло учет жителей. Так, например, в 1936 г. в него въехало 2 977 205 человек, а выехало 2 987 722 человека¹². С начала 1941 г. английские колониальные власти ввели строгий контроль за въездом и выездом из Гонконга, но, несмотря на это, в середине 50-х годов в Гонконг прибывало не менее 20 тыс. человек в неделю из КНР¹³. Уже тогда в Гонконге наблюдалось сильное перенаселение, порождавшее такие серьезные проблемы, как хроническая безработица, недостаток жилья, антисанитарные условия и т. д. В 60-х годах число переселенцев из КНР, называемых в гонконгской печати «беженцами», также было значительным.

Согласно последней переписи, проводившейся в Гонконге в 1961 г., его население составляло 3 133 131 человек (включая персонал английских вооруженных сил и членов их семей); из них мужчин — 1 610 650, женщин — 1 522 481¹⁴. Плотность на 1 кв. км достигает 3578 человек¹⁵, причем 40,5% всех жителей приходится на лиц в возрасте моложе 15 лет¹⁶. Существует предположение, что население Гонконга и впредь будет увеличиваться быстрыми темпами. Так, по данным «Пятой азиатской региональной конференции» его население к 1970 и 1980 гг. должно возрасти соответственно до 3,8 и 4,5 млн. человек¹⁷. В действительности же рост оказался более быстрым, так как уже в 1965 г. население, по оценочным данным, достигло 3 804 тыс. человек¹⁸.

Гонконг — многонационален, но основную массу его населения составляют китайцы, выходцы из различных районов Китая. Говорят в Гонконге на многих языках, но самым распространенным является китайский (его различные диалекты).

По статистическим сведениям 1961 г. на гуандунском диалекте китайского языка в Гонконге говорило 2 076 210 человек, на хокло — 164 537, хакка — 128 432, гоюй (пекинском диалекте) — 26 021, шанхайском диалекте — 69 523, сыяп (Sze Yap) — 114 484, тибето-бирманских языках — 8227, английском — 31 824, португальском — 877 и на других языках — 7225 человек¹⁹. Часть китайцев владеет английским языком, европейцы же, как правило, китайского языка не знают.

Основная масса населения Гонконга живет в городах; незначительная часть — в сельских местностях, из которых крестьяне систематически уходят в города, и небольшая часть живет в лодках.

Люди, живущие в лодках, составляют специфическую группу населения Гонконга; их основное занятие — рыболовство. По времени образования это наиболее старая группа жителей Гонконга. Она состоит в основном из гуандунцев, хокло и даньцзя (последние долгое время считались людьми низкого происхождения). Первоначально даньцзя жили на материке, но затем были вытеснены гуандунцами и пересели-

¹⁰ T. R. Tregear, *A Survey...*, p. 4.

¹¹ «The Statesman's Year-Book. Statistical and Historical Annual of the States of the World for the Year 1967—1968», New York, 1967, p. 160.

¹² R. S. Ward, *Asia for the Asiatics?* Chicago, 1945, p. 16.

¹³ См.: G. W. Long, *Hong Kong Hangs on*, — «The National Geographic Magazine», vol. CV, 1954, № 2, p. 242.

¹⁴ «Demographic Yearbook, 1965...», p. 116.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ «The Statesman's Year-Book... 1964—1965», p. 179.

¹⁷ См.: «Пятая азиатская региональная конференция», Мельбурн — Женева, 1962, стр. 51.

¹⁸ «Demographic Yearbook, 1965», p. 135.

¹⁹ «Demographic Yearbook, 1963, 14th Issue», New York, 1964, p. 325.

лись на лодки. В течение многих веков китайские законы запрещали им жить на берегу, вступать в браки с земледельцами, их не допускали к государственным экзаменам и т. д. Дискриминация даньцзя формально упразднена, но они по-прежнему образуют замкнутую обособленную группу.

Согласно данным 1961 г., 136 802 человека (из них мужчин — 72 707, женщин — 64 095) живут в лодках, джонках и сампанах²⁰ и проводят в них всю жизнь, сохраняя специфический быт и старые традиции. Даже свадебные церемонии проводятся на лодках. Только после смерти человека выносят на берег для захоронения.

Более половины жителей лодок, особенно хокло, занимается рыбной ловлей, а некоторые — перевозкой пассажиров и небольших грузов. В водах Гонконга водится много рыбы, лов которой осуществляется 5 тыс. джонок, с них вылавливают ежегодно около 30 тыс. т рыбы²¹. Улов обычно реализуется в Абердине, главном рынке Гонконга по продаже живой и сушеной рыбы, крабов, креветок и устриц.

Другая группа — сельские жители, занимающиеся в основном земледелием. По национальному составу это гуандунцы и кэцзя (хакка). В 1961 г. их насчитывалось 700 225 человек²². Живут они преимущественно на Новой территории.

Точные статистические данные о формах землевладения в Гонконге отсутствуют. Считается, что 10% крестьян Новой территории являются собственниками земли, 12% — совладельцами, 78% — арендаторами²³.

Земля, сдающаяся в аренду, находится в распоряжении английских колониальных властей и распределяется среди арендаторов по их усмотрению.

Преобладание арендной системы приводит к тому, что большинство обрабатываемой земли — парцеллярные участки, средняя величина которых составляет 1,68 акра²⁴. Обрабатывают поле обычно владелец или арендатор участка и члены его семьи. В период сева и уборки риса владельцы земли пользуются наемной рабочей силой.

Площади, занятые под пашней, составляют всего 32 754 акра, или 12,9% всей территории Гонконга²⁵. Пахотные земли сосредоточены преимущественно в районе Новой территории, в долинах и на северо-западной равнине. Под пастбищами, покрытыми травой и мелким кустарником, занято 57,4% земельной площади²⁶. Около 25% площади находится под кустарниками, лесами, болотами или военными объектами английских колониальных войск²⁷, 4,2% (11 500 акров) приходится на земли без растительности с сильной эрозией.

Большой процент непригодных для обработки земель тормозит развитие сельскохозяйственного производства Гонконга.

В настоящее время существуют следующие пути увеличения сельскохозяйственного производства: 1) отвоевание земли у моря путем мелiorации; такая возможность имеется, например, на о-ве Лунсянь Ваньдао; 2) использование пустующих земель, считающихся неплодородными; 3) повышение урожайности с каждого гектара уже обрабаты-

²⁰ Ibid., p. 197.

²¹ См.: G. W. Long, *Hong Kong Hangs on*, p. 265.

²² «Demographic Yearbook, 1963...», pp. 196—197.

²³ T. R. Tregear, *A Survey...*, p. 62.

²⁴ Ibid., p. 35.

²⁵ Ibid., p. 12.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid., pp. 13—16.

ваемой земли; 4) снабжение водой, что связано со строительством новых водохранилищ.

Тщетно ожидать, что английские колониальные власти предпримут какие-либо существенные шаги для расширения земельных площадей, строительства водохранилищ и улучшения сельского хозяйства. Встречающиеся в английской прессе высказывания не оставляют никакого сомнения на этот счет. В них прямо говорится, что до 1998 г., т. е. до возвращения Новой территории КНР, осталось не так много времени и не имеет смысла привлекать внимание к территории, которую англичане не считают своей.

Имеются в Гонконге довольно многочисленные каменистые поля с водными источниками, почву для которых приходится переносить из других, более плодородных мест и только потом обрабатывать. Некоторые земли забрасываются из-за недостатка воды. Для орошения почвы используют небольшие резервуары или пруды, из которых вода по каналам отводится на поля. На террасных полях вода подается с верхних террас на нижние. Воду тщательно собирают в течение всего года и строго карают за ее кражу. Целям орошения служат колодцы, разбросанные по всей Новой территории. Вода из них поднимается вручную или при помощи вращающихся шеста и ведра (это делалось в средние века во многих странах Востока), а затем распределяется по кавалам на поля или ее носят вручную для поливки огородов и садов.

В сельскохозяйственном производстве Гонконга основное место занимают рис высоких сортов и овощи. Урожай риса обычно собирают дважды в год, а овощей — до 6, а иногда и до 8 раз. Это объясняется весьма тщательной обработкой огородов (производится она вручную). Наиболее распространенные культуры, кроме риса и овощей, — сладкий картофель, земляные орехи, сахарный тростник, водяные каштаны и некоторые хлебные злаки, идущие на откорм уток. Садоводство развито слабо.

В животноводстве основным видом является свиноводство. Занимаются здесь также и птицеводством (разводят кур и уток). Эти отрасли покрывают 12% потребности населения Гонконга в продуктах²⁸. Крупный рогатый скот, особенно буйволы, используется главным образом в качестве тягловой силы для обработки полей. Поголовье молочного скота невелико.

Многие крестьяне занимаются разведением рыбы (карпов, золотистых карасей и т. д.) в прудах и болотах, где делают специальные запруды для регулирования притока воды. (Кормом для рыбы служат помет свиней, крупного рогатого скота и домашней птицы, а также некоторые растительные продукты, бобовые жмыхи, огруби и пюре из земляных орехов). Кроме того, крестьяне ловят устриц в прибрежных водах.

Реализация сельскохозяйственной продукции часто производится не самими крестьянами, а через специальных скупщиков. Овощеводы, например, получают за свою продукцию не более 60% ее стоимости, 40% идет в пользу посредников²⁹. Крестьяне не выходят из кабалы, всегда должны ростовщикам за предоставляемые ими кредиты. Значительная часть посреднической торговли сельскохозяйственными продуктами сосредоточена в руках английских колониальных властей.

Как уже говорилось выше, большинство населения Гонконга живет в городах (к 1961 г. в них насчитывалось 2 292 621 человек³⁰) и сосре-

²⁸ Ibid., p. 47.

²⁹ Ibid., p. 58.

³⁰ «Demographic Yearbook, 1963...», pp. 196—197.

доточено в основном в северной части о-ва Гонконга и в Цзюлуне. В последние годы наряду с Викторией и Коулун-сити стали развиваться новые промышленные центры на Новой территории, такие, как Куньдунь и Цуньвань, в которых выросли различные промышленные предприятия (текстильные, железоделательные и т. д.). Например, г. Цуньвань в 1945 г. был маленькой деревней³¹, а к концу 50-х годов насчитывал уже 70 тыс. человек.

Подавляющая масса городских жителей — гуандунцы. Однако в их число вошло много выходцев из других провинций и городов Китая, особенно из Шанхая.

Социальный состав городского населения Гонконга очень разнороден. Основная масса — рабочий класс. В июне 1966 г. в Гонконге были зарегистрированы 9563 различные фабрики, заводы и мастерские с числом рабочих и служащих — 383 809³². Довольно большую группу образуют рабочие, занятые в сфере торговли, транспорта и коммунального городского хозяйства.

Из-за отсутствия надежных статистических источников весьма трудно составить подлинную картину о положении рабочего класса Гонконга. Даже в изданиях ООН данные о Гонконге, например о безработице, количестве рабочих часов и дней, заработной плате и т. д. полностью отсутствуют³³. Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют об исключительно тяжелом положении гонконгских трудящихся, вынужденных работать до 14 часов в сутки и часто 7 дней в неделю³⁴. Их заработная плата составляет в день от 4 до 5 гонконгских долл. (1 американский долл.)³⁵, т. е. держится на самом низком уровне, свойственном колониальным странам. Заработки рикш, сохранившихся в Гонконге, и лодочников, занятых перевозками грузов и пассажиров, еще ниже.

Экономическое положение многочисленной мелкой городской буржуазии (мелкие торговцы, лоточники, уличные разносчики, ремесленники, производящие продукцию, идущую не только на внутренний, но и на внешний рынок, и т. д.) также неустойчиво и ухудшается из года в год.

В Гонконге насчитывается немало средней и крупной буржуазии, владеющей фабриками, заводами, парходными компаниями, банками и большими торговыми фирмами. Еще в 1940 г. в нем было 500 миллионеров китайской национальности³⁶, их число особенно возросло в 1949 г., т. е. во время освобождения Китая от гоминьдановской клики, когда в Гонконг бежали капиталисты и промышленники из Шанхая, сумевшие перевести и свои капиталы.

Интеллигенция представлена довольно значительной прослойкой, занятой в различных сферах умственного труда.

Следует отметить, что многие люди не имеют определенных занятий и перебиваются временной или случайной работой; среди них имеется много деклассированных элементов (проституток, наркоманов, воров

³¹ T. R. Tregear, *A Survey...*, p. 17.

³² «The Statesman's Year-Book...», 1967—1968», p. 161.

³³ См., например: «Yearbook of Labour Statistics», Geneva, 1964; «Statistical Yearbook, 1963, 14-th Issue», New York, 1964; «Monthly Bulletin of Statistics», New York, 1965 и др.

³⁴ J. Scofield, *Hong Kong Has Many Faces*, — «The National Geographic Magazine», vol. 121, 1962, № 1, p. 20.

³⁵ Ibid., p. 18.

³⁶ См.: F. Simpich, *1940 Paradox in Hong Kong*, — «The National Geographic Magazine», vol. LXXVII, 1940, № 40.

и т. д.)³⁷, число которых, по некоторым данным, достигает 150 тыс., а по другим — даже 250 тыс.³⁸

В городах живут почти все лица некитайской национальности: англичане, американцы, португальцы и др. Они (за исключением португальцев) занимают высокие административные посты в колониальном аппарате и в управленческом штате частных фирм. В особом положении находятся португальцы. Они полностью утратили связь с Португалией, многие из них ведут происхождение от смешанных португальско-китайских браков. Как правило, они владеют английским языком и стремятся в образе жизни подражать англичанам. Однако англичане не считают их европейцами, а китайцы — китайцами. Лишь немногие из португальцев обладают собственностью, большинство же работают клерками в китайских, английских и других фирмах, принадлежащих иностранцам.

* * *

Жилище. Мы уже писали о том, что свыше 136 тыс. жителей Гонконга живут в лодках, образующих «сампанные деревни» на воде. Тысячи лодок с потрепанными парусами заполняют прибрежные воды Гонконга. В них можно увидеть растения в банках и горшках, цыплят и поросят в подвешенных к мачте корзинах. Есть лодки, приспособленные под лавки и рестораны, их владельцы предлагают своим покупателям, также подъезжающим к ним на лодках, разнообразные товары.

Не менее интересно жилище сельских жителей Гонконга. В северо-западном секторе Новой территории все еще сохраняются средневековые деревни, обнесенные стенами и рвом, с узкими улицами. Это самые старые земледельческие поселения. Дома в них стоят близко друг к другу, сомкнутыми рядами. Жители таких деревень имеют на своих полях пруды, в которых разводят рыбу, часто служащую основным источником их существования.

По всему району Новой территории разбросаны селения, расположенные на равнинных землях, предназначенных для возделывания риса. Дома в них строят на самом возвышенном месте, и они стоят в виде отдельных островков среди окружающих их полей. Поселки такого типа застраиваются по общему плану и обычно окружены редкой рощей, принадлежащей всему селу. В деревнях, населенных гуандунцами, обязательно есть пруд, в котором разводят рыбу, тогда как кэцзя (хакка) часто обходятся без него. В пруд стекают сточные воды со всей деревни и из осушительных каналов, находящихся в более высокой местности, а затем отводятся на поля, лежащие в низких местах.

В последнее время в связи с интенсивным развитием овощеводства появляются разбросанные жилища, которые строятся вблизи обрабатываемых огородов. Около города Цуньвань размещение жилищ ленточное — вдоль шоссе дорог. Здесь возникла сеть скупочных пунктов, часть которых превратилась в небольшие торговые города со специальными складскими помещениями.

В городах Гонконга, особенно крупных, существует резкий контраст между районами, занятыми состоятельными слоями населения и городской беднотой. В богатых кварталах построено много роскошных вилл и особняков, утопающих в зелени субтропической растительности; больше всего их на верхних склонах пика Виктория со стороны моря,

³⁷ G. Gleason, *Hong Kong*, New York, 1963, p. 205.

³⁸ Ibid., p. 206.

где всегда свежо и прохладно. Представители средних слоев живут в комфортабельных домах, оборудованных всеми современными видами удобств.

Жилищные условия основной массы городского населения исключительно неблагоприятны. Сводные статистические данные о размерах помещений и о количестве проживающих в них людей отсутствуют. Поэтому мы вынуждены опираться на отдельные сведения, помогающие уяснить этот вопрос. Гонконг часто называют «переполненным ульем», так как сотни тысяч людей живут не только в домах, но и на балконах, чердаках и даже на крышах. В некоторых городских районах зафиксированы случаи, когда на крышах ютилось до 70 тыс. человек³⁹. Люди вынуждены бороться, чтобы получить кусочек крыши, на которой строят лачуги из картона, прессованного дерева и пустых бидонов. Размер такого жилища, занимаемого семьей, состоящей из пяти-семи человек, обычно не превышает 7—8 кв. м. Часто многочисленные семьи живут в квартирах, рассчитанных на одного-двух человек. Нередко в гонконгских газетах можно найти сообщения о том, что дом, предназначенный для 12 человек, заселен несколькими сотнями. Иногда в аренду сдается даже место под кроватью. Широко распространена система «неостывающей постели» (hot-bed-system), когда одна семья пользуется жильем ночью, а другая — днем.

Часто мелкие торговцы используют свои лавки под жилье. Многие городские жители вообще не имеют никакого пристанища и располагаются прямо на тротуарах, рядом с уличными парикмахерами, портными, фокусниками, показывающими змей, ящериц и т. д.

Особо следует сказать о теснящихся друг к другу лачугах, построенных на холмах и городских пустырях. Они сделаны из старых керосиновых банок, кусков картона и дерева, выловленного в море, газет, бутылки и веревок. Все это скреплено глиной, перемешанной с грязью. Керосиновое освещение часто вызывает пожары, из-за которых 40—50 тыс. человек мгновенно лишаются крова. Строительство в Гонконге ведется очень замедленными темпами, поэтому жилищный кризис все больше обостряется. Правда, в последние полтора десятилетия там были возведены стандартные жилые дома на 2250—2500 человек.

Неблагоустроенность многих жилых кварталов, их антисанитарное состояние, отсутствие воды, которая обычно подается в водопроводную сеть с 6 до 11 часов и с 16 до 21 часа (в отдельные годы, например в 1961 г., снабжение водой производилось лишь в течение четырех часов в сутки), и большая скученность людей систематически порождают вспышки холеры, оспы и других инфекционных болезней.

Одежда. Многие китайцы, живущие в Гонконге, одеваются по-европейски. Мужчины носят брюки и рубашки, сшитые из дешевой хлопчатобумажной ткани темной расцветки, женщины — блузы и штаны, сделанные из однотонной простой и прочной ткани самой различной расцветки. Некоторые женщины ходят в традиционном китайском платье, выкроенном из одного куска полотна. В настоящее время китайки все чаще появляются на улицах и в общественных местах в современной европейской одежде. Представители деловых кругов и интеллигенции обычно носят современный костюм европейского покроя.

В церемониальных случаях, например в день свадьбы, жениха и невесту часто можно видеть в богато украшенной традиционной китайской одежде. Правда, сейчас молодожены не всегда строго придерживаются этого обычая и нередко надевают европейский свадебный наряд.

³⁹ J. Scofield, *Hong Kong Has Many Faces*, p. 21.

Поэтому в настоящее время китайские свадьбы подразделяются на «красные» и «белые», в зависимости от того, в какой цвет одета невеста, в традиционный — красный или белый — европейский.

В Гонконге можно часто встретить китайцев в широкополых шляпах, сплетенных из бамбука. Они напоминают головные уборы, распространенные у кэцзя (хакка) в самом Китае. Обувью для большинства китайцев служат мягкие туфли и башмаки на деревянной подошве.

Англичане, выходцы из США и Европы, долго живущие в Гонконге, носят европейскую одежду, а выходя на улицу, обычно берут с собой небольшие зонтики, сделанные из промасленной бумаги. Индийцы, которых в Гонконге насчитывается не более 3 тыс. человек⁴⁰, неизменно появляются на улице в своей традиционной одежде.

Пища. Основной продукт питания китайцев Гонконга — рис, отваренный в воде. Его дополняют паровые булочки и пресные лепешки, изжаренные на растительном масле. Рыбу, свиное мясо, кур, уток, яйца, морские водоросли едят с острыми и солеными приправами: зеленым луком, соленым и зеленым стручковым перцем, укропом, китайской редькой, разрезанной тонкими полосками. Некоторые выходцы из Южного Китая употребляют в пищу ножки лягушек в соевом соусе, мясо кошек и крыс, хотя крысиное мясо рассматривается больше как лекарство и средство для укрепления волос. В многочисленных ресторанах Гонконга предлагают деликатесы китайской кухни: супы из плавников акулы и ласточкиных гнезд, змеиное мясо, приготовленное самыми разнообразными способами, цыплят, запеченных в листьях, покрытых илом, лапы медведя, язык утки и ценные породы морской рыбы.

К новому году, отмечаемому по лунному календарю, готовят специальные кушанья: пудинги, пирожное, выпеченное из липкого риса, саго с мясной или фруктовой начинкой, колбасы, зажаренная утка, засахаренные фрукты, финики, зерна лотоса и арбуза. Китайцы любят супы, приготовленные без мяса, которые подают в дополнение к разнообразным блюдам. Наиболее распространенные напитки — чай и настойки из трав. Пищу китайцы принимают с помощью палочек для еды («куай-цзы»).

В общем в Гонконге употребляется та же пища, что и на всей территории Китая, кроме того, там есть хорошие французские, русские, английские, итальянские и немецкие рестораны. Правда, нужно заметить, что европейцы, живущие в Гонконге, любят и систематически едят многие китайские кушанья.

Обычаи и быт. В жизни китайского населения Гонконга сохраняются многие черты старого уклада — как в религии, в характере семейно-брачных отношений, так и в других сторонах быта.

Говоря о религиозных верованиях китайцев, следует указать, что среди них имеются буддисты, даосисты, конфуцианцы и поклоняющиеся духам предков. Наряду с христианскими имеется ряд национальных храмов, отправляющих религиозные обряды. Существует предание, что в районе Новой территории еще в 428 г. был основан первый буддийский монастырь, преобразованный в начале XIX в. в даосистский, который в 1918 г. вновь стал функционировать как буддийский. Этот пример свидетельствует о том, что китаец, будучи буддистом, легко становится также приверженцем даосизма. Многие китайцы исповедуют христианскую религию — это католики, последователи англиканской церкви, методисты, баптисты, лютеране и т. д. В 1962 г. католики-китайцы составляли 180 тыс. человек⁴¹. Рост числа христиан среди

⁴⁰ G. Gleason, *Hong Kong*, p. 256.

⁴¹ Ibid., p. 255.

китайцев Гонконга объясняется активной деятельностью христианских церквей и сект, располагающих крупными финансовыми средствами и имеющих возможность содержать многочисленные миссионерские школы.

Основной тип семьи в Гонконге — малая моногамная семья. Иногда встречается и полигамия, распространенная преимущественно среди зажиточных слоев населения⁴² и официально запрещенная английскими колониальными властями.

Как мы уже писали раньше, среди китайцев отмечаются как старинные, традиционные «красные», так и современные, европейские «белые» свадьбы.

Часто можно видеть объявления, составленные из живых цветов, выставленные в окнах ресторанов, сообщающие о предстоящих свадьбах. Свадебные обряды по старинным китайским обычаям требуют значительных расходов, на которые идет почти каждая семья, несмотря на связанные с этим материальные лишения. Т. Трегир приводит пример, когда семья арендатора, имеющего 2,7 акра земли и состоящая из 5 человек, затратила на традиционную китайскую свадьбу 1654 долл., получив в свою очередь подарков от родственников и друзей на 300 долл.⁴³. Вместе с тем в гонконгских газетах ежедневно помещаются портреты китайских новобрачных в европейской одежде, выходящих из христианской церкви или из регистрационного бюро, где браки оформляются в соответствии с английскими законами. Число таких браков увеличивается из года в год, достигнув к 1962 г. 200 тыс.⁴⁴. Это объясняется не только широким распространением христианства, но и тем, что женщины предпочитают «белые свадьбы», которые дают им больше прав в английских судах в случае развода, получения наследства и т. д. Следует указать, что смешанные браки между китайцами и европейцами (преимущественно англичанами) пока незначительны, хотя и имеют место.

В Гонконге все еще стойко удерживается обычай продажи девочек в другие, более зажиточные семьи, где их используют в качестве домашней прислуги («муйшай»).

Похороны проходят по традиционному китайскому обычаю. В них принимает участие большое число людей и обязательно присутствуют плакальщицы, одетые в белые одежды. В гроб кладут бумажные деньги, выпускаемые предприимчивыми дельцами от имени «банка неба». Перед гробом несут транспарант с начертанными на нем иероглифами, рассказывающими о жизненном пути покойного. Похоронные процессии сопровождаются обычно музыкой, исполняемой на китайских национальных, а сейчас и на европейских музыкальных инструментах. Спустя 100 дней после смерти на могиле сжигают бумажный дом. Т. Трегир сообщает, что на погребение члена семьи арендатор, имеющий 1,34 акра земли, расходует свыше 600 долл.⁴⁵. Похороны китайца-христианина обычно проводятся в соответствии с нормами христианской религии, с той лишь разницей, что участники процессии часто появляются в белой одежде, т. е. здесь они следуют старинной китайской традиции.

В Гонконге нет повсюду разбросанных могил, как это принято в Китае. В городах умерших хоронят в большинстве случаев на кладбищах, следуя предписаниям английских колониальных властей. В сельской местности — на своей земле, затем спустя несколько лет труп вы-

⁴² См.: G. W. Long, *Hong Kong Hangs on*, p. 255; G. Gleason, *Hong Kong*, p. 237.

⁴³ T. R. Tregear, *A Survey...*, p. 75.

⁴⁴ G. Gleason, *Hong Kong*, p. 236.

⁴⁵ T. R. Tregear, *A Survey...*, p. 74.

капывают, а его остатки укладывают в урны или глиняные горшки и устанавливают в определенных местах, обычно на холмах, не пригодных к земледелию.

Новый год китайцы Гонконга отмечают по лунному календарю (с середины января до конца февраля). Приготовления к нему начинают заранее: оплачиваются все долги, покупается новая одежда, убирается дом, особенно следят за тем, чтобы ничего не осталось в углах. Когда дом вычищен, его украшают внутри и снаружи. Даже самые бедные семьи, живущие в лачугах, непременно вывешивают над дверью ленту с печатными иероглифами, означающими счастье и удачу. Внутри помещения украшают цветами вишни, миндаля, георгинами, камелиями и хризантемами, домашнюю утварь — нарциссами. Количество цветов зависит от материального благосостояния семьи. Одни могут позволить себе купить очень дорогое персиковое дерево, другие же обходятся двумя-тремя веточками хризантемы (прежде цветы поступали из Китая, теперь их выращивают в самом Гонконге). Каждый человек перед новым годом должен помыться, а женщины и девушки сделать прическу и украсить волосы. Так как во время первых трех дней нового года нельзя готовить пищу и зажигать в доме огонь, то каждая хозяйка должна заранее заготовить новогодние кушанья. По установившейся традиции, родственникам и знакомым посылают подарки (апельсины и другие фрукты круглой формы, символизирующие довольство и изобилие). В течение первого новогоднего дня нельзя пользоваться ножом или ножницами из-за дурного предзнаменования. В первые же две новогодние ночи повсюду можно слышать непрерывную канонаду, создаваемую хлопушками.

В жизни китайцев Гонконга большое значение имеет предсказатель судьбы. К нему обращаются за советом во многих случаях: в какой день лучше жениться, когда начать какое-либо дело, чтобы оно было удачным, или когда предпринять путешествие и следует ли вообще его предпринимать; огородник спрашивает, какие овощи ему лучше выращивать в этом году, и т. д.

Как отмечалось выше, из-за антисанитарных условий жизни, отсутствия воды и большой скученности в Гонконге часто вспыхивают эпидемии холеры, оспы и других инфекционных заболеваний. Самой распространенной болезнью является туберкулез. Лечатся от этих болезней чаще всего средствами китайской народной медицины, хотя это и запрещено английскими колониальными властями. Существуют специальные аптеки, где отпускаются китайские лекарства, изготовленные из растений и различных животных. Ящериц, змей и других пресмыкающихся держат в аптеках живыми. Особенно ценятся кожа и кости тигра, а также рог носорога.

Образование, кино и театр. Английские колониальные власти никогда не уделяли должного внимания вопросу народного просвещения в Гонконге. Поэтому даже в настоящее время здесь отсутствует закон об обязательном всеобщем обучении. Лишь под напором народных масс английские колонизаторы были вынуждены открывать школы и другие учебные заведения. В 1965—1966 гг. в Гонконге уже насчитывалось 2307 школ всех типов со штатом учителей в 32 191 человек⁴⁶. Образование доступно не всем, и сейчас многие дети, особенно живущие в лодках, не посещают школу. Подавляющее большинство грамотных умеют лишь читать или окончили только начальную школу⁴⁷. Основной центр, гото-

⁴⁶ «The Statesman's Year-Book..., 1967—1968», p. 160.

⁴⁷ См.: «Demographic Yearbook, 1963...», p. 404.

вляющий людей с высшим образованием,— Гонконгский университет, в котором в 1966 г. обучалось 2146 студентов (мужчин — 1425, женщин — 721 человек)⁴⁸.

В Гонконге функционирует несколько платных библиотек, главным образом посещаемых детьми школьного возраста.

Следует отметить наличие сравнительно большой сети кинотеатров, которых в 1966 г. насчитывалось 88, в общей сложности вмещающих 99 213 человек⁴⁹. На их экранах демонстрируются фильмы, снятые в самом Гонконге, завоевавшем славу «Голливуда Южной Азии» и выпускающем до 240 художественных фильмов в год⁵⁰. Эти фильмы вывозятся в Юго-Восточную Азию, где их смотрят в основном китайцы. Кроме того, в Гонконге идут иностранные кинокартины с китайскими надписями. В театре г. Цзюлуна показывают китайские классические оперы. Представления в традиционных костюмах и гриме продолжаются по пять-шесть часов. Некоторые спектакли смотрят несколько раз подряд, что свидетельствует о популярности театра.

Приведенный в настоящей статье материал позволяет составить некоторое представление о традиционном и заимствованном в материальной и духовной культуре китайцев — жителей Гонконга.

Население Гонконга — это интереснейший этнографический объект, который заслуживает дальнейшего изучения.

---

⁴⁸ «The Statesman's Year-book..., 1967—1968», p. 160.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ J. Scofield, *Hong Kong Has Many Faces*, p. 12.

Ю. В. Маретин

БАТАКИ — НАРОДНОСТЬ СЕВЕРНОЙ СУМАТРЫ
(Этнографический очерк)

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Одна из крупных народностей Индонезии — батаки¹ — населяют внутренние и некоторые прибрежные районы Северной Суматры. На севере батакские земли граничат с территорией, населенной небольшими народностями гайо и алас, на юге — с территорией большой народности минангкабау.

Основная территория расселения батаков — обширные плоскогорья Батакское (1000 м над уровнем моря) и Каро (1500 м над уровнем моря), образованные мощными вулканическими туфами, перекрывшими в результате бурной вулканической деятельности древние скалистые породы. Горные цепи хребта Барисан, идущие с северо-запада на юго-восток, обрамляют плоскогорья, а западные его отроги отвесными обрывами спускаются к морю. Грандиозные извержения далеких эпох закрыли проходы во внутренние районы области батаков, проникнуть в которые можно лишь через длинные узкие ущелья, проделанные в осадочных породах. Дороги идут мимо отвесных гор, петляют среди хаотических нагромождений скал, скрываются в тоннелях, поднимаясь все выше и выше. Повсюду видны конусы вулканов — Синабунг (2451 м), Сибуатан (2457 м), Улударат (2157 м) и др. Некоторые из них продолжают действовать².

В центре области на высоте 900 м над уровнем моря лежит очень красивое горное озеро Тоба — самое большое не только на Суматре, но и в Индонезии. Вытянутое в длину на 80 км, с большим островом Самосир посередине, оно окружено горами. Долгое время никто из европейцев не мог проникнуть к этому озеру — заповедному центру «Страны батаков». Первый европеец увидел его воды лишь в 1853 г.³ Из озера вытекает р. Асахан, пробивающаяся сквозь величественное ущелье к Малаккскому проливу. На Батакском нагорье берут начало многие реки, такие, как Батангтору, Симпангканан и Лауренун, впадающие в Индийский океан; Куалу, Била, Баруман, стекающие в Малаккский пролив;

---

¹ Точное значение слова «батак» остается пока невыясненным; возможно отождествление его со словом «бродяга» в смысле «человек, не живущий оседло» (R. J. Wilkinson, *A Malay-English Dictionary*, pt I, Mytilene, 1932, p. 89; «Индонезийско-русский словарь», М., 1961, стр. 90).

² M. Joustra, *Batakspiegel*, Leiden, 1926; W. Volz, *Noord-Sumatra*, Bd I. Die Batakländer, Berlin, 1909.

³ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 21.

сюда же впадает р. Лаубианг (называемая в нижнем течении Бампу или Вампу), берущая начало на плоскогорье Каро.

Климат этого района теплый муссонный. Среднегодовое количество осадков колеблется от 120 до 240 см. Самый влажный месяц — ноябрь, самый засушливый — июль (когда в результате влияния сухого муссона к югу от озера Тоба выпадает менее 6 см осадков). Среднегодовая температура в Медане, расположенном на равнине в 25 м над уровнем моря, — около 30,5°, на нагорье — меньше⁴.

Значительная часть территории, населенной батаками, покрыта нетронутыми массивами тропических лесов, которые тянутся на запад от озера Тоба до побережья Индийского океана, к югу от г. Сиболги вдоль всего побережья, в верховьях р. Барумана. На плоскогорье Каро и на больших пространствах к югу от озера Тоба встречаются обширные пространства саванн, среди которых попадаются большие острова влажнотропических, а также вторичных лесов. Обилие саванн в области батаков объясняется отсутствием тропических лесов, сведенных здесь интенсивной системой подсечного земледелия, появлению вторичных лесов мешали пористые почвы и сухие ветры, проникающие через горы с юга и юго-востока.

Животный мир более богат, чем в Центральной Суматре. В джунглях еще можно встретить слонов, двурогих носорогов, тапиров. Повсеместно водятся тигры, виверры, бабирусы, карликовые олени; в отдельных местах попадаются медведи, олени, горные козлы, белки, ленивцы, и повсюду встречается много обезьян — орангутангов, гиббонов, сиамангов, лемунов. Из пернатых наиболее характерны птица-носорог и разновидности фазанов.

НАСЕЛЕНИЕ

По данным на середину 1965 г. батаков насчитывалось около 2400 тыс. человек⁵. Расселены они на территории более 40 тыс. кв. км. Средняя плотность — около 50 человек на квадратный километр, наибольшая (у тоба) — более 110 человек, наименьшая (у пакпаков, англо-ла и мандайлингов) — от 10 до 20 человек⁶. В последнее столетие батаки активно расселяются на севере, в районах гайо и алас, на западе — до Индийского океана и на востоке — до Малаккского пролива. В этих прибрежных районах они нередко селятся вместе с выходцами из других мест — малайцами Восточной Суматры, минангкабау, аче — выходцами с крайнего севера острова и др.

подавляющее большинство батаков живет в деревнях, но в последние десятилетия города развиваются очень быстро. Их население растет за счет притока сельских жителей, пришедших в город на временные заработки и осевших там. Вслед за ними приезжают их семьи, которые постепенно становятся своеобразным центром притяжения для ближайших родственников. Наиболее значительные города — Сиболга, Паданг-сидимпуан, Тарутунг, Балиге, Сиборонгборонг, Пематангсиантар и др., а также Медан — город со смешанным населением, являющийся административным и экономическим центром Северной Суматры.

⁴ В. И. Антипов, *Индонезия*, М., 1961, стр. 66—67.

⁵ М. Я. Берзина и С. И. Брук, *Природа и население стран Юго-Восточной Азии*, — «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 21.

⁶ Расчет сделан по данным: С. E. Cunningham, *The Postwar Migration of the Toba-Bataks to East Sumatra*, Yale, 1958; M. Joustra, *Batakspiegel*.

На побережье Индийского океана, от Бакунгана до Наталя, живет смешанное население — батаки, аче, минангкабау, китайцы и др. Много батаков встречается на восточном побережье Суматры, особенно в Медане и его окрестностях, в северных минангкабауских районах, на островах вдоль западного побережья Суматры, а в последние годы и на Яве (в основном это батаки, получившие образование и занимающие официальные посты в государственных учреждениях).

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

По этнографическим и лингвистическим особенностям батаки делятся на две большие группы, состоящие из нескольких меньших групп (в прошлом племен)⁷. К югу от озера Тоба до Сиболги и Сипирока, на западном его побережье, в долине Асахана и на о-ве Самосир живут тоба-батаки, наиболее многочисленные из всех (более 1 млн.). Близки им анголы, населяющие район к югу от Сипирока, в долине р. Анголы (150 тыс.), и мандайлинги, живущие далее на юг вплоть до границы с областью Минангкабау (150 тыс.). Районы к северу и северо-западу от озера Тоба заселены каро-батаками (400 тыс.) — второй основной группой батаков. К западу от озера живут пакпаки, или даири, делящиеся на несколько групп: сингкели, симсимы, кепасы, петаганы (всего около 100 тыс.), а к востоку от них — тимуры (около 200 тыс.), называемые также симелунгунами или сибалунгунами по месту проживания. Пакпаки и тимуры — связующее звено между тоба- и каро-батаками, причем у пакпаков преобладают каро-батакские элементы, а у тимуров — тоба-батакские. В нижнем течение р. Асахана живут пардембананы — выходцы из районов тоба, а в устье — оранг куала («люди устья») — смешанная малайско-батакская этническая группа.

Язык батаков относится к суматранской группе индонезийской ветви и в целом близок малайскому, но каждая из вышеперечисленных этнических групп имеет свой диалект⁸. Дialeктальные различия между шестью основными группами довольно велики, так что, например, каро и мандайлинги понимают друг друга с большим трудом. Основные отличия между диалектами сводятся к фонетике и в несколько меньшей мере к лексике. Так, ясно слышимое «е» или «о» в языке тоба соответствует неударному «е» языка каро; звук «х» языка тоба переходит в «к» у каро и т. д.⁹ Письменность — латинская. До конца XIX в. употреблялся собственный алфавит, являвшийся графически упрощенным вариантом индийского письма деванагари.

По антропологическим особенностям батаки относятся к южномонголоидной малой расе. Они мезокефалы, кожа у них светло-коричневая, у каро более светлая, чем у тоба. Средний рост мужчин — 160 см. Как мужчины, так и женщины отличаются крепким сложением¹⁰.

⁷ M. Loeb, *Sumatra, its History and People*, — «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistic», Bd III, Wien, 1935, S. 20; «Bataksch», — «Encyclopaedie van Nederlandsch-Indië», d. I, 's Gravenhage — Leiden, 1917, blz. 177.

⁸ У батаков, как и у многих других народов и племен, существуют также тайные профессиональные жаргоны (например, жаргон добытчиков камфары и др.). Особым жаргоном некоторые ученые склонны считать выкрики и бормотание шаманов, вступающих в транс (см. «Bataksch», blz. 183).

⁹ «Bataksch», blz. 182.

¹⁰ W. Volz, *Zur somatischen Anthropologie der Battaker in Nord-Sumatra*, — «Archiv für Anthropologie», Bd 226, 1900, S. 717—733.

Предки батаков пришли на Суматру (по-видимому, с Малакки) в составе одной из так называемых протоиндонезийских волн (рубеж III—II тысячелетий до н. э.) и первоначально обосновались на ее восточном побережье, между устьями рек Бампу и Барумана, откуда были вытеснены минангкабау, начавшими расселяться с Центральной Суматры с начала нашей эры. Поднимаясь вверх по рекам, впадающим в Малаккский пролив, батаки достигли озера Тоба и заселили плоскогорье вокруг него, оттеснив аборигенов — предков современных лубу, улу и, возможно, кубу¹¹. Туманные предания батаков не сохранили сведений о древней истории этого народа. Большинство их повествует лишь о том, что родиной батаков являются районы вокруг озера Тоба, откуда позднее они распространились к северу и югу¹². Такие предания сохранились и у каро — группы, наиболее отличной от тоба. По отрывочным сведениям, сохранившимся в арабских и китайских источниках IX—XV вв., можно установить, что прибрежные районы Барус и Пансур вели торговлю камфарой, росным ладаном и другими местными товарами с приезжими купцами¹³.

В период, когда основная масса батаков жила вокруг озера Тоба, а прибрежные районы заселяли лишь отдельные отставшие группы батаков, их коснулось индийское влияние (начиная со II в. н. э.). Память о тесных контактах с индийцами сохранилась в виде ряда индийских слов, некоторых религиозных представлений, старого шрифта, являющегося упрощенной формой письма деванагари, в так называемых «гадательных книгах» — пустакх, где встречаются различные астрологические вычисления, заимствованные от индийских жрецов, искаженные санскритские названия для месяцев, дней недели, знаков зодиака и пр. Особенно отчетливы следы древних связей с Индией у каро. Некоторые ученые даже считают, что род каро Сембиринг является дравидийским по происхождению, ассимилированным позднее окружающим населением¹⁴. В области найдены памятники, свидетельствующие о связях батаков с индо-яванскими государствами Явы и Суматры в период индонезийского средневековья (X—XV вв.). Особенно много этих памятников на юге области — в Паданглавасе¹⁵.

В большинстве батакских районов вплоть до конца XIX в. господствовали общинно-родовые отношения и не сложилось центральной политической власти. Каждая деревня, составлявшая, как правило, общину, существовала автономно; высшей формой политической организации были союзы деревень, которые (на севере, северо-востоке и востоке области) периодически находились под номинальным управлением малайских раджей из султанатов Лангкат, Дели, Серданг и др. Южные районы издавна находились под сильным минангкабауским влиянием.

Занимались батаки подсечно-огневым земледелием, рыболовством, охотой, вели торговлю, в основном обменную, главным образом с прибрежными княжествами от имени старейшин своих деревень и родов.

¹¹ O. J. A. Collet, *Terres et peuples de Sumatra*, Amsterdam, 1925, p. 333 ff.; F. A. Schnitger, *Megalithen vom Batakland und Nias*, — «Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst», Leipzig, Bd XV—XVI, 1941—1942, S. 220—252.

¹² M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 22—27.

¹³ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 19—20. Имеющиеся более ранние греческие и китайские сообщения о торговых связях с Суматрой уже с I в. н. э., к сожалению, не дают пока возможности точно установить, о каком районе Суматры идет речь.

¹⁴ P. Tamboen, *Adat-istiadat Karo*, Djakarta, 1952.

¹⁵ F. M. Schnitger, *Forgotten Kingdoms in Sumatra*, Leiden, 1939.

У батаков было широко распространено рабство и заложничество, особенно у тоба и мандайлингов. Рабами были военнопленные, лица, допустившие серьезные нарушения обычного права (например, совершившие прелюбодеяние), заложниками — должники.

С конца XVIII в. в восточных и южных районах начал распространяться ислам. В 30-х годах XIX в. к мандайлингам из области Минангкабау проникли фанатики-мусульмане (так называемые падри), которые огнем и мечом насаждали свою веру. Это вызвало ненависть населения к проповедникам ислама и облегчило голландцам покорение области, поскольку первоначально в них видели защитников от неистовства падри¹⁵.

Голландцы, впервые проникшие к батакам в 1833 г.¹⁷, завоевали вначале южные районы (Паданглавас, Падангсидимпуан и др.) и включили их в резиденцию Тапанули. Население очень быстро поняло, что голландцы — новые захватчики, и начало против них вооруженную борьбу. Покорение батаков длилось почти 75 лет и закончилось лишь к 1908 г. Не проходило года без восстаний против голландцев. Особенно упорно сопротивлялись тоба, из среды которых выдвинулся смелый и талантливый вождь Сисинга Мангараджа XII, принадлежавший к одному из древнейших родов тоба-батаков. Он выступил против захватчиков в 1877 г. и неутомимо воевал с голландскими карательными экспедициями в течение 30 лет. 17 июня 1907 г. Сисинга Мангараджа пал в бою, но сопротивление голландцам продолжалось и после его смерти, руководимое тайным обществом «Пархудамдам». Чтобы удержаться в области батаков, голландцам пришлось в ряде мест иметь постоянные воинские гарнизоны. В этой длительной борьбе проявились присущие батакам дух независимости, гордость и смелость¹⁸.

В покоренных районах местное общинное самоуправление было поставлено под контроль голландских чиновников, были введены принудительные государственные работы — хеерендинст. По мере распространения голландского господства система колониальной эксплуатации охватывала все новые районы.

Голландцы внедряли в них принудительную культуру — кофе (1841 г.), а с 1849 г. — принудительную доставку продукции к складочным местам. Европейские надсмотрщики на плантациях вскоре были заменены местными, которым голландцы уплачивали определенный процент от цены сданного кофе. После отмены в 1908 г. принудительной культуры кофе население было обложено налогами — подушным, на постройки, на убой крупного рогатого скота и др.¹⁹ С 1876 г. голландские власти приступили к постепенной отмене рабства и заложничества в батакских районах, с тем чтобы положить конец войнам между дерев-

¹⁵ Ю. В. Маретин, *Историография войны падри (из истории религиозной и национально-освободительной войны в Индонезии в первой половине XIX в.)*, — «Историография и источниковедение стран зарубежного Востока. Дальний Восток и Юго-Восточная Азия», М., 1967, стр. 100, 105, 110—111; M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 27—30.

¹⁷ Первый европеец — англичанин Андерсон — проник во внутренние районы области в 1823 г. (J. Anderson, *Mission to the East Coast of Sumatra in 1823*, Edinburgh, 1826).

¹⁸ J. M. van der Kroef, *Messianic Movements in the Celebes, Sumatra and Borneo*, — «Millennial Dreams in Action: Essays in Comparative Studies», — «Comparative Studies in Society and History», The Hague, 1962, Suppl. II, pp. 92—106, 113—121; M. Said, *Dari halaman-halaman terlepas dalam tjatatan tentang tokoh Singa Mangaradja XII*, Medan, 1961; A. Lumbantobing, *Sedjarah Si Singa Mangaradja I—XII*, tjet. ke-5. Tarutung, 1959; K. Helbig, *Der Singa Mangaradja und die Secte der Pormalim bei den Batak*, — «Zeitschrift für Ethnologie», Bd 67, 1935, № 1—3; C. M. Pleyte, *Singa Mangaradja, de heilige Koning der Bataks*, — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», d. LV, ser. 7. 1903, d. I.

¹⁹ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 35—43.

нями из-за рабов, ослабить силу раджей, а также получить свободную рабочую силу для развивающихся районов Восточной Суматры. Процесс этот растянулся почти на 50 лет. В последнем районе — на острове Самосир — рабство было отменено лишь в 1920 г. Однако положение бывших рабов и членов их семей долгое время оставалось приниженным.

К началу XX в. феодализм пустил ростки и в батакском обществе, в первую очередь у тимуров и мандайлингов. У них в результате внутреннего развития, ускоренного влиянием соседних малайских султанатов побережья и средневекового минангкабауского государства, возникли многочисленные мелкие княжества (хараджаон, или кераджаан). Их старейшины, выделившись из массы общинников, превратились в наследственных правителей — раджей²⁰. В центральной области расселения батаков общинно-родовые отношения сохранялись особенно долго, вплоть до начала XX в. Это объяснялось недоступностью их территории не только для иностранцев, но и для других индонезийцев.

В начале XX в., одновременно с развитием феодализма, у батаков ускоренным темпом начинают развиваться товарно-денежные отношения (ряд культур они стали производить только на экспорт). Это объясняется проникновением иностранного капитала и бурным развитием плантаций на северо-восточном побережье Суматры, в районе Дели и Медана, усилением процессов экономического и социального развития этих районов, что в свою очередь вызвало появление у батаков первых представителей местной буржуазии и пролетариата.

В годы японской оккупации (1942—1945) и особенно после 1945 г., в период борьбы молодой Республики Индонезии против голландского империализма, батаки активно участвовали в народном сопротивлении и сумели отстоять независимость своей земли.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Земледелие — основное занятие батаков. В первую очередь они сеют рис, а также разводят кассаву, батат, кукурузу и картофель. Последний получил особенное распространение у каро (с начала XX в.). Каро снабжают картофелем Дели, Медан и значительную часть северо-восточного побережья Суматры. Заливное рисосеяние, появившееся у батаков лишь несколько столетий назад и, возможно, заимствованное у минангкабау, встречается в долинах, на узких аллювиальных полосах, у подножия гор и на их нижних склонах. Значительная часть площадей, занятых под рисом, — это суходольные поля ладанги (у симелунгунов, например, ладанги занимают всю обработанную под рис площадь). Ладанги, как правило, располагаются на пологих склонах гор. Здесь же, недалеко от подножия, находятся селения, тянутся дороги, разбросаны пастбища. Выше по склонам устраиваются террасы, на которых сажают овощи, кассаву, а также некоторые фруктовые деревья (цитрусовые, дерево нангка — *Atrocarpus integrifolia*), бананы и др. Освоение все новых и новых площадей под рис, осуществляемое во многих районах простым подсечно-огневым способом, приводит к обезлесению больших пространств, особенно по горным склонам, и к появлению саванн. Брошенные из-за истощения почвы поля некоторое время используются под пастбища, пока не зарастают дикой травой аланг-алангом.

Для обработки заливных полей используют быков и буйволов, впрягая их парами или поодиночке в деревянный плуг — тинггала, напоми-

²⁰ H. Porkas Daulae, *Sedikit tentang marga Batak*, [Djakarta, 1961], hal. 21; C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 34—35.

нающий плуг соседних минангкабау. Все чаще стал применяться плуг с железным лемехом. После вспашки поле боронится и разравнивается. При отсутствии тяглового скота поля обрабатываются мотыгами с железным наконечником (чанкол, худали и др.). Рассадку сеют в сентябре, в декабре ее высаживают на поле, урожай собирают в марте — апреле. Затем поле отдыхает и используется под пастбище, реже — под вторичные культуры. На тяжелых полевых работах заняты мужчины (корчевание, пахота), посадку и прополку производят женщины, урожай собирают все. Для срезания стеблей риса служит жатвенный нож (саби).

Для уборки обычно объединяются члены родственных семей. Но в последнее время все шире распространяются разные группы взаимопомощи, основанные на соседском, территориальном принципе. Простейшая форма такого неродственного объединения — марсиадапари. В нем участвуют члены нескольких соседних семей, включая мужчин, женщин и подростков. Они делают всю работу, постепенно переходя от участка к участку. По окончании работы группа распадается²¹.

На своих огородах и участках возле домов батаки выращивают овощи, сахарный тростник, фруктовые деревья. В ряде мест сажают табак и кофейное дерево, культивируют гамбир и индиго — все это для вывоза. Кофе, введенный некогда голландцами как принудительная культура, с развитием товарно-денежных отношений стал важной статьей дохода населения, так же как и каучуконосы, посадки которых особенно велики на юге области, в районах Тапанули и Паданглавас, где сильно сказывается минангкабауское влияние²². Положение батаков, производителей экспортного сырья, сложнее, чем положение палембангов (Восточная Суматра) или минангкабау (Центральная Суматра), имеющих более легкий доступ к рынкам (через порты Восточной Суматры, Сингапур, Паданг). Батаки сбывают сырье через перекупщиков и получают от них лишь небольшую часть его стоимости.

Скотоводство и животноводство играют у батаков значительно большую роль, чем у других народов Индонезии (за исключением мадуров с о-ва Мадура), чему способствует обилие пастбищ на безлесных травянистых нагорьях. В южных районах разводят в основном быков и буйволов, в центральных и южных — лошадей. Сами батаки не используют лошадей как тягло, а разводят их главным образом для продажи. Низкорослые, но очень выносливые батакские лошади находят широкий сбыт по всей Суматре, на других островах Индонезии, а также на Малакке²³. Широко распространенное прежде свиноводство постепенно сокращается вследствие запретов ислама и в настоящее время сохранилось лишь в районах, где население либо придерживается своих старых верований (каро), либо исповедует христианство (часть тоба). Повсеместно держат коз, кур и уток, но из-за отсутствия специального ухода за ними мясо их тощее.

Рыболовство во внутренних водоемах распространено повсюду. Для многих батаков, живущих на берегу озера Тоба, оно является основным занятием. Сезон рыбной ловли длится с июня по август. В новых батакских селениях, расположенных на побережье Индийского океана, практикуется морское рыболовство, которое и прежде, до оттеснения батаков малайцами с побережья Малаккского пролива, было знакомо батакам. Способы и орудия лова — обычные индонезийские: это разнообразные верши, мережи, сети (закидные и донные неводы и др.), сачки, удочки, гарпуны и остроги (однозубые и многозубые), ловушки, заколы, одур-

²¹ C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 54.

²² K. Tobing, *Sumatera Utara*, Djakarta, [1953].

²³ «Paard», — «Encyclopaedie van Nederlandsch-Indië», d. III, p. 228.

манивающие средства²⁴. Простые орудия лова каждый рыбак изготовляет сам, более сложные — мастер-специалист. Особенно славятся мастера о-ва Самосир.

Охота не играет существенной роли в хозяйстве батаков и чаще всего является развлечением. Охотятся на мелких копытных, диких свиней, птиц. Орудия охоты — различного вида копья, духовое ружье, лук и стрелы, праща, многочисленные силки и ловушки, а в последние десятилетия и огнестрельное оружие. Иногда батаки устраивают облавные охоты с большим количеством участников и с собаками. Загонщики и собаки гонят дичь — оленей или диких свиней — на спрятавшихся в лесу охотников. Если дичи немного, охотники устраивают угощение тут же в лесу, причем нередко в пищу идет и несколько собак. В случае удачной охоты дичь доставляется в деревню, где все жители участвуют в пиршестве.

Сбор лесных продуктов (гуттаперчи, ротанга, меда диких пчел, камфары, росного ладана и др.) имел прежде большое значение. Интенсивное хищническое добывание камфары и росного ладана привело к тому, что уже к началу нашего века камфарные (*Dryobalanops camphora* Colebr.) и росные (*Styrax benzoin* Dryand.) деревья в некоторых местах почти полностью исчезли. В настоящее время значение лесных промыслов упало по сравнению с 10—20-ми годами нашего века.

Ремесло. У батаков широко распространены разнообразные ремесла: ткачество, резьба по дереву, обработка металлов, плетение и др.²⁵, в которых они обнаруживают высокий художественный вкус и большое техническое мастерство. На простых ткацких станках с челноком, состоящих из нескольких параллельно расположенных деревянных реек, между которыми натянуты нити основы, батаки по-прежнему ткут плотные ткани (улос). Изготовление одного куска ткани требует трех-четырех недель неустанного труда. Окрашиваются ткани естественными красителями в национальные батакские тона: в различные оттенки синего (до почти черного) — у каро, в оранжево-красные и его оттенки — у тоба, в коричневый — у мандайлингов. Появление таких тонов вызвано красителями, применяемыми батаками: синей краской — индиго (ее получают из растений сапан — *Indigofera tinctoria* — и силаван — *Marsdenia tinctoria*) и красной краской, получаемой из сока растения бенгкуду (*Morinda citrifolia*). Комбинация синей и красной красок дает различные оттенки коричневой.

Известны батакские кузнецы, ювелиры, чеканщики, а в прошлом и медники (которые умели даже паять с помощью борнокислого натрия). Железные части сельскохозяйственных орудий, оружие (мечи, кинжалы, ножи, копья), металлическая домашняя утварь — все это до недавнего времени изготовлялось на месте. Батакские ювелиры в ряде случаев не уступают палембангским и минангкабауским, особенно в южных районах. Батакские ювелирные изделия из золота имеют ярко-желтую окраску благодаря кипячению их в воде вместе с лимонным соком и порохом.

О большом мастерстве батаков в обработке дерева говорят их чрезвычайно сложные по конструкции дома, мосты, лодки, достигающие ог-

²⁴ F. Müller, *Beschreibung einer von G. Meissner zusammengestellten Batak-Sammlung*, Berlin, 1893, S. 49—54; A. Krämer, *West-Indonesien: Sumatra — Java — Borneo*, Stuttgart, 1927, S. 33.

²⁵ Многочисленные иллюстрации предметов ремесла, а также образцы искусства батаков приведены как в двух указанных выше работах Ф. Мюллера и А. Крамера, так и в соответствующих томах «Каталога Государственного этнографического музея в Лейдене» (*Katalog des Ethnographischen Reichsmuseum*, Leiden).

ромных размеров. Батаки — искусные резчики. Материалом служит дерево, бамбук, рог, кость, камень. Богатой резьбой украшены многие дома (особенно дома богатых семей и общинные постройки), амбары, предметы домашнего обихода, а также предметы культа. Наряду с растительным орнаментом распространены изображения людей и животных, нередко сильно стилизованные; встречается и геометрический орнамент. Излюбленный мотив — ящерица, голова буйвола, а также стилизованные изображения птичьих и змеиных голов (на рукоятках мечей и кинжалов). Подлинными произведениями искусства являются фигурки предков, вырезанные из дерева или камня, и особенно магические жезлы жрецов, сплошь покрытые резьбой в виде сложного переплетения фигур людей, животных, иногда с растительными и геометрическими мотивами²⁶. Последние десятилетия происходит заметный упадок искусства резьбы по дереву и камню.

Батаки — большие мастера по изготовлению долбленых лодок солу. Особенно славятся тобаские мастера с о-ва Самосир. Лодки делаются для рыболовства, для перевозок, а в прошлом они изготовлялись для торговых и военных целей. Как правило, лодки выдольбливаются из целого ствола дерева и нередко достигают в длину двадцати и более метров и могут поднять сто и более человек. Торговые и военные лодки богато украшались резными фигурками, пучками листьев и перьев. Весла готовились для них короткие, с ромбовидными лопастями (гребут ими, как на каноэ). Особая «певучая точка» на лопасти вызывает своеобразный певучий звук при гребле.

Как и повсюду в Индонезии, у батаков широко представлены все виды плетения. Распространено у них и гончарное дело — изготавливаются белые глиняные сосуды из слабо обожженной глины, небольшие характерные кувшины с плоским дном, чечевицеобразным телом и узким горлышком, богато украшенные глубоким орнаментом. Иногда сосуды оплетают, а круглодонные ставят на плетеные подставки.

Несколько столетий назад батаки научились изготавливать порох из древесного угля и селитры (после того как к ним попало огнестрельное оружие от малайских и арабских торговцев).

С появлением промышленных изделий многие виды ремесла приходят в упадок и совсем исчезают, например прядение или медницкое дело (последнее в свое время было развито очень высоко).

Торговля. У батаков до сих пор сохраняются элементы натурального хозяйства. Почти в каждой семье занимаются земледелием, рыболовством, садоводством, птицеводством, разводят скот, занимаются ткачеством, ведут торговлю и т. д. Однако с начала XX в. товарно-денежные отношения все более ощутимо вторгаются в хозяйственную жизнь батаков. Ряд культур они производят уже только на экспорт, все большее количество предметов первой необходимости покупают на рынке. Теперь батак обращается на рынок за такими предметами, которые еще недавно он либо производил сам, либо их изготавливал для него сосед-ремесленник, либо он вообще не имел в них надобности, например бумажные ткани, готовая одежда, разнообразная утварь (деревянная, глиняная, металлическая), спички, украшения и безделушки. Батаки стали покупать на рынке и продовольствие — рис, фрукты, соль, табак, не говоря уже о таких видах, которые были традиционными для обмена (например, ры-

²⁶ Великолепные образцы батакского ремесла и искусства имеются в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР в Ленинграде. Общее количество предметов батакского собрания превышает 1100 предметов. Фотографии и рисунки подобных предметов из собрания МАЭ см. в кн. «Народы Юго-Восточной Азии», стр. 515, 522—523

ба). В каждом крупном селении имеется один или несколько торговых дней в неделю с установленными часами торговли, чаще всего с 7—8 до 9—10 часов утра. Центры торговли сосредоточены в растущих городах.

В настоящее время торговцы-батаки успешно конкурируют с малайцами, минангкабау и китайцами в Медане и других городах с неоднородным населением. В среде батаков появились свои представители торгового капитала, некоторые из них имеют значительный капитал. Это углубляет расслоение батакского общества — в первую очередь батакской деревни — и ведет к ускорению распада общинно-родовых связей. Батаки ведут крупную торговлю буйволами, быками, лошадьми, а также свиньями, птицей, яйцами, продуктами земледелия и лесных промыслов. Растет доля экспортных культур в торговле — каучука, кофе и др. Вывоз идет в основном в районы Восточной Суматры²⁷.

ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ

Батаки живут небольшими селениями, называемыми хута у тоба и кута у каро (от санскритского кота), насчитывающими у тоба — 10—15 домов, а у каро — до 20 (в некоторых селениях до нескольких десятков домов). Небольшие размеры поселений определяются у батаков, как и у других народностей, тем, что возделываемые поля не должны находиться на большом удалении от деревни (средний размер участка орошаемой земли, которой владеет тобаская хута, — от 3 до 5 га)²⁸.

Похожие на островки, окруженные морем рисовых полей деревни ограждены земляным валом (около 1 м толщины и до 3 м высоты), усаженным колючим кустарником, нередко за валом или по валу они огорожены еще и бамбуковой изгородью, так что вал и изгородь образуют большой замкнутый четырехугольник. Расположены деревни обязательно поблизости от воды. В каждой имеется общая купальня — тапиан. К деревне ведут узкие тропки, петляющие среди рисовых полей. Войти в нее можно только через узкий проход-коридор, оставленный в насыпи и прикрытый тяжелой калиткой. Подобную систему ограждений можно увидеть и сейчас в некоторых деревнях, особенно у тоба. Прежде эта система была необходима из-за частых войн между соседними деревнями. В настоящее время подобные укрепления больше не строятся. Прекратились также переселения деревень, но еще 20—30 лет назад отдельные небольшие деревни меняли свое местоположение из-за истощения окружающих полей, моровых болезней и войн.

Внутренняя планировка селений различна. У тоба, англолов и мандайлингов дома стоят в ряд фронтонами к деревенской площади — аламан (она же улица), образованной либо двумя рядами домов, либо рядом домов и стоящими напротив них амбарами.

В деревнях каро дома близких родственников стоят рядом и образуют кварталы (кесаин); в селении может быть несколько кесаинов. Очень часто они обнесены оградой. Линия домов иногда образует почти правильную окружность; иногда дома стоят без определенного порядка вдоль берега реки, но при этом передний и задний фронтоны обязательно обращены вверх и вниз по течению реки.

Аламан — это центр деревенской жизни. На деревенской площади собираются, чтобы поговорить о новостях; здесь женщины, сидя перед

²⁷ С. Е. Cunningham, *The Postwar Migration...*; K. Tobing, *Sumatera Utara*; «Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Utara», [Jakarta, 1953].

²⁸ С. Е. Cunningham, *The Postwar Migration...*; K. J. Pelzer, *The Agrarian Conflict in East Sumatra*, — «Pacific Affairs», vol. 30, 1957, № 2.

своими домами, ткнут улосы; здесь они рассыпают на плетеных циновках рис для просушки; вокруг бегают и играют дети и сушат свои сети рыбаки.

Жилище. Дома у различных батакских групп, несмотря на ряд общих черт, имеют свои конструктивные и стилевые особенности, что позволяет говорить об индивидуальных стилях. Особенно отличаются стили тоба и каро, у остальных групп обнаруживаются в разной пропорции черты того и другого стиля. В общем профиле и в отдельных деталях батакских домов есть сходство с минангкабаускими²⁹.

Все батакские постройки — каркасные и делаются на сваях, части дома, особенно каркас и сваи, очень массивны. Жилые дома, называемые румах или сопо (иногда название румах распространяется и на поселение), рассчитаны на большую семью, состоящую из 4—8 (редко больше) семейных ячеек. Дома тоба, прямоугольные в плане, имеют 5—6 м в ширину и 8—10 м в длину; дома каро в плане — почти квадратные, размером 5×6 м, встречаются и большего размера (8×10 м и более).

На толстых бревнах-сваях, установленных обычно в четыре ряда (по 4, 6 или 8 свай в ряду — в зависимости от длины дома), на полуметровой высоте над землей сооружается массивная платформа, на которой ставится каркас дома. Наклоненные наружу стены низки, не выше полутора метров над платформой, и на треть прикрыты нависающей крышей. Стены делаются из досок или дощатых панелей, а в домах победнее — из циновок.

У тоба между фасадной стеной и краем платформы оставляется небольшая галерея. Окон нет. На задней стене дома устраивают небольшой проем, в дом входят через отверстие в полу, к которому ведет убирающаяся лестница. В домах каро входом служат прикрываемые двустворчатыми дверцами проемы, называемые «птичьими дверцами» (пинтун перик), проделанные в передней и задней стенах, обращенных вверх и вниз по течению реки. Перед входом устраивают небольшую галерею — род крыльца, на нее поднимаются по наклонно поставленному бревну с зарубками (редан).

Крыши тобаских домов очень крутые, двускатные, покрыты толстым, до полуметра, слоем иджука («пальмового волоса»); конек слегка вогнут и очень сильно выдается вперед, образуя навес, под защитой которого на земле иногда ставят пустотелую колоду для толчения риса (лосунг или лесунг). Нижняя и средняя часть фронтона прикрыта досками, на них нередко нанесен богатый орнамент. Верхняя часть фронтона не закрыта, через нее в дом проникает свет и отсюда же выходит дым.

В домах каро крыша также двускатная, но коньки выдаются не так сильно, фронтон, наклоненный наружу, как и в домах тоба, упирается не в верхний край стены, а в передний скат крыши (ближе к нижнему ее краю). Коньки заканчиваются либо остриями, либо побеленными изображениями голов буйволов, а между их рогами помещают иногда женскую деревянную фигурку с длинным лезвиевидным шпилем на голове. Треугольный фронтон, образованный обоими боковыми скатами и верхним краем фасадного ската, называется айо — «лицо». Как и у тоба, в кароских домах часть фронтона прикрыта орнаментированными досками или циновками, а часть остается открытой. Некоторые дома имеют по четыре фронтона: два — с фасада и с противоположной ему стороны и два, встроенные в боковые скаты.

²⁹ «Народы Юго-Восточной Азии», стр. 506 и 516; M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 123—132; A. Krämer, *West-Indonesien...*, Taf. IX—X; D. W. N. de Boer, *Het Toba-Bataksche huis*, — «Mededeelingen van het Ethnographische Bureau», d. XXIII, 1920.

Стены, сваи, наружные, а иногда и внутренние части каркаса покрыты резьбой и рисунками. Постоянным украшением стен и фронтонов являются контурные стилизованные изображения ящерицы, сделанные из черной иджуковой веревки, резные, стилизованные изображения людей, львов (следы индийского влияния), а также резные маски, над которыми опытный мастер-резчик трудится иногда около года. Деревянные части дома часто красятся в черно-бело-красные тона, и в сочетании с огромной черной иджуковой крышей и белыми головами буйволов на коньках придают необыкновенную живописность батакским домам. Она еще более усиливается пропорциями домов, у которых соотношение высоты свай, видимой (т. е. не скрытой нависающими скатами) части стен и крыши выражается как 3 : 1 : 6.

Особенно живописны общинные дома джамбуры у каро, дома старейшин (раджей) и дома для хранения черепов умерших — геритены.

Джамбур находится в центре деревни, его легко заметить по маленькой надстройке (укрепленной на столбе, проходящем через центр дома), повторяющей в миниатюре черты основного здания. Фронтоны надстройки смотрят в направлении боковых скатов крыши. Иногда устраивают несколько таких надстроек одну над другой, попеременно меняя направление фронтонов. Уменьшаясь в размерах, надстройки создают целую пирамиду из крыш. Стен джамбур не имеет.

Дома старейшин имеют также одну или несколько маленьких надстроек, также повторяющих основную постройку в миниатюре, число их зависит от ранга и знатности старейшины.

Геритен, как и джамбур, строится без стен. Крыша его двухъярусная, нижний ярус четырехскатный, верхний — двускатный³⁰. Помимо основных фронтонов верхний ярус имеет боковые, встроенные в боковые скаты. Над крышей сооружаются одна или несколько надстроек, нанизанных на центральный столб, верхняя из них увенчана фигурой всадника, вырезанной из дерева, со шпалеобразным шлемом. В некоторых местах геритен делают проще: на толстом резном столбе устанавливается небольшая платформа, на которой находится помещение для черепов; такой геритен имеет стены. Над постройкой сооружается иджуковая крыша в традиционном кароском стиле (с четырьмя айо).

В каждой кароской деревне имеется общественная постройка лосунг³¹, где женщины толкут рис. Это открытая со всех сторон платформа, укрепленная на сваях. Над ней на четырех столбах покоится четырехскатная крыша. Внутри размещены одна или две колоды с выдолбленными в них углублениями. В этих углублениях женщины с помощью длинных, до 2,5 м, деревянных пестов (индалу) обрушивают рис.

Рис хранится либо на чердаках домов, либо в рисовых амбарах. Амбары имеют разнообразную форму: 1) прямоугольные в плане, под простой двускатной крышей на четырех сваях — сопо (или инггот баге); 2) прямоугольные или квадратные в плане, под крышей, повторяющей форму крыши тобаского (или кароского) дома³², устраиваемые на двух стоящих одна над другой свайных платформах — сопо-нагоданг (или лунган баге), причем нижняя — открытая, не имеет стен, верхняя — закрытая, в ней и находится само хранилище; 3) небольшие вместилища четырехугольной или цилиндрической формы, сплетенные из расщепленного бамбука и стоящие на деревянной низкой платформе, и др.

³⁰ Н. Н. Bartlett, *The Sacred Edifices of the Bataks of Sumatra*, Ann Arbor, 1934.

³¹ Лосунг — по названию колоды для толчения риса.

³² У батаков, как у минангкабау и других народов Индонезии, форма амбара нередко повторяет форму жилого дома.

Амбары с открытой нижней платформой служат излюбленным местом встреч молодежи, собраний старейшин, а также для ночлега неженатых мужчин и путников.

В строительстве дома участвует вся деревня: соседи доставляют бревна, обтесывают их, устанавливают на место — делают всю простую работу, сложную плотницкую делает специалист (пандай). Все постройки сооружаются без единого гвоздя, отдельные части соединяют с помощью пазов, шипов и других приемов, а также связывают веревками, сплетенными из растительных волокон³³.

Внутреннее расположение и домашнее убранство. Батакский жилой дом не имеет внутренних перегородок, и только ночью опускаются занавеси или циновки, образующие отдельные помещения для малых семей. Слева от входа в дом (если стоять лицом к фасаду) находится помещение для главы дома — пенгулу румах. В доме есть очаг дапур (четырёхугольная площадка размером в 1 кв. м из утрамбованной глины, песка и золы) для каждых двух семей. Так как у каро обычно вместе проживает восемь семей, то в доме — четыре очага, по два в каждой половине. В очаг кладут три, иногда больше камней, образующих подставку для сосудов — далихан. Над очагом устроены полки. Нижний их ряд служит для сушки рисовых снопов перед обрушиванием, средний — используется для хранения горшков и другой кухонной утвари, верхний — предназначен для дров. В домах тоба над сушильными полками иногда устраивают большой помост — подобие поластей, где по праздникам рассаживаются музыканты, а в обычные дни хранятся различные вещи. Внутри батакских домов всегда очень сумрачно, стены и балки покрыты толстым слоем копоти от непрерывно горящих очагов.

Сплошного потолка в домах нет, лишь в отдельных местах ряды бамбуковых жердей, уложенных на поперечных потолочных балках, образуют его подобие. На чердаке, куда ведет приставная лестница, хранятся снопы риса, мелкие сельскохозяйственные орудия и ненужные вещи. Под полом батаки хранят сельскохозяйственный инвентарь, держат птицу, свиней, коз, а для того чтобы животные не убежали, делают подобие загона с помощью жердей и досок, приколачиваемых к сваям.

В последние годы интенсивный распад общины и исчезновение пережитков родовых отношений сказались и на характере батакских построек. Дома традиционного типа строятся только на о-ве Самосир, в других местах их вытеснили индивидуальные дома малайского и даже европейского типа. Нигде не строят мужских домов, домов старейшин, геритенов и других традиционных сооружений, а те, что были построены раньше, разрушаются.

Домашнее убранство и утварь очень просты и обычно собственного изготовления³⁴. Это глиняная и деревянная посуда; сосуды из бамбука иalebасы для ношения воды; немного покупной металлической посуды; плетеные мешки, коробки, деревянные сундуки для хранения одежды и других предметов. Мебель заменяют многочисленные циновки. Спяг на толстой плотной циновке, покрываются тонкой, а другую в свернутом виде кладут под голову; беседуют и едят, также сидя на циновках. Теперь в домах батаков нередко можно встретить батарейные радиоприемники, картины, фотографии, плакаты, висящие на стенах, примусы и керосинки. В деревнях, расположенных вблизи городов, элементы городской культуры, в том числе и мебель, встречаются очень

³³ M. Joustra. *Batakspiegel*, blz. 123—132.

³⁴ Ibid., blz. 132—134.

часто. У батаков, живущих в городах, внутреннее убранство домов ничем не отличается от убранства обычного городского индонезийского жилища.

ПИЩА

Пища батаков очень проста³⁵. Это главным образом рис, который едят в довольно большом количестве, два, иногда три раза в день. Правой служат вареные овощи и кусочки соленой рыбы. Мясо (буйвол, быков, свиней, коз) и яйца едят только по праздникам, предпочитая продавать их на рынке из-за нехватки денег. Особым лакомством считается мясо собак; его не употребляют лишь некоторые роды, для которых прежде собака была тотемом. В районах распространения мусульманства не употребляют свинины. Когда риса недостаточно, основными продуктами питания являются кассава, кукуруза и батат. За последние десятилетия широко распространился обычный картофель, особенно у каро. Едят также кузнечиков, лягушек и коконы некоторых гусениц.

Приготавливают пищу женщины. Но по праздникам мясные блюда готовят мужчины, в то время как женщины занимаются кушаньями из риса и овощей.

Основная трапеза происходит вечером, на заходе солнца, после окончания всех работ. Едят правой рукой из общих деревянных или глиняных мисок, часто кладут пищу на свежие банановые листья; ложками и вилками не пользуются.

Среди мужчин широко распространено курение табака, среди женщин — жевание бетеля. Алкогольные напитки почти не употребляются.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ³⁶

Национальная одежда батаков несложна и состоит из нескольких кусков ткани, окрашенной в характерные для них темно-синие, черные, красновато-коричневые или коричневые тона. Мужчины носят каины — подобие юбок из куска несшитой ткани, обернутой вокруг талии. Бедняки носят короткие каины, более зажиточные — длинные до земли. Праздничные каины всегда длинные. Удерживаются они на талии либо закручиванием внутрь верхней кромки ткани, либо с помощью пояса. Прежде под каин ничего не надевали, но с конца XIX в. под влиянием обычаев народа аче, живущего на крайнем севере Суматры, а также в результате миссионерской деятельности батаки под каином стали носить штаны аческого покроя (с широкими и длинными штанинами, закрывающими подьем ноги). Сейчас нередко ходят в штанах без каина. На теле носят рубаху с глухим воротом и длинными рукавами, на нее надевают прямую куртку с такими же рукавами и без воротника, застегивающуюся на одну пуговицу у горла и с расходящимися полами. Иногда по традиции на плечи накидывают платок, размер, форма и название которого чрезвычайно разнообразны. Женщины также носят длинные каины, при этом у девушек грудь прикрыта, а у замужних остается открытой. Нижнего белья не носят. Через правое пле-

³⁵ M. Joustra, *De Bataks*, — «De volken von Nederlandsch-Indië, in monographieen», d. I, Amsterdam, 1920, blz. 130—131.

³⁶ M. Joustra, *De Bataks*, blz. 128—130; A. Krämer, *West-Indonesien...*, Taf. IX, XI, XII.

чо у женщин перекинут платок, концы которого завязаны узлом. В платке батачки носят грудных детей, устраивая их на бедре так, чтобы они не мешали выполнять любую работу. Мальчики до 7—8 лет и девочки до 4—5 одежды не носят.

Как мужчины, так и женщины носят головные платки: мужчины обворачивают их вокруг головы, оставляя темя открытым, а женщины укладывают в виде рога буйвола, это напоминает минангкабаускую укладку (только последняя имеет вид двух рогов). На юге, в мусульманских районах, распространены крахмаленные платки минангкабауского типа и черные мусульманские шапочки. Работая на поле, батачки надевают широкополые плетеные шляпы.

Прежде батачки носили одежду только собственного изготовления, в том числе и лубяную, ее можно было встретить еще в начале XX в. Теперь они носят покупную современную одежду (куртки, штаны и пр.) или шьют ее из фабричной материи и лишь традиционные кайны и платки (наплечные, поясные, головные) ткнут на ручных станках, однако уже из покупной пряжи, окрашенной на месте в национальные цвета. Широко распространились яванские батикованные ткани (для праздничной одежды) и простые малайские саронги (род кайна, но в отличие от последнего со шшитыми концами).

Одежда европейского типа быстро вытесняет национальную. В городах носят белые рубашки и брюки; женщины, сохраняя кайн или саронг, надевают кофточки европейского покроя. Современная одежда проникает и в деревню, главным образом в среду чиновников и интеллигенции. Однако по торжественным случаям из сундуков извлекаются старинные кайны, платки и пр.

Парадная одежда в прошлом была очень пышной. Так, невесту наряжали в шелковый шитый золотом саронг и кофточку из желтого шелка; ее головной платок делался из красного сукна с нашитыми кусочками золотой мишуры; плечи прикрывал шелковый шитый золотом платок. Одежда жениха была также из шелка с золотом. Теперь праздничные костюмы значительно упростились.

Мужчины тоба волос не стригут, а собирают их в узел под головной платок; каро, наоборот, коротко стригут волосы, подбывая их иногда на висках и надо лбом. Все более распространяются малайские и европейские прически у мужчин. Женщины тоба собирают волосы в большой узел и укрепляют его с правой стороны у затылка так, чтобы он оказался под «рогом» платка. Кароские женщины разделяют волосы на пробор и собирают их в пучок на затылке, закрепляя шпилькой из иглы дикобраза. Детей чаще всего бреют наголо, оставляя на темени или сбоку небольшой локон.

Неотъемлемой принадлежностью костюма являются украшения. Дети носят их еще до того, как наденут первую одежду. Батакские женщины до замужества носят ожерелья, браслеты, кольца, серьги, замужние могут носить только серьги и кольца. Отличительной особенностью каро-батачек являются большие, длиной до 20 см, серьги падунг-падунг, сделанные из пустотелой металлической трубки (иногда золотой или серебряной). Трубка согнута вдвое и напоминает букву «л», концы ее закручены наружу в виде спирали. Длина серьги — до 15—20 см. Разнятые на две части серьги продевают в юности в верхнюю часть ушной раковины и запаивают, не снимая до конца жизни. Правая серьга направлена назад и вверх, левая — вперед и вниз; головной платок удерживает их в нужном положении³⁷.

³⁷ M. Joustra, *De Bataks*, blz. 123.

К украшениям относятся мужские и женские сумочки с принадлежностями для жевания бетеля (плетеные или из ткани). В прошлом обязательной частью должностного и парадного костюма являлись богато разукрашенные крисы и ножи (писо). До недавнего времени у мужчин принадлежностью одежды являлась цинковка, в свернутом виде висевшая у пояса и в случае необходимости употребляемая для сидения.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Батаки живут в условиях распадающегося общинно-родового строя, а их социальная организация до наших дней сохраняет пережитки отцовского рода. В подавляющем своем большинстве они живут в селениях (хута), в которых находятся члены нескольких марга³⁸ (тоба) или мерга (каро). Батаки-тоба с о-ва Самосир, сохранившие традиционную культуру в наиболее нетронутом виде, нередко насчитывают до 20 поколений предков, батаки других районов — несколько меньше³⁹. Каждая батакская этническая группа (в прошлом племя) состоит из нескольких марга: у тимуров их четыре, у каро — пять, у тоба — двенадцать и т. д.⁴⁰. Различное число марга объясняется тем, что, разрастаясь, первоначальные марга делились, и новые подразделения также получали название марга. Естественно, что у тоба, которые по численности почти равны всем остальным батакским группам, вместе взятым, количество марга наибольшее. Следы дуального деления более отчетливо прослеживаются у тоба, у которых сохранились генеалогии и легенды о двух первоначальных марга — Сумба и Лонтунг⁴¹.

В настоящее время хута, населенные мужчинами из одного марга (жены мужчин данного марга, в силу закона экзогамии, всегда принадлежали к другим марга), встречаются редко. Обычными стали поселения, в которых проживают мужчины — представители разных марга. Иначе говоря, родовой характер поселений в значительной степени утрачен. Основными причинами этого изменения характера поселений были разрастание марга и их подразделений, расселение марга в процессе освоения новых земель, частые в прошлом войны, ведшие к перемешиванию генеалогических групп, и др. В результате происходила — и продолжает происходить — сегментация марга и их подразделений и территориальное рассредоточение этих сегментов одновременно с образованием поселений смешанного в генеалогическом отношении типа. В таких поселениях фактор совместного проживания стал играть все возрастающую роль, а фактор происхождения от общего предка постепенно отеснялся на второй план⁴².

³⁸ Марга — разросшийся род, члены которого ведут происхождение от общего мужского предка и сохраняют его имя, как правило, легендарное. Члены одного марга называют себя сенина или донган саина, т. е. «одной матери» (тоба), самарга, т. е. «одного марга» (ангола) и др. [M. Stuchlik, *Batak Social and Political Organisation*, pt I: *Social Groups*, — «Annales of the Naprstek Museum», vol. I, Praha, 1962, pp. 103—109; C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 17—24; F.-C. Cole, *Family, Clan and Phratry in Central Sumatra*, — «Essay in Anthropology Presented to A. L. Kroeber», Berkeley, 1936; E. M. Loeb, *The Bataks*, pp. 37 ff.; J. C. Vergouwen, *Aet rechtsleven der Toba-Bataks*, s'Gravenhage, 1933, blz. 33 vv. (English translation: The Hague, 1964)].

³⁹ C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 18.

⁴⁰ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 199, 202—206.

⁴¹ Ibid., blz. 201.

⁴² Вопрос о характере батакского поселения с точки зрения проживания в нем генеалогических групп более подробно рассмотрен в нашей работе «Общественные отношения у батаков» («Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, стр. 146—167).

Роды (марга) делятся на подроды, число которых в каждом марга различно. Обычно их называют хорджа (керджа), или «малые марга», в отличие от «больших марга» — бывших родов. Следующее подразделение — группа кровных родственников, включающая от 4 до 8 поколений, это саомпу — «одного прадеда», «одного предка» (тоба). Обычно в эту группу входят потомки основателя данной деревни (или нескольких небольших соседних деревень). Наряду с названными генеалогическими подразделениями есть также еще несколько подразделений генеалогического по преимуществу характера, границы и функции которых довольно неопределенны (например, биус у тоба и даири)⁴³.

В прошлом члены марга были прочно связаны друг с другом общностью имущества (эта общность, согласно адату, распространялась на весь марга, как бы далеко ни были разбросаны его члены), обязанностью участвовать в торжественных церемониях, традициями взаимопомощи и взаимного уважения; внутри марга действовал принцип «один за всех и все за одного»⁴⁴. Хотя теперь родственные узы между членами марга в значительной мере ослабли и экономические связи между ними оказались полностью нарушенными, однако родовые пережитки еще сильны: малые марга по-прежнему экзогамны, а у каро экзогамны нередко и большие марга. При встрече двух батаков первый вопрос касается выяснения места происхождения и родовой принадлежности: «Аха до маргамуна?» — «Какого ты марга?». В зависимости от ответа выбирается и форма обращения. Такой предварительный расспрос о родовой принадлежности и затем выяснение степени родственной близости называется мартутур. Члены одного марга, выяснившие, что между ними нет прямых родственных отношений, называют друг друга вежливым обращением «товарищ», «брат»; тогда как связанные реальным родством обращаются друг к другу, употребляя конкретные термины родства. На значение марга в жизни батаков указывает поговорка: «Человек без марга, как орех без скорлупы»⁴⁵.

Подроды делятся на патриархальные большие семьи, включающие от 4 до 12 семейных ячеек, состоящих каждая из мужа, жены и детей. Большая семья размещается в одном доме, имеет свой земельный надел, управляется своим главой и называется либо «донган саджабу» (тоба), либо румах (каро); есть также и другие термины. Иногда от разросшейся большой семьи отпочковываются семьи, которые селятся отдельно — обычно на незанятых землях — и дают начало новым поселкам. В настоящее время почти во всех районах большие семьи являются редкостью; господствующей формой хозяйственной и семейной жизни стала малая семья⁴⁶. Исключение составляют лишь некоторые районы, населенные каро, где сохранились большие семьи румах, члены которых занимают один дом (тоже называемый румах, откуда и пошло название большой семьи) с прилегающими хозяйственными постройками и двором. Вся усадьба, занимаемая такой семьей, называется кесаин («двор») или терпук («часть»). Большая семья носит имя малого марга, к которому она принадлежит, например, у каро «румах Кербо» — «большая семья [подрода] Кербо», «румах Герга» — «большая семья [подрода] Герга» и т. д. В кароской деревне встречается до

⁴³ M. Stuchlik, *Batak...*, pt I, pp. 107—115, pt II, pp. 85—92; H.-D. Kubitschek, *Einige Bemerkungen zur Entwicklung der Sozialen Organisation der Batak*, — «Ethnographisch-archäologische Zeitschrift», Jahrg. 6, 1965, Hf. 1, S. 20—23.

⁴⁴ H. Porkas Daulae, *Sedikit tentang Marga Batak*, hal. 13—17.

⁴⁵ C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 17; E. M. Loeb, *The Bataks*, p. 47.

⁴⁶ C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 55; F.-C. Cole, *Family, Clan and Phratry...*, p. 289; J. C. Vergouwen, *Aet rechtsleven der Toba-Bataks*, blz. 278—281.

нескольких десятков таких румах, причем некоторые из них носят одно имя, так как произошли от одной румах⁴⁷.

Общину подобного типа можно назвать соседско-большесемейной, ибо в ней сочетаются признаки, характерные для больших семей (они же — домовые общины) и для соседских общин. Действительно, генеалогические подразделения, составляющие общину у батаков, т. е. большие семьи, сохраняют (или сохраняли до недавнего времени) свое единство, в том числе и экономическое; в то же время эти большесемейные коллективы подчинены большему единству, основанному на соседско-общинном принципе⁴⁸.

В целом генеалогические подразделения батаков находят соответствующие параллели в социальной организации не только патрилинейных, но и матрилинейных народов Индонезии, сохранивших пережитки общинно-родовой организации⁴⁹.

Представители старейшего марга, предки которого первыми поселились в данной местности, занимают привилегированное положение и называются у тоба «марга сипунгка хута» — «род — основатель деревни», или «марга раджа» — «род раджи». Из этого марга выбирались прежде старейшины деревни; его члены имели ряд преимуществ в пользовании сельскохозяйственными угодьями, были окружены особым вниманием со стороны других жителей деревни. Остальные марга были в подчиненном положении. Марга, занимающий привилегированное положение в одной деревне, в другой мог быть в подчинении, так как члены данного марга могли поселиться в этой деревне позже других марга. Сейчас в политическом отношении члены всех марга имеют равные права, но в экономическом положении и в отношении взаимного этикета между ними по-прежнему сохраняются различия⁵⁰.

Система землевладения и землепользования у батаков свидетельствует о переходе от соседско-общинных порядков с сильными пережитками родовых отношений к индивидуальному землевладению с зачатками капиталистических форм. Теоретически (по адату — обычному праву) верховные права на всю возделываемую землю принадлежат марга и его подразделениям⁵¹. Фактически же владельцами обработанных земель являются малые или большие семьи (там, где они сохранились), но не марга и не саомпу, причем право наследственного пользования почти повсеместно перешло в право собственности — голаг (тоба), особенно в районах заливного рисосеяния. Это право в первую очередь распространяется на земли, расчищенные трудом данного общинника, а затем уже на земли, полученные по наследству (при условии, что другие наследники его не оспорят).

Соседская община, в которую входят жители одной или нескольких деревень, распоряжается через старейшин лишь пастбищами, пустошами, целинными землями, лесами и иногда регулирует отношения между семьями в вопросах землепользования. На подъем целины имеют право все члены общины с разрешения старейшины деревни, а так-

⁴⁷ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 211.

⁴⁸ Ю. В. Маретин, *Община и ее типы в Индонезии (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук)*, М., 1964, стр. 8—9.

⁴⁹ См.: Ю. В. Маретин, *Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минанкабау*, — «Советская этнография», 1960, № 3, стр. 78—80.

⁵⁰ C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 20; J. C. Vergouwen, *Het rechtsleven der Toba-Bataks*, blz. 58, 135, 138.

⁵¹ J. C. Vergouwen, *Het rechtsleven der Toba-Bataks*, blz. 136—137; I. Hilgers-Hesse, *Das Eigentumsrecht bei den Toba-Batak in Nord-Sumatra*, — «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», Bd LXIII, 1961, S. 185—217; A. Enda Boemi, *Het grondenrecht in de Bataklanden*, Leiden, 1925.

же пришлые и принадлежащие к марга, не представленным в данной деревне, но только с той разницей, что они обязаны помимо разрешения старейшины заплатить определенную сумму в общинную кассу. В некоторых случаях обязательным условием получения права на землепользование является адаптация — принятие в большую семью (а через нее в род), для чего принимаемый платит этой семье определенную сумму. Право на землю за большой или малой семьей сохраняется до тех пор, пока видны следы обработки земли. Воды и береговая полоса озера Тоба также являются общим достоянием: каждый житель прибрежных деревень может заниматься в нем рыбной ловлей⁵².

Прежде практически не встречалось полного отчуждения земли, так как для этого нужно было разрешение всех членов большой семьи, всех членов малого, а когда-то и большого марга. Был возможен заклад, но также с разрешения сородичей, и члены своего рода имели право преимущества. При совершении сделки было обязательным присутствие свидетелей. Если заклад длился долго (например, переходил от отца к сыну или даже к внуку), то нередко приходилось прибегать к судебному разбирательству на основе законов адата, ибо первоначальные права за давностью лет оказывались забытыми. Эти споры часто приводили к ссорам не только между семьями, но и между деревнями и даже служили поводом к вооруженным столкновениям⁵³.

В настоящее время частная собственность на землю стала быстро распространяться, хотя видимость общинно-родового землевладения нередко сохраняется. Существовавшие прежде арендные отношения усилились в 20—30-х годах, особенно после окончания второй мировой войны. Батак, не возделывающий свою землю (например, уехавший с семьей в город), сдает ее в аренду из пятой доли, трети или даже исполу⁵⁴. Присутствие посторонних свидетелей при совершении сделки уже необязательно, тем более необязательно согласие или простое присутствие членов марга. Ремесленники, учителя, торговцы, владеющие землей, все реже обрабатывают ее сами, предпочитая сдавать в аренду. Арендные отношения постепенно распространяются и на рыбацкие артели, где за аренду невода или лодки владелец получает треть улова. При лове вдвоем хозяин снастей и лодки получает две трети улова, а второй рыбак — треть.

Если в районах заливного рисосеяния земля закреплена за отдельными малыми семьями (т. е. фактически существует частная собственность), то в районах подсечно-огневого земледелия происходит постоянное перераспределение земель: истощенные земли бросаются, и старейшины выделяют членам общины новые участки земли в зависимости от размеров каждой семьи. (Прежде постоянные поиски новых, неистощенных участков очень часто вели к пограничным недоразумениям и кровопролитным войнам между деревнями⁵⁵).

Процесс обезземеливания крестьян, начавшийся еще в 30-х годах,

---

⁵² C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 18—23, 34—37; J. C. Vergouwen, *Het rechtsleven der Toba-Bataks*, blz. 374—375; B. J. Haga, *Nota omtrent de inlandsche rechtsgemeenschappen in het gewest Tapanuli*,—«Mededeelingen van de Afdeling Bestuurszaken der Buitengewesten, Dep. v. Binnenlandsch Bestuur», ser. B, Weltevreden, 1930, № 6.

⁵³ M. Joustra, *De Bataks*, blz. 140; E. M. Loeb, *The Bataks*, pp. 30—34.

⁵⁴ E. M. Bruner, *Urbanization and Ethnic Identity in North Sumatra*,—«American Anthropologist», vol. 63, 1961, № 3, p. 516.

⁵⁵ Частые столкновения и настоящие войны между деревнями в прошлом заставляли батаков закапывать свои ценности в землю. Поэтому сейчас при проведении сельскохозяйственных работ нередко случаи находок зарытых ценностей (золотых и серебряных монет, украшений и пр.).

предлагается и в настоящее время. В результате его в большинстве районов сильно сократились участки обрабатываемой земли, приходящиеся на душу населения. Это произошло вследствие усилившегося классового расслоения, роста населения, а в северо-восточных и восточных районах «Страны батаков» — из-за предоставления (в 30-х годах) еще не занятых крестьянами земель иностранным плантаторам (с санкции голландских официальных властей). Так, район Ангола стал основным районом чайных плантаций Восточной Суматры, здесь же появились плантации каучуконосов, сизаля, масличной пальмы. Правда, после победы индонезийской революции в 1945 г. часть плантационных земель в батакских районах была занята крестьянами, однако это не решило земельной проблемы: аграрное перенаселение ощущается в большинстве батакских районов по сей день⁵⁶. В настоящее время средний участок орошаемой земли на семью — 0,25—0,3 га. Только немногие семьи владеют участком в 1 га и более. Учитывая, что средняя семья в шесть человек потребляет в год 720 л риса, а урожай с 1 га — 1500—2000 л, семье, имеющей 0,25 га, не хватает 200—300 л риса в год, т. е. от трети до половины необходимого количества⁵⁷. Все это означает, что земледельцы в его нынешнем виде перестало служить достаточным источником существования.

Земельный голод и упадок земледелия ведут к сильному росту отходничества (марджаджо), поискам дополнительных источников существования и к переселениям целых деревень. Отходничеством занимаются преимущественно мужчины, но в районах с особо тяжелыми экономическими условиями (например, Самосир) — и женщины. Вследствие нехватки земли только из районов тоба переселилось в Восточную Суматру с 1950 по 1956 г. более 250 тыс. человек. Переселенцы захватывали земли иностранных плантаций и осваивали новые земли. В тот же период около 90 тыс. тоба переселилось в долину р. Аласа, на север, в поисках лучших условий существования, причем насиженные места оставляло население целых деревень⁵⁸. В результате в некоторых районах, там, где ранее ощущалось перенаселение, обнаружилась нехватка людей. Так, в хута Сибарингбаринг на южном берегу озера Тоба в 1920 г. проживали 22 семьи, занимавшие 11 домов, к 1940 г. здесь осталось около 12 семей, а к 1956 г. — только 3, занимавшие четыре дома. Остальные дома либо развалились, либо стояли заколоченными, и их ждала та же участь⁵⁹. В 1956 г. правительство, стремясь упорядочить стихийные трансмиграции, запретило свободное переселение⁶⁰.

Освоенные переселенцами новые земли становятся их полной собственностью и свободно продаются, причем цена на землю постоянно растет. Так, в 1952 г. 1 га орошаемой земли во вновь освоенных районах на востоке стоил 2 тыс. рупий, а в 1955 г. — 5 тыс.⁶¹.

Административное деление и сельское управление. Как говорилось выше, батаки живут в селениях хута (кута), которые вместе с относящимися к ним возделываемыми и пустующими землями, лесами, водое-

⁵⁶ Н. Porkas Daulae, *Selikit tentang Marga Batak*, hal. 8—9.

⁵⁷ С. Е. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 77.

⁵⁸ Ibid., pp. VII, 79, 89.

⁵⁹ Ibid., p. 78.

⁶⁰ Ю. Г. Александров, *Политика Республики Индонезии в сельском хозяйстве*, М., 1964, стр. 44—46, 53; *Крестьянское движение в Индонезии*, — «Крестьянское движение в странах Востока», М., 1967, стр. 71; Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа 1960 г. в Индонезии*, М., 1963, стр. 28 и сл.; В. А. Жаров, *Индонезия на пути упрочения независимости (1945—1956)*, М., 1964, стр. 137—138, 162.

⁶¹ С. Е. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 107.

мами образуют соседские общины. С увеличением числа жителей деревни от основного поселения (пербапан, т. е. «место, где живет отец», или хута персерахан, т. е. «материнская хута») отделяются выселки, которые, разрастаясь, превращаются в хута, но сохраняют подчиненное положение по отношению к первоначальной хута (по крайней мере во всем, что касается традиционных адатных отношений).

Несколько близлежащих хута (у тоба до 30), отстоящих одна от другой не более чем на километр, образуют более крупное объединение — кампунг⁶². Являясь низшим административным делением, кампунг отвечает за поддержание в порядке ирригационной системы, за сохранение дорог, сбор налогов на территории всех своих хута, имеет свой рынок, лавку, кофейню, расположенные в старейшей хута⁶³.

В прошлом очень часто происходило слияние близлежащих объединений деревень в более крупные союзы, носившие различные названия: хундулан у тоба, урунг у каро, а также курия, луат и др. Особенно распространены были такие союзы у каро. Их образование вызывалось рядом причин: необходимостью защиты от общего врага, требованиями расширения ирригации и пр. Голландские власти закрепили эти временные объединения законодательным порядком, включив их под разными названиями — в зависимости от района — в административную структуру⁶⁴. В последние годы малайское слово кампунг вытеснило не только термины, введенные голландцами, но и местные, став наиболее распространенным обозначением деревни вообще. В первую очередь это относится к районам батакской трансмиграции, где происходит интенсивное смешение батакских, малайских, минангкабауских, яванских и других элементов.

Батакские деревни управляются выборными советами народных представителей⁶⁵. Низшей административной единицей, как уже отмечалось, является кампунг, во главе которого стоит кепала кампунг — «глава кампунга», избираемый жителями всех хута. Он получает небольшое жалованье от правительства, а остальная часть его дохода складывается из традиционных подношений от односельчан за совершение различных сделок, по случаю праздников и т. д.

Несколько кампунгов объединено в более крупную административную единицу — негери, возглавляемую назначенным правительством чиновником — кепала негери или кетуа деван. Несколько негери составляют округ — кечаматан, входящий в район, — кебупатан, который в свою очередь является частью резиденции, входящей в состав провинции. Чрезвычайно примечательно, что теперь в управлении участвуют молодые люди, имеющие образование, правда в большинстве случаев начальное или среднее, но имеющие жизненный опыт и работавшие в городе и других местах.

До провозглашения независимости Индонезии и установления единой для большинства районов страны системы сельского управления⁶⁶

⁶² Ibid., p. 38.

⁶³ E. M. Bruner, *The Toba Batak Village*, — «Local, Ethnic and National Loyalties in Village Indonesia: a Symposium», Yale, 1959, p. 54; C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 127—130.

⁶⁴ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 225, 289—290. После провозглашения Республики Индонезии это деление было отменено, а сами термины вышли из употребления.

⁶⁵ E. M. Bruner, *The Toba Batak Village*, pp. 54—55; C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 56—61, 127—130.

⁶⁶ На протяжении первых лет революции крестьяне сами осуществили демократизацию деревенского управления, а республиканское правительство рядом декретов узаконило систему, сложившуюся революционным путем, с введением в стране с 1957 г. чрезвычайного положения декреты эти практически перестали иметь значение (см.: Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа*, стр. 26 и сл.; Ю. Г. Александров, *Крестьян-*

каждая батакская хута имела своего старейшину — раджу, а каждый союз деревень — совет старейшин, во главе которого стоял главный старейшина — раджа панусухан. Должности старейшин принадлежали членам старейших в данном районе марга. В разных районах старейшины имели разные названия: раджа хута — «раджа деревни», сибай-як — «богатый», туан — «господин» и пр. У главного старейшины были помощники, причем первым помощником обязательно был представитель марга его жены. Раджа ведал внешними делами общины (связь с высшими властями, с соседними общинами), первый помощник — внутренними (распределение земель, решение семейных дел и пр.). Кроме того, специальный раджа адат ведал делами, связанными с соблюдением адата. В период колониального господства старейшины в большинстве случаев были основной опорой голландцев ⁶⁷.

Марга в целом не имел единого управления, но в каждом из них имелась большая семья, считавшаяся старейшей, а одну из деревень они признавали в качестве своей прародины. В этой старейшей большой семье, жившей в старейшей хута, передавался по наследству титул раджа марга или раджа ихутан — «раджа, за которым должно идти». Этот старейшина в прошлом имел большую власть и был окружен почетом со стороны всех членов марга. Передача титула новому радже проходила в чрезвычайно торжественной обстановке в присутствии всех сородичей — как мужчин, так и женщин. В случае, если наследник почему-либо не подходил к занятию должности (наследником должен был быть самый старший и уважаемый из мужчин), раджу выбирали из числа других ближайших родственников, но право выбора имели только мужчины.

Каждая большая семья имела своего главу, распоряжения которого были обязаны беспрекословно выполнять все ее члены. Главы больших семей входили в состав деревенского совета во главе со старейшиной, в руках которого помимо управления находилось также право суда. Как управление, так и судопроизводство осуществлялось в строгом соответствии с адатом. Решение принималось старейшинами в деревенском совете большинством голосов, но после обязательного обсуждения всеми совершеннолетними мужчинами деревни ⁶⁸.

Согласно адату, доходы старейшин складывались из следующих статей: сбор с торгующих на базаре; с играющих в азартные игры; налог на убой скота; плата за судебное разбирательство; за совершение брачной церемонии; деньги, уплачиваемые пришлыми за право пользоваться незанятой общинной землей или за право сбора лесных продуктов; часть охотничьей добычи и, наконец, у некоторых групп, например у пакпаков, доля урожая риса или других культур. С развитием европейского плантационного хозяйства старейшины стали получать часть концессионного налога с плантаций (в районах, где были таковые) ⁶⁹.

Выше уже говорилось о распространности рабства у батаков вплоть до конца XIX — начала XX в., когда оно было запрещено голландскими властями. Рабами владел, как правило, весь марга раджа,

---

ское движение; В. А. Жаров, *Индонезия*; Ю. А. Сотников, *Сельское хозяйство и аграрный вопрос*, — «Республика Индонезия», М., 1961, стр. 291 и сл.; К. J. Pelzer, *The Agrarian Conflict in East Sumatra*).

⁶⁷ H. Porkas Daulae, *Sedikit tentang Marga Batak*, hal. 27—29; E. M. Bruner, *The Toba Batak Village*, p. 60.

⁶⁸ J. C. Vergouwen, *Het rechtsleven der Toba-Bataks*, blz. 150; E. M. Loeb, *The Bataks*, p. 38.

⁶⁹ «Adatrechtsbundels», d. XX, Leiden, 1922, blz. 116—121, d. XXXV, 1932, blz. 186—209; M. Stuchlik, *Batak*, pt II, pp. 117—122.

т. е. представители правящего марга данной деревни, но внутри него главными держателями рабов были старейшины. Рабы — в основном военнопленные и злостные нарушители адата — в прошлом были объектом каннибальских церемоний. Должник считался заложником, пока не отработывал радже весь долг, внесенный в уплату за него раджей. Рабыня могла стать свободной, если ее брал в жены свободный общинник (после уплаты выкупа семье, собственностью которой она была). Дети раба и свободной женщины считались свободными⁷⁰.

Привилегированное положение старейшин, в особенности главного старейшины и его помощников, давало им возможность эксплуатировать труд общинников в своих интересах. Старейшины имели преимущество в торговле (вплоть до монополий), пользовались бесплатным трудом односельчан при обработке своих рисовых полей и в других работах. Батакские старейшины и члены старейших марга (их называют анак ни раджа — «дети раджи») имели гораздо больше земли, чем их односельчане и представляли собой более зажиточную прослойку, из которой начинало формироваться сословие будущих феодалов. Особенно отчетливо это проявлялось у типуров, мандайлингов и у каро.

Как и во всей Индонезии, голландцы проводили у батаков политику поддержки адатных старейшин, видя в них свою опору. Должность главного старейшины была сделана наследственной с обязательной передачей ее от отца к старшему сыну. Превращение старейшин в голландских чиновников низшего ранга привело к упадку их авторитета у населения. Недовольство населения вызывал и тот факт, что голландцы разрешали доступ в правительственные школы второй ступени (в Медане и Джакарте) только детям из господствующего марга. Недовольство старейшинами особенно ярко проявилось в период революции, когда многие из них были убиты⁷¹.

Таким образом, к началу XX в. батаки имели отчетливое классовое деление: феодализирующаяся общинно-родовая верхушка; привилегированные общинники из числа членов старейших марга; старейшины более низкого ранга и их родственники; свободные рядовые общинники, находившиеся в социальном и экономическом отношении в подчинении у вышеназванных привилегированных групп; наконец, бывшие рабы или их потомки. В большинстве случаев бывшие рабы не имели земли и были арендаторами у своих бывших хозяев. Подобное сословное деление было слабо выражено лишь у некоторых групп тоба.

Быстрое развитие товарно-денежных отношений с начала XX в., в особенности производство экспортных культур, вызвало рост классового расслоения. Из среды батаков выдвинулись представители собственной буржуазии, формировавшейся в значительной мере из числа старейшин, торговцев и производителей экспортных культур⁷². Беднейшая часть деревенского населения стала заниматься отходничеством, искала средства к существованию в мелкой торговле, в освоении бывших плантационных и целинных земель на восточном побережье, на чайных и табачных плантациях в окрестностях Медана и Дели. Среди батаков, не нашедших работы в городе, формировался люмпен-пролетариат.

Конституция 1945 г., провозгласившая равноправие всех граждан Республики Индонезии, уравнивала в правах и всех батаков. Она лишила старейшин и членов правящих марга их былых привилегий. Если со-

⁷⁰ E. M. Loeb, *The Bataks*, pp. 40—42.

⁷¹ G. McTurnan Kahin, *Nationalism and Revolution in Indonesia*, New York, 1955, pp. 179—182; E. M. Bruner, *The Toba Batak Village*, pp. 59—60.

⁷² A. H. van Zanen, *Voorwaarden voor maatschappelijke ontwikkeling in het Centrale Batakland*, Leiden, 1934.

словные различия, сохранившиеся в какой-то мере, потеряли свое значение, то имущественные ликвидированы не были и в ряде случаев даже углубились в силу ускорения распада общины у батаков⁷³.

БРАК И СЕМЬЯ

Еще несколько десятилетий назад у батаков строго соблюдалась родовая экзогамия. Брак внутри своего марга был запрещен, и батак не мог жениться на женщине из марга, куда отдают его сестер. Предпочтительным считался брак на дочери брата матери, но не на дочери сестры отца. Относительно последнего запрета существовала даже поговорка: «Невозможно, чтобы река текла к своему истоку». Экзогамия больших марга в настоящее время отмирает. В случаях, когда экзогамия марга уже не соблюдается строго, брак на двоюродных сестрах по отцу, т. е. брак внутри большой семьи, запрещается, разрешены лишь браки на троюродных кузинах. Два брата также не могут жениться на двух сестрах⁷⁴.

В брачных отношениях батаков отчетливо обнаруживаются следы союза трех родов («мой» марга, марга бору и марга хулахула). Весь комплекс отношений, характерных для трехродового союза, называется у батаков далихан на толу⁷⁵. Далихан на толу — это треножник (или просто три камня), на который ставят горшок с пищей над огнем. Три опоры этого треножника символизировали три основы, на которых зиждились брачные и некоторые другие социальные отношения. Отношения «моего» марга донган саина (сабутуха, каханги) с марга бору («дочь»), в который выдаются женщины моего марга (в южных районах марга бору называется байобайо) и с марга хулахула (или намора, наморамора — «богатый»), из которого берет жен «мой» марга. Марга, отдающий жен, считается по положению выше берущего жен. Эти отношения строго соблюдаются во всех адатных церемониях (например, по случаю свадьбы, похорон и т. д.), в повседневной общественной жизни и в управлении. Члены марга хулахула могут обратиться за помощью в «мой» марга, и последний обязан оказать эту помощь деньгами, трудом и т. д. Строгий этикет предписывает, чтобы представитель марга, берущий жен, уступал место представителю марга, дающему жен. Если «мой» марга является хулахула по отношению к марга, который берет у него жен, то по отношению к марга, который дает жен «моему» марга, «мой» марга является бору⁷⁶.

До брака девушки пользовались половой свободой. После брака супружеская неверность строго наказывалась: до середины XIX в. сохранялся обычай, по которому прелюбодейка должна была быть убита, а ее греховная душа (тонди) уничтожена с помощью каннибальского пиршества, в котором принимали участие все члены рода⁷⁷.

⁷³ Н. Porkas Daulae, *Sedikit tentang Marga Batak*, hal. 30.

⁷⁴ E. M. Loeb, *The Bataks*, p. 49.

⁷⁵ Г. Г. Стратанович, *Новейшие данные о «трехродовом союзе» у батаков*, — «Советская этнография», 1959, № 6; С. Е. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 24—32.

Теоретические проблемы, связанные с трехродовым союзом на материале Юго-Восточной Азии, рассмотрены в работе: Д. А. Ольдерогге, *Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии*, — «Советская этнография», 1946, № 4.

⁷⁶ F.-C. Cole, *Family, Clan and Phratry...*; W. A. K. Ypes, *Bijdrage tot de kennis...*

⁷⁷ Л. Э. Каруновская, *Следы группового брака у батаков Суматры*, — «Вопросы истории доклассового общества», М.—Л., 1936, стр. 335—336; F. Jagor, *Menschenfreserei bei den Batakern*, — «Zeitschrift für Ethnologie», Bd XXVII, 1895.

Нормальный брачный возраст для женщины — 16—18 лет, для мужчины — 18, но бывают случаи более ранних браков. Прежде ранние браки были обычным явлением. Брак формально выглядит как покупка жены. До недавнего времени плата за жену джуджур была разной в зависимости от социального положения женщины. Так, за девушку из господствующего марга еще в 20-х годах XX в. платили около 250 гульденов, а за девушку из обычного марга — почти в три раза меньше, от 80 до 100 гульденов. За жену платила вся большая семья жениха, которая была заинтересована в том, чтобы в случае смерти жены уплаченная сумма не пропала, а отсюда и широко распространенный обычай сорората. Он применяется также в случае бедности жены, но при условии, что за нее выплачена вся сумма. Плата за жену является материальной компенсацией отцу за уход дочери, а марга невесты — за свадебные расходы. Частично эта плата возвращается жениху в виде брачного подарка. Таким образом, это не простая «покупка» женщины, а сложная форма союза между двумя большими семьями, представляющими два рода⁷⁸. У батаков-мусульман традиционные обычаи, связанные с выкупом за невесту, были подкреплены и несколько видоизменены влиянием ислама⁷⁹.

С выходом замуж женщина принимает родовое имя мужа и переносит в его семью, однако она сохраняет и свое родовое имя: так, батачка из рода (марга) Насутион известна в роде ее мужа как «бору Насутион», т. е. «дочь [рода] Насутион». Значительно ослабевает связь женщины с семьей ее рождения и соответственно с ее марга. В дом своего рождения она может вернуться только после смерти мужа и при условии, что в семье мужа нет мужчин, желающих взять ее в жены, и что никто из членов этой семьи не возражает. Семье мужа возвращают сумму, в свое время уплаченную за нее (или часть этой суммы). В прошлом, если вдова отказывалась соблюдать левират, то становилась рабыней главного старейшины данного марга. Мужчина, отказавшийся жениться на вдове брата по обычаю левирата, должен был тем не менее содержать ее⁸⁰.

В последнее время почти повсеместно молодая пара поселяется в отдельном доме. Отец жениха старается обеспечить молодых, выделяя сыну участок земли. Нередки теперь и матриликальные браки — там, где мужчина не имеет достаточно средств для сооружения собственного дома и где сохраняется большая семья, готовая принять нового члена.

Наследование имени и имущества идет по мужской линии, при этом женщины исключаются из числа наследников. В случае, когда отец особенно привязан к дочерям, он может подарить или завещать им небольшую часть своей земли, но это будет лишь малая доля того, что он должен оставить своим сыновьям⁸¹. В районах, где адат сохранился лучше, право преимуществва в наследовании имеет младший сын, затем идет старший, а потом — остальные. При отсутствии мужских потомков наследует отец или сыновья брата умершего. При отсутствии ближай-

⁷⁸ E. M. Loeb, *The Bataks*, pp. 49—51; F. D. Ossenbruggen, *Het oeconomisch-magisch element in Tobasche verwantschapsverhoudingen*, — «Mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen, afdeling Letterkunde», d. 80, ser. B, 1935, № 3; M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 239—259; J. Keuning, *De Toba-Bataks vroeger en nu*, — «Indonesië», jaarg. 1952—1953, blz. 166—167. (English translation: Yale, 1958).

⁷⁹ D. J. Tugby, *The Social Function of Mahr in Upper Mandailing, Sumatra*, — «American Anthropologist», vol. 61, 1959, № 4, pp. 631—640.

⁸⁰ E. M. Loeb, *The Bataks*, pp. 49—51; M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 242 vv.

⁸¹ I. C. Vergouwen, *Het rechtsleven...*, blz. 368—371.

ших мужских родственников наследует глава большой семьи и, наконец, весь марга покойного⁸².

До сих пор у батаков существует многоженство, кроме батаков-христиан. Мужчина может иметь столько жен, за скольких он в состоянии внести выкуп; поэтому, как правило, многоженство встречается лишь в зажиточной среде. Браки батаков с инородцами не поощряются, в особенности браки батакских женщин с чужеземцами, так как в этом случае женщина и ее дети утрачивают связь со своим родом и род практически их теряет. На юге и во вновь освоенных восточных районах эти запреты соблюдаются в значительно меньшей степени⁸³.

Основные черты брачного обряда сохранились у всех групп батаков в мало изменившемся виде⁸⁴. Обязательно участие членов марга — как своего, так и связанных с ним отношениями далихан на толу. Приглашение старейшинам всех марга передает отец невесты, а старейшины сообщают о готовящемся событии членам своих марга. Чем больше человек присутствует на свадьбе, тем выше престиж семей, устраивающих брачный пир, и наоборот. Члены марга невесты приносят рис, рыбу и другую пищу, члены марга жениха — деньги, и все это передают отцу невесты. В начале свадьбы собравшиеся члены обоих марга рассаживаются двумя полукругами друг против друга (соблюдая свое положение в отношении родственных связей и должностей) и произносят речи, связанные с данным событием. Затем присутствующие направляются либо в мечеть (мусульмане), либо в церковь (христиане). После этого на площади в центре деревни устраивают брачный пир, во время которого присутствующие рассаживаются свободно.

В свадебном обряде ярко проявляются древние анимистические обычаи, связанные с магией плодородия: жених и невеста сидят на одной циновке, едят рис из одной тарелки, в середине которой лежит яйцо, а затем их окутывают покрывалом; иногда жених исполняет перед невестой танец, во время которого невеста осыпает жениха горстью риса, выражая этим надежду, что она принесет ему много детей.

Вслед за первым принятием пищи начинается самый торжественный момент церемонии, во время которого присутствующие снова рассаживаются по старшинству двумя полукругами друг против друга. Затем отец невесты разрезает мясо буйвола (все батаки) или свиньи (только христиане) на узкие дольки, которые в определенном порядке раздает присутствующим, строго соблюдая принцип старшинства. Получивший порцию произносит приличествующую случаю речь. За церемонией, называемой «раздел кушанья», следует церемония, именуемая «раздел имущества», во время которой марга жениха платит основную сумму выкупа за невесту. Хотя сумма эта определена заранее и часть ее внесена при помолвке, обычай требует, чтобы марга жениха стремился всячески снизить цену, а марга невесты повысить ее. Быстрое согласие означает для каждого марга потерю престижа, и поэтому длинные пышные речи длятся иногда часами. По достижении соглашения свадебная церемония кончается, и отношения между двумя марга считаются закрепленными.

Брачная церемония у батаков, живущих в городе, более проста. На свадьбу приглашаются не только родичи, но и все члены батакской мусульманской (или христианской) общины. Утром собравшиеся идут

⁸² Ibid., blz. 349—373; E. M. Loeb, *The Bataks*, p. 46.

⁸³ E. M. Bruner, *Urbanization and Ethnic Identity...*, pp. 513—514.

⁸⁴ Ibid., pp. 516—517; E. M. Bruner, *Kinship Organisation Among the Urban Batak of Sumatra*, — «Transactions of the New York Academy of Sciences», vol. 22, 1959, pp. 118—125.

в мечеть (или церковь), в полдень устраивается торжественное угощение для ссродичей по традиционному образцу, а вечером делают прием без угощения для знакомых и официальных лиц, во время которого приносят поздравления, произносят официальные речи на индонезийском языке и дарят цветы. Такая форма свадебной церемонии появилась лишь в конце 40-х годов ⁸⁵.

В отношениях между родственниками и свойственниками существует целый ряд запретов и правил поведения. Свекор и невестка обращаются друг к другу через третьих лиц и не произносят имени друг друга. Сыновья высказывают знаки всяческого почтения кровным родственникам со стороны матери, относящимся к ее возрастному классу или старше ее, называя их уважительными именами: «начало дня» и т. п. Такое уважение и почтение к родственникам из марга хулахула выражают все члены марга, берущего у хулахула жен. С распадом традиционных отношений уважение, предписываемое адатом, оказывают лишь тогда, когда семья матери богата; если же она бедна, то об особых знаках почтения нет и речи, более того, в этом случае мужчина стремится избежать брака на предназначенной ему кузине ⁸⁶.

Рождение ребенка — большое событие в жизни батаков (не только родителей, но и всех родичей). Роды происходят обычно в доме. Обычай требует, чтобы для облегчения родов в доме были открыты все двери и окна, а также предметы, которые могут открываться. Прежде роженицу после родов укладывали спиной к горячему очагу (у каро и тоба) либо на скамейке над очагом (у мандайлингов), с тем чтобы ее тело «очистилось» и приняло прежнюю форму. Этот пагубный обычай тяжело отражался на здоровье женщин и новорожденных. Сейчас его можно встретить лишь в глухих районах. Ребенка через несколько дней после появления на свет обмывают в ручье или реке, произнося при этом различные заклинания для защиты от злых духов. Он получает родовое имя отца; обычно имя того подрода, к которому принадлежит отец, например, Лубис, Харахап, Насутион, Тобинг, Симанджунтак и т. д. Раньше очень часто дети получали окончательное имя только по достижении половой зрелости. Все те, кто носит то же родовое имя, являются для человека, от которого ведется счет, отцом, братом, сыном, внуком — в зависимости от возраста; соответственно — матерью, сестрой и т. д. Иначе говоря, мы имеем у батаков типичные групповые термины родства, характерные для малайской системы родства ⁸⁷.

У батаков как в общине, так и в семье существует четкое половое разделение труда. Батакские мужчины выполняют тяжелые работы на поле (корчевание, пахота), следят за орошением и строят новые оросительные сооружения, ухаживают за скотом, занимаются ремеслами, уходя на сезонные заработки или на постоянную работу в города.

Положение женщины значительно более подчиненное, чем у многих других индонезийских народностей. Она выполняет все домашние работы, ухаживает за детьми ⁸⁸, занимается ткачеством, окрашиванием тканей, работает на огороде и на поле (сажает, полет, убирает урожай), торгует на базаре. В домах, где традиционные порядки особенно сильны, женщины едят отдельно от мужчин, прислуживая последним во

⁸⁵ E. M. Bruner, *Urbanization and Ethnic Identity...*, pp. 516—517; *Kinship Organisation...*, p. 120 ff.

⁸⁶ E. M. Loeb, *The Bataks*, pp. 51—54.

⁸⁷ Таблицу терминов родства см. в работе: M. Stuchlik, *Batak Social and Political Organisation*, pp. 118—119.

⁸⁸ Очень любят возиться с детьми и мужчины; они всегда терпеливы и ласковы с ними и часто гораздо нежнее, чем женщины (M. H. Nasoetion, *De plaats van de vrouw in de Bataksche maatschappij*, Utrecht, 1943; E. M. Loeb, *The Bataks*, pp. 70—72).

время трапезы. Патриархальные законы в семейной жизни у батаков действительно играют большую роль, но в этнографической литературе они обычно преувеличены, особенно подчиненное положение женщины. Во многих работах батакских женщин приравнивали к вещам, с которыми хозяин мог сделать все, что ему угодно, одной из причин этого неверного подхода было представление о батакском браке как о простой покупке жены. Не занимая ведущего положения в доме, женщины тем не менее всегда обсуждали с мужчинами те вопросы, которые выносились на совет старейшин⁸⁹.

После революции положение изменилось, батакские женщины получили значительно большую свободу в семейной и общественной жизни, у них появилась некоторая свобода брачного выбора. Все большее число браков совершается не по предварительному сговору между родителями на основе системы далихан на толу, а по соглашению между самими вступающими в брак, что, правда, нередко приводит к ссорам между марга.

* * *

На протяжении XX в., особенно в последние десятилетия, батакский адат претерпел коренные изменения в сфере имущественных, политических и отчасти семейных отношений, равно как и в некоторых вопросах ритуального характера. Помимо факторов общеполитического и общеэкономического характера, связанных с развитием Индонезии в целом, ослаблению норм батакского адата способствовали также христианство и ислам. Например, батаки-мусульмане (мандайлинги) имеют право жениться на инородках — яванках, малайках и т. д., у них также ослаблены или полностью отменены и некоторые другие брачные ограничения, существовавшие прежде. Вместо них ислам выдвинул единую морально-правовую основу в виде корана и шариата⁹⁰. Однако традиционная обрядовая сторона в значительной мере сохранилась, но при этом произошло упрощение и удешевление обрядов. И по сей день неучастие в традиционных церемониях, невыполнение родственных обязанностей и т. д. вызывает острое недовольство сородичей и односельчан. Нарушитель — «на со марадат», т. е. «тот, кто не поступает по адату». — оказывается в изоляции и лишается поддержки родственников. Например, они могут не прийти на его свадьбу (или его сына), а если придут, то не будут прикасаться к кушаньям; наконец, имя нарушителя может быть даже вычеркнуто из генеалогии, а это означает, что он больше не существует для родственников⁹¹.

РЕЛИГИЯ И ВЕРОВАНИЯ

По религиозному признаку батаки делятся на мусульман, христиан и анимистов.

Мусульманство стало быстро распространяться у батаков со времени так называемой войны падри, которую вели в первой трети прош-

⁸⁹ Вместе с тем факты участия женщин в решении дел, связанных с большой семьей, а иногда и с общиной в целом, равно как и некоторые другие факты, говорящие о более высоком положении женщины в батакском обществе, чем это принято считать большинством ученых, не дают, на наш взгляд, оснований утверждать, что батакское общество в сравнительно недавнем прошлом было матриархальным. (Такое безоговорочное утверждение содержится в статье Л. Э. Каруновской «Следы группового брака у батаков Суматры», особо см. выводы на стр. 361).

⁹⁰ E. M. Bruner, *Urbanization and Ethnic Identity...*, p. 514.

⁹¹ Ibid., p. 510.

лог века фанатики-мусульмане в минангкабауских районах, граничащих с батакскими. В настоящее время ислам исповедует около половины батаков. В основном это мандайлинги и ангколы, а также часть населения городов.

В 20—30-х годах батаки-анимисты и батаки-христиане, попавшие в города в мусульманское окружение, подвергались дискриминации: их называли *оранг кафир* — «неверными», *оранг наджис* — «нечистыми», а также «дикарями», «свиноедами» и даже «людоедами»; жили они в особых кварталах, и им было трудно найти работу. Поэтому многие батаки приняли ислам, сменили свои родовые имена, стали говорить по-малайски и называли себя малайцами. После революции религиозная дискриминация прекратилась, в результате чего многие «малайцы» опять стали батаками⁹². Однако в южных районах убежденные батаки-мусульмане отказываются называть себя батаками, предпочитая свои старые племенные названия вроде мандайлинг, ангкола или же называют себя минангкабау или малайцами, так как в их среде слово «батак» по-прежнему сохраняет оскорбительный оттенок с указанным выше значением.

Обрядовая сторона религии батаков-мусульман в основе своей не отличается от обрядов других мусульманских народов Индонезии; имеются лишь некоторые различия в терминах и второстепенных обрядах. Мусульманские секты представлены одной — «Пармалим», основателем и пророком которой считается Сисинга Мангараджа⁹³.

Христианство (протестантизм) распространено в основном у тоба (около 60% тоба — христиане), в среде которых вели активную пропаганду — и отчасти продолжают вести эту пропаганду сейчас — миссионеры (главным образом немецкие, а также голландские). Первая христианская церковь была построена здесь в 1885 г. Помимо церковью миссионеры учредили ряд сельских школ. Богослужения совершаются на батакском языке, что облегчило распространение христианства. К тому же христианство не затронуло основ жизни батаков — ни социальных, ни даже духовных. Например, миссионеры боролись с вещественным культом предков, но не возражали против почитания самих предков⁹⁴.

Мусульмане и христиане сохраняют под внешней оболочкой новых религий исконные анимистические представления, причем в гораздо большей степени, чем их соседи минангкабау. Свободны от них представители интеллигенции, а также батаки, покинувшие свою родину (как правило, это лица с образованием).

Почти все каро, тимуры и пакпаки придерживаются *анимистических верований* (вера в духов, населяющих все вокруг, забота о душах умерших предков и вера в наличие у каждого человека души тонди или тенди, ср.: старояванское тундэ)⁹⁵. Тонди — жизненное начало человека, основа его характера и способностей⁹⁶. Верили, что она может уйти

⁹² Ibid., pp. 511—512.

⁹³ См. работы, указанные в сноске 18.

⁹⁴ C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 50—53; J. Tampoebolon, *Olopolop. Jubileum si 25 taon ni Hoeria Kristen Batak Protestant*, Medan, 1937.

⁹⁵ P. L. Tobing, *The Structure of the Toba-Batak Belief in the High God*, Amsterdam, 1956; J. Winkler, *Die Toba-Batak auf Sumatra in gesunden und kranken Tagen*, Stuttgart, 1925; L. J. Warneck, *Die Religion der Batak*, Leipzig, 1909.

⁹⁶ Это представление объясняет распространенный у батаков до середины XIX в. каннибализм. Они считали, что, поедая врага, поедали и его душу тонди, которая должна была усилить тонди всех участников пиршества, передав им качества убитого; напротив, съедая дурную тонди, например прелюбодейки, они тем самым уничтожали ее (И. Бреннер, *Три месяца среди людоедов Суматры*, М., 1924; J. von Brenner, *Besuch, bei den Kannibalen Sumatras*, Würzburg, 1893; F. Jagor, *Menschenfresserei bei den Batakern*).

от человека, что ее могут похитить злые души умерших (или их тени) бегу (отсюда и название батаков-анимистов — парбегу). Тонди может уйти от испуга, обиды, а ее долгое отсутствие вызывает болезнь. Для того чтобы тонди вернулась, ее нужно умиловить, например подарить ей что-нибудь красивое (одежду, украшение), а злых духов задобрить приношениями. Для выяснения причин болезни батаки-анимисты обращаются к шаману дату (тоба) или гуру (каро — от санскр. «учитель»), который умеет обращаться с духами. Непременной принадлежностью колдуна является его жезл тонггот, длиной обычно около 2 м, покрытый в верхней и средней части искусно выполненной резьбой изображающей фигуры людей, сидящих на плечах друг у друга. Размер фигурок постепенно увеличивается снизу вверх; в верхней части жезла находится самая крупная фигурка, иногда восседающая на лошади. Голова верхней фигурки украшена султаном из перьев. Внутренняя часть жезла выдолблена и заполнена различными снадобьями. Верхняя фигурка служит пробкой⁹⁷.

Батаки различают три категории духов предков: духов-покровителей — сембахан (сомбаон), — это души полумифических основателей либо всего марга, либо данной деревни; добрые души давно умерших реальных родичей — сумангот (суманган) и злые души недавно умерших — бегу. Если сембахан и сумангот являются духами-хранителями, то бегу, напротив, злы и мстительны, так как завидуют тем, кто остался в этом мире. С течением времени духи сумангот переходят в ранг сембахан, а бегу — в ранг сумангот. Перевод духов сумангот в ранг сембахан прежде сопровождался большим праздником. Теперь в ряде районов население уже утратило представление о границах между отдельными категориями духов, различая лишь добрых (сумангот) и злых (бегу)⁹⁸.

Кроме тонди и трех категорий духов умерших, существуют также многочисленные духи ханту, населяющие живую и неживую природу. Существуют духи дома — дебата идуп (их двое), земли — бораспати ни тано, воды и многие другие. Представление батаков о взаимосвязи всего сущего в природе прекрасно передает следующее кароское изречение⁹⁹:

Тонди джади бегу,
Бук джади иджук,
Джукут джади танех,
Тулан джади бату,
Дарех джади лау,
Кесех джади ангин.

т. е.
Тонди становится бегу,
Волосы становятся иджуком,
Плоть становится землею,
Кости становятся камнями,
Кровь становится водою,
Дыхание становится ветром.

Большую роль у каро играет почитание богини-покровительницы риса Сидаянг (буквальный перевод «девушка»), которую можно сравнить с Ибу Пади — «Матерью риса» минангкабау или с Деви Сри — пскривительницей земледельцев-рисоводов, богиней богатства и счастья яванцев и балийцев¹⁰⁰.

Тотемизм также был присущ батакской родовой организации. Определенные роды считаются происходящими от определенных животных, например родоначальником марга Харахап считается голубь, марга

⁹⁷ F. Müller, *Beschreibung... Batak-Sammlung*, S. 65; C. A. von Ophuysen, *Der Bataksche Zauberstaf*, — «Internationales Archiv für Ethnographie», Bd 20, 1911; J. H. Meerwaldt, *De Bataksche tooverstaf*, — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», d. LIV. 1902 (ser. 6, d. 10).

⁹⁸ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 161 vv.

⁹⁹ Ibid., blz. 163.

¹⁰⁰ Ibid., blz. 161—162.

Насутион — белый буйвол и т. д. Отсюда идут запреты в отношении тотемных животных, соблюдаемых тем родом, тотемом которого является данное животное ¹⁰¹.

Анимистические верования батаков имеют сильную примесь позднейших влияний буддизма и индуизма. Так, тоба, как и индуисты, делят мир на три части: мир богов, мир людей и мир мертвых (теней). До принятия христианства они верили в высшего бога Омпу Мула Джади на Болон — «Великого зачинателя», «Начало всех начал» (который бесмертен и всемогущ), от которого произошли Дебата на Толу — «Три бога»: Батара Гуру, Сорипада и Мангалабулан.

Батару Гуру — «Великий учитель» — создатель земного мира, наиболее могущественный из всей троицы, почитался более других. Имя это встречается и у других народов Индонезии, например у балийцев, у некоторых групп даяков, и происходит от индуистского прототипа. Аналогичные представления бытовали также у каро и других народов. Иногда в категорию богов дебата (слово это санскритского происхождения) попадали и особо могущественные духи. Это слияние индуистского пантеона с местным, характерное для многих районов Индонезии и наблюдаемое совершенно отчетливо у балийцев, которые считаются чистыми индуистами, говорит о том, что местные религиозные представления и представления, проникшие извне (в данном случае из Индии), имеют много общего в своей основе, что в свою очередь облегчило их усвоение ¹⁰². В настоящее время большинство батаков-анимистов плохо представляют себе высшую троицу и не выказывают ей никаких знаков почитания, хотя все батаки, в том числе христиане и мусульмане, отлично разбираются в духах.

Прежде почитание духов играло большую роль в повседневной жизни. Батак не отправлялся в путь, не приступал к расчистке джунглей, не начинал постройку дома или уборку урожая, не вступал в брак, не совершал ни одного более или менее значительного поступка без жертвоприношений и молений, обращенных к духам. Правда, и сейчас в батакском доме нередко можно найти фигурки предков и разных духов, выполненные из дерева или камня, хотя обращаются с ними теперь очень вольно и вспоминают лишь тогда, когда нужно что-нибудь попросить; если же просьба не выполняется, то фигурки подвергают наказанию.

Похоронный обряд теснейшим образом связан с религией и совершается у батаков-мусульман по мусульманскому, а у батаков-христиан — по христианскому образцу, хотя древние элементы похоронного обряда стойко сохраняются как в мусульманских, так и в христианских районах ¹⁰³. О смерти кого-нибудь из жителей деревни остальные узнают, слыша громкий плач и стоны родственников, доносящиеся из дома умершего. Тело умершего заворачивают в белую ткань, выносят из дома, кладут на носилки и затем много раз обносят вокруг дома. В районах, где сохранился анимизм, женщина-шаман — сибасо исполняет ритуальную пляску и, впадая в экстаз, объявляет, что бегу умершего вселилась в нее и что умерший действительно мертв ¹⁰⁴.

До распространения мусульманства и христианства обряд захоронения у разных батакских племен имел очень большие различия, которые в значительной степени сохраняются у анимистов и сейчас. По-

¹⁰¹ Ibid., blz. 160 vv.

¹⁰² См.: «Страны и народы Востока», вып. V. «Индия — страна и народ», М., 1967, стр. 145.

¹⁰³ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 182—189.

¹⁰⁴ Ibid., blz. 182.

гребение совершается не позднее чем через сутки с момента смерти, тело несут на носилках. На кладбище выкапывают неглубокую могилу, из которой выстрелами и громкими криками выгоняют тонди (души) присутствующих, затем открывают лицо покойнику, чтобы он увидел солнце в последний раз, после чего засыпают тело землей. Вместе с покойным кладут необходимые для путешествия в загробный мир предметы — бетель, монету, немного пищи. Во время похорон женщины — родственницы умершего (или умершей) — поют погребальные песни на печальный и очень мелодичный мотив. Оркестр из нескольких инструментов играет грустные мелодии. Похороны ребенка совершаются очень просто, без обрядов; самых маленьких нередко хоронят тут же, под домом.

Знатных покойников хоронят не прямо в земле, а помещают их в выдолбленный из дерева гроб, имеющий форму лодки. Тело предварительно обрабатывают солью и камфорой. Гроб прикрывают плотной крышкой, либо устанавливают на земле, а поверх него насыпают холм и делают ограду (этот вид захоронения у каро называется кубур), либо оставляют стоять на галерее перед домом до окончательного захоронения, которое совершается позже. Особенно знатных хоронят в каменных саркофагах или урнах, на которых высекают знаки и фигуры, напоминающие лошадь или, возможно, Ганешу. Захоронение в урнах было особенно широко распространено на о-ве Самосир¹⁰⁵.

До конца XIX в. некоторые группы каро не хоронили тела простых общинников, а выставляли их за деревней на открытой платформе. Через год или два останки извлекали, кости очищали и помещали в родовую гробницу к останкам предков. Церемония похорон (как первичное захоронение, так и последующее перенесение останков) требует участия всех кровных родственников и родственников по браку.

У части каро и пакпаков встречается кремация, совершаемая через год или более после смерти и сопровождаемая праздником мертвых — пекуалух. Цель этого праздника — отправить души умерших в страну мертвых. Под звуки заунывной музыки сжигают вынутые из гроба останки, череп украшают и помещают в геритен — домик для хранения черепов. Вся эта церемония у каро называется пиласпиласи — «украшать». Пакпаки хоронят пепел, а остатки костей завязывают в белый платок и вешают на «дерево духов» либо помещают в урну или саркофаг.

В роде Сембиринг (каро) после кремации останки складывают в миниатюрную лодочку и пускают ее вниз по течению реки Лаубианг (или ее притоков) к Малаккскому проливу, по направлению к древней прародине. В лодочку помещают также фигурки людей, число которых указывает на количество умерших за истекший год. Поминки могут длиться очень долго: от нескольких дней до нескольких месяцев. Родственники умершего забивают буйвола, а приглашенные должны принести свою пищу. После «праздника мертвых» считается, что бегу (души умерших) превратились в суманган (души предков). Подобный обычай временного захоронения, когда душа умершего проходит испытательный срок, прежде чем уйти в страну мертвых, широко распространен у даяков, тораджей и некоторых других народов Индонезии и Юго-Восточной Азии¹⁰⁶. Период до окончательного захоронения — время траура для близких родственников.

¹⁰⁵ Подобная форма захоронения в сравнительно недавнее время встречалась также на о-ве Нияс и у некоторых групп дусунов — даяков Северного Калимантана.

¹⁰⁶ W. Stöhr, *Das Totenritual der Dajak*, Köln, 1959; N. Adriani, A. C. Kruij, *De Bare'e sprekende Toradja's von Midden Celebes*, d. 2, Batavia, 1912, blz. 81—146, etc.

Интересен распространенный у тоба обычай захоронения богатого человека, не оставившего мужских потомков. Делается деревянная кукла — сигалегале в рост человека и одевается в одежду умершего, затем участники похоронной процессии ведут куклу с собой, заставляя ее имитировать танцевальные движения, снимают с нее одежду, украшения и выбрасывают за деревенскую ограду. Этот обряд символизирует судьбу богатого человека, который не оставляет потомства и дух которого некому обслуживать¹⁰⁷.

Тимуры — единственные из всех жителей Суматры, употребляющие маски во время похоронной церемонии по умершему старейшине. Маски вырезаны из дерева и имеют очень характерные резкие прямые черты, вместе с ними употребляются имитации частей рук, также сделанные из дерева, с подвижным указательным пальцем. Действо в масках называется нгкуда-кудай. Представление ведут двое: у одного надета маска, у другого голова и лицо закрыты неправильной формы цилиндром, украшенным головой и хвостом птицы-носорога¹⁰⁸. Подобные пантомимы в масках во время похоронной церемонии устраивают также кайяны Центрального Калимантана и тораджи Сулавеси, распространены они также у папуасов Новой Гвинеи. Существует даже предположение о том, что маски батаков и других индонезийских народностей заимствованы у папуасско-меланезоидных племен, живших на Архипелаге до прихода индонезийцев. Другая гипотеза связывает маски не столько с папуасско-меланезийской культурой, сколько с существованием тайных мужских обществ¹⁰⁹.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Литература батаков включает в себя произведения устного народного творчества и записанные произведения многих жанров, которые, как и фольклор, не имеют авторов¹¹⁰.

Произведения устного народного творчества батаков очень разнообразны: это песни, легенды, поговорки, пословицы. Они поражают образностью и богатством языка. Батаки очень высоко ценят красноречие и в целом гораздо лучше владеют богатством своего языка, чем, например, многие европейцы — богатствами своего. Батак в своей речи прибегает к ярким сравнениям, нередко цитирует стихи, говорит, рифмуя окончания, и т. д. Существует даже особый вид соревнования в красноречии, когда юноша и девушка обмениваются пантунами, стараясь превзойти друг друга (у каро это называется талу-нгерана). Женщины владеют этим искусством в не меньшей степени, чем мужчины, а в ряде случаев их язык более богат и красочен. Лучше знают фольклорные традиции женщины, и в их словаре больше старинных слов и оборотов речи, их память хранит бесчисленное количество четверостиший (умпама — у тоба, идунг-идунген — у каро, пантуны — у мандайлингов).

¹⁰⁷ M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 158, 185.

¹⁰⁸ «Народы Юго-Восточной Азии», стр. 523; M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 184.

¹⁰⁹ E. M. Loeb, *The Bataks*, p. 74.

¹¹⁰ W. A. Braasem, *Proza en poëzie om het heilige meer der Bataks. De Bataks en hun letterkunde*, Djakarta, 1951; H. H. Bartlett, *A Batak and Malay Chant on Rice Cultivation*, — «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 96, Philadelphia, 1952, № 6; B. K. Marpaung, *Pusaka Taramba Batak*, Djakarta, 1954; J. Warneck, *Bataksche umpama*, — «Mitteilungen des Seminars für Orient. Sprachen an der Kön. Wilhelms Universität zu Berlin», 1902, S. 69—91; *Studien über die Literatur de Toba-Batak*, — Ibid., 1899, S. 101—139, etc.

Произведения, написанные обычной прозой, называются в южных районах хобар-хобаран, написанные ритмизованной прозой, — туририан. Это главным образом легенды о Сираджо Батаке — легендарном предке батаков, о происхождении различных марга («Сималим Гонто Могот», «Сидаянг Путир Линдунг ни Булан» и др.), о богине риса Сидаянг («Саринду Тубух»), о возникновении мира («Раджа Кетенгахен»), легенда «Кербо Сиранггир» («Буйвол Сиранггир»), рассказывающая о том, что батаки произошли от буйвола. Подобием исторической литературы являются полулегендарные-полуисторические хроники таромбо, а также генеалогии родов, например «Пустака Гинтинг» («Книга рода Гинтинг»).

Популярны назидательные повествования («Сисекин-секин» — вариант малайской «Хикаят Симискин», «Сибаяк Кута Булух» и др.), веселые рассказы («Силага Ман» — «Обжора») и т. д. Особенно любимы сказки и рассказы о животных, в том числе «Сипаис» — цикл сказок о карликовом олене, «Силосило декет пеландук» — «Выдра и канчиль», «Энгганг декет этек» — «Птица-носорог и рыба этек» и др.

Значительная часть этих произведений в различных вариантах является общим достоянием всех батаков. Распространены также произведения, свидетельствующие о малайском, минангкабауском и аческом влиянии (если проследживать корни этих произведений, то можно обнаружить также арабские и индийские влияния); например, повесть «Сибаяк Кута Булух», напоминающая по содержанию минангкабаускую повесть «Ранчак Дилабуэх»¹¹¹. Особенно сильно минангкабауское и малайское влияние ощущается в литературе мандайлингов и англоков¹¹².

Письменность. В настоящее время батаки пользуются латинским шрифтом. Древнее батакское письмо можно увидеть лишь в пустакках — священных книгах жрецов (они имели распространение главным образом у тоба, тимуров и каро), в которых собраны предсказания будущего, заклинания против духов и болезней и т. д. В пустакках встречается много индийских и арабских слов. Написаны они на толстой коже, на пальмовых листьях или на листах луба и имеют вид гармошки, так что книгу можно развернуть в виде длинной полосы. Помимо пустак имелось некоторое количество сочинений, являвшихся своеобразным «пособием» для знахарей, например «Гуру Пакпак Перганданг», в котором рассказывается об искусстве шамана Гуру. Книги шаманов — единственный письменный памятник древнего батакского письма и литературы, дошедший до нашего времени из глубокой древности, — уже потеряли практическое значение в жизни, но имеют большую научную ценность для этнографов, лингвистов и историков¹¹³. Новые пустакки не пишутся, а старые передаются как семейные реликвии в семьях, где есть или был шаман.

Начиная с 20-х годов нашего века из среды батаков выдвинулись собственные писатели-профессионалы. В подавляющем большинстве они отправлялись на Яву, в Джакарту — центр культурной и политической жизни страны. Их творчество стало общеиндонезийским достоянием. Одним из виднейших современных индонезийских поэтов, извест-

¹¹¹ «Rantjak Dilabueh: A Minangkabau kabar», Ithaca, 1958.

¹¹² M. Joustra, *Batakspiegel*, blz. 299—305.

¹¹³ В собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде имеется 17 таких книг. Это одна из весьма крупных коллекций батакских пустак в мире (F. Müller, *Beschreibung... Batak-Sammlung*, S. 71—78. Ср.: P. Voorhoeve, *Batak Bark Books*, — «Bulletin of the John Rylands Library», vol. XXXIII, Manchester, 1951, pp. 283—398; F. Müller, *Batak-Siegel, Batak-Briefe*, — «Zeitschrift für Ethnologie», Bd XXIV, 1892, S. 517—521).

ных за пределами Индонезии, является Ситор Ситуморанг, тоба по происхождению (он родился в 1924 г. на о-ве Самосир)¹¹⁴. Популярны писатель П. Поспос, литературовед Симоранкир Симанджунтак и другие деятели современной литературы Индонезии.

ЗРЕЛИЩА И ИГРЫ

Большой любовью батаков пользуются литературно-музыкальные виды развлечений. Они любят слушать и рассказывать легенды и сказки, в передаче которых они большие мастера. Повсеместно распространены соревнования в виде частушек-перепевов. Из музыкальных инструментов наиболее употребительны бамбуковые флейты, род кларнета, барабаны, чаще всего имеющие форму цилиндра, гонги, а также варганы; встречается подобие скрипки и мандолины. Мелодичное, спокойное, несколько заунывное пение отличается, несмотря на крайнюю простоту мелодии, удивительной эмоциональностью. Подавляющее большинство песен носит любовный характер, они выражают грусть и томление по возлюбленному.

Танцы сопровождаются ритмичной музыкой, зрители при этом хлопают в ладоши, отбивая такт. Очень часто присутствующие поют мелодию, под которую происходит танец.

Издавна у батаков распространена игра в шахматы, в которой они обнаруживают большое искусство. Каро батак Синарсар являлся неоднократным чемпионом Индонезии по шахматам. Очень любима игра в кости, карты. Любят батаки запускать змея, причем увлекаются этим не только дети, но и взрослые. Петушиные бои распространены менее, чем у других народов Индонезии; они устраиваются главным образом на юге. Чрезвычайно разнообразны детские игры — прятки, игра в камешки, ходьба на ходулях, род игры в бабки, волчок, футбол и др.¹¹⁵.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

У батаков сильно развито чувство национального самосознания, которое еще более окрепло после революции. Батаки в первую очередь сознают себя гражданами Индонезийской Республики (например, тоба и каро чувствуют несравненно более тесную связь со всей республикой, чем друг с другом)¹¹⁶. Они проявляют живейший интерес к политическим событиям как в самой Индонезии, так и на мировой арене. Даже в глухих деревнях быстро становятся известными основные события, волнующие мир, например, полеты советских спутников. Обычно сельчане, вернувшиеся из Тарутунга, Сиболги, Медана, а тем более из Джакарты, собирают вокруг себя родичей и земляков и долгими часами рассказывают обо всех новостях, услышанных ими.

Среди батаков, как и по всей Индонезии, чрезвычайно сильна тяга к образованию. Увеличилось число начальных школ, школ второй ступени.

¹¹⁴ В. Сикорский, *Индонезийская литература*, М., 1965, стр. 137—139.

¹¹⁵ Об излюбленных батакских развлечениях см. A. von Oefele, *Des Schachspiel der Batak: ein ethnographischer Beitrag zur Geschichte des Schach*, Leipzig, 1904, etc.

¹¹⁶ В этом сказывается, с одной стороны, растущее чувство общендонезийского национального самосознания, а с другой — не исчезнувшие еще остатки былой племенной вражды. Так давнее соперничество между каро и тоба привело в начале 1958 г. к прямым вооруженным столкновениям между ними (см. E. M. Bruner, *The Toba Batak Village*, pp. 56—57).

пени. Созданы педагогические училища, ремесленные школы, специальные школы для девочек и пр.

В начальных школах первые три года обучение ведется на батакских наречиях, а затем на индонезийском языке, знание которого растет. В настоящий момент на нем говорят 50—80% мужчин и от 20 до 50% женщин (в зависимости от удаленности селения от городов и дорог)¹¹⁷. Идет упорная борьба за вытеснение голландского языка и терминов, за уничтожение всяких следов голландского господства.

До революции школы второй ступени могли посещать только дети из семей правящих марга, после революции двери школы открыты для всех. Все больше молодежи оставляет деревни, отправляясь на учебу в город. Почти 90% детей и юношей в возрасте от 7 до 19 лет посещают те или иные учебные учреждения¹¹⁸. Школы и другие учебные заведения переполнены, несмотря на то что приходится идти на большие жертвы, так как обучение платное (кроме начального) и стоит дорого¹¹⁹. Учеба оплачивается обычно не только отцом ученика или ученицы, но и ближайшими родственниками по марга.

Окончившие школы второй ступени или специальные училища остаются в городах и поступают на государственную службу или на частные предприятия, а те, кто не имел возможности доучиться, пополняют ряды рабочих, нанимаясь на плантации или становясь бечаком — велорикшей. Это считается более предпочтительным, чем возвращение в деревню ни с чем.

В последние годы в общественной жизни батаков сильны тенденции к созданию разного рода кооперативов и групп взаимопомощи, основанных не только на родственном признаке, как вышеописанная группа марсиадапари. Примером может служить неродственная кооперация (группа произвольно объединившихся жителей деревни), совместно владеющая рисовой мельницей. Все это ведет к существенным изменениям в адате, чему особенно способствует система выборных представителей, служащая переходным этапом от старой системы управления, основанной на кровнородственных связях, к новой, основанной на выборности (вне зависимости от марга и возраста) и на территориальном представительстве.

Новое проникает в жизнь всюду, и если раньше поколения дедов нередко участвовали в каннибальских пиршествах, то современное поколение — поколение внуков — усваивает лучшие достижения мировой цивилизации. Сейчас можно встретить батаков, выполняющих работу, требующую современных знаний и самой высокой квалификации, — летчиков, капитанов современных морских судов и др.

Батаки занимают почти все официальные должности у себя на родине и составляют значительный процент среди гражданских служащих и военных в Восточной Суматре (особенно в Медане); многие батаки находятся на руководящих постах в правительственных учреждениях и в армии на Яве¹²⁰.

Из среды батаков помимо писателей, о которых упоминалось выше, вышли многие государственные и общественные деятели, ученые, адвокаты, артисты. Батаки-ученые проявляют большой интерес к изуче-

¹¹⁷ E. M. Bruner, *The Toba Batak Village*, p. 53; C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, pp. 68—69.

¹¹⁸ E. M. Bruner, *The Toba Batak Village*, p. 53.

¹¹⁹ Например, в 1957 г. обучение в тобаской школе второй ступени стоило около 200 рупий в месяц, а в Медане — 350 рупий (см. C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*, p. 69).

¹²⁰ E. M. Bruner, *Urbanization and Ethnic Identity...*, p. 508; *The Toba Batak Village*.

нию истории и этнографии своего народа, о чем достаточно свидетельствуют и те работы, которые цитируются выше: книги Ф. Тобинга, П. Тамбуна, Х. Поркаса Даулаэ, А. Лумбантобинга. Широко публикуются работы по батакскому адату¹²¹. Известность батакского поэта Ситора Ситуморанга и певца Гордона Тобинга перешагнула за пределы Индонезии.

В последние 50 лет батакский адат претерпел глубочайшие изменения во всех сферах, но, несмотря на это, родовые связи продолжают сохраняться. Об этом говорят факты: например, в ряде районов возникают фирмы, в основном мелкие торговые и производственные, организованные группой родственников из одного марга. Очень часто эти фирмы носят название марга, к которому принадлежат организаторы дела. Возникновение таких фирм и успешное их функционирование указывает не только на важность кровнородственных связей, но и на возможность использования их в новых условиях. Сила родства проявляется и в том факте, что батаки, живущие в городах, не теряют связи со своими кровными родственниками, оставшимися в деревне, с которыми они нередко связаны теснее, чем с непосредственными соседями в городе. Особенно стойко сохраняются кровнородственные связи большой патриархальной семьи. При этом в городе происходит оживление многих обычаев, забытых в деревне. Это объясняется желанием подчеркнуть и сохранить свою принадлежность к той или иной группе батаков с ее национальными особенностями в противовес нивелирующему влиянию городской среды. Оживление некоторых старых традиций в социальной сфере, которое особенно ощущается у батаков-христиан, происходит наряду с принятием европейских обычаев в домашнем быту (современной одежды, пищи, утвари и пр.)¹²².

В целом в жизни батаков происходит бурное усвоение современной материальной культуры и производственных приемов при стремлении сохранить традиции и возродить старые культурные ценности.

---

¹²¹ H. B. Sihan gelar Mangaradja Asal, *Patik dohot uhum ni halak Batak*, Djakarta, 1955; *Adat Batak taringot tu anak sorang*, Djakarta, 1955; B. K. Marpaung, *Pusaka tarombo Batak*, Djakarta, 1954 etc.

¹²² J. Keuning, *De Toba-Bataks, vroeger en nu*; C. E. Cunningham, *The Postwar Migration...*; E. M. Bruner, *Urbanization and Ethnic Identity...*; *Kinship Organization Among the Urban Batak*; cp.: D. van der Meulen, *Wij willen Batakkers blijven*, — «Nederlandsch-Indië, Oud en Nieuw», d. X, 1925—1926, blz. 331—336; D. H. Penny, Masri Singarimbun, *Economic Activity Among the Karo Batak of Indonesia: A Case Study in Economic Change*, — «Bulletin of Indonesian Economic Studies», Canberra, 1967, № 6, pp. 31—65.

С. А. Маретина

БАЛИЙЦЫ
(Этнографический очерк)

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Остров Бали — «жемчужина Индонезии» — славится своей красотой, традициями и искусством. Небольшой по площади (5616 кв. км), он является настоящей сокровищницей очень своеобразной культуры — как древней, так и современной.

Бали — ближайший восточный сосед о-ва Явы (он отделен от него лишь узким проливом) — служит как бы связующим звеном между Явой и о-вами Нуса Тенггара (М. Зондскими). Слабо изрезанная береговая линия острова почти не имеет удобных бухт, что, принимая во внимание сильные морские течения и ветры, затрудняло мореплавание в прибрежных водах и способствовало сравнительно позднему «открытию» Бали.

С востока на запад остров пересекают горные массивы, среди которых возвышаются действующий вулкан Гунунг Батур и священная гора балийцев — вулкан Гунунг Агунг (3200 м), чье неожиданное извержение в 1963 г. принесло неисчислимые бедствия населению. Реки, берущие начало с гор, текут в южном направлении. Вечное лето царит на острове. Климат смягчается близостью моря и прохладными ветрами. Средняя годовая температура, достигающая на равнине +25—27°, в горной части Бали снижается до +15—16°. Северо-западный муссон приносит тропические ливни, и тогда горные речки превращаются в бурные водопады, обрушивающиеся на поля и селения. Сезон дождей приходится на наши зимние месяцы, общее количество осадков достигает 3000 мм в год. Это обилие влаги при наличии плодородных вулканических почв, превратило всю центральную и восточную часть острова в огромный цветущий сад. Склоны гор покрыты девственными лесами с доисторическими видами древовидных папоротников и пальмами, перевитыми лианами и орхидеями. Обширная аллювиальная равнина на юге целиком занята рисовыми полями, кокосовыми и бамбуковыми рощами. Не меньшим богатством и разнообразием отличается животный мир острова.

В западной части Бали можно наблюдать совсем иную картину. Остров в этом районе представляет собой малонаселенную пустыню, почти лишенную воды и с очень скудной растительностью. Напоенные влагой тучи, которые несет юго-восточный муссон, наталкиваются на стену балийских гор и проливаются в восточной части острова. Гол и

пустыней также Букит — южный полуостров Бали, известняковое плато и отвесные берега которого с двухсотметровой высоты обрываются в море. В хозяйстве острова эти области играют незначительную роль

НАСЕЛЕНИЕ

Население Бали составляет около 2 млн. человек¹, но распределяется оно крайне неравномерно; средняя плотность — свыше 400 человек на квадратный километр. Наиболее густо населен центр острова, пустынные его части мало обитаемы. Бали разделен на восемь округов. На западе расположена Джембрана, на севере Булеленг, на востоке Карангасем; округа Табанан, Бадунг, Гианьяр, Клункунг и Бангли составляют центр острова, не только географический, но и политический, культурный и хозяйственный. Три четверти населения заняты в сельском хозяйстве, городов мало, расположены они главным образом вблизи побережий и мало отличаются от разросшихся селений. Главный город Денпасар с населением свыше 17 тыс. расположен на юге острова. На севере находится Сингараджа, крупный культурный центр, являвшийся при голландцах столицей объединенной провинции Малых Зондских островов. Сейчас правительственные учреждения разделены между этими городами. К сравнительно крупным городам относятся также Кесиман (к востоку от Денпасара), Булеленг в одноименном округе и некоторые другие.

Большую часть населения Бали составляют собственно балийцы (около 98%), по берегам острова разбросаны селения малайцев, бугов и макасаров. Выходцы с Явы особенно многочисленны в округе Джембрана, где они составляют около пятой части населения². Из неиндонезийского населения на Бали живут китайцы, арабы и несколько сот европейцев.

Антропологически балийцы относятся к смягченному южномонголоидному типу, в сложении которого участвовали австралоидные, полинезийские и европеоидные элементы. Средний рост их выше, чем яванцев, а кожа имеет более светлый оттенок. Женщины славятся изяществом и грацией, выработке которой способствовал старинный обычай ношения корзин с фруктами и рисом или тяжелых подносов с приношениями богам на голове³. Язык балийцев входит в одну группу с языками соседнего острова Ломбока — сасакским и сумбавским.

ИСТОРИЯ

Письменные источники дают возможность проследить достоверную историю Бали не раньше чем с VIII в. н. э., т. е. со времени проникновения индийского влияния (надписи на медных плитках на древнебалийском языке)⁴. Палеолит на Бали до сих пор не изучен, но по большому количеству находок неолитических орудий можно судить о том, что уже в тот период его население было довольно многочисленно.

¹ «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 20 (По данным на середину 1965 г. — 1980 тыс.).

² C. Lekkerkerker, *De Baliers*, — «De volken van Nederlandsch-Indië», Amsterdam, d. I, 1920, blz. 148.

³ «Encyclopaedia van Nederlandsch-Indië», Leiden, d. I, 1917, blz. 115—116.

⁴ J. L. Swellengrebel, *Balinese History and the Elements of Balinese Culture*, — «Bali: Studies in Life, Thought and Ritual» («Selected Studies on Indonesia by Dutch Scholars», vol. 5), The Hague, 1960, pp. 17—18.

Бронзовых орудий найдено больше, чем на Яве. Древние балийцы были искусными земледельцами и знали культуру заливного риса. Они разводили буйволов, свиней и других домашних животных и умели обрабатывать камень и дерево, металл и глину. Жили балийцы мелкими общинами, в которых сохранялись крепкие родовые связи, имели своих жрецов, поклонялись силам природы и почитали духов предков.

С конца I тысячелетия н. э. на Бали все сильнее ощущается индийское влияние. Проводниками его на первых порах являлись торговцы-мореходы, а также индийские брахманы, появившиеся при дворах местных правителей. В 1343 г. о-в Бали входит в состав яванской империи Маджапахит и оказывается непосредственно вовлеченным в сферу индо-яванской культуры. Когда в XVI в. внутренний кризис привел к тому, что империя Маджапахит пала под натиском мусульман, Бали оказался единственным островом Малайского архипелага, сохранившим индуизм, точнее — его местную разновидность. Многочисленные беженцы с Явы нашли на нем приют и перенесли туда многие традиции индо-яванской цивилизации. Последующие четыре века — период развития отдельных самостоятельных княжеств и выработки новой культуры, созданной на основе местной, воспринявшей индийские и яванские элементы⁵.

Власть князей наиболее сильно ощущалась на Центральном Бали⁶, а такие окраины, как Булеленг, Джембрана и др., оказались за пределами их влияния. Деспотизм феодалов, бесконечные междоусобицы привели к значительному разрушению свободных сельских институтов как в Центральном, так и в Южном Бали. В других областях они сохранились лучше. Например, ряд горных общин сохранил черты древних балийцев (так называемые «бали ага», речь о которых пойдет ниже) и в наименьшей степени подвергся воздействию индо-яванской культуры и индуизма.

Голландцы открыли Бали в 1597 г., и долгое время их вмешательство во внутренние дела острова носило случайный характер. Постепенно их влияние на местных правителей становилось все интенсивнее, но окончательно подчинить княжества голландцам удалось только в начале XX в. В течение первого десятилетия XX в. происходила последовательная аннексия княжеств, натолкнувшаяся на отчаянное сопротивление народа. Не желая сдаваться захватчикам, население одного княжества за другим, часто во главе с князем, шло на пупутан — грандиозное кровавое самопожертвование, когда толпы народа, в том числе женщины и дети, вооруженные лишь холодным оружием, героически бились до конца, предпочитая смерть покорности⁷.

Голландцы не стали разрушать феодальную систему на Бали, они заключили союз с раджами, сохранившими призрачную власть под контролем голландских чиновников⁸.

Когда после второй мировой войны по всей Индонезии прокатилась волна освободительного движения, балийцы приняли в нем участие и мужественно боролись за свободу и независимость своей родины. В 1946 г. о-в Бали входил в федеральный штат Восточная Индонезия, а с 1950 г. вошел в состав унитарной Индонезийской Республики.

---

⁵ Об этом процессе см. подробнее: Л. Демин, *Остров Бали*, М., 1964; Ю. В. Маретин, *По поводу индийских влияний в балийской культуре*, — «Страны и народы Востока», М., 1967, стр. 129—150.

⁶ J. L. Swellengrebel, *Balinese History...*, pp. 30—31.

⁷ P. H. Hiss, *Bali*, New York, 1941, p. 9.

⁸ M. Covarrubias, *Island of Bali*, New York, 1956, pp. 36—37.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ БАЛИЙЦЕВ

Земледелие. Балийцы прежде всего земледельцы. Вся жизнь балийского крестьянина связана с землей и в первую очередь с рисом, культура которого на Бали исключительно высока. По урожаям риса Бали стоит на первом месте во всей Индонезии⁹. Благоприятные природные условия на большей части острова позволяют собирать два урожая риса в год. Рисовые поля — «савахы», спускаясь террасами по склонам гор, — составляют наиболее примечательную черту балийского пейзажа. Большая часть савахов сосредоточена на возвышенностях Центрального Бали. Огромный труд многих поколений вложен в развитую систему каналов, дамб, глубоких тоннелей, проложенных в скалах плотин, регулирующих приток идущей на поля воды. Необходимость постоянного контроля над этими жизненно важными артериями наложила свой отпечаток на организацию балийских общин, вызывая к жизни различные формы кооперации.

Рис (несколько разновидностей: белый — «брас», красный — «га-га», черный — «инджин») является главным источником жизни и богатства балийцев (поэтому богиня риса — Девы Сри — принадлежит к числу наиболее почитаемых богов балийского пантеона и считается также богиней богатства и счастья).

Обработка саваха представляет собой длительный процесс, состоящий из ряда этапов. Готовить рисовое поле начинают сразу после сбора урожая: оставшуюся рисовую солому и стерню сжигают тут же, используя золу в качестве удобрения, затем на поля пускают воду. Пашут простым деревянным плугом (тенггала) общиндонезийского типа, таким же, как несколько веков тому назад. Тягловая сила — быки и буйволы. Участки, недоступные плугу, возделываются вручную мотыгой. После повторной запашки наступает очередь обработки поля зубчатыми катками, запряженными быками или буйволами, после чего поле выравнивается еще вручную. Обычные для Индонезии перегоны быков на затопленном поле вместо запашки приняли на Бали особую форму. Они превратились в массовые гонки-соревнования быков (мегрумбунган) с многочисленными зрителями, музыкой, угощением¹⁰. В настоящее время этот обычай можно встретить только на Северном Бали, где больше зажиточных крестьян.

Одновременно с подготовкой поля идут приготовления к посадке. Для этого отбирают лучшие семена, замачивают их, а когда они прорастут, высаживают рядами в специальные рассадники, отделенные на самом поле. Через полтора-два месяца, после тщательной подрезки и прсымки, рассаду пересаживают на залитое основное поле, сажая по два растения в гнездо (расстояние между гнездами — 20—40 см¹¹). Посадку риса на каждом поле обычно проводят с помощью соседей, объединяющихся во временную рабочую группу. На поле рис стоит около трех месяцев, а когда начинает созреть, воду с поля спускают.

Рисовые поля требуют непрерывного ухода: прополки, контроля за уровнем воды, охраны от вредителей — птиц и мышей. Для защиты посевов от птиц (для их отпугивания) над полем протягивают веревки с яркими тряпками, банками и другими подвесками, которые со свайной платформы приводит в движение мальчик-сторож. Для этой же цели используются различные трещотки и барабаны.

⁹ Ibid., pp. 70—72.

¹⁰ Ibid., pp. 74—75.

¹¹ P. H. Hiss, *Bali*, p. 27.

В сборе урожая обязательно принимают участие все члены одной общины — как мужчины, так и женщины. Во время жатвы жнецы срезают колосья небольшими жатвенными ножами — «анггапан» типа общеиндонезийского «ани-ани» (пластинка с вставленным в ее край лезвием; пластинку зажимают между пальцами, подрезая лезвием каждый колос). Каждый член рабочей группы получает вознаграждение — в среднем седьмую часть собранного им риса; кроме того, хозяин поля заботится о сытном угощении для своих помощников. Часть урожая поступает в общинный фонд.

После просушки риса на поле связки колосьев уносят в деревню (мужчины несут их на палках, женщины — на голове), а затем женщины, объединившись большими группами, начинают его обдирать в тяжелых долбленых ступах, по очереди опуская длинный деревянный пест. Хранят рис в амбарах, имеющихся в каждом хозяйстве. Это прямоугольные в плане строения на четырех высоких деревянных столбах, увенчанные крутой соломенной крышей, чаще всего четырехскатной.

Кроме риса заливного на Бали выращивают рис суходольный, площади под которым значительно уступают савахам. Около 50 тыс. га неорошаемых земель занято кукурузой. Из других культур следует отметить бобовые, чай, какао, кофе и табак (две последние культуры через многочисленных перекупщиков идут на экспорт).

Особенно богато представлены овощи и фрукты, изобилием и разнообразием которых славится Бали. Бататы, лук, чеснок, баклажаны, из фруктов — ананасы, манго, апельсины, лимоны, кроме того арбузы, папайю, дуриан, джамбу и многое другое можно встретить по всему острову. Целые рощи кокосовых пальм и хлебных деревьев окружают усадьбы балийских крестьян. Широко распространены посадки перца и гвоздики, имбиря и других специй. Из технических культур сажают сахарный тростник, индиго. Очень развито цветоводство, являющееся отличительной чертой острова. Балийцы любят цветы, любят украшать ими себя, свои дома и храмы.

Плантационное хозяйство на Бали не получило значительного развития, ввиду того что все плодородные земли были уже издавна возделаны, а также в силу большой крепости общинных связей. Небольшие плантации (иностранные и местные) имеются лишь в засушливой Джембране и в западной части Булеленга¹²; площадь под ними составляет менее полутора процентов общей площади обработанной земли на Бали.

Животноводство и птицеводство. Балийцы — хорошие животноводы. Они разводят крупный рогатый скот хорошей породы (быков, буйволов, быков-бантенгов), который вывозят, а также черных свиней местной породы, отличающихся прогнутой спиной и провислым, почти до земли, животом. Лошади используются только для перевозок. Большие стаи уток пасутся на затопленных рисовых полях (до посева). Больших успехов балийцы достигли в выращивании различных пород бойцовых петухов, предназначенных для излюбленного вида развлечения — петушиных боев.

Ремесло на Бали преимущественно домашнее. Оно глубоко вошло в жизнь балийских крестьян и, как правило, не отделено от основного занятия — земледелия. Почти никто из кустарей-ремесленников не бросает своих савахов. В тех же случаях, когда ремесленник трудится для

---

¹² J. L. Swellengrebel, *Bali: Some General Informations*, — «Bali. Studies in Life...», pp. 9—10.

общины и его работа отнимает у него все время, община берет на себя его содержание.

Одно из главных ремесел — ткачество, которым в каждой семье занимаются женщины. Среди богатых по расцветке тканей выделяются клетчатые, особенно в черно-белую клетку, которые используются при некоторых религиозных церемониях. Распространено также икатиrowание ткани¹³. Сложным «двойным икатом» славится горная деревня Тенганан¹⁴. Ординарный икат изготавливается в деревнях Клункунга, а также на островке Нуса Пенида (к юго-востоку от Бали). Хотя все балийцы одеты в батик, батикованием ткани они не занимаются, предпочитая ввозить эти ткани с Явы. Развито на Бали также плетение. Из пальмовых листьев балийцы плетут узорчатые циновки, наиболее красочные из которых вывешивают по праздникам у ворот дома и в храмах.

Гончарным ремеслом занимаются на острове повсеместно, и глиняную утварь можно встретить в каждом доме. Она очень хрупка, но зато крайне дешева, так как изготавливается из глины невысокого качества, а обжигается самым простым способом (сосуд обертывают рисовой соломой и ставят в огонь). Небольшие сосуды получаются с помощью обычного гончарного круга, большие делаются особо (глину помещают на специальный высокий помост, вокруг которого ходит мастер, придавая изделию форму). На Бали имеются деревни, специализирующиеся на производстве глиняных изделий, что не исключает у них земледелия. В большей части городов наряду с обычными имеются специальные гончарные базары, торгующие по определенным дням¹⁵.

Многие виды ремесла, глубоко вошедшие в быт балийцев, трудно отделить от искусства. Особый художественный интерес представляют резные изделия из дерева. Бесчисленные храмы острова украшены богатой, причудливой резьбой. Деревянные статуэтки поражают тщательностью отделки мельчайших деталей. Большая часть резчиков черпает вдохновение в традиционных мотивах и образах, в религиозных и мифологических сюжетах. Однако в последние годы все больше дают себя знать новаторские течения, когда мастера снимают со своих персонажей традиционные пышные облачения, оживляют их позы и лица.

Работы по металлу достигли на Бали чрезвычайно высокого уровня. Среди изделий балийских кузнецов и ювелиров можно встретить и различную утварь из желтой меди, и многочисленные фигурки индийских богов из черной бронзы, и тонкие золотые и серебряные украшения, но главными изделиями остаются традиционные для всей Индонезии кинжалы-крисы с драгоценными рукоятками и полированными деревянными ножами — гордость каждой семьи. Балийские крисы длиннее яванских (длина клинка в среднем полметра), сталь их очень высокого качества, лезвие или прямое, или чаще пламевидное, украшенное гравировкой.

К перечисленным видам ремесел можно добавить также резьбу по камню и кости, изготовление музыкальных инструментов и театральных масок и ряд других. Некоторые деревни специализируются на каком-нибудь одном кустарном промысле¹⁶, но чаще отдельные виды ремесел можно встретить в большинстве деревень.

¹³ Икат — особый способ украшения ткани, при котором узор наносится при помощи раздельной окраски определенных участков пряжи. Икатиrowание ткани — длительный процесс, состоящий из ряда этапов, в зависимости от сложности рисунка.

¹⁴ M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 196.

¹⁵ P. H. Hiss, *Bali*, p. 25.

¹⁶ Cl. Geertz, *Form and Variation in Balinese Village Structure*, — «American Anthropologist», vol. 61, 1959, № 6, p. 1011.

Существуют и побочные занятия — выпаривание соли из морской воды (в прибрежных районах), изготовление пальмового вина и сахара, обжиг кирпича.

Рыболовство, столь развитое повсюду в Индонезии, на Бали развито слабо¹⁷. Балийцы, хотя и являются островитянами, к морю относятся с опаской, рассматривая его как обитель злых духов, в то время как горы символизируют для них доброе и могущественное начало. На побережье мало рыбацких селений. Живописные прау (лодки балийских рыбаков), имеющие вид фантастической рыбы с хоботом слона и нарисованными глазами, не удаляются далеко от берега. Рыбу ловят сетями и вершами, ночью выходят в море с факелами. Иногда предпринимаются далекие поездки на лодках за морскими черепахами. Более распространено речное и «сухопутное» рыболовство — ловля рыбы корзинами на затопленных рисовых полях.

Торговля. Рынок прочно вошел в жизнь балийцев. В деревнях имеются особые места для постоянного базара («пекен»), иногда объединяющего жителей нескольких деревень. Главную роль на рынке играют женщины. С раннего утра в базарный день к рыночной площади устремляются длинные процессии балиек, на головах которых возвышаются своеобразные пирамиды из блюд с рисом, фруктами, из глиняной посуды. Кроме местного рынка развита и торговля с другими островами. Главные предметы торговли балийцев — скот, кокосовые орехи, копра, кофе, рис и табак. Важным источником дохода является экспорт свиней.

ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ

Около 90% балийцев живет в деревнях. Среди моря рисовых полей они кажутся зелеными островами из пальм, хлебных деревьев, манго, бананов. Жилые постройки скрываются за сплошной зеленой завесой, которая с первого взгляда позволяет рассмотреть только лабиринт узких улочек и глухих стен, окружающих усадьбу.

Как правило, деревни на Бали разбиваются по более или менее определенному плану. Усадьбы вытянуты рядами по сторонам главной улицы (направленной с севера на юг¹⁸) и других улиц, пересекающих ее под прямым углом. Узкие улочки, по сторонам которых тянутся оросительные каналы, с перекинутыми через них стволами деревьев, делят деревню на кварталы-крепости — такой вид им придают глухие стены усадеб. Нередко вся деревня тоже окружена стенами.

В каждом селении есть несколько обязательных общественных построек: у базарной площади деревенский храм или храмы «пура», общинный дом «бале агунг» (обширный навес на деревянных столбах, где заседает совет общины и хранится сигнальный барабан — «кулкул»¹⁹). Здесь обычно устраиваются петушинные бои. Теперь рядом с этими традиционными строениями почти в каждой деревне можно видеть школу. Несколько в стороне расположено деревенское кладбище с храмом мертвых «пура далем». Часто деревни имеют общественные купальни на ближайшей реке или ручье.

Каждое хозяйство «пекаранган» представляет собой комплекс жилых, хозяйственных и культовых построек, окруженных глиняной стеной под двускатной крышей из соломы или аланг-аланга (дикой травы). Ворота, состоящие из двух деревянных столбов под такой же крышей,

¹⁷ P. H. Hiss, *Bali*, p. 6.

¹⁸ M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 40.

¹⁹ Ibid., pp. 42—44.

ведут с улицы во двор дома. По сторонам ворот обычно расположены ниши для приношений богам. Часто ворота упираются в короткую глиняную стену, служащую заслоном от злых духов, обойдя которую попадают во внутренний двор. В северо-восточной части двора, ближайшей к горам и потому самой священной²⁰ (по традициям балийцев, большая часть которых живет южнее основного горного хребта, север отождествляется с горами), находится семейный храм «санггах кемулан», посвященный душам предков и местным богам.

Обычно в доме имеется еще несколько небольших святилищ и жертвенников, на которые возлагаются приношения. Балийское святилище — это открытое бамбуковое строение на невысоком каменном фундаменте, чаще с четырехскатной соломенной крышей, иногда с многоярусной или пагодообразной.

Жилые помещения представляют собой ряд небольших строений — «бале», каждое из которых является по существу отдельной комнатой. Эти постройки, прямоугольные в плане, возводятся на фундаменте из камня, кирпича или глины, на побережьях — из обломков белого коралла.

Большая часть бале имеет не более одной-двух низких глиняных стен и открыта с других сторон. Двускатная соломенная крыша толщиной до полуметра опирается на деревянные столбы (высотой в два с небольшим метра), от числа которых зависит назначение и название постройки. Так, «ума метен», единственное закрытое со всех сторон помещение, имеющее 8 столбов, — спальня хозяина и его жены, одно из наиболее почетных мест дома. Иногда там спит молодая пара. Постройка с 6 столбами — «бале секанам», здесь спят другие члены семьи. 12 столбов имеет «бале геде» — обширное помещение, встречающееся в зажиточных домах, где по торжественным случаям принимают гостей²¹.

Хозяйственные постройки имеют тот же вид, что и жилые. К ним относятся кухня — «паон» и амбары для риса — «лумбунунг», «гелебег», «джиненг». Более богатые дома отличаются размерами и степенью благоустройства, но общий план и материалы остаются те же.

Внутреннюю обстановку бале составляют бамбуковые нары, укрепленные между столбами каркаса дома, их устилают циновками, на которых сидят и спят. В кухне имеется глиняный очаг, на нем готовят пищу (иногда его заменяют четырьмя камнями), а бамбуковый настил служит кухонным столом. Посуда, которой пользуются балийцы, преимущественно глиняная и латунная.

Города своим внешним видом мало чем отличаются от больших селений. Так, крупнейший центр Бали Денпасар выделяется лишь наличием нескольких отелей и обилием лавочек с предметами местного прикладного искусства, каменных зданий в нем единицы.

ПИЩА

Основная пища балийцев — рис, который варят на пару, в мешочке из расщепленного бамбука, с солью и красным стручковым перцем. Едят рис обычно холодным, со множеством пряностей и ароматических приправ, таких, как мускатные орехи, различные сорта лука, перца и др. Фрукты и овощи, которыми так богат остров, дополняют меню балийского крестьянина, причем фрукты едят сырыми, а овощи варят. Едят, как правило, руками.

²⁰ P. H. Hiss, *Bali*, pp. 22—23.

²¹ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 92—94

Едят балийцы мясо и птицу, особенно свинину, цыплят и уток, говядину употребляют мало. Жрецы и представители высших каст не едят ее совсем из-за религиозного запрета. Идут в пищу сушеная рыба с рисовых полей, а также разные насекомые — кузнечики, летучие муравьи и личинки пчел. Дети ловят также стрекоз при помощи длинных палок с липкими концами и жарят их в кокосовом масле.

Исключительно разнообразен праздничный стол балийца, приготовление которого является делом мужчин²². Обязательные праздничные блюда — жареные молочные поросята и огромные морские черепахи, приготовляемые со специями и приправой из тертого кокосового ореха. Деликатесами считаются кабаны, крупные летучие мыши, которых ловят при помощи сетей, дикобразы и ящерицы больших размеров. Напитки большей или меньшей крепости изготавливаются главным образом из риса и пальмового сока.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Обычная одежда балийцев — несшитые полотнища красочных тканей, преимущественно батика, привозимого с Явы. Основу женской одежды составляет «каин», который два раза (или неполных два) туго обертывается вокруг бедер, спадая до ступней, на талии его удерживает яркий пояс. Нередко два кайна надеваются один поверх другого, так что нижний выглядит из-под верхнего.

По традиции верхняя часть тела у женщин оставалась непокрытой, и лишь при некоторых обстоятельствах, например при посещении храма, грудь покрывали шарфом, который в иное время могли носить обернутым вокруг головы или переброшенным через плечо²³. В последнее время под влиянием миссионеров и по распоряжению администрации на Бали получили распространение женские кофты общиндонезийского типа — «баджу», которые перевязывают на талии полосой ткани.

Традиционный костюм мужчины на Бали «камбен» — длинный узкий кусок ткани, обертываемый вокруг тела в виде юбки (наподобие короткого кайна), край которого спускается немного ниже колен. На талии камбен укрепляют кожаным поясом или перевязывают «сапутум» («капутум») — платком, концы которого свисают спереди. При работе камбен подвертывают, пропуская конец его между ног.

Теперь мужчины нередко носят короткие штаны (выше колена) с кожаным поясом. Верхняя часть тела обычно открыта, хотя в последнее время все больше входят в обиход распахнутые рубашки с короткими рукавами и отложным воротником (чаще всего белые), которые носят навыпуск. Голову повязывают хлопчатобумажным белым или цветным платком. Существует большое разнообразие в способах повязывания платка — с торчащими или свисающими концами, в виде тюрбана и т. д.

Модернизированный костюм мужчины-балийца составляет «саронг» (род длинной сшитой юбки) с кожаным поясом, рубашка, пиджак европейского типа и кожаные сандалии. Так одеваются главным образом городские жители — учителя, государственные служащие, шоферы. Женщины и в городах, как правило, сохраняют верность своей традиционной одежде²⁴. В деревне и мужчины и женщины ходят босыми.

²² Ibid., p. 105.

²³ Иллюстрации см.: «Народы Юго-Восточной Азии», стр. 480—493.

²⁴ M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 111. Иллюстрации см.: «Bali», The Hague-Bandung, 1952 (и др. альбомы).

Исключительно живописны женские прически на Бали. Свои длинные блестящие волосы женщины смазывают кокосовым маслом и обязательно украшают цветами, чаще всего магнолиями. Девушки иногда носят волосы распущенными, женщины укладывают их на затылке в тяжелый узел, а по праздникам изощряются в сложных прическах. Мужчины раньше носили длинные волосы, а теперь все подстригают их по-европейски. Некоторые мужчины носят усы, но бороды можно видеть только у жрецов.

Трудно представить себе жителей Бали без украшений. Они носят кольца, браслеты и серьги с драгоценными камнями, ожерелья носят только танцовщицы. Своеобразна форма балийских серег — цилиндрических катышков из сухих листьев, которые по праздникам заменяются толстыми золотыми серьгами той же формы. Мужчины редко носят украшения, кроме браслетов из черного коралла и цветов.

Праздничные, церемониальные наряды балийцев отличаются изысканностью и красотой. Каин у женщин изготавливают из шелка и парчи, тело выше пояса затягивают в дорогую ткань с золотыми аппликациями. Голову венчает корона из искусственных (иногда из золота) и живых цветов. Лицо покрывают слоем белой рисовой пудры. Длинный, до земли, камбен у мужчин, обычно белого цвета, собирается спереди в складки. Яркий шелковый шарф опоясывает тело ниже груди, сзади за него засовывают традиционный крис, так что богато украшенная рукоятка виднеется над левым плечом.

БАЛИЙСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Основу общественной организации балийских земледельцев составляет деревенская община — «деса»²⁵. Древнюю общинную организацию на острове не смогли разрушить ни князья, бывшие верховными собственниками земли на Бали, ни сменившие их голландские колониальные власти. В районах Центрального Бали, где власть князей была более деспотична, общинная организация пострадала в наибольшей степени. Однако, несмотря на утрату части прежних прав и обязанностей, деса и теперь остается оплотом местного права — адата — и основной формой организации на большей части Бали.

Каждая община представляет собой экономически самостоятельную самоуправляющуюся территориальную единицу, в сильной степени сохранившую начала коллективизма. Каждый взрослый женатый мужчина является членом деса и несет определенные обязанности²⁶. Член деса, уклоняющийся от общинных работ или от уплаты взносов в общинную кассу и нарушающий другие ее правила, наказывается вплоть до исключения его из состава деса, что равносильно гражданской смерти для балийца. Чувство долга и ответственности по отношению к общине очень велико.

Поддержание силами общины храмов, постройка дорог, украшение селений деревянными скульптурами, сильно развитая взаимопомощь говорят о большой сплоченности деса. За порядок в деревне отвечает общинный сторож, в случае кражи у одного из членов деса убытки возмещаются за ее счет.

²⁵ С. А. Маретина, *Деса, банджар и субак на Бали. (К вопросу о структуре балийской общины)*, — «Ленинградское отделение Ин-та этнографии АН СССР. Тезисы докладов годичной научной сессии. Май 1968 г.», Л., 1968, стр. 29—30.

²⁶ Cl. Geelz, *Tihingan: A Balinese Village*, — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», dert 120, 1964, afl. 1, p. 5.

Регулярно в общинном доме заседает совет деса, состоящий из глав отдельных семей во главе с выборным старостой «клианг деса», при котором имеются помощник, писец и несколько рассыльных. В ведении совета находятся внутриобщинные дела, а также контроль за соблюдением традиционных правил деса.

Балийские феодалы, а позже голландская администрация делали попытки, не считаясь с адатом, заменить клианга своими ставленниками, которые, однако, оставались не более чем сборщиками налогов и посредниками между правительственными чиновниками и десой. Только в серьезных уголовных случаях обращались балийцы в государственный суд, предпочитая все дела решать на своем совете, который и теперь сохраняет свой авторитет²⁷.

Для общинной организации балийцев характерно наличие многих групп и подразделений, имеющих свои определенные функции. Например, «банджар» — группа, сложившаяся внутри деса и по-разному развивавшаяся в различных частях острова. В одних случаях банджар продолжал оставаться не более чем частью деса, ей подчиненной, хотя и имеющей своего старосту, свой храм, свои доходы. Дела, находящиеся в ведении банджара, носят более частный характер, чем те, которыми ведает деса. Главная функция банджара — кремация и все связанные с ней церемонии, роль которых у балийцев очень велика²⁸. В других случаях (в ряде районов Центрального Бали) разросшаяся деса нередко уступает свою роль ранее входившему в ее состав банджару, к которому постепенно переходят как все функции, так и положение основной административной единицы²⁹.

Совесту деса или банджара обычно принадлежит право на землю деса, занятую усадьбами всех ее членов. С пахотной землей дело обстоит иначе. Распоряжение савахами, непосредственный контроль над полями и водой для их орошения принадлежит «субаку». Субак — это кооперативная организация владельцев савахов, пользующихся водой для орошения из одного общего источника³⁰. Границы деса или банджара и субака обычно не совпадают: члены одного субака могут принадлежать к разным банджарам, в зависимости от местонахождения полей. Таким образом, вопросы землевладения оказываются изъятыми из компетенции деса и переданы группе, в руках которой находится контроль за водой. Это говорит о большом значении орошения для балийцев. Субак следит за справедливым распределением земли и воды, за сохранностью ирригационной системы³¹.

Каждый общинник владеет наделом, который он передает по наследству, но не может продать. Если владелец не обрабатывает свой участок или его часть, земля передается другому общиннику, а если он покинул общину, то лишается права на землю. Пастбища и угодья находятся в общем владении. Нередко часть пахотной земли обрабатывается коллективно и полученный урожай идет на поддержание храмов и другие общественные нужды.

---

²⁷ H. Geerts, *The Balinese Village*, — «Local Ethnic, and National Loyalties in Village Indonesia: A Symposium», Yale, 1959. p. 26.

²⁸ Cl. Geertz, *Form and Variation...*, pp. 994—995.

²⁹ J. L. Swellengrebel, *Balinese History...*, p. 32.

³⁰ F. J. Grader, *The Irrigation System in the Region of Jembrana*, — «Bali: Studies in Life...», pp. 269—270.

³¹ C. Lekkerkerker, *De Baliërs*, blz. 149—150. Вопрос о соотношении основных подразделений балийской общины остается во многом дискуссионным (см.: Б. Б. Парникель, *Некоторые вопросы балийской истории и культуры (по поводу одного издания)*, — «Народы Азии и Африки», М., 1967, № 2, стр. 196—197.

Нарушения правил общинного землевладения наиболее значительны в центральных районах Бали, где индо-яванские феодалы забирали в свои руки общинные земли и наделяли ими своих приближенных. Их потомки составляют класс крупных и средних землевладельцев, не входящих в общинную организацию и пользующихся на своих землях наемной рабочей силой. Однако в общине и при князьях принципы распределения земель оставались, как правило, те же, только земля облагалась тяжелым налогом в пользу владельца³².

Большую роль в балийской общине продолжает играть религиозная сторона. По традиции, в каждой десе обязательно должны быть три храма: общинный — «пура деса», «пура бале агунг»; храм предка-родоначальника — «пура пусех» и храм мертвых — «пура дадем». Уход за ними, контроль за соблюдением всех религиозных запретов, церемоний, праздников составляют немалую долю обязанностей выборных властей деса и банджара³³.

Очень распространены в балийских деревнях всевозможные объединения и группы «сека» — добровольные и обязательные, временные и постоянные, численностью от пяти-шести до сотни человек. Это соседские группы взаимопомощи для посадки или уборки риса, рабочие группы молодежи, которые можно нанять за плату, группы музыкантов, объединения, обслуживающие храм, и многие другие³⁴.

Община балийцев не застойная организация, в ней протекают процессы имущественного расслоения, которые, однако, не достигли такой резкой формы, как на Яве и других островах Индонезии. Постепенно нарушаются правила общинного распределения земли, выделяется зажиточная прослойка, увеличивающая свои наделы за счет соседей.

Быстрый рост населения в последние годы делает ощутимой нехватку удобных земель. Еще сравнительно недавно большая часть балийцев работала на своей земле, теперь же число обезземеленных общинников начинает расти, в связи с чем увеличивается процент отходников на плантации (этот процент на Бали сравнительно невысок) и частные земли. Однако и теперь наемный труд чаще всего имеет форму найма целой рабочей группы — «сека меджукут», в чем сказываются традиционные общинные связи. Сила их на Бали такова, что даже разбогатевший общинник продолжает жить в своей деревне, в своем квартале и выполнять свои обязательства перед общиной и не стремится покинуть пределы своей родной земли. В этом отношении интересно сравнить балийцев с другой крупной индонезийской народностью — минангкабау (о-в Суматра): балийцы, сохранившие крепчайшую связь со своей деревней, со своими сородичами, и минангкабау, расселившиеся по всему Малайскому архипелагу, — два крайних проявления национальных характеров среди народов Индонезии³⁵.

КАСТЫ

На Бали, единственном острове Индонезии, еще со времени прогнивания индуизма существуют касты, в которых нашло выражение сословное деление общества. Однако балийские касты нельзя отождествлять с индийскими, ничего похожего на крайности индийской систе-

³² M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 401.

³³ Ibid., p. 58.

³⁴ H. Geerts, *The Balinese Village*, pp. 27—28.

³⁵ Ibid., pp. 30—34.

мы на Бали нет. Балийцы в сильной степени сохранили свой адат и живут, согласуясь больше с ним, чем с кастовыми предписаниями³⁶.

Кастовая система на Бали утвердилась лишь со времен Маджапахита, но еще до этого периода население острова имело свою аристократию, свои сословия, по-видимому, напоминавшие те, которые можно встретить и теперь на большинстве островов Восточной Индонезии. Эти старые сословные деления сохранились и в системе каст. Ее на Бали часто называют тривангса (состоящая из трех частей)³⁷, так как индояванская аристократия на Бали делилась на три касты, соответствующие древнеиндийским варнам — брахманов, ксатриев, весиев. Основная масса балийцев (свыше 90%) к ним не принадлежит. Их условно называют судра (местное название — джаба), но они не являются кастой.

Кастовую систему балийцев скорее можно назвать «системой титулов», так как далеко не каждый балиец может назвать свою касту, а титул, которыми они обозначаются, знают все³⁸. Брахманы имеют титул «ида», «ида багус», который входит в состав их имен, ксатрии — «дева» и «анак агунг», весии — «густы». Брахманы принадлежали к жреческой варне, которая поставляла правителей, весии в отличие от индийской традиции считались воинами. В настоящее время основным занятием членов всех каст, или точнее групп, по традиции именуемых на Бали кастами (мы оставляем этот термин, но с учетом сделанных разъяснений), является земледелие. Князья чаще всего принадлежат не к ксатриям, очень немногочисленным на Бали, а к густы, самой важной с политической точки зрения касте³⁹.

Как уже отмечалось выше, на Бали не существовало тех резких граней между кастами, которыми отличалась кастовая система Индии⁴⁰. Среди судов всегда были люди различных профессий, даже жрецы, которые могли выполнять часть ритуала. Известны случаи, правда нечастые, когда судра становился густы, это говорит о том, что барьер, существующий между кастовой аристократией и народом, не так непреодолим, как в Индии. Это видно на примере такой важной организации, как субак (ведающей землей и водой), где кастовая принадлежность членов не дает о себе знать.

В обыденной жизни кастовые различия проявляются в ряде сравнительно маловажных правил и запретов: продолжаете соблюдать гипергамия (правило, по которому муж должен принадлежать к более высокой социальной категории, чем жена), нарушение которой в прошлом наказывалось очень строго; для брахманов существуют некоторые запреты в отношении воды и одежды; представители высшей касты должны воздвигать в храме более высокий жертвенник и т. д.

Соблюдение строгих правил этикета — вот в чем проявляют себя главным образом балийские касты. Человек высшей касты должен занимать более высокое положение, чем член менее высокой, будь это этаж дома или место для сидения. Это касается и языка: в зависимости от принадлежности собеседника к той или иной касте выбирается соответствующий стиль языка, со своей лексикой и синтаксическими особенностями. При разговоре с человеком высокой касты люди рангом ниже выражаются изысканно, высоким стилем, а тот отвечает им на

³⁶ С. А. Маретина, *Трансформация индийских варн на Бали*, — «Касты в Индии», М., 1965, стр. 185—198.

³⁷ R. Goris, *The Position of the Blacksmiths*, — «Bali: Studies in Life...», pp. 293—294.

³⁸ Cl. Geertz, *Form and Variation...*, pp. 996—997.

³⁹ T. Friederich, *The Civilization and Culture of Bali*, Calcutta, 1959, pp. 110—112.

⁴⁰ P. H. Hiss, *Bali*, p. 7.

«пизком», грубоватом языке. Собеседники равной касты пользуются третьим стилем⁴¹.

На Бали нет неприкасаемых в индийском смысле слова, но некоторые профессии, как например красильщики индиго, считаются нечистыми, хотя выражается это лишь в некоторых обрядовых деталях при кремации. В случае брака представителей разных каст дети всегда принадлежат к касте отца.

Выше говорилось о том, что в кастовой системе Бали сохранились старые, доиндуистские группы. К ним принадлежат кузнецы «панде веси» и отчасти все, работающие с металлом. Они образуют своего рода замкнутую касту и почитаются священными, так как имеют дело с металлом, служащим для изготовления священных крисов. Кузнецов на Бали возводят к древним жрецам-огнепоклонникам, а они сами считают себя более древними, чем брахманы, и поэтому претендуют на особое положение. Это признают и сами брахманы, обращаясь к кузнецу, держащему в руках свой рабочий инструмент, в высоком стиле, т. е. как низшие к высшим⁴².

БАЛИ АГА

Значительное своеобразие в образе жизни и социальной структуре сохранили бали ага — обитатели горных деревень, которые оказались вне сферы влияния индо-яванских феодалов и которых, как сообщалось выше, почти не коснулся индуизм⁴³. В отличие от остальных балийцев бали ага не признают влияния жреца-брахмана и не верят в силу святой воды. По-видимому, в их общинах можно найти многие черты, свойственные древним балийцам. Говорят бали ага на своем диалекте.

Деревни бали ага (внешне поражающие однотипностью планировки и единообразными рядами домов) представляют собой замкнутые общины, в которых строго поддерживаются принципы равенства всех членов и чувство коллективизма, большее, чем в других селениях острова. Бали ага не знают каст (даже в их балийском понимании), они сохранили свою старую систему управления и свои титулы.

Особенно интересна деревня Тенганан в горах Центрального Бали⁴⁴. Это замкнутая эндогамная община с населением в несколько сотен человек, владеющая большой площадью пахотных земель. Вся земля считается собственностью деды, но адат запрещает ее членам обрабатывать свои савахи, и все полевые работы выполняют за них жители соседней деревни, оставляющие себе в качестве вознаграждения определенную долю собранного ими урожая. Сами тенгананцы занимаются изготовлением пальмового вина, а женщины — ткачеством.

Управление общиной находится в руках совета старейшин, членами которого, по детально разработанным правилам, оказываются все женатые мужчины, сменяющие друг друга в определенной последовательности. Среди множества различных групп и ассоциаций в этой деревне важную роль играют возрастные группы, на которых ложатся те или иные обязанности. Служение общине, выполнение своего долга по отношению к ней, связь с общиной, а также круговая порука и взаимная ответственность достигли в Тенганане большого развития и являются

⁴¹ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 47—52.

⁴² R. Goris, *The Position...*, pp. 291—293.

⁴³ Ibid., p. 294; M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 17.

⁴⁴ О Тенганане см. работу: V. E. Korn, *The Village Republic of Tenganan Pegeringsingan*, — «Bali: Studies in Life...», pp. 301—368.

отличительной особенностью ее жителей. Бали ага не составляют единого слоя населения острова, так как каждая их деревня имеет свои особенности.

СЕМЬЯ И БРАК

У балийцев очень крепки родственные связи. Основная форма семьи — малая семья («курэн»), однако в ряде деревень встречаются большие объединения родственных семей (напоминающие патрилинии), в которые входят от десяти до пятидесяти хозяйств⁴⁵. В таких случаях расселение обычно происходит по родственному признаку. Эти объединения строго эндогамны и не отдают своих женщин в другие группы того же типа. Подобные родственные группы могут иметь свои храмы, свою кассу, своего главу. Но встречаются они далеко не по всему Бали.

Полноправным общинником считается только женатый мужчина, в брак вступают все балийцы, в том числе и жрецы. Женятся обычно молодыми, но детских браков нет. Основное брачное правило — соблюдение гипергамии, в остальном все зависит от касты или района. Наиболее общепринятым является добровольное соглашение жениха и невесты с предварительным сговором родителей. За невесту вносят выкупную плату ее семье, если же отдают дочь в свою деревню, то часто без выкупа. Насильственное похищение, ранее разрешавшееся адатом, теперь строго преследуется⁴⁶, хотя нередко встречается инсценировка похищения — похищение с согласия невесты, которое обычно завершается благополучным бракосочетанием. В этих случаях выкуп за невесту может не вноситься, что является выходом для бедняка.

Полигамия на Бали допускается, но большинство балийцев имеют одну жену, двух могут содержать лишь богатые лица. Обычно для второй жены строят отдельный дом (кубу), часто на поле, вне деревни. Развод прост, препятствий ко вторичному браку нет для обеих сторон, второй муж только должен уплатить компенсацию первому. Распространены кузенные браки. Мужчина не может взять жену из старшего поколения (поколения родителей), но жена может принадлежать к младшему, чем он, поколению.

Обычно до брака молодежь ведет довольно свободный образ жизни, и только бали ага следят за целомудрием юношей и девушек, которые имеют отдельные дома-клубы. Система родства у балийцев — малайского типа. Отец и все дяди как с материнской, так и с отцовской стороны обозначаются термином «бапа», мать и тетки — термином «рерама».

Балийцы патрилинейны и патрилокальны. Обычно сыновья, женившись, получают земельный надел и заводят свое хозяйство, кроме одного — как правило, старшего или младшего, — который остается жить с родителями и наследует их дом и имущество. Теперь в связи с нехваткой земли случается, что участок, оставшийся от отца, распределяется между сыновьями или обрабатывается ими совместно. Если в семье нет сыновей, то муж дочери может стать «сентана», т. е. членом семьи тестя и его наследником.

Положение женщины в семье никак нельзя назвать бесправным. Она может иметь свои деньги, часто распоряжается деньгами семьи,

⁴⁵ H. Geerts, *The Balinese Village*, p. 27.

⁴⁶ C. Lekkerkerker, *De Baliers*, blz. 174.

при некоторых обстоятельствах выступает как наследница. В высших кругах женщина пользуется меньшей свободой, в прошлом среди них даже имели место случаи «сати» (самосожжение вдов)⁴⁷. В среднем в балийской семье бывает не меньше трех-четырех детей. Чрезвычайное событие — рождение разнополых близнецов считается бедствием для всей деревни и рассматривается как противоестественное соединение брата и сестры в чреве матери. Напротив, в знатных семьях рождение разнополых близнецов отмечается как праздник⁴⁸.

РЕЛИГИЯ И ОБРЯДЫ

Обычно о-в Бали считают единственным очагом индуизма в Индонезии. Действительно, на Бали можно встретить индуистских богов и героев индийского эпоса, многочисленные местные легенды говорят о индийском происхождении балийской религии и культуры, но отождествлять их с индийским индуизмом вряд ли правильно. Индуизм, впитавший элементы буддизма⁴⁹, встретился на Бали с многочисленными местными верованиями и обрядами (в основе которых лежали древние анимистические представления), приспособился к потребностям и идеологии местных жителей и стал по существу лишь оболочкой для исконных верований балийцев, которые продолжают жить и сейчас. Можно сказать, что догматическая и философская стороны балийской религии принадлежат индуизму, а обряды и ритуал в значительной степени остаются местными.

Балийской религии свойственно поклонение силам природы: отцу-небу и матери-земле, духам гор, воды, камням и пр. Верят балийцы и в злых демонов — «бхутов», которых никогда не забывают почитать приношением. Характерной чертой балийского анимизма остается культ предков⁵⁰. Обожествленные предки, делящиеся на множество групп, — самые близкие народу боги и предмет ежедневного домашнего культа. Позднее с ними в ряд встали отдельные фигуры индуистского пантеона, получившие также популярность.

Надо сказать, что индуизм, пришедший на Бали, отличался от того, какой получил развитие в Индии. Формально на Бали известны и Брахма, и Вишну, и другие индуистские божества, но культ Шивы поглотил всех. Ему отданы все имена и атрибуты Вишну и других божеств, которые, хотя и признаются балийцами, тем не менее считаются лишь его воплощениями⁵¹. Отождествляется с Шивой и всеобъемлющее божество — море, в котором растворяются души-капли (индуистская идея, принесенная на Бали). Почитаются Шива в различных формах (Кала и др.). женское начало воплощено в жене его Уме. Одновременно с индуистской триадой, считающейся проявлением того же Шивы, на Бали есть своя триада, неотделимая от него же, — Брахма Сива, Сада Сива, Прама Сива.

Культ Шивы на Бали в значительной степени — достояние высших, просвещенных классов и существует как умозрительное, философское учение. Ему посвящены крупные государственные храмы. Народ же в своем ежедневном ритуале больше чтит «мать риса» — «нини пантун»,

⁴⁷ Ibid., blz. 172—173.

⁴⁸ M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 126.

⁴⁹ T. Friederich, *The Civilization...*, pp. 34—35.

⁵⁰ R. Goris, *The Religious Character of the Village Community*, — «Bali: Studies in Life...», p. 84.

⁵¹ M. Covarrubias, *Island of Bali*, 290; T. Friederich, *The Civilization...*, p. 35.

восходящую к древнему земледельческому культу и изображаемую в виде связанных пучков риса на савахе, или священную гору — Гунунг Агунг.

Обычный ритуал балийцев больше всего напоминает не сложные церемонии индийского индуизма, а ведический ритуал древней Индии с его поклонением солнцу и другим силам природы. Главное в нем — освящение воды, являющейся необходимым элементом всех церемоний, и обращение к богам и духам с призывом сойти в святилище или в тело жреца.

На Бали имеется огромное количество храмов, но они во многом отличны от индийских. Балийцы верят в бога, но не поклоняются его изображению. Поэтому идола как таковые отсутствуют, а те изображения богов и героев, которые встречаются, не являются образом божества, а лишь иногда делаются вместилищем нисходящего в них бога.

Храмы острова Бали составляют предмет особой заботы населения. Их насчитывается около 20 тыс.⁵², они разнообразны по назначению, размерам, степени важности, от скромных святилищ до больших общегосударственных храмов. Выше шла речь о трех обязательных деревенских храмах. Храмы можно встретить везде — и на пустынном берегу моря и высоко в горах. В каждом доме имеется свой домашний храм, а небольшие жертвенники возводятся прямо на рисовых полях. На Бали вряд ли можно найти храм старше ста лет (особенности климата и землетрясения не позволяют им существовать дольше). Новые храмы строят только на старых местах. На Бали нет развалин, так как к каждому храму прикреплена группа людей (общинников), следящая за его своевременным восстановлением⁵³.

Балийские храмы в отличие от индийских представляют собой легкие, открытые для воздуха и солнца строения, главное в них не здание, а сама земля⁵⁴. Обычный храм состоит из двух-трех открытых дворов, окруженных низкой каменной стеной, а так как он не является постоянной обителью бога, то и не считается святым местом, за его оградой можно услышать шум или громкий смех. Резные каменные ворота, состоящие из двух половин, ведут в храм. В первом, наружном, дворе («джабан») находятся алтари и ниши для приношений, легкие навесы для посетителей и оркестра, башня с барабанами, во втором, внутреннем («далам»), расположены главные святилища и алтари, посвященные тому или иному богу. Жертвенники крупных храмов («меру») имеют форму пагод с нечетным количеством постепенно уменьшающихся соломенных крыш. Главным святилищем острова считается храм Бесаки на склоне горы Гунунг Агунг.

Ежедневный ритуал — приношение богам (в домашних алтарях) — совершает сам хозяин дома или члены его семьи (обычно женщины). Во всех торжественных случаях, а также при храмовых богослужениях выступают жрецы. На Бали имеются две категории жрецов: «педанда» и «пемангу». Жрецами-педанда⁵⁵ могут быть только представители брахманской касты. Они пользуются большим авторитетом во всех вопросах ритуала и почти мистическим уважением. Должность свою они передают по наследству старшему сыну. Педанда участвуют в храмовых церемониях, совершают возлияния для людей всех каст, преимущественно высших, и обязательно участвуют в обряде кремации. Пемангу —

⁵² J. L. Swellengrebel, *Bali: Some General Informations*, p. 12.

⁵³ C. J. Grader, *The State Temple of Mengwi*, — «Bali: Studies in Life...», p. 157.

⁵⁴ R. Goris, *The Temple System*, — «Bali: Studies in Life...», pp. 105.

⁵⁵ J. L. Swellengrebel, *Religious Practices of the Family and the Individual*, — «Bali: Studies in Life...», pp. 61—67.

жрецы из народа (возможно, они являются преемниками жрецов доиндуистского культа) — выполняют весь ритуал, но только для людей своей или низшей касты⁵⁶.

Бесконечные обряды и церемонии занимают большое место в жизни балийцев. Жертвоприношения совершаются свыше 200 раз в году. Традиционные обряды отмечают все важнейшие этапы жизненного пути балийца, начиная с момента его рождения. Важное событие — подпиливание зубов, постепенно отмирающий обычай. Заканчивается этот цикл свадебной церемонией.

Другой цикл — погребальные церемонии, которым в балийской обрядности отведено выдающееся место. Традиционным обычаем считается кремация («нгабен» или «палебон»), которая, придя на Бали с индуизмом, постепенно сменила местные правила захоронения и открытого выставления тела, но в то же время она впитала в себя и неиндийские элементы⁵⁷. Кремация на Бали носит характер очень пышного и радостного торжества. Балийцы верят в переселение душ и единственным средством избавиться от цепи перерождений считают кремацию. Поэтому дети всегда стараются предать огню тела родителей, хотя сделать это совсем не просто. Весь сложный церемониал этого обряда требует огромных расходов, средства для которых приходится иногда добывать в течение нескольких лет. В таких случаях тело хоронят, а сожжению подвергают изображающую покойного фигуру.

Обычно для совершения кремации объединяются несколько семей. В отличие от Индии, на Бали кульминационным пунктом церемонии является не само сожжение, а шествие к месту кремации — шумное, многолюдное, с танцами и музыкой. Везут тела на огромных (до 20 м в высоту) башнях, имеющих форму храмовых меру. Гробы, в которых тела предаются сожжению, имеют вид гигантских животных (у высших каст — коров и быков), сделанных из стволов деревьев. Церемонией руководит педанда, обильно орошающий все святой водой. Золу собирают в урну, а затем развеивают над морем. Богатые приношения делаются не только богам, но и демонам-бхутам⁵⁸.

Важное место в жизни острова занимают праздники. Большая их часть тесно связана с той или иной религиозной церемонией. Праздники для балийца не только развлечение, но и труд: они требуют больших затрат и большой подготовки. По прежним подсчетам, балиец от четверти до трети своей жизни проводил в праздниках, связанных с жертвоприношениями⁵⁹. Это годовщины храмов, праздники урожая, памятные даты субака, деревни, семьи и многие другие.

Большая часть общепалийских праздников отмечается по местному календарю, зато по системе «сака» (о календарях см. ниже) празднуют одну из самых популярных на Бали дат — «ньепи» — день индо-балийского Нового года и прихода весны (начало десятого месяца). Этот праздник продолжается три дня и поражает тишиной и покоем, так как всякая работа прекращается, совершаются только приношения богам.

По всему острову празднуют также первый день местного явано-балийского Нового года — «банью пинарух», во время которого толпы балийцев идут ночью к рекам, где омывают волосы. В ритуал праздника входят обильные приношения не только местным богам, но и всем орудиям, связанным с выращиванием риса.

⁵⁶ M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 270.

⁵⁷ J. L. Swellengrebel, *Balinese History...*, p. 33.

⁵⁸ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 359—377.

⁵⁹ C. Lekkerkerker, *De Balties*, blz. 175—176.

На Бали, как и по всей Индонезии, после сбора урожая справляется праздник жатвы, в честь «матери риса», изображения которой в виде двух связанных пучков риса помещаются в многочисленных жертвенниках на савах и в домах⁶⁰. Праздник сопровождается музыкой, танцами и играми.

Большим храмовым праздником считается «галунган» — семейный праздник, когда, по преданию, духи предков сходят в дома своих детей и внуков, где им готовят торжественное угощение⁶¹.

Грандиозное зрелище представляют собой торжества, справляемые в больших храмах острова. Задолго до их начала идут приготовления к праздничному банкету. Многие часы не прекращаются танцы и массовые зрелища, особенно излюбленные петушинные бои. Кровь птиц приносят в жертву бхутам и другим темным силам, но главное в этих состязаниях — искреннее азартное увлечение, которое нередко заставляет притрагивать все, что есть у игрока.

Балийцы ведут счет дням по двум календарям: по системе сака — индийского происхождения, по которой год делится на двенадцать месяцев-лун, а дни полно- и новолуния отмечаются особо; и по местному явано-балийскому летосчислению, где год состоит из тридцати семидневных недель. День обычно определяют по обеим системам, а праздники принадлежат к одному из двух календарей. Северо-восточная часть острова и центральные горные области, как правило, следуют системе сака, Центральный Бали — местному календарю. В Карангасеме имеет хождение особый календарь смешанного типа⁶².

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Балийский язык принадлежит к индонезийской группе малайско-полинезийских языков и по своим лексическим и синтаксическим признакам близок языкам сасацкому и сумбавскому (о-в Ломбок). Однако в ходе истории сильное влияние на него оказывал старояванский язык, что сказалось на его словаре. Некоторые особенности роднят балийский язык с сундским (о-в Ява), в алфавите обоих языков насчитывается всего 18 букв⁶³. Звуковая система балийского языка близка к яванской, но с рядом отклонений (наличие одного варианта «д» и «т», чистое произношение «а» в тех случаях, когда яванцы его искажают, исчезновение во многих случаях звука «р» и т. д.), еще большая разница наблюдается в грамматике. Яванское влияние особенно сильно в тех лексических эквивалентах, которые служат для выражения высокого стиля. Письменность на Бали — измененная яванская.

Вся старая балийская литература, в основном поэтическая, отмечена сильным яванским влиянием. Значительная ее часть, написанная на кави (старояванском языке) и санскрите, представляет собой обработку старых яванских и индийских произведений.

Сокровищем балийской культуры являются лонтары — книги на пальмовых листьях, в которые вошли пересказы священных вед и индийского эпоса, а также местные исторические хроники «бабады». Самостоятельные работы написаны местным размером кидунг на языке, представляющем собой смешение старояванского и балийского⁶⁴. Этим

⁶⁰ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 78—79.

⁶¹ R. Goris, *Holidays and Holy days*, — «Bali: Studies in Life...», pp. 119—129.

⁶² M. Covarrubias, *Island of Bali*, p. 283.

⁶³ «Encyclopaedia...», blz. 128.

⁶⁴ Ibid., blz. 129.

размером написано эпическое произведение, по объему равное «Рамаяне» — «Малат», посвященное индонезийскому герою Панджи. Важным сборником легенд о происхождении балийской культуры, о ранних периодах истории острова является «Усана бали» (таких легенд и преданий живет до сих пор на Бали великое множество).

После победы революции литературная жизнь на Бали, как и во всей молодой республике, находилась на подъеме. В литературу пришла молодежь, которая несла с собой новые сюжеты, формы и оживляла ее дыханием современности. В местном отделении ЛЕКРА («Общество народной культуры») была создана литературная секция, членами которой были в основном учителя и учащиеся старших классов. Их произведения появлялись на страницах прогрессивного ежемесячника «Фаджар» («Рассвет»), который печатался на ротаторе. События 30 сентября 1965 г. нанесли тяжелый удар прогрессивным силам на Бали. Многие передовые деятели искусства и литературы были убиты, левые организации и органы печати были закрыты.

ИСКУССТВО

Искусство на Бали тесно переплетается с жизнью народа, входит в его быт, жилище, пронизывает ремесло и даже религиозные обряды и праздники. Особенностью глубоко народного искусства Бали является его самобытность. Многие иноземные влияния, проникавшие на остров (индийские, яванские, китайские элементы), были растворены в балийском искусстве и в значительной степени подчинились ему, дав начало тому неповторимому и бесконечно своеобразному искусству, которым славится о-в Бали.

Связь балийского искусства с жизнью очень живо ощущается в изобразительном искусстве. До последнего времени на Бали не было профессии художников, отделенных от ремесленников, и поэтому изготовление предмета не мыслилось отдельно от его украшения. Балийский художник — это рядовой член общины, обрабатывающий свой участок земли. Когда он работал для общины — вырезал фигуры божества, украшал храмы, община содержала его.

Архитектура. Балийскую архитектуру трудно отделить от искусства скульптуры и резьбы по дереву. Пирамидальные меру, о которых шла речь выше, напоминают контуры южноиндийских храмов, но они более облегченные. Широко используемый по всему острову для строительства храмов мягкий серый песчаник и красный кирпич легко поддаются рельефному и плоскостному орнаментированию, что дает возможность покрывать витиеватым растительным орнаментом и гротескными изображениями богов каменные фундаменты и стены этих храмов, причем религиозные символы зачастую используются как исключительно орнаментальные⁶⁵. Богатой резьбой украшаются и ворота храмов. Это обилие резьбы, рельефных и скульптурных украшений свойственно также Яве и Индии, но балийцы, взяв ряд элементов из их искусства, сделали его более народным и, пожалуй, еще более изысканным. Каменные изваяния чудовищ, причудливые скульптуры демонов и богов часто украшают и общинные дома, ставятся у ворот усадеб или просто на улицах деревень.

Живопись на Бали имела более длительную историю развития (так как остров не знал ислама), чем на других островах Малайского

⁶⁵ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 181—188.

архипелага, хотя до сравнительно недавнего времени была чисто прикладным искусством. Это были преимущественно рисунки на тканях (занавесах, ширмах, полотнищах, вывешивавшихся в праздничные дни на улицах). Балийская живопись носит подчеркнуто декоративный характер. Традиционные мифологические сюжеты были канонизированы — так же как и приемы письма⁶⁶. По балийскому канону, все пространство картины должно быть покрыто рисунком, перспектива почти не соблюдается, а главный персонаж всегда крупнее других. Определенный комплекс черт существует для характеристики демона, героя, нищего. В батальных сценах требуется присутствие множества людей, причем лица изображаются в три четверти, а глаза имеют разное направление. Видами графики являются рисунки на пальмовых манускриптах и изготовление плоских кожаных кукол для теневого театра.

В настоящее время в живописи появились новые влияния, в частности Запада. Теперь все чаще появляются самостоятельные живописные полотна за подписью одного мастера. Искусство начинает освобождаться от традиционных условностей. Художники стали обращаться за сюжетами к окружающей жизни, привлекаемые картинами природы, труда, праздников. Обогащается и палитра художников, наряду с темперой входят в употребление масляные краски. Многие картины современных мастеров напоминают миниатюры. О новом в живописи говорит такой пример: на ярких фресках, которыми расписан один из храмов, посвященных богине Дурге, наряду с традиционными мотивами можно видеть гирлянды из автомобилей⁶⁷.

Центром балийской народной живописи считается деревня Убуд (в 40 км к северу от Денпасара). Картинная галерея Убуда, при которой имеются мастерская и лавка, привлекает множество туристов. Жителями этой деревни являются (или являлись в недавнем прошлом) многие видные, известные по всему Бали художники, например Ньоман Мадия, Ида Багус Мадэ, Анак Агунг Гдэ Собрат и ряд других (всего около 20 народных художников). Здесь же жил самый известный на Бали скульптор Гек Дукух, автор бесчисленных деревянных статуэток⁶⁸.

Музыка, танцы и театр. Бали часто называют царством танца и музыки. Трудно найти уголок, где по вечерам не раздавались бы звуки «гамелана» (оркестра). Невозможно представить себе праздник без сольных выступлений маленьких балийских танцовщиц, без массовых театральных пантомим. Почти каждый банджар имеет свой гамелан, составляющий его собственность. Балийский гамелан несколько отличается от яванского⁶⁹: в нем преобладают ударные инструменты — «тромпонг», напоминающий ксилофон, «гендер» — инструмент, состоящий из десяти горизонтально подвешенных гонгов разной тональности, два продолговатых барабана — кенданг, дающие ритм, гонг — «кемпли» и др. Солирующим инструментом является деревянная флейта — «сулинг», иногда двухструнная скрипка — «ребаб». Для разных целей используются различные типы оркестров. Балийская гамма состоит из 5 нот. Музыка очень жизнерадостна и носит характер импровизаций, новые музыкальные рисунки возникают с удивительной быстротой. На севере острова мелодии отличаются большей порывистостью, чем на юге, где музыка лиричнее и мягче.

⁶⁶ Ibid., pp. 188—195.

⁶⁷ D. Woodman, *The Republic of Indonesia*, London, 1956, p. 121.

⁶⁸ Л. Демин, *Южнее экватора*, М., 1961, стр. 207.

⁶⁹ M. Covarrubias, *Island of Bali*, pp. 206—216.

Танец живет на Бали во множестве форм — и как искусство профессиональное (в танцевальных школах танцовщики воспитываются с детских лет, свои танцевальные труппы имеются едва ли не в каждом банджаре), и как излюбленное народное, с самым широким кругом участников, искусство живое и остроумное. Церемониальные танцы часто театрализованы, сюжеты заимствуются из эпоса и народной мифологии. Неожиданные смены ритмов, яркость и причудливость костюмов превращают балийские танцы в феерические зрелища. Из огромного разнообразия балийских танцев мы остановимся лишь на наиболее популярных⁷⁰.

«Легонг» — изящная пантомима, исполняемая двумя-тремя девочками лет восьми в богатых костюмах, с веерами в руках. Танцовщицы скользят словно в экстазе, воспроизводя тот или иной эпизод из классики. Певец обычно поясняет фигуры танца.

Полная противоположность легонгу — «барис» — традиционный танец воина, с копьями, имеющий чисто балийское происхождение, танец очень мужественный, требующий большого физического напряжения. Другой воинственный танец «джаук» — танец злого духа, исполняемый одним или несколькими актерами в масках.

До сих пор сохраняет ритуальное значение «пендет» — жертвенный танец, в котором символически изображается обряд жертвоприношения и окропление рисовых полей святой водой. Обычно исполняют его все желающие. Очень древний танец, близкий к легонгу, — мистический «сангьянг», во время которого девочки-исполнительницы впадают в транс, скорее его можно назвать не танцем, а мистерией. Яркое массовое зрелище представляет собой «кечак», изображающий танец обезьян из «Рамаяны». Исполняющие его мужчины (их бывает до 200) сопровождают свои движения пением-выкриками. Интересно отметить, что в наше время на Бали танцуют даже больше и разнообразнее, чем раньше. Большую популярность приобрел возникший лишь в 20-х годах «джангер» — веселый молодежный танец, вобравший в себя ряд небалийских элементов. Клубы джангера с удивительной быстротой появились в большей части деревень. Слава о балийских танцовщиках вышла за пределы острова. В последние годы их труппы посетили Индию, Пакистан, Цейлон, Китай, а одна большая труппа из 60 человек почти год ездила по Европе и США. В 1963 г. с искусством балийского балета познакомились и зрители Советского Союза.

Трудно провести четкую границу между танцем и театром на Бали. Классическая драма балийцев испытала на себе влияние сюжетов индийского эпоса. Сохраняются также разные стили театральных представлений, каждый со своей техникой, тематикой, костюмами. Так, популярная на Бали «Арджуна Виваха» («Свадьба Арджуны») является «топенгом» — пьесой на военные темы из балийской истории, исполняемой актерами — мужчинами в масках. «Арджа» — балийская опера, в которой сочетаются разговор, пение и танец. Эти жанры, как и любимое представление балийцев — театр теней («ваянг кулит»), в основных чертах совпадают с яванским театром⁷¹. Однако балийцы придают своему искусству более живой и непосредственный характер. Они вводят в классические пьесы свои, чисто балийские персонажи, играющие роль посредников между публикой и актерами. В развитии сюжета они занимают самое скромное место, обычно это слуги, которые выступают как переводчики (если пьеса идет на сильно яванизированном языке).

⁷⁰ Ibid., pp. 216—255.

⁷¹ C, Lekkarerker, *De Baliers*, blz. 171.

или комментатор действия, когда оно пантомимно. На деле же именно эти неуклюжие персонажи, острые на язык, веселые, смешные, становятся действительными героями представления, оживляя его своими злободневными шутками и остротами, вызывающими бурную реакцию зрителей⁷². Они превращают классическую драму в подлинно народное зрелище.

* * *

Несмотря на большую традиционность жизненного уклада балийцев, те бурные события, которые охватили Индонезию в послевоенный период, не могли не отразиться и на Бали. Во время революционно-освободительной борьбы 1945—1950 гг. среди бойцов, сражавшихся за свободную Индонезию, были представители из самых отдаленных районов о-ва Бали. Во многих случаях именно эти люди, вернувшись к себе в деревню, составили там ядро будущих политических организаций⁷³.

После создания Республики Индонезии политическая жизнь на Бали с каждым годом становилась активнее; на острове стали издаваться свои газеты, правда незначительным тиражом, бурную деятельность развили местные отделения общеиндонезийских культурных организаций и партий. Особенно большое значение для общественного развития Бали имела школьная революция. Одно из первых постановлений балийской администрации после обретения независимости предусматривало открытие школ в каждой деревне острова, движение за ликвидацию неграмотности охватило все население Бали, независимо от возраста людей и их профессии⁷⁴. Центром подготовки кадров национальной интеллигенции стал университет в Денпасаре, созданный на базе факультета гуманитарных наук университета Аирлангга⁷⁵, быстро росло число библиотек, музеев, издательств.

---

⁷² J. L. Swellengrebel, *Balinese History...*, pp. 34—35.

⁷³ H. Geertz, *The Balinese Village*, pp. 29—31.

⁷⁴ D. Woodman, *The Republic of Indonesia*, p. 123.

⁷⁵ Л. М. Демин, *Остров Бали*, стр. 80.

В. Р. Кабо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АВСТРАЛИЙЦЕВ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ

Происхождение коренного населения Австралии — одна из увлекательнейших и в то же время сложнейших проблем этногенетической науки. Загадка происхождения австралийцев — народа, заброшенного на отдаленный континент и столь непохожего в антропологическом и культурном отношении на окружающие народы, — занимала умы многих исследователей, начиная с 1606 г., когда европейцы в лице Виллема Янца (капитана голландского судна) и членов его команды впервые увидели австралийских аборигенов.

За прошедшие с этого знаменательного дня 360 лет было создано бесчисленное количество гипотез, пытавшихся так или иначе объяснить происхождение этого народа, — гипотез, порою самых противоречивых. Но только в наше время благодаря развитию физической антропологии и археологии, возникновению таких новых методов и областей исследования, как метод радиоуглеродного анализа, глоттохронология, исследование групп крови и других наследственных факторов, появилась возможность поставить изучение происхождения и истории аборигенов Австралии на более прочную научную базу.

Изучение этногенеза австралийцев, как и любого другого народа, требует комплексного метода исследования, привлечения данных различных наук — антропологии и археологии, этнографии и лингвистики, причем различные группы источников должны взаимно контролировать и дополнять друг друга. Такая цель не может быть достигнута в рамках небольшой статьи. Задача настоящей статьи — показать, что дают для решения проблемы этногенеза австралийцев новые научные открытия, прежде всего в области антропологии и археологии, где за последние годы были достигнуты наибольшие успехи.

Антропологически аборигены Австралии занимают особое место среди других расовых групп человечества. В их антропологическом типе совмещены признаки различных рас. По мнению многих антропологов, австралийцы представляют собою в известной мере обобщенный, протоморфный антропологический тип, более, чем какая-либо иная современная раса, близкий к ранним, архаическим формам неолита — современного человека. По-видимому, это одна из древних его форм, сохранившаяся в условиях относительной изоляции.

В настоящее время представляется бесспорным, что Австралия была впервые заселена уже современными людьми, неолитами, так как

на этом континенте отсутствуют какие-либо следы архантропов и палеоантропов — древнейших и древних людей.

Как показывают данные палеоантропологии, австралийская раса в основном сложилась за пределами Австралии. Ареал формирования современного человека уже в начале верхнего палеолита простирался от Западной Европы до Юго-Восточной Азии. Насколько позволяют судить данные современной науки, прежде всего данные радиоуглеродного анализа, начало верхнего палеолита и появление сформировавшегося неоантропа произошло около 40 тыс. лет т. н. (тому назад).

Согласно полицентристской концепции происхождения современного человека, один из независимых центров эволюции человека находился в Юго-Восточной Азии, где прямая линия развития вела от питекантропа через явантропа (человека из Нгандонга) к человеку из Ваджака (о-в Ява), а от него — к современным австралийцам. К числу наиболее известных сторонников этой теории принадлежат А. Кизс, К. Кун, Ф. Вейденрейх. Однако есть основания полагать, что эта цепь обрывается на явантропе и что люди из Ваджака имеют иное происхождение.

Советскому антропологу Я. Я. Рогинскому удалось доказать отсутствие специфического сходства питекантропов с австралоидами, а также отсутствие соответствия между локальными формами архантропов и палеоантропов, с одной стороны, и обитающими на тех же или смежных территориях современными расами — с другой¹. Другой советский антрополог, М. И. Урысон, выражает обоснованное сомнение в возможности происхождения современного человека «из столь специализированной в морфологическом отношении формы, какой является нгандонгский человек»². Человек из Нгандонга — это, говоря словами П. Тейяра де Шардена, — «угасающий побег». Наряду с некоторыми специализированными неандертальцами он входит в «группу законченных форм»³. Магистральная линия развития человечества проходит не здесь.

Лишена оснований и теория о генетической близости австралийцев к неандертальцам. Польский антрополог Ева Кручкевич, исследовав серию скелетов австралийских аборигенов, подобно советским антропологам В. В. Бунаку и Я. Я. Рогинскому пришла к выводу, что никакой особой морфологической близости между скелетами австралийцев и неандертальцев не существует. Напротив, по многим признакам скелеты австралийцев резко отличаются от неандертальских⁴.

В 1958 г. в Ниа, на севере Калимантана, в Большой ниахской пещере Т. Гаррисоном была сделана находка человеческого черепа. Ниахский череп, несомненно, принадлежал человеку современного типа. Многие его особенности (широкий нос, низкое переносье, прогнатизм и др.) сближают его с древними и современными австралоидами. Абсолютный возраст местонахождения, по данным радиоуглеродного анализа, составляет $39\,600 \pm 1000$ лет т. н.⁵ Следовательно, человек из Ниа — современник наиболее ранних неантропов Европы. Это означает, что Юго-Восточная Азия по крайней мере частично входила в зону сапиентации. Человек из Ниа — очевидный верхнепалеолитический предок австрало-негроидов Австралии и Океании.

¹ Я. Я. Рогинский, *Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас*, М., 1949.

² М. И. Урысон, *Начальные этапы становления человека*, — «У истоков человечества», М., 1964, стр. 133.

³ П. Тейяр де Шарден, *Феномен человека*, М., 1965, стр. 196—197.

⁴ Е. Kruczkiewicz, *Ossa australica*, — «Materiały i prace antropologiczne», Wrocław, 1962, № 58.

⁵ W. G. Solheim, *The Present Status of the Paleolithic in Borneo*, — «Asian Perspectives», vol. 2, 1960, № 2, pp. 83—90.

Эта находка еще раз убеждает в том, что явантропы из Нгандонга едва ли могли быть предками австралоидов. Ведь хронологический промежуток между явантропами и людьми из Ниа был, очевидно, сравнительно невелик. Явантропы жили, вероятно, не ранее чем 50—60 тыс. лет т. н., в раннем вюрме. Сомнительно, чтобы за 10—20 тыс. лет из этой очень архаичной и специализированной неандерталлоидной формы могли сформироваться такие вполне сапиентные австралоиды, каких мы находим в Ниа и Ваджаке.

По-видимому, предков протоавстралоидов Юго-Восточной Азии следует искать среди каких-то более прогрессивных неандерталлоидов материковой Азии, таких, например, как неандерталлоиды горы Кармел (Палестина), откуда происходит череп V из пещеры Схул, обладающий ярко выраженными протоавстралоидными чертами. Поэтому в порядке рабочей гипотезы можно предположить, что на грани среднего и верхнего палеолита на территории Азии происходило постепенное расселение с запада на восток прогрессивных неандерталлоидов, а наряду с этим продолжался процесс их дальнейшей сапиентации. Вероятно, не случайно, что каменная индустрия, обнаруженная в культурном слое, давшем череп человека из Ниа, очень близка по своему типу к соанской индустрии Северо-Западной Индии.

К верхнему палеолиту относится и черепная крышка, найденная Р. Фоксом в пещере Табон на о-ве Палаван (Филиппины). Абсолютный возраст этой находки — $30\,500 \pm 1100$ лет т. н.⁶ Крышка эта также принадлежала неантропу и обладала некоторыми австралоидными особенностями. Череп из Ниа и палаванская черепная крышка показывают, что неантропы-протоавстралоиды населяли ныне островную часть Юго-Восточной Азии 30—40 тыс. лет т. н. В плейстоцене о-ва Калимантан и Палаван составляли одно целое с материком.

По-видимому, тогда же на Яве обитали неантропы, от которых дошли до нас два минерализованных черепа, обнаруженных еще в прошлом веке Е. Дюбуа около Ваджака. Геологический возраст людей из Ваджака точно не установлен, но, подобно людям из Ниа и с о-ва Палаван, они жили, вероятно, в эпоху последнего оледенения. Дюбуа, в последствии Вейденрейх отметили австралоидный характер этих черепов, причем последний сблизил их с найденным в Австралии ископаемым черепом из Кейлора⁷.

Таким образом, в конце плейстоцена, в верхнем палеолите, ныне островная часть Юго-Восточной Азии была населена протоавстралоидами, очевидными предками современных аборигенов Австралии, пришедшими сюда с Азиатского материка.

И в дальнейшем, в мезолите и неолите, на протяжении многих тысячелетий Юго-Восточная Азия оставалась областью, населенной главным образом австрало-негроидами (в процессе их морфологического развития из древних, верхнепалеолитических протоавстралоидных форм и все углубляющейся расовой дифференциации)⁸.

Древнейшим населением этой части света вплоть до Австралии были протоавстралоиды, и лишь с течением времени на этой древней основе образовались различные локальные варианты австрало-негроидов

⁶ R. Shutler, *Radiocarbon Dating and Man in Southeast Asia, Australia, and the Pacific*, — «Proceedings of the 11-th Pacific Science Congress», Tokyo, 1966, vol. 9. Prehistory and Archaeology, p. 5.

⁷ F. Weidenreich, *The Keilor Skull: a Wadjak Type from Southeast Australia*, — «American Journal of Physical Anthropology», vol. 3, 1945, № 1, pp. 21—32.

⁸ В. Р. Кабо, *Юго-Восточная Азия и ее место в формировании австралоидов*, — «Вопросы антропологии», вып. 21, 1965, стр. 175—180.

Юго-Восточной Азии и Океании. Все они являются ветвями единого протоавстралоидного ствола и сформировались на протяжении последних 30—40 тыс. лет, многие из них — в тех местах, где живут еще и сегодня.

Задолго до того как в Юго-Восточной Азии и Океании оформились локальные варианты австрало-негроидной расы (еще в плейстоцене), протоавстралоиды заселили Австралию и в дальнейшем развивались уже на ее территории в условиях изоляции, обусловившей относительное сохранение многих особенностей их древнего антропологического типа.

Важнейшие палеоантропологические находки, сделанные в Австралии, — черепа из Тальгая, Кохуны, Кейлора и Моссгила (последний был найден в 1960 г.), Грин-Галли (найден в 1965 г.), фрагменты скелетов из Тартанги и Девон-Даунса — несмотря на существующие между ними различия, имеют немало общего и между собой и с современными австралийцами. Этот факт опровергает мнение некоторых ученых, считающих, что австралоидам на континенте Австралии предшествовали негроиды-тасманоиды.

Например, австралийский исследователь Н. Тиндейл, пытаясь доказать тасманоидный характер черепов из Тартанги, сближал их с черепами тасманийцев. Однако и форма свода черепа и меньший размер третьего моляра в сравнении с первым и вторым, т. е. те особенности тартангских черепов, которые, по мнению Тиндейла, сближают их с тасманийскими, — все это как раз более характерно для австралийцев, чем для тасманийцев. По этим и другим признакам черепа из Тартанги очень близки к другим ископаемым черепам, найденным на территории Австралии⁹.

Вся серия ископаемых австралийских черепов отражает морфологическое развитие протоавстралоидов и формирование современной австралийской расы. Палеоантропология Австралии не дает достоверных свидетельств древнего тасманоидного субстрата, а именно палеоантропологии принадлежит решающее слово в этой проблеме.

По степени морфологического развития и приближения к современному австралийскому расовому типу протоавстралоиды пятого континента располагаются следующим образом: Тальгай—Кохуна—Моссгил—Тартанга и Девон-Даунс—Кейлор и Грин-Галли.

Датируются они так.

Радиоуглеродное исследование ископаемых раковин из слоев, непосредственно прилегавших к тальгайскому черепу, показало, что возраст его находится в пределах от 6450 ± 230 до $11\,980 \pm 155$ лет до настоящего времени. Произведенные на основании этого расчеты позволяют предполагать, что возраст местонахождения составляет 10—12 тыс. лет¹⁰.

Как показывают результаты химического анализа, череп из Кохуны, вероятно, имеет такую же древность, но, может быть, он еще древнее¹¹.

Древность скелета из Моссгила, как было установлено радиоуглеродным анализом угля из очага, находившегося на уровне погребения, не менее 4625 лет т. н.¹²

⁹ N. W. G. Macintosh, *The Physical Aspect of Man in Australia*, — «Aboriginal Man in Australia», Sydney, 1965, pp. 54—55.

¹⁰ Ibid., p. 64.

¹¹ N. W. G. Macintosh, *The Cohuna Cranium: Physiography and Chemical Analysis*, — «Oceania», vol. 23, 1953, № 4, pp. 277—296.

¹² N. W. G. Macintosh, *The Physical Aspect of Man in Australia*, p. 64.

Анализ радиоактивного углерода, содержащегося в раковинах из слоя С, служивших пищей людям из Тартанги, показал возраст 6030 ± 120 лет т. н. Скелеты из слоев D и E предположительно датируются от 5700 до 4700 лет т. н.¹³ Стоянка Кейп-Мартин, характеризующаяся той же археологической культурой, датируется 8700 ± 120 лет т. н.¹⁴

Фрагменты скелетов из Девон-Даунс, судя по сопровождающему их инвентарю, относятся к периодам, получившим в австралийской археологии наименование Мудук и Мурунди. Средняя дата для периода Мудук в стоянке Фроммс Лендинг, находящейся рядом со стоянками Девон-Даунс и Тартанга, — 3756 ± 85 лет т. н.¹⁵

Древность черепа из Кейлора, согласно новейшим данным, находится в пределах от $15\,000 \pm 1500$ до $18\,000 \pm 500$ лет т. н. Первая дата получена в результате анализа угля из кострища, которое находится почти на уровне черепа, а вторая дата — из кострища, находящегося примерно на 170 см ниже. Возраст скелета из Грин-Галли — около 8 тыс. лет т. н.¹⁶

Таким образом, хронологическое соотношение австралийских палеоантропологических материалов не совпадает с их морфологическим соотношением. Наиболее развитый в морфологическом отношении череп из Кейлора оказывается в то же время самым древним, а человек из Тальгая, морфологически наиболее примитивный, существовал несколькими тысячелетиями позже.

Каким же было историческое и генетическое соотношение этих различных по уровню морфологического развития типов протоавстралондов?

В свете современных данных наиболее приемлемой является гипотеза, согласно которой Австралию в позднем плейстоцене населяли одновременно генетически близкие, но морфологически различные группы протоавстралоидов, одни из которых были более развиты, подобно человеку из Кейлора, другие, подобно людям из Тальгая и Кохуны, отстали в своем развитии. Те и другие происходили от различных групп протосавстралоидов, населявших Юго-Восточную Азию в верхнем палеолите.

Сравнительно еще немногочисленное население Австралии было расселено, очевидно, небольшими изолированными группами, и локальные варианты протосавстралоидов в этих условиях вполне могли длительное время сохраняться и сосуществовать. Данные, которыми мы располагаем о скелете из Моссгила, говорят о том, что тальгайско-кохунский антропологический тип, возможно, еще длительное время сохранялся в некоторых районах Австралии, но и он испытывал некоторые изменения.

В первоначальном заселении Австралии приняли участие группы протосавстралоидов кейлорского типа, антропологически близких к людям из Ваджака и Ниа. Одновременно с ними или позднее в Австралии появились популяции более примитивных протосавстралоидов таль-

¹³ N. B. Tindale, *Culture Succession in South-Eastern Australia from Late Pleistocene to the Present*, — «Records of the South Australian Museum», vol. 13, Adelaide, 1957, № 1, pp. 1—49; N. W. G. Macintosh, *The Physical Aspect of Man in Australia*, p. 53.

¹⁴ N. B. Tindale, *A Dated Tartangan Implement Site from Cape Martin, South-East of South Australia*, — «Transactions of the Royal Society of South Australia», vol. 80, 1957, pp. 109—123.

¹⁵ D. J. Mulvaney, *The Stone Age of Australia*, — «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 27, Cambridge, 1961, № 4, p. 101.

¹⁶ Ibid., pp. 64, 101; N. W. G. Macintosh, *Fossil Man in Australia*, — «The Australian Journal of Science», vol. 30, 1967, № 3, pp. 86—98.

гайско-кохунского типа. Еще в мезолите на периферии Юго-Восточной Азии сохранялись группы австралоидов, обладающих сравнительно архаическими морфологическими особенностями. Об этом свидетельствует черепная крышка, найденная в 1929 г. на северном побережье Новой Гвинеи, около Аитане. Ее возраст, определенный с помощью радиоуглеродного метода в 1965 г., находится в пределах от 4400 ± 85 до 5070 ± 140 лет до настоящего времени¹⁷. Сохранению более отсталого типа австралоидов на далекой окраине Юго-Восточной Азии способствовала ее периферийность и сравнительная изолированность.

В Австралии физическое развитие палеоавстралийцев продолжалось, в результате чего ими были утрачены некоторые особенности протоавстралоидного типа, и постепенно сложился современный австралийский антропологический тип.

Данные абсолютной хронологии, связанные с палеоантропологическими материалами, показывают, что заселение Австралии произошло еще в плейстоцене, чему способствовало наличие материковых мостов между Юго-Восточной Азией и Австралией в последнем ледниковом периоде. Местами эти массивы суши перерезались проливами, но они были не настолько широки, чтобы люди эпохи верхнего палеолита, располагавшие примитивными средствами навигации, не смогли бы их преодолеть. В эту эпоху освоение новых территорий вызывалось прежде всего нарушением баланса между приростом населения и естественными ресурсами.

Со времени первоначального заселения Австралии человеком (которое началось, согласно данным абсолютной хронологии,— о чем я скажу дальше,— около 30 тыс. лет т. н.) в истории этого континента произошли следующие события.

От 27 тыс. до 20 тыс. лет т. н.— последний максимум последнего (вюрмского) оледенения.

От 10 тыс. до 8 тыс. лет т. н.— окончание последнего ледникового периода. Австралия к этому времени в основном уже была заселена человеком, включая и центральные ее области, природные условия которых были тогда значительно более благоприятными, чем теперь. В самом конце периода или начале следующего Новая Гвинея и Тасмания полностью отделились от Австралии. То обстоятельство, что в плейстоцене эти два больших острова составляли с Австралией одно целое, способствовало ее заселению через Новую Гвинею и заселению Тасмании через Австралию. Наряду с проникновением через Новую Гвинею люди могли проникнуть в Австралию и в других местах ее северного и северо-западного побережья.

От 7 тыс. до 4 тыс. лет т. н.— период термического максимума и образование пустынь в Центральной Австралии. Резкое ухудшение природно-климатических условий во внутренних областях Австралии; исчезновение многих видов животных, в том числе гигантских сумчатых.

От 3500 до 3000 лет т. н.— малый ледниковый период, сопровождавшийся новым похолоданием и регрессией моря. Затем наступает более сухой и теплый период, продолжающийся до настоящего времени.

Все эти данные получены в результате новейших достижений в различных областях науки о Земле и использования новых методов исследования. Благодаря этому мы теперь знаем, в каких естественно-географических условиях происходило первоначальное заселение Австралии и

---

¹⁷ K. Kigoshi and H. Kobayashi, *Gakushuin Natural Radiocarbon Measurements IV*,— «Radiocarbon», vol. 7, 1965, p. 22.

освоение Австралийского континента, в каких условиях протекали ранние этапы истории ее коренного населения.

В проблеме происхождения австралийцев как в прошлом, так и в настоящем представлены две основные тенденции. Представители одного направления рассматривают австралийцев как народ смешанного происхождения, другие — как расово однородный, или гомогенный. Наиболее известным представителем первого направления является американский антрополог Дж. Бердселл. Второе направление представлено главным образом антропологами Аделаидского университета во главе с Э. Эбби.

Данные антропологии, как и новейшие исследования в области генетики, во многом подтверждают правоту сторонников второго направления. Антропологическую однородность аборигенов Австралии подтверждают капитальные исследования У. Хауэллса¹⁸, Дж. Моранта¹⁹, А. Грдлички²⁰ и других ученых. Эти исследования показывают, что для предположения о заселении Австралии различными по своей расовой принадлежности компонентами нет достаточных оснований. К тому же выводу пришли антропологи Аделаидского университета, осуществившие в 50-х годах XX в. сплошное и всестороннее антропологическое обследование Австралийского континента в меридиональном направлении, с юга на север. В итоге этого и последующих исследований была подтверждена несомненная антропологическая однородность австралийских аборигенов²¹.

Веским аргументом в пользу гомогенности аборигенов являются и результаты серологических исследований. Своеобразное, уникальное сочетание групп крови, наблюдаемое в Австралии²², характерно для народов, ведущих свое происхождение от одной или нескольких малочисленных групп населения, пришедшего из сравнительно ограниченного региона и продолжительное время затем жившего в условиях относительной изоляции²³. Смешение с каким-либо иным населением, отличающимся от австралийцев сочетанием групп крови, с населением иного расового происхождения должно было бы изменить эту картину и лишить свойственное австралийцам сочетание групп крови его своеобразия и уникальности.

Вместе с тем исследование групп крови и других наследственных факторов у аборигенов Австралии и других народов мира показывает, что за последние десятилетия к классическим методам этногенетических исследований прибавился новый, важный метод, без которого исследование этногенетических проблем теперь стало невозможным — генетика популяций человека.

---

¹⁸ W. W. Howells, *Anthropometry of the Natives of Arnhem Land and the Australian Race Problem*, — «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», vol. 16, Cambridge (Mass.), 1937.

¹⁹ G. W. Morant, *A Study of the Australian and Tasmanian Skulls Based on Previously Published Measurements*, — «Biometrika», vol. 19, London, 1927, № 3—4, pp. 417—440.

²⁰ A. Hrdlička, *Catalogue of Human Crania in the United States National Museum Collections*, — «Proceedings of the United States National Museum», vol. 71, Washington, 1928, № 24.

²¹ A. A. Abbie, *Physical Characteristics of Australian Aborigines*, — «Australian Aboriginal Studies», Melbourne, 1963; «The Anthropological Status of Australian Aborigines», — «Homo», Bd 17, 1966, № 2, S. 73—88.

²² R. L. Kirk, *The Distribution of Genetic Markers in Australian Aborigines*, — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Occasional Papers», Canberra, 1965, № 4.

²³ Я. Я. Рогинский, *Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (К проблеме антропологии «окрашенных народов»)», — «Труды Института этнографии», т. I, М., 1947, стр. 216—234.*

Итак, данные антропологии свидетельствуют о расовой однородности аборигенов и находятся в полном соответствии с выводом, вытекающим из исследования палеоантропологических материалов: Австралия была заселена протоавстралоидами, представленными двумя генетически близкими, но морфологически различными типами — кейлорским, сравнительно более развитым, и тальгайско-кохунским, более примитивным.

В ходе последующего развития и в результате метисации эти различия оказались в известной мере — но не полностью — сглаженными. С другой стороны, по мере освоения континента и расселения австралийцев по географически изолированным регионам возникли новые локальные различия внутри единой по своему происхождению австралийской расы. Некоторые данные, в частности новейшие исследования японского антрополога Б. Ямагути²⁴, свидетельствуют о том, что морфологические различия, представленные двумя названными выше основными типами палеоавстралийских черепов, принадлежащих населению, генетически близкому, но различному по своему морфологическому развитию, в известной мере прослеживаются еще и в настоящее время.

Теория Бердселла и Тиндейла, нашедшая среди западных антропологов немало сторонников, — теория, согласно которой древнейшим населением Австралии были негроиды-тасмансиды, — данными антропологии, как и палеоантропологии, не подтверждается. Напротив, мнение многих советских антропологов, полагающих, что австралоидный тип является наиболее архаическим в сравнении с другими расовыми типами современного человечества, что он был древнейшим, исходным типом коренного населения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, находит в этих данных полное подтверждение.

В составе современного коренного населения Австралии действительно прослеживается известная антропологическая дифференциация, вариабильность, побудившая некоторых антропологов усматривать в генезисе австралийцев представителей различных рас. Между аборигенами Северной и Южной Австралии действительно существуют различия в отношении некоторых антропологических признаков, но это и не удивительно, если вспомнить, что австралийцы населяют огромный континент, что в течение многих тысячелетий аборигены Севера и Юга развивались, не смешиваясь между собой, и что на север материка, несмотря на относительную изоляцию его от окружающего мира, все же просачивались извне неавстралийские (папуа-меланезийские и индонезийские) расовые элементы. Так, аборигены Северной Австралии в среднем немного выше ростом, чем аборигены Южной Австралии, кожа их темнее, третичный волосяной покров развит сравнительно слабее, длина и ширина головы немного меньше, у них сравнительно чаще, чем на юге, встречаются курчавые волосы. Однако все австралийцы без исключения долихоцефалы, почти у всех развиты надбровные дуги, прогнатизм, очень широкие носы.

Среди австралийцев можно выделить и очень немногочисленные локальные группы антропологических типов. К числу их принадлежит квинслендский «баринейский» тип, главное отличие которого от остальных австралийцев состоит в преобладании курчавых или вьющихся волос, в относительно низком росте и некоторой общей грацильности.

Однако различия этих групп между собой и их отличие от остального коренного населения Австралии не настолько глубоки, чтобы дать

²⁴ B. Yamaguchi, *A Comparative Osteological Study of Ainu and Australian Aboriginal Material: a Preliminary Report*, — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», vol. 2, Canberra, 1966, № 3, pp. 16—19.

основание для предположения о их различном расовом происхождении. Локальные варианты внутри австралийской расы, довольно однородной, если рассматривать ее в целом, сложились в основном уже на территории Австралии, в ходе и в результате расселения австралийцев на обширных пространствах разнообразного по своим природным условиям континента, где многие этнические группы, в том числе и квинслендская, упомянутая выше, оказались полностью или в значительной мере изолированными от окружающего населения. Как показывают многочисленные исследования, почти все локальные различия, наблюдаемые среди австралийцев, вполне объяснимы продолжительной взаимной изоляцией этнических групп единого по своему происхождению народа. Некоторые региональные антропологические особенности образовались и под воздействием географической среды.

Позднейшее проникновение в Австралию, главным образом на север континента, иных расовых элементов (индонезийских, папуасских и меланезийских) не повлияло в сколько-нибудь значительной степени на антропологический тип австралийцев, но обусловило некоторое антропологическое своеобразие части североавстралийского населения.

Наиболее древние особенности антропологического типа австралийцев сохранились в настоящее время (или существовали еще недавно) на юге, юго-востоке и до некоторой степени на западе Австралии. К этим особенностям относятся сравнительно менее темная, чем у аборигенов прочих областей Австралии, кожа, преимущественно волнистые или прямые, иногда светлые волосы, обильное развитие третичного волосяного покрова на теле и на лице (у мужчин), развитые надбровные дуги, очень широкий нос с низким переносом, крупные зубы, прогнатизм, долихоцефалия, высокая частота группы крови А и фактора N, отсутствие группы В и некоторые другие признаки.

Известное единообразие в сочетании групп крови у аборигенов Австралии свидетельствует о том, что общие черты генотипа аборигенов сложились до заселения Австралии, а локальные варианты образовались впоследствии. Особенно характерны они для некоторых изолятов, например для аборигенов о-вов Уэлсли и Западной пустыни. Таким изолятом являются и «баринейцы» Северного Квинсленда. Антропологическое своеобразие всех этих групп, отделившихся от единого в прошлом ствола, обусловлено их географической и биологической изоляцией, стимулирующей действие генетического дрейфа, т. е. такого изменения концентрации генов, которое обусловлено не отбором, а случайными (стохастическими) процессами.

Процессы внутрирасовой дифференциации, весьма вероятную возможность которых мы допускаем для населения Австралийского материка, в еще большей степени должны были коснуться населения Тасмании — острова, почти изолированного от материка на протяжении нескольких тысячелетий. По-видимому, своеобразный тасманийский антропологический тип образовался в результате генетико-автоматических процессов внутри небольшой группы палеоавстралийцев, попавших в Тасманию еще в плейстоцене и затем оказавшихся в условиях многовековой изоляции.

Таким образом, новейшие данные антропологии и генетики говорят о том, что Австралия была заселена антропологически однородным протоавстралоидным населением, принадлежавшим к одной из архаических форм неантропа, и что вопреки распространенному мнению это население не предшествовало какое-либо другое, еще более древнее и расово отличное.

Важнейший материал для реконструкции этнической истории авст-

ралийцев дает и археология. При отсутствии письменных источников данные археологии приобретают особенное значение.

Систематическое археологическое изучение Австралии началось лишь в конце 20-х годов, но с того времени оно продвинулось далеко вперед. Каждый год приносит новые открытия, заставляющие пересматривать многое из того, что вчера казалось последним словом науки.

На протяжении многих лет развитию австралийской археологии мешало широко распространенное среди австралийских ученых убеждение, что австралийские аборигены не способны к развитию, что история Австралии началась лишь со дня начала ее колонизации и что археологии здесь делать нечего. Исследования последних 30 лет показали всю ошибочность этого мнения. Теперь неопровержимо доказано, что культура австралийцев развивалась на протяжении многих тысячелетий, что австралийцы проходили те же стадии развития, начиная с палеолита и кончая ранним неолитом, которые были пройдены и другими народами, одними раньше, другими, как австралийцы, позже. Такая неравномерность социального и культурного развития объясняется объективными историческими и географическими условиями и ни в коей мере не свидетельствует о большей или меньшей способности того или иного народа к развитию.

Обобщение результатов археологических исследований, осуществленных в Австралии за последнее время, позволяет периодизировать историю австралийских аборигенов от заселения ими Австралийского континента до европейской колонизации, разделив ее на несколько периодов и указав для каждого его приблизительные хронологические границы. Теперь, несмотря на то что стоянки со стратиграфией еще очень немногочисленны, у нас все же есть возможность расположить археологические культуры Австралии в относительной хронологической последовательности. Радиоуглеродные исследования позволяют в свою очередь наметить для этого ряда последовательных культурных фаз и некоторые абсолютные вехи.

Ограниченные рамки статьи, мы попытаемся лишь ответить на вопрос о том, что вносят новые открытия в области археологии в решение проблемы происхождения австралийцев и их культуры, не касаясь их дальнейшей тысячелетней истории на Австралийском континенте. С этой целью мы рассмотрим лишь древнейшие австралийские археологические культуры в связи с культурами Юго-Восточной Азии.

Австралийские археологические культуры раннего периода еще в значительной мере отражают воздействие палеолитических и мезолитических культур Южной и Юго-Восточной Азии, с древним населением которых генетически и культурно связано и раннее население Австралии. Часть этих древних культурных традиций, преимущественно до-мезолитических, палеоавстралийцы принесли с собой, часть проникла к ним в результате непосредственных контактов, продолжавшихся вплоть до начала голоцена.

Древнейшие культурные традиции Южной и Юго-Восточной Азии в той или иной мере представлены во всех культурах раннего периода — в культурах Карта и Каперти (чопперы и орудия типа «лошадиное копыто», орудия типа карта и клектонские отщепы), в культуре Гамбир (грубые рубящие орудия — бифасы и ручные рубила шелльского типа), в пещере Куналда и в террасах кейлорской речной системы (проторубила и ашельские ручные рубила, грубые рубящие орудия-бифасы и чопперы, клектонские и леваллуазские отщепы), в культуре Маунт-Моффат и в каменной индустрии Тасмании (чопперы, индустрия на отщепах и пластинах невазийского типа, клектонские отщепы Тасмании).

Наряду с этим в культурах Карта, Каперти, Маунт-Мoffат и Кларенс представлены и следы более поздних, мезолитических культур Юго-Восточной Азии: суматралиты, монофасы типа арапия и другие типы орудий, характерных для хоабиньской и типологически близких ей культур Юго-Восточной Азии.

Несмотря на очевидный технический прогресс, выразившийся в совершенствовании техники изготовления орудий и в расширении их ассортимента, чопперы-монофасы (чаще всего гальки) наряду с грубыми рубящими орудиями-бифасами остаются от нижнего палеолита до конца мезолита на территории всей Юго-Восточной Азии одной из руководящих индустриальных форм, кое-где сохранившейся и до наших дней у аборигенов Австралии. И только в позднем мезолите и раннем неолите (в бакшонской и аналогичных культурах Юго-Восточной Азии) эти орудия постепенно вытесняются топорами с отшлифованным рабочим краем. То же самое происходило и в Австралии, но здесь этот процесс так и не успел полностью завершиться.

Связи древнейших австралийских культур с палеолитическими и раннемезолитическими культурами Юго-Восточной Азии и Индии представляются совершенно очевидными. Воздействию последних на культуру палеоавстралийцев способствовала относительная доступность Австралии в плейстоцене для влияний, идущих из Азии. Что же касается позднемезолитических и неолитических культур Юго-Восточной Азии, относящихся уже к голоцену, их влияние на культуру Австралии не представляется во многих случаях очевидным. Так, техника шлифования камня могла возникнуть там совершенно самостоятельно.

Своеобразие культуры австралийцев уже в раннем периоде их истории объясняется сочетанием культурных традиций громадного диапазона — от нижнего палеолита до мезолита, повлиявших на нее в той или иной мере, прямо или опосредствованно, через культуры, века и расстояния и обусловивших в конце концов своеобразное сочетание палеолитических и мезолитических черт в каждой локальной археологической культуре Австралии.

На протяжении многих тысячелетий в Юго-Восточной и Южной Азии одновременно существовали две индустриальные традиции, перенесенные затем палеоавстралийцами и на территорию Австралии: одна из них характеризовалась монофасами (чопперами, позднее суматралитами и т. д.), а другая — бифасами (грубыми рубящими орудиями и ручными рубилами). Носители некоторых локальных культур успешно развивали обе эти традиции. Таковы многие палеолитические местонахождения Индии от Соана до Мадраса, такова патжитанская культура Явы, таково же нижнепалеолитическое местонахождение на горе До в Северном Вьетнаме²⁵.

Своеобразие каменных индустрий Юго-Восточной Азии связано главным образом с наличием в этой части света и на прилегающих к ней территориях Южной и Восточной Азии древнейших самобытных очагов человеческой культуры. В Австралии к этому присоединился еще такой фактор, как периферийность, а начиная с эпохи голоцена, и изолированность, что наряду с катастрофическими изменениями природных условий и малочисленностью населения обусловило ее культурную отсталость.

Основные, характерные типы орудий и технические приемы, свойственные древнейшим археологическим культурам Австралии, ведут свое

²⁵ П. И. Борисковский, *Первобытное прошлое Вьетнама*, М.—Л., 1966, стр. 51—71.

происхождение от палеолитических культур Юго-Восточной Азии, а через них связаны и с прилегающими к ней территориями, подобно тому как антропологический тип протоавстралоидов связывал палеоавстралийцев с верхнепалеолитическим населением Юго-Восточной и Южной Азии. Устойчивость технологических традиций, типологическая близость верхнепалеолитических и до некоторой степени мезолитических индустрий Юго-Восточной и Южной Азии к ее нижнепалеолитическим культурам дает нам основание усматривать и в последних один из источников хронологически значительно более поздних австралийских археологических культур.

Большой интерес для изучения древнейшего прошлого австралийцев представляет Новая Гвинея, лежавшая на их пути во время продвижения из Юго-Восточной Азии в Австралию. Донеолитическая индустрия, найденная в 60-х годах в стоянках Киова и Юку, во внутренних горных районах Восточной Новой Гвинеи, имеет тот же характер, что и индустрия древнейших археологических культур Восточной Австралии. Древнейшая радиоуглеродная дата для стоянки Киова — $10\,350 \pm 140$ лет т. н.²⁶ Типологическая близость ранней культурной фазы Центрального нагорья Восточной Новой Гвинеи к древнейшим культурам Восточной Австралии дает основание предполагать культурные, а возможно, и генетические связи между населением этих территорий. Это тем более вероятно, что связи эти относятся еще к плейстоцену, когда Австралия и Новая Гвинея составляли одно целое.

Естественно, что и в Индонезии, на древнем пути протоавстралоидов, двигавшихся из Юго-Восточной Азии в Австралию, мы находим культуры, которые по праву можно считать предтечами древнейших культур Австралии. Такова прежде всего патжитанская культура Явы с массивными клектонскими отщепами, отщепами и пластинами леваллуа, ручными рубилами, проторубилами, грубыми рубящими орудиями — бифасами и чопперами²⁷. Орудия этих типов в той или иной пропорции представлены во многих древнейших культурах Австралии.

Каменная индустрия мустьеро-леваллуазского облика была найдена в 1953 г. и совсем недалеко от северных берегов Австралии, на о-ве Тимор²⁸. Это свидетельствует об очень раннем заселении этого острова людьми и, возможно, указывает на один из путей проникновения в Австралию леваллуазских традиций, обнаруженных в Южной Австралии в пещере Куналда и в террасах кейлорской речной системы.

Большое значение для понимания древнейшего прошлого Юго-Восточной Азии и Австралии имеют раскопки в Большой Ниахской пещере на севере Калимантана. Как мы уже знаем, здесь был найден череп протоавстралоида, датированный с помощью радиоуглеродного метода. Приблизительно тем же временем (от 40 тыс. до 30 тыс. лет до н. э.) датируются найденные в той же пещере отщепы соанского типа, чопперы из галек и большие клектонские отщепы. Эти находки очень напоминают орудия соанской индустрии Северо-Западной Индии. В то же

²⁶ S. and R. Bulmer, *The Prehistory of the Australian New Guinea Highlands*; J. B. Watson, *New Guinea, The Central Highlands*, — «American Anthropologist», vol. 66, 1964, № 4, pp. 39—76; S. Bulmer, *Radiocarbon Dates from New Guinea*, — «The Journal of the Polynesian Society», vol. 73, 1964, № 3, pp. 327—328.

²⁷ H. L. Movius, *The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia*, — «Transactions of the American Philosophical Society», vol. 38, pt 4, Philadelphia, 1948, pp. 355—364.

²⁸ A. A. Mendes Correa, A. Almeida, R. Cinatti, *Preliminary Notice of a Paleolith Station in the Eastern Malaysian Archipelago*, — «Abstracts of Papers Presented to the VIII Pacific Science Congress and the IV Far-Eastern Prehistory Congress», Quezon City, 1953, pp. 487—488.

время они типологически близки к некоторым древнейшим индустриям Австралии, заселение которой началось около 30 тыс. лет т. н.

Отщепы соанского типа залегают в тех горизонтах, к которым относится находка ниахского черепа. Чопперы и большие клектонские отщепы находятся выше и примерно совпадают по времени с предполагаемым началом заселения Австралии. Радиоуглеродные даты для нижней границы палеолитической индустрии Большой Ниахской пещеры — $39\,600 \pm 1000$ лет т. н., $37\,500 \pm 1600$ лет т. н. и $32\,630 \pm 700$ лет т. н., для верхней границы — $19\,570 \pm 190$ лет т. н.²⁹

Палеолитические традиции Юго-Восточной Азии продолжает и развивает хоабиньская культура, широко распространенная в мезолите на территории Вьетнама и других стран материковой Юго-Восточной Азии и Индонезии, а также на юге Китая, в Японии, на Филиппинах, на советском Дальнем Востоке. Связи хоабиньских мезолитических индустрий с древнейшими культурами Австралии уже не раз бывали объектом изучения в работах различных исследователей — К. Фюрер-Хаймендорфа, Н. Тиндейла, Ф. Маккарти и других. Хотелось бы поэтому остановиться на другой группе культур, которая в качестве одного из возможных источников австралийских археологических культур раннего периода еще не изучалась.

Речь идет об Индии и Пакистане и их палеолитических культурах, начиная с местонахождений, сосредоточенных в долине р. Соан, на севере Пенджаба. По своему характеру индустрия этих местонахождений близка к аньятским культурам Бирмы, палеолитическим культурам Таиланда, тампанской культуре Малакки, патжитанской культуре Явы и к наиболее ранним культурным фазам Большой Ниахской пещеры. Поздние отголоски этих древних культур мы находим и в самых ранних археологических культурах Австралии. В конце среднего — начале верхнего палеолита через эти страны прошли, постепенно расширяя ареал своего обитания, предки австралийцев, сохранившие некоторые древние культурные традиции своих предшественников.

Для соанских культур Пакистана и Северо-Западной Индии характерны ручные рубила аббевильско-ашельского типа, чопперы и грубые бифасы из галек, клектонские отщепы. Индустрия соанского типа широко, хотя и неравномерно, распространена и на полуострове Индостан³⁰.

40-е — 50-е годы ознаменовались открытием во многих районах Индии палеолитической индустрии совершенно иного типа, состоящей главным образом из боковых и выемчатых скребков, иногда комбинируемых с острием, и других орудий на отщепах и пластинах. Культура эта получила название невазийской. Стратиграфически она моложе нижнепалеолитических индустрий Индии, но старше мезолитических культур, содержащих микролиты³¹.

Невазийская индустрия во многих отношениях напоминает индустрию пещеры Кенниф в Квинсленде (культура Маунт-Моффат), а в известной мере и тасманийскую. Принимая во внимание генетические связи австралийцев с народами Южной Азии, мы можем с полным правом усматривать и в невазийской индустрии один из возможных источников древнейших австралийских археологических культур.

²⁹ T. Harrison, *New Archaeological Research in the Great Cave at Niah and elsewhere in Borneo, with Special Reference to the Early Stone-Age*, — «Proceedings of the 11-th Pacific Science Congress», Tokyo, 1966, vol. 9, Prehistory and Archaeology, p. 20; W. G. Solheim, *Archaeology in Borneo*, — «Archaeology», vol. 14, 1961, № 1, pp. 23—30.

³⁰ H. D. Sankalia, *Indian Archaeology Today*, London, 1962; *Prehistory and Protohistory in India and Pakistan*, Bombay, 1962.

³¹ H. D. Sankalia, *Indian Archaeology Today*, pp. 39—44.

Новейшие археологические исследования на Цейлоне привели к открытию здесь так называемой ратнапурской индустрии, по-видимому плейстоценового возраста. По своему характеру она очень близка к раннесоанской культуре Индии. Наряду с чопперами и грубыми бифасами здесь найдены в небольшом количестве и ручные рубила аббевильско-ашельского типа, а также орудия, изготовленные леваллуазской техникой³². Вспомним в связи с этим, что коренным населением Цейлона являются ведды, антропологически родственные австралийцам.

Итак, истоки древнейших археологических культур Австралии лежат в палеолитических и мезолитических культурах Южной и Юго-Восточной Азии. Нижнепалеолитические традиции сохранялись австралийцами и в верхнепалеолитическую эпоху, когда они приступили к освоению Австралии.

Об этом свидетельствуют южноавстралийская культура Гамбир с характерными для нее ручными рубилами шелльского типа, местонахождения в арундельской террасе кейлорской речной системы и в пещере Куналда с проторубилами патжитанского облика, стоянки той же кейлорской системы с ашельскими рубилами мадрасского типа. Об этом говорят местонахождения, характеризующиеся клектонскими отщепами, грубыми бифасами и чопперами соанского и патжитанского типов, культур Карта и Каперти, каменная индустрия Тасмании, местонахождения кейлорской речной системы и пещеры Куналда. Индустрия этих местонахождений восходит к палеолитическим индустриям Юго-Восточной и Южной Азии, от Явы до Соана.

Но в то время как заселение Австралии относится еще к верхнему палеолиту, непосредственные культурные контакты ее с Юго-Восточной Азией продолжались вплоть до начала голоцена. А это было время расцвета хоабиньской и родственных ей мезолитических культур. Местонахождения, свидетельствующие о воздействии хоабиньских культурных традиций, расположены преимущественно в Восточной и Южной Австралии. Таковы наряду с некоторыми другими культурами местонахождения культуры Карта, найденные на о-ве Кенгуру, в Южной Австралии, на северном побережье Нового Южного Уэльса, на склонах Большого Водораздельного хребта, в Восточном Квинсленде, в Тасмании и в других местах.

Носители культуры Карта пришли в Южную Австралию и на о-в Кенгуру, составлявший одно целое с материком, еще в плейстоцене. Как показывает размещение местонахождений, сохранивших следы этой культуры, одна часть ее носителей двигалась на юг западнее Большого Водораздельного хребта, по системе рек, стекающих с него в юго-западном направлении, другая — вдоль восточного побережья Австралии. Некоторые группы носителей этой культуры осели в Тасмании. Постепенно культура Карта широко распространилась на востоке и юго-востоке материка³³.

Широкое распространение культуры Карта заставляет думать, что представители этой культуры не имели какого-либо этнического единства, что это были различные, самостоятельные этнические группы, объединенные лишь сходными формами культуры. По-видимому, в данном случае, как и в случае с хоабиньской и типологически близкими культурами Юго-Восточной Азии, мы имеем дело с группой родственных

³² P. E. P. Deraniyagala, *Prehistoric Archaeology in Ceylon*, — «Asian Perspectives», vol. 7, 1964, № 1—2, pp. 189—192.

³³ H. M. Cooper, *The Archaeology of Kangaroo Island, South Australia*, — «Records of the South Australian Museum», vol. 13, 1960, № 4, pp. 481—503; D. J. Mulvaney, *The Stone Age of Australia*, pp. 66—71.

культур, или «культурной провинцией» — историко-этнографической областью далекого прошлого (под историко-этнографической областью советские этнографы понимают территорию расселения народов, связанных общностью происхождения или последующего хозяйственного и культурного развития).

Культура Каперти, заметно отличающаяся от культуры Карта характером каменного инвентаря, распространилась главным образом на востоке Нового Южного Уэльса, но и ее носители расселялись, видимо, западнее и восточнее Большого Водораздельного хребта³⁴.

Преобладающая в культуре Каперти индустрия на отщепях и пластинах господствует и в Тасмании. Обе культуры сближает наличие клектонских отщепов и чопперов. Отсюда можно заключить, что именно культура Каперти наряду с культурой Маунт-Моффат была основным источником каменной индустрии тасманийцев, а культура Карта была другим, сравнительно второстепенным источником.

При всем своем своеобразии индустрия культуры Каперти содержит и некоторое количество орудий, характерных для культуры Карта, залегающих главным образом в средних горизонтах культуры Каперти. Культура Карта, по-видимому, тяготеет преимущественно к внутренним областям материка, а Каперти — к восточным, прибрежным. Возможно, культура Каперти связана с населением кейлорского антропологического типа, а Карта — с населением тальгайско-кохунского, морфологически более примитивного, а хронологически, быть может, несколько более позднего типа, чем и объясняется запоздалое появление орудий, характерных для культуры Карта, в горизонтах культуры Каперти.

Наиболее ранняя абсолютная дата для культуры Каперти — $11\,600 \pm 400$ лет т. н., а одна из наиболее поздних — 3623 ± 69 лет т. н.³⁵. Основные местонахождения культуры Карта радиоуглеродным методом не датированы, но наличие орудий, характерных для этой культуры, в горизонтах культуры Каперти подтверждает ее сравнительную древность.

Индустрия культуры Каперти в целом характеризуется наличием, с одной стороны, очень архаических палеолитических особенностей, а с другой — некоторых мезолитических черт. В культуре Карта, очевидно, сравнительно более поздней, мезолитические особенности занимают значительно более заметное место, хотя при этом очень многое идет еще от палеолита. На культуру Карта явно оказали сильное воздействие мезолитические хоабиньские традиции Юго-Восточной Азии. В меньшей степени они отразились на культуре Каперти. Может быть, это связано с несколько задержавшимся расселением носителей культуры Карта и относительно большей древностью культуры Каперти.

Местонахождения культуры Маунт-Моффат расположены в Южном Квинсленде, в горах Большого Водораздельного хребта, севернее местонахождений культуры Каперти, на пути расселения австралийцев с севера на юг — вдоль восточного побережья Австралии и по системе рек Дарлингга, Муррея и их притоков. Типологически культура Маунт-Моффат, характеризуемая главным образом орудиями на отщепях, близка к культуре Каперти. Носителями обеих культур были, вероятно, группы палеоавстралийцев, связанных культурной и этнической близостью,

³⁴ F. D. McCarthy, *The Archaeology of the Capertee Valley, New South Wales*, — «Records of the Australian Museum», vol. 26, 1964, № 6, pp. 197—246; *The Aboriginal Past: Archaeological and Material Equipment*, — R. M. and C. H. Berndt, *Aboriginal Man in Australia*, Sydney, 1965, pp. 76—77.

³⁵ «Recent Australian Radiocarbon Dates», — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», vol. 2, Canberra, 1966, № 3, p. 24; N. B. Tindale, *Radiocarbon Dates of Interest to Australian Archaeologists*, — «The Australian Journal of Science», vol. 27, 1964, № 1, p. 24.

постепенно расселявшиеся на юг вдоль Большого Водораздельного хребта.

Пильчатая ретушь, в культуре Каперти уже сравнительно развитая, в культуре Маунт-Моффат имеет еще довольно примитивный, невыразительный характер. Радиоуглеродные исследования подтверждают более глубокую древность культуры Маунт-Моффат сравнительно с культурой Каперти; наиболее ранняя дата для культуры Маунт-Моффат — $16\,130 \pm 140$ лет т. н., а одна из наиболее поздних — 9300 ± 200 лет т. н. Однако развитие культуры Маунт-Моффат продолжалось после этого еще несколько тысячелетий³⁶.

В культурах Маунт-Моффат и Каперти мы видим два последовательных этапа расселения и развития одной и той же этнической волны.

В то же время наличие орудия типа арапия сближает культуру Маунт-Моффат с культурой Карта. Но в целом культура Карта, наслоившаяся, видимо, на относительно более древние культуры Маунт-Моффат и Каперти, не оставила в обеих значительного следа. Зато общий характер культуры Маунт-Моффат сближает ее с каменной индустрией коренного населения Тасмании. Это еще одно подтверждение того, что этническая волна, представленная местонахождениями культур Маунт-Моффат и Каперти, была главным источником каменной индустрии Тасмании. А общим отдаленным источником обеих культур была, возможно, невазийская культура Индии. Она отдалена от раннеавстралийских археологических культур географически, а возможно, и хронологически. Но, подобно другим культурам Южной и Юго-Восточной Азии, ее традиции были сохранены населением, предки которого обитали на этих территориях в более глубокой древности и которое еще длительное время поддерживало культурные связи с этими территориями.

Говоря о культуре Маунт-Моффат, необходимо, как и в предыдущем случае, подчеркнуть своеобразие этой индустрии, пронизанной очень архаическими чертами. Видимо, и здесь сказалось удаленное, периферийное положение Австралии, способствующее сохранению древнейших явлений культуры.

Верно, что орудия культуры Маунт-Моффат, как и культуры Каперти, скалывались в основном с дисковидных нуклеусов (что было характерно для среднего палеолита), а не с призматических, как это делалось в верхнем палеолите. Но одного этого критерия для общей оценки индустрии, как мне кажется, недостаточно: необходимо принять во внимание ее состав, типологию, характер ретуши и другие особенности. В этом отношении названные культуры тяготеют к верхнему палеолиту, хотя верхнепалеолитическими их все-таки назвать нельзя. В своеобразном характере этих культур отразились особенности австралийского палеолита в целом, его особое положение среди палеолитических культур других частей света.

Открытая на севере Нового Южного Уэльса культура Кларенс типологически ближе всего к культуре Карта и, может быть, является ее особым локальным вариантом. По-видимому, она связана с группами носителей этой культуры, расселявшихся вдоль восточного побережья Австралии и оставивших след в более южной культуре Каперти.

Характер каменной индустрии культуры Кларенс в целом раннепалеолитический, аналогичный характеру ранней фазы хоабиньской индустрии Индокитая и Малакки. В некоторых отношениях она выглядит

---

³⁶ D. J. Mulvaney and E. B. Joyce, *Archaeological and Geomorphological Investigations on Mt. Moffatt Station, Queensland, Australia*, — «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 31, 1965, № 8, pp. 147—212.

даже архаичнее культуры Каперти, что объясняется, как и в предыдущих случаях, наличием архаических особенностей, наложивших свой отпечаток и на эту культуру. Одна из наиболее ранних дат для культуры Кларенс — 6445 ± 75 лет т. н., а наиболее поздняя — 3230 ± 100 лет т. н. Таким образом, общий характер каменной индустрии и данные абсолютной хронологии показывают, что носителями культуры Кларенс были группы палеоавстралийцев, широко распространившие мезолитические хоабиньские культурные традиции на пространствах Восточной Австралии. Местонахождения долины Кларенс обнаруживают в то же время особенную устойчивость индустриальных форм и традиций³⁷.

Особое место занимает культура Гамбир, самая южная и одна из самых архаичных культур раннего периода. Она характеризуется главным образом бифасами — грубыми рубящими орудиями и ручными рубилами шелльского типа, а также отщепами и пластинами, напоминающими нижнепалеолитическую патжитанскую индустрию Явы. Многие орудия на отщепах в то же время обладают сходством с аналогичными тасманийскими орудиями. Культура Гамбир тоже могла быть одним из источников каменной индустрии Тасмании. Однако бифасы для последней совершенно несвойственны³⁸.

Орудия культуры Гамбир найдены на поверхности земли, и геологический возраст их не установлен. Однако археологические исследования в других районах Южной Австралии привели в последние годы к открытию и там аналогичной индустрии, что подтвердило в известной мере и древность культуры Гамбир. Отныне она уже не выглядит такой уникальной, как прежде. Связанная, по-видимому, с одной из самых ранних групп палеоавстралийцев (поэтому она и не оставила следа в других только что рассмотренных нами культурах раннего периода), она оставила некоторый след в террасах кейлорской речной системы, где найдены позднешелльские рубила мадрасского типа. Напомню, что в тех же террасах обнаружен череп протоавстралоида, абсолютный возраст которого — около 18 тыс. лет т. н.

На тех же местонахождениях, так же как и на культурных горизонтах пещеры Куналда, отразились и патжитанские традиции Явы — здесь найдены чопперы, грубые бифасы и проторубила патжитанского типа.

Здесь представлены и орудия, изготовленные леваллуазской техникой, которая могла проникнуть на юг Австралии из Индонезии, с о-ва Тимор, где была найдена индустрия мустьеро-леваллуазского типа. Не этим ли путем распространилась из Индии через Индокитай и Яву и индустрия ручных рубил?

Наличие на крайнем юге Австралии (в пещере Куналда, в районе Кейлора, в местонахождениях культуры Гамбир, на некоторых стоянках культуры Карта) древнейших индустриальных традиций пятого континента сочетается с концентрацией и наиболее древних особенностей австралийского антропологического типа. И это совершенно закономерно. Южная Австралия, заселенная очень рано, была в послеплейстоценовую эпоху более, чем какая-либо другая часть материка, удалена от соприкосновения с остальным миром. Поэтому она помогает нам реконструировать и древнейший антропологический тип австралийцев и некоторые особенности их древнейшей культуры.

³⁷ I. McBryde, *Archaeological Field Survey Work in Northern New South Wales*, — «Oceania», vol. 33, 1962, № 1, pp. 12—17; «Recent Australian Radiocarbon Dates», pp. 20, 23.

³⁸ D. J. Mulvaney, *The Stone Age of Australia*, pp. 71—72; P. Stapleton, *Bifaced Stone Implements from South-Eastern South Australia*, — «Records of the South Australian Museum», vol. 8, 1945, pp. 281—287.

Древность местонахождений в пещере Куналда подтверждается данными абсолютной хронологии. Две радиоуглеродные даты, полученные для этой пещеры, являются одними из самых древних дат, связанных с археологическими памятниками Австралии. Эти даты — $18\,200 \pm 550$ лет т. н. и $13\,700 \pm 270$ лет т. н.³⁹

Еще древнее даты, полученные для местонахождения на озере Менинди, в Новом Южном Уэльсе, — $18\,800 \pm 800$ лет т. н. и $26\,300 \pm 1500$ лет т. н. Последняя из этих дат показывает, что заселение Австралии началось около 30 тыс. лет т. н.⁴⁰

Предположение о столь раннем заселении Австралии человеком подтверждается и другими датами. Так, возраст одного из археологических местонахождений в районе Кейлора, на крайнем юго-востоке Австралии, составляет $31\,600 \pm \frac{11\,000}{1300}$ лет т. н. Другая дата для того же археологического комплекса — $24\,000 \pm \frac{3300}{5700}$ лет т. н. Для археологи-

ческих местонахождений в Оэнпелли, на п-ове Арнхемленд, в числе прочих получены даты $24\,800 \pm 1600$ лет т. н. и $22\,900 \pm 1000$ лет т. н. Поразительно то, что последние две даты связаны с находками отшлифованных по рабочему краю топоров, наличие которых в горизонтах культур раннего периода является совершенно неожиданным⁴¹.

Характеризуя каменную индустрию пещеры Кенниф, Малвени обозначает две ее основные культурные фазы как фазу каменных орудий, не укрепляемых на рукояти, более раннюю и примитивную, и фазу орудий, укрепляемых на рукояти, более развитую. Малвени склонен, как мне кажется, распространять этот принцип и на другие археологические культуры. Однако каменные орудия на рукояти могли существовать в других культурах раннего периода так же, как они были в верхнем, а возможно, и в среднем палеолите других частей света. В пользу такого предположения говорит находка в пещере Куналда острей и бифасов лавролистной формы, относящихся еще к раннему периоду: возраст этой индустрии — свыше 13 тыс. лет. Подобные орудия, вероятно, укреплялись на рукояти или древке и служили наконечниками копий или режущими инструментами.

Как свидетельствуют многочисленные факты, культура аборигенов Австралии характеризуется сохранением в их быту вплоть до начала колонизации, а местами и позднее, некоторых очень архаических черт. Устойчивость культурных традиций — одна из характернейших черт австралийской культуры, объясняемая изоляцией, очень низкой плотностью населения, неблагоприятными природными условиями, последовавшими за периодом термического максимума и образованием пустынь в Центральной Австралии. Но, говоря об этом, не надо забывать что, несмотря на все неблагоприятные условия, культура австралийцев, истории которой насчитывает тысячелетия, продолжала развиваться на протяжении всего этого времени.

³⁹ A. Gallus, *Vorläufiger Bericht über paläolithische Funde in gesicherter Fundlage aus Australien*, — «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd 83, 1954, № 2, S. 131—134; *Two Australian Stratigraphic Sequences*, — «Current Anthropology», vol. 5, 1964, № 2, p. 127; «Recent Australian Radiocarbon Dates», pp. 23—24.

⁴⁰ G. H. Dury, *Australian Geochronology*, — «The Australian Journal of Science», vol. 27, 1964, № 4, pp. 103—109; C. L. Hubbs, G. S. Bien and H. E. Suess, *La Jolla Natural Radiocarbon Measurements II*, — «Radiocarbon», vol. 4, 1962, pp. 210—211; K. Kigoshi, D. Lin and K. Endo, *Gakushuin Natural Radiocarbon Measurements III*, — «Radiocarbon», vol. 6, 1964, p. 206.

⁴¹ «Recent Australian Radiocarbon Dates», — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», vol. 2, Canberra, 1967, № 6, pp. 25—26, 30—31.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<i>В. В. Антропова, Ч. М. Таксами.</i> Коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР по народам Тихоокеанского побережья СССР	5
<i>Р. С. Разумовская.</i> Предметы материальной культуры индейцев-тлинкитов побережья Аляски в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР	20
<i>Ч. М. Таксами.</i> Тунгусские народы на Сахалине	29
<i>Б. А. Вальская.</i> Путешествие Ф. В. Бережного по северо-востоку Сибири в 1821—1822 гг. и его путевой журнал	43
<i>Т. К. Шафрановская.</i> Народы Камчатки и прилегающих островов (Известие 1770 года)	61
<i>Б. П. Полевой.</i> К истории открытия Татарского пролива	68
<i>А. Г. Шпринцин.</i> О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке	86
<i>И. С. Вдовин.</i> К вопросу о происхождении названия «алеут»	101
<i>М. В. Воробьев.</i> Чжурчжэньский клад монет из Приморья	106
<i>Е. И. Лубо-Лесниченко.</i> Историко-археологическое изучение г. Хара-хото	115
<i>З. Я. Ханин.</i> Из истории происхождения дискриминации в Японии	125
<i>О. С. Николаева.</i> Из истории института пятиядворок в Японии	133
<i>В. Н. Горегляд.</i> Новый документ о посольстве Н. Н. Муравьева-Амурского в Японию (1859 г.)	144
<i>В. С. Стариков.</i> Из истории изучения киданьской художественной литературы	148
<i>В. А. Вельгус.</i> Относительно кораблей «бо» в китайской литературе ранее XI в.	152
<i>Ю. В. Ионова.</i> К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев	154
<i>Ю. В. Ионова.</i> О некоторых алеутско-эскимосских параллелях в современной японской скульптуре	158
<i>В. Т. Дашкевич.</i> Художественные лаки Японии XVIII в.	160
<i>И. П. Труфанов.</i> Население Гонконга (Сянган)	173
<i>Ю. В. Маретин.</i> Батаки — народность Северной Суматры.	186
<i>С. А. Маретина.</i> Балийцы	223
<i>В. Р. Кабо.</i> Происхождение австралийцев в свете новых открытий	246

<i>V. V. Antropova, Ch. M. Taksami.</i> The Collections of Exhibits Characterising the Peoples of the USSR Pacific Coast in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences	5
<i>R. S. Razumovskaya.</i> Articles and Utensils Typical of the Material Culture of the Tlinkite Indians of Alaska, Contained in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences	20
<i>Ch. M. Taksami.</i> Tanghut Peoples on Sakhalin	29
<i>B. A. Valskaya.</i> F. V. Bereznoy's Travels About the North-West of Siberia in 1821—1822 and His Travel Diary	43
<i>T. K. Shafranovskaya.</i> The Peoples of Kamchatka and the Adjoining Islands (Information Dated 1770)	61
<i>B. P. Polevoy.</i> On the History of Discovery of the Tartar Strait	68
<i>A. G. Shprintsin.</i> On the Russian-Chinese Dialect in the Far East	86
<i>I. S. Vdovin.</i> On the Origin of the Name «Aleut»	101
<i>M. V. Vorobyev.</i> Churcheng Treasury of Coins from the Far-Eastern Primorye Area	106
<i>E. I. Lubo-Lesnichenko.</i> Historical and Archaeological Studies of the City of Hara-Hoto	115
<i>Z. Ya. Khanin.</i> From the History of the Origin of Discrimination in Japan	125
<i>O. S. Nikolayeva.</i> From the History of the «Pyatidvorki» Institution in Japan	133
<i>V. N. Goreglyad.</i> A New Document on the Embassy of N. N. Muravyev-Amoursky in Japan (1859)	144
<i>V. S. Stariikov.</i> From the History of Studies in Kidan Literature	148
<i>V. A. Velgus.</i> On the «Bo» Ships in Chinese Literature Prior to the 11th Century	152
<i>Yu. V. Ionova.</i> On the Cult of the Bear, Caves and Mountains among the Koreans	154
<i>Yu. V. Ionova.</i> On Some Aleutian-Eskimo Parallels in Modern Japanese Sculpture	158
<i>V. T. Dashkevitch.</i> Artistic Laqueurs of the 18th-Century Japan	160
<i>I. P. Trufanov.</i> The Population of Hong-Kong (Syang-Gan)	173
<i>Yu. V. Maretin.</i> Bataks — a People of Northern Sumatra	186
<i>S. A. Maretina.</i> Balias	223
<i>V. R. Kabo.</i> The Origin of Australians in the Light of New Discoveries	246

